

ТИМ
СЕВЕРИН

ПУТЕШЕСТВИЕ
НА
·БРЕНДАНЕ·

Annotation

Следуя за мифом, знаменитый путешественник Тим Северин повторил на точных копиях старинных кораблей маршруты мифических и полумифических первопроходцев — святого Брендана, Ясона, Одиссея, Синдбада и других, поименованных и безымянных. Сам Северин называет свой метод подтверждением мифов детективом (расследование легенд и сказаний) или экспериментальной филологией .

-
- [1. Шторм](#)
- [2. Замысел](#)
- [3. Строительство](#)
- [4. Отплытие](#)
- [5. Гаэлтахт](#)
- [6. Гебриды](#)
- [7. Овечьи острова](#)
- [8. От Фареров до Исландии](#)
- [9. Остров Кузнецов](#)
- [10. Аварийная обстановка](#)
- [11. Гренландское море](#)
- [12. Прокол во льдах](#)
- [13. Земля на западе](#)
- [Приложения](#)
 - [Приложение 1. "Плавание"](#)
 -
 - [Текст](#)
 - [Приложение 2. "Плавание" и "Брендан"](#)
 -
 - ["Брендан". Конструкция](#)
 - [Исследование материалов](#)
 - [Строительство](#)
 - [Испытания](#)
 - <http://kino.tr200.net> - [Фильмы, мультфильмы, видеоролики скачать](#)
- [Иллюстрации](#)

Путешествие на "Брендане"

1. Шторм

Говорят, седьмая волна самая опасная, самая разрушительная, когда беснуется океан. Современные океанографы знают, что это чистое суеверие на то есть сложные теории о чередовании волн и законы волновой механики. Тем не менее, понятие о седьмой волне живет, и, цепляясь за руль открытой лодочки на изрытой штормом поверхности Атлантики, ты волей неволей считаешь волны. Ум ищет какой-то намек на упорядоченность в буйном хаосе, открывающемся взгляду всякий раз, когда лодка взмывает вверх на гребне могучего вала. До самого горизонта простирается устрашающая мрачная панорама, высятся гряда за грядой бурлящие валы, каждый из которых способен захлестнуть, сокрушить, опрокинуть суденышко. И всякий раз в короткое мгновение, перед тем как лодке скатиться в ложбину, глаз силится рассмотреть седьмые волны, подлинные или воображаемые чудовища, что грозно, вскидывают голову над соседями, ломая строй, даже меняя линию горизонта, прежде чем свалиться вниз и притаиться в засаде.

В тот истерзанный ветром вечер в конце мая 1976 года моему усталому сознанию представилось, что волновой спектр изменился. Как будто вместо седьмой волны теперь океан сосредоточил свою мощь в случайных комбинациях из трех волн. Вот первая из них надвигается на нас, с каждой секундой все круче и круче, наконец, равновесие нарушается, гребень опрокидывается и скользит вниз по переднему скату самопроизвольной лавиной пены и освободившейся энергии. Удар Лодка вздрагивает и рыскает. Рулевое весло резко поворачивается в моей руке, потом начинает болтаться, и нас вместе с лодкой бросает вперед, в объятия белого кипения. В эту опасную минуту ветер впускает в нас свои когти, норовя развернуть лодку боком, параллельно наступающим гребням. Случись так, нам крышка. Второй или третий могучий вал накроет

уязвимый корпус во всю длину. И это будет последняя волна в моей жизни и в жизни моих товарищей.

Некому было научить нас, как управлять такой лодкой в бурю. За последнюю тысячу лет море не видывало ничего подобного нашей конструкции. Сторонний наблюдатель мог бы усмотреть в ней сходство с бананом: длинный и стройный корпус, заостренный нос и корма слегка загнуты вверх. Но самая необычная черта становилась явной только при ближайшем рассмотрении — лодка была кожаная. Сорок девять бычьих кож сшиты вместе наподобие лоскутного одеяла и натянуты на деревянный каркас. Тонкая, чуть больше полусантиметра, оболочка, которая растягивалась и сжималась в лад движениям лодки, словно кожа на грудной клетке человека, — вот и все, что ограждало нас от ярости Атлантического океана. Глядя на волны, я вспоминал мрачное предстартовое предупреждение одного видного специалиста по кожам.

— Бычья шкура, — деловито объяснял он менторским тоном, — очень богата белками. Если хотите, ее можно сравнить с куском мяса. Она так же будет разлагаться, быстро или медленно, в зависимости от различных факторов, таких, как температура, качество дубления, нагрузки, которым она подвергается.

— А если кожа пропитается морской водой? — спросил я.

— Ну, тут я точно не берусь ответить, — сказал он. — Нам никогда не поручали таких испытаний. Обычно мокрая кожа разлагается быстрее, хотя соль в морской воде, возможно, будет производить консервирующее действие. Право, не знаю...

— Так, а что же в итоге?

— В итоге то же самое, как если вы положите мясо на тарелку и оставите на воздухе. Через какое то время оно превратится в безобразное, дурно пахнущее желе. То же будет с гниющей бычьей кожей.

Опасность того, что корпус лодки превратится в желе, сейчас заботила меня в меньшей степени. Ветер заметно крепчал, волны становились все выше и все яростнее колошматили нас. Если корпус окажется недостаточно

прочным, соединяющие его нитки просто-напросто прорежут раскисшие кожи, и они осыплются с каркаса, как лепестки с увядшего цветка. Впрочем, я сомневался, что до этого дойдет. Скорее всего, мы опрокинемся. У нас ведь нет киля, придающего устойчивость судну. Если обрушившийся гребень застигнет лодку врасплох, она полетит кувырком и вывалит команду в воду. И никаких надежд на спасение.

Так какого же дьявола я со своей командой болтаюсь в море на таком немыслимом судне, несмотря на крепнувший шторм? Ответ заключался в названии нашей диковинной лодки, нареченной "Брендан" в честь великого ирландского миссионера Брендана, жившего в V веке. Согласно преданию, святой Брендан доходил до Америки, причем это поразительное заявление не фантастический вымысел, оно подтверждается подлинными и основательно изученными латинскими текстами, которые датируются, по меньшей мере, 800 годом. В текстах рассказывается, что святой Брендан вместе с другими монахами плывал в заморскую страну на лодке из бычьих кож. Но если это верно, то Брендан достиг Америки почти за тысячу лет до Колумба и за четыреста лет до норманнов. Скептики называли это вздором. Предположить, что кто-то пересек Атлантику на лодке из кож, — фантастика, бред, абсурд, сам материал это исключает. Однако латинские тексты решительно утверждали, что лодка была кожаная, даже описывали, как именно святой Брендан и его команда строили свое суденышко. Простейшим способом проверить удивительную историю было построить такую же лодку и посмотреть, одолеет ли она Атлантику. И вот я со своими товарищами проверяю, мог ли Брендан со своими монахами совершить трансокеанское плавание на кожаной лодке.

Шторм разразился совсем не вовремя. Наше плавание только что началось, мы еще толком не знаем мореходных качеств лодки, и до родины святого Брендана — скалистых атлантических берегов Ирландии справа по борту — каких-нибудь тридцать миль. Слишком мало, чтобы чувствовать себя спокойно. Моряки относятся к этим берегам с величайшим почтением. Круглый год их таранят юго-

западные ветры. Сколько парусников нашли здесь свою гибель. Обрастут в океане водорослями так, что, подобно "Брендану", не могут уйти лакировкой в море, и прибывает их к берегу. На этих самых скалах разбилось не меньше двух десятков галеонов из великой испанской армады, а наш "Брендан" — жалкий недомерок перед испанским галеоном. Идти против ветра мы не могли, так что, сместись шторм к западу, и понесет нас, будто древесный листок, прямо на твердые скалы и рифы, отражающие упорный натиск могучих океанских валов, которые с шипением катили мимо лодки, завершая долгое путешествие через всю Атлантику. При таком ветре и таком волнении даже современной яхте было бы не просто держаться носом к ветру. А нам с нашей средневековой скорлупкой оставалось лишь повернуть кругом и под маленьким прямым парусом вприпрыжку мчаться по волнам, как на бобслее.

Я посмотрел на свою команду. Что они думают о нашей ситуации? Джордж то вполне сознавал, что нам грозит. Он один из лучших мастеров парусного спорта, каких я когда-либо знал. Сотни миль пройдены нами вместе на малых судах. Недаром на "Брендане" на него возложены обязанности штурмана — человека, призванного выжимать максимум из лодки, когда она идет под парусом. Ролф тоже отдавал себе отчет в сложности обстановки. Норвежец, он обычно проводит лето, странствуя вдоль родных берегов на грузной яхте, построенной в конце прошлого столетия. А вот Питер, наш кинооператор, меня беспокоил. Не так давно он прошел в одиночку на собственной яхте от Англии до Греции, зеленым новичком его не назовешь, но уж больно мрачно выглядел он сейчас. Отчасти, надо думать, потому, что его тревожило наше положение, но еще больше сказывалась боль в мышцах, которые он растянул два дня назад, когда мы шли на веслах. Питер посерел, и было видно, что непрерывная тряска ему совсем не по душе.

Артур, самый младший член команды, не сознавал опасности по той простой причине, что его доконала морская болезнь. Редко доводилось мне видеть такие страдания. "Брендан" вел себя на волне очень своеобразно,

похоже скорее на плот, чем на обычное судно. То взмоет вверх, переваливаясь с бока на бок, то скатится вниз тем же манером, выматывая душу из Артура. Зажмурив глаза, он лежал мешком у планширя, и соленые брызги то и дело поливали его лицо и дождевое платье. Лишь когда настаивал его черед заступать на вахту, Артур вновь проявлял интерес к окружающему. Взяв себя в руки, он с трудом садился, пристегивался спасательным концом и тащился к рулю. Мысленно я аплодировал его порыву, но было очевидно, что из пяти человек команды только трое будут в состоянии управляться с "Бренданом", если шторм еще прибавит.

Одна из трудностей заключалась в том, что мы были лишены возможности толком отдохнуть между вахтами. "Брендан" почти во всю длину был открыт ветру и брызгам. Сразу за куцей грот мачтой помещалось подобие палатки, где могли улечься валетом трое человек. Но здесь мы хранили также сменную одежду, съемочную аппаратуру, спальные мешки и все навигационные приборы. И к тому же, когда корму захлестывала волна, она нахально устремлялась вперед и забрасывала десант в наше убежище. На носу перед коротенькой фок мачтой — вторая палаточка, чуть побольше хорошей собачьей конуры, предназначенная для двух остальных членов команды. Здесь было еще хуже. Каждый раз, когда волны разбивались о нос "Брендана", они окатывали обитателей палатки каскадом холодной воды.

Передав руль сменщику, я полез в главное укрытие, втиснулся на свою койку и предался тревожным размышлениям. Всего неделя, как вышли в плавание, а уже попали в такой переплет, что еще неизвестно, выдержит ли лодка. Лежа в спальном мешке и упираясь ступнями и головой в переборки под банками, я чувствовал, как они ерзают от качки. Больше всего меня беспокоило, что переборки движутся в разные стороны. Жуткое ощущение. Лодка вела себя словно животное, что-нибудь вроде кита, и я лежал между ребрами наподобие Ионы, чувствуя, как суденышко изгибается, борясь с чудовищным напором морской стихии. Дерево и кожа скрипели и стонали со всех

сторон. Нагрузки достигали огромной силы. Бока лодки медленно сжимались и раздавались, как будто "Брендан" дышал. Я пытался мыслить трезво, говорил себе, что ладьи норманнов строились по тому же принципу. Известно, что они приноравливались к волне и это прибавляло им ход. Но суда норманнов были сплошь деревянные, и никто не ведал, может ли кожа вынести такое испытание. Сколько продержится наша конструкция? Поди угадай. И мало утешения от мысли, что мы для того и вышли на "Брендане", чтобы на практике познать истину.

<http://soft.tr200.biz> - Скачать бесплатно программы, игры, фильмы

Только я закрыл глаза, как чувство равновесия сообщило мне, что амплитуда качки возросла. Было ясно, что лодку настигла группа из трех волн. Вздрыбилась первая волна, "Брендан" пополз по скату вверх, вверх, и казалось, время замедлило ход и никогда не перевалить нам через гребень. Но вот мучительная пауза: лодка покачивается на грани, половина корпуса повисла в воздухе, того и гляди "Брендан" разломится посередине... В этом положении начинается стремительный серфинг — катание на волне, мы всецело во власти бурлящего гребня, и рулевой силится не дать летящему по ветру "Брендану" развернуться боком, и лихорадочно крутящийся лаг загоняет стрелку на максимум — двенадцать узлов. Проходит целая вечность, прежде чем гребень, уйдя вперед, отпускает "Брендан" и небрежно сбрасывает его в ложбину, но тут же все повторяется, вторая и третья огромные волны одна за другой подхватывают лодку и швыряют ее как игрушку.

Во время вахты Джорджа коварная волна застигла его врасплох и развернула "Брендан" кругом.

— Помогите — заорал Джордж. — Помогите же Мы идем задом наперед

Мы с Питером налегке выскочили из рубки и тотчас промокли насквозь. Спеша укротить парус, прижатый ветром к мачте, метнулись вперед и силком развернули его. С влажным хлопком парус наполнился ветром и заработал, выволакивая лодку из беды. Медленно, очень медленно

"Брендан" поворачивался кормой к ветру. Затаив дыхание мы смотрели, как уязвимый кожаный борт принимает на себя один вал, второй... Оба прокатились под нами, не причинив вреда, и "Брендан", кренясь, снова пошел вперед.

Наступила ночь. Отвратительная черная ночь с хлещущим дождем, который ограничивал видимость несколькими метрами. Только и видно, что белые гривы на гребнях да вспышки далеких молний. Возвращаясь в палатку, я от усталости не придавал особого значения словам заступившего на рулевую вахту Питера, что слева по борту вдали как будто мелькнули крохотные точки судовых огней, — только буркнул ему, чтобы следил за ними и вызвал меня, если они приблизятся. После чего забрался в спальный мешок и закрыл глаза, совершенно обессиленный.

— Господи, а этот откуда явился? — разбудил меня испуганный вопль Питера.

Что-то неладно. Выкатившись из палатки, я увидел, что Питер изо всех сил налегает на рулевое весло, а Ролф тарашится в ночь сквозь струйки дождя на очках. Оттуда, куда он смотрел, в каких-нибудь ста метрах от "Брендана", прямо на нас, сверкая огнями, шел рыбообрабатывающий траулер. Нос траулера дубасил волны, разбрасывая брызги весь корпус лихо раскачивался. В такую темень нечего было и думать, что нас заметят. После мне довелось убедиться, что радары почти не реагируют на кожаный корпус "Брендана". Сейчас к тому же высокие волны заслоняли металлический отражатель, так что "Брендан" был невидимкой для других судов.

— Сигнальную ракету — крикнул я Питеру. — Зажги белую ракету

— А если посветить фонариком на парус? — спросил Ролф.

— Ничего не даст — перекричал я воющий ветер. — Наш парус слишком мал, какой из него отражатель. К тому же он полотняный, плохо отражает свет

И вообще было уже поздно. Кто-то выхватил ракету из набора спасательных принадлежностей, но застывшие пальцы не гнулись, не успевали вовремя сорвать обертку и

зажечь сигнал. Питер нажимал на руль, силясь отвести "Брендан" в сторону, но ветер упрямо держал нас на курсе, ведущем к столкновению. В несколько секунд обтекаемый черный корпус траулера очутился рядом с нами, мы различали даже сварочные швы на скользящей мимо в каких то метрах стальной стене. Озаряемые светом из иллюминаторов ров, мы с ужасом смотрели на высоченную громадину. Когда мы поравнялись с кормой траулера, она вильнула, и казалось, еще мгновение — и нашу крошку "Брендан" затянет на широкий слив, по которому выбирают сети.

— Держись. Сейчас попадем в кильватерную струю

Вода кругом кипела, вспененная винтами корабля, а траулер уже пропал в ночной свистопляске, и никто на нем не подозревал, что они чуть не подмяли нас. Какой парадокс, подумал я, главная угроза для нас — человек, а не стихия. Таких опасностей святой Брендан не ведал... Разве мог кто-нибудь на траулере нас рассмотреть? А если бы вахтенный и рассмотрел — что доложить капитану? Что ветер гонит в океане суденышко из другого тысячелетия, с прямым парусом, на котором алеет кельтский крест, и с командой из пяти насквозь мокрых отчаянных моряков? Разбуди вахтенный среди ночи в Атлантике своего шкипера таким докладом, его списали бы с корабля за злоупотребление спиртным или как психически больного.

Под утро ветер еще прибавил, приближаясь к жестокому шторму. Он срывал гребни с валов, и летящие чуть ли не горизонтально вместе с дождем соленые струи принуждали нас регулярно откачивать воду. Заступил на вахту — отработай пятьсот раз трюмным насосом, чтобы лодка не отяжелела. Шкоты совсем истрепались. Они были сделаны из льняного волокна, как в дни святого Брендана, и в чем-то мы просчитались. Стоило двум снастям, скрестившись, потереться друг о друга, как через несколько секунд они рвались. Снова и снова кому-то из нас, обычно Ролфу, приходилось, цепляясь за качающийся нос "Брендана", чинить шкоты, чтоб парус и лодка не вышли из повиновения. Ветер распотрошил мою сумку для карт, и в ту же минуту

гребень шальной волны превратил карту в бумажное месиво. Одно утешение: шторм давно уже вынес нас за пределы этого листа, так что нам от него все равно было мало проку.

"Брендан" бешено мчался все дальше в океанские просторы. Чтобы притормозить, мы отдали с кормы петлю тяжелого троса, рассчитывая заодно сглаживать ею самые буйные волновые гребни. А еще за кормой болталось в море металлическое ведро. Двадцать четыре часа назад мы приготовили в нем отменное блюдо из ирландских крабов теперь оно жалобно звенело под ударами волн.

Бедняга Артур походил на дохлую овцу, облаченную в яркие штормовые брюки. Ветер сорвал с него капюшон, и влажные волосы прилипли к черепу. Питер распластался внутри главной палатки среди хаотического нагромождения линз, лочий, мокрой одежды и прочих причиндалов. Во время чреватой бедствием встречи с траулером он еще хуже растянул больную руку и к тому же здорово переволновался. Только Джордж и Ролф были в норме. Джорджу доводилось бывать в переделках почище этой, а Ролф снял очки, не желая созерцать разгулявшиеся волны.

Как это часто бывает, новый день принес улучшение погоды. По мере того как стихала буря, настроение команды поднималось. Морская вода испортила спички, но, порывшись в аварийных запасах, мы нашли водонепроницаемый коробок и разожгли примус. После горячего кофе и безымянной смеси из макарон и овощей команда "Брендана" стала проявлять более осмысленный интерес к окружающему. Джордж весьма кстати открыл, что работа рулевого намного облегчается, если стать спиной к носу и лицом к набегающим с кормы волнам. Необычная картина, на мы уже начали свыкаться с мыслью, что на борту "Брендана" необычного будет хоть отбавляй. Единственной публикой, которая могла оценить наш маленький триумф, были морские птицы, появившиеся сразу, как-только ветер малость улегся. Преобладали чайки — обыкновенные и серебристые иногда мимо деловито проносился тупик, часто-часто взмахивая короткими

крылышками, и клоунское "лицо" с ярко раскрашенным клювом придавало ему удивительное сходство с детской заводной игрушкой. Высматривая пищу, величественно парили на широких — почти два метра в размахе — крыльях желтоголовые олуши, самые крупные морские птицы в этом районе земного шара. Приметят добычу — и пикируют на нее. А то плавно опускаются пониже и начинают отрабатывать фигуры высшего пилотажа на восходящих струях воздуха над вылепленными штормом могучими валами. Смотришь на их беззаботные пируэты, и бушующий океан кажется совсем не таким уж грозным, а чайки и вовсе преспокойно садились на воду и скользили с волны на волну.

И подумалось мне, что вот так и "Брендан" может одолеть океанскую стихию. Не в этом ли один из секретов, которые знал святой Брендан, выходя в плавание к землям на западе? Чтобы выяснить этот вопрос, нам еще предстояло пройти больше трех тысяч миль в водах, которые относят к самым коварным в мире, но я с удовлетворением говорил себе, что мы благополучно перенесли первый шторм и сделали еще несколько шагов к нашей цели.

2. Замысел

— Какой то он странный, этот текст о святом Брендане, — заметила однажды вечером моя жена Дороти.

Брошенные вскользь слова тотчас же привлекли мое внимание.

— Странный? Что ты хочешь этим сказать? — спросил я ее.

— Он плохо соотносится с большинством текстов той же поры. Как бы тебе объяснить — атмосфера совсем другая. Совсем особенная. Ну вот, например: речь идет о плавании святого, и естественно ожидать длинный перечень сотворенных им чудес. Но святой Брендан никаких чудес не творит. Единственное, что отличает его от других, — необычайная мудрость, которая граничит с ясновидением. Когда его команда просто озадачена или испугана, он совершенно точно знает, что происходит, и что еще произойдет на каждом этапе плавания. И, разумеется, он искренне верит, что бог их не покинет в конечном счете.

— А что еще необычного видишь ты в этом тексте? — продолжал я допытываться.

— Ну, я бы назвала удивительное обилие практических деталей, их куда больше, чем в большинстве текстов раннего средневековья. Описывается география мест, которые посещает Брендан. Подробно говорится о ходе плавания, с указанием времени и пройденного пути, и так далее. На мой взгляд, перед нами не столько легенда, сколько повесть, описывающая действительные события.

Критические суждения моей жены заслуживали того, чтобы к ним прислушаться. Специалист по литературе испанского средневековья, она вообще хорошо разбиралась в средневековых текстах. Кстати, и познакомились то мы с ней в библиотеке Гарвардского университета, где она подбирала материал для диссертации, а я изучал историю географических открытий. И оба мы еще старшекурсниками, каждый своим путем, вышли на повесть о святом Брендане.

— Что говорить, святой Брендан задал задачу специалистам по истории географических исследований, — заметил я. — Они никак не могут решить, было ли на самом деле плавание святого или это вымысел. Некоторые исследователи пытались доказать, что он и впрямь добрался до Америки, другие называют такое предположение чистой натяжкой.

— Что до меня, — твердо произнесла моя жена, — то я не вижу причин отвергать такую возможность.

— Я тоже. Мы с тобой знаем, что на малых судах вполне можно покрывать огромные расстояния. Сами это делали. Может быть, пришло время кому-нибудь проверить, мог или не мог святой Брендан совершить такое плавание. Но чистота эксперимента требует, чтобы конструкция судна и материалы были теми же, что в его времена.

Так зародился замысел путешествия на "Брендане". Родился во время послеобеденной беседы за кухонным столом в Кортмакшерри на юго-западе Ирландии, где мы проводили отпуск. Вспоминая эту беседу, я поражаюсь тому, как скрестились наши взгляды на текст о святом Брендане. Моей жене он казался "странным" в литературном плане мне повесть о святом Брендане представлялась такой же необычной с точки зрения истории географических открытий. Добавлю еще одно важное совпадение: мы с женой вместе плавали на нашем маленьком шлюпе "Престер Джон", ходили даже в Турцию и брали с собой в плаванья трехлетнюю дочурку Иду. А потому мы знали, что теоретически святой Брендан вполне мог пройти на малом судне через Атлантику и обратно. Наши занятия литературой, историей и парусным спортом можно сравнить с тремя поляризованными линзами, которые теперь очутились на одной оси. И через них мы вдруг увидели возможное решение. Сидим в доме на западе Ирландии, недалеко от тех мест, где родился, жил, проповедовал и был предан земле святой Брендан. Среда, где все говорило о нем, сама настраивала на то, чтобы провести исследование, построить подобие лодки святого Брендана и проверить, не кроется ли истина в знаменитом предании.

<http://b111.org> - Развлекательный блог b111.org

Разумеется, до того как выступить с такой идеей, надо было проделать огромную работу. Прежде всего, я должен быть сам уверен в солидности научной основы моего проекта. Я твердо решил, что "Путешествие "Брендана" (мысленно я уже остановился на этом названии) ни в коем случае не должно свестись к простому эксперименту на выживание. Я полностью отдавал себе отчет в том, что придется потратить много месяцев на кропотливую подготовку, плавания и что сам переход через Атлантику будет достаточно рискованным. Чтобы оправдать такие усилия и такой риск, экспедиция должна быть плодотворной. Она должна преследовать высокую цель, серьезность которой ни на миг не ставилась бы под сомнение.

Где начинать изыскания? Конечно же, в библиотеке Британского музея. И я не один месяц проработал там, тщательно вылавливая все наличные сведения о святом Брендане, о древних плаваниях через Атлантический океан и о самом исходном тексте — "Навигация Санти Брендани, Аббатис" ("Плавание Святого Брендана, Аббата"), Много полезного почерпнул я из жизнеописания святого Брендана. Он был одним из самых важных ирландских святых и оказал глубокое влияние на кельтскую церковь. Точные время и место его рождения неизвестны, но, вероятнее всего, он родился около 489 года в районе озер Килларни, в графстве Керри на западе Ирландии. Крестил и воспитал его керрийский епископ Эрк следующим учителем Брендана был знаменитый святой Энда, и со временем он стал аббатом. В ту пору деятельность ирландской церкви была сосредоточена в разбросанных по всей стране монастырях, и многие из них были основаны Бренданом: Ардфертский монастырь в графстве Керри, Инишдадраум в графстве Клэр, Аннадаун в графстве Голуэй и Клонферт в том же графстве. Именно в Клонферте он был похоронен между 570 и 583 годами. Но больше всего в биографии святого Брендана меня заинтересовало то, что он по праву слыл путешественником. Снова и снова попадались ссылки на

совершенные им путешествия. Он много раз плывал вдоль западного побережья Ирландии. Ходил на Западные острова у берегов Шотландии для важного совещания со святым Колумба, основателем большого монастыря на Айоне. Сообщалось также, что святой Брендан побывал в Уэльсе, где стал настоятелем Лланкарвонского монастыря и был наставником бретонского святого Мало. По другим, не столь надежно документированным данным, Брендан посетил Бретань, ходил на Оркнейские и Шетландские острова, даже на далекие Фареры. Все это были морские путешествия, так что действительно существовавший святой Брендан явно проводил немало времени в плаваниях на малых судах вдоль северо-западных окраин Европы. Короче говоря, Брендан был моряцким святым, и нет ничего удивительного в том, что он стал известен под именем Брендана Мореплавателя.

Но конечным подтверждением его репутации явился уже упомянутый текст "Навигацио Санкти Брендани, Аббатис", более известный под названием "Навигацио Брендани" ("Плавание Брендана"). Тот самый латинский текст, который запечатлелся в моей памяти и в памяти моей жены еще в нашу бытность студентами. В нем рассказывается, как святого Брендана, жившего на западе Ирландии, посетил другой ирландский священник и поведал ему о прекрасной стране далеко за океаном на западе, где безраздельно властвует слово господне. Священник посоветовал Брендану лично посетить этот край, и Брендан построил лодку специально для такого плавания, обтянув деревянный каркас бычьими кожами. Взяв на борт обильные припасы, запасные кожи и жир для их смазки, он вместе с семнадцатью монахами вышел на поиски земли обетованной. Путешествие было долгим и многотрудным. Они плыли от одного острова к другому и пережили много приключений, в конце концов, добрались до цели и смогли исследовать берег обетованной земли, после чего направились обратно в Ирландию. Некоторые их приключения явно вымышлены. Так, они будто бы высадились на спину кита, приняв его за остров. Святые

отцы развели костер, чтобы приготовить пищу, жар от костра разбудил кита, и монахи едва успели вскочить в лодку, прежде чем кит устремился вдаль, неся костер на спине наподобие маяка. Столь же невероятными кажутся другие эпизоды. В тексте описано, как Брендан и его спутники встретили плавающую на воде огромную хрустальную колонну. Потом за лодкой погналось морское чудовище, извергающее пламя из ноздрей. У одного острова их забросали раскаленными камнями на другом они обнаружили монастырь с ирландскими монахами, давшими обет молчания. И так далее. Некоторые ученые называли "Плавание Брендана" плодом буйной фантазии, великолепным собранием морских небылиц, одна другой краше.

Нашлись, однако, крупные авторитеты, которые судили иначе. Они подчеркивали, что эпизоды плавания Брендана, если взглянуть под другим углом зрения, поразительно согласуются с географическими фактами. Плавающая колонна из хрусталя вполне могла быть айсбергом, встреченным мореплавателями в океане. Морское чудовище — возможно, злобный кит или морж. Раскаленные камни, которыми их забросали, — вероятно, лава, выброшенная при вулканическом извержении в Исландии или на Азорских островах, известных своими вулканами. Что до монахов молчунов, то давно известно, что группы святых отцов из Ирландии учредили религиозные колонии на дальних островах вокруг Британии. Вот только одна, весьма серьезная, загвоздка: как мог святой Брендан со своими спутниками совершить такое долгое путешествие, занявшее, согласно тексту, целых семь лет, на лодке из подверженных порче бычьих кож? Всем известно, что кожа разлагается в морской воде. Выйти на несколько месяцев в море на кожаной лодке? С таким же успехом можно просто постоять в морской воде в хорошей кожаной обуви. В том и другом случае результат будет плачевным.

Обложившись современными атласами и морскими картами, я попытался сопоставить приведенные выше гипотезы с реальностями Северной Атлантики. Путевые

описания святого Брендана и впрямь удивительно точно подходили к различным атлантическим островам. Единичную аналогию — скажем, эпизод с раскаленными камнями и вулканы Исландии — можно отнести в разряд совпадений. Однако пришлось бы допустить сплошную вереницу совпадений, чтобы объяснить совокупность других аналогий — от очень похожих на Фарерские Овечьих островов, которые Брендан посетил в начале своего плавания, вплоть до густого белого облака, встреченного им у берегов обетованной земли и наводящего на мысль о пресловутой зоне туманов у Большой Ньюфаундлендской банки. По собственному опыту я знал, как затруднительно идти под парусом напрямик от Ирландии до Северной Америки. На этом пути вас ждут характерные для Атлантики преобладающие юго-западные и западные ветры. Возвратиться из обетованной земли в Ирландию на лодке из бычьих кож с попутным ветром было бы совсем несложно. А вот путь от родных берегов на запад сулил святому Брендану серьезные трудности. Если исключить возможность на редкость благоприятного ветра, он должен был огибать зону западных ветров либо с севера, либо с юга. Но и тут ему пришлось бы испытать большие трудности, пробиваясь на запад по этапам от острова к острову.

С волнением изучал я навигационные карты, на которых обозначены ветры и течения Северной Атлантики. Логический маршрут напрашивался сам собой. Используя преобладающие юго-западные ветры, можно пройти от Ирландии на север до Гебридских островов. Затем с боковыми западными ветрами опять на север до Фарерских островов. Оттуда — довольно сложный переход до Исландии, зато потом попутные течения благоприятствуют плаванию к Южной Гренландии и вдоль берегов Лабрадора на юг, к Ньюфаундленду и далее. На карте этот маршрут выглядит кружным, но он только кажется таким из-за плоской проекции. На самом деле это едва ли не кратчайший путь от Северной Европы в Северную Америку, известный как "ступенчатый маршрут", которым

пользовались первые авиаторы на аэропланах с малой дальностью полета, задолго до них — норманны, а еще раньше... быть может, ирландцы.

Я почувствовал, что предстоящая экспедиция будет сродни детективной повести. Ключи передо мной, в "Плавании Брендана". Один за другим они могут подвести к ответу, если знать, как ими пользоваться. Вот именно — как? Ответ опять таки напрашивался сам собой: при помощи такого же судна, на каком плыл святой Брендан. Плывая на нем, я пройду через пункты "ступенчатого маршрута", которые могут оказаться тождественными местам, описанным в "Плавании Брендана". Одновременно выяснится, может ли такое судно выдержать плавание через Атлантику. Но что именно подразумевает "Плавание", говоря о лодке из бычьих кож на деревянном каркасе? Под силу ли подобной конструкции пересечь океан? "Ступенчатый маршрут" относительно короток, но он печально известен своими штормами. Немногие отважатся идти северным путем на современной яхте, а плыть по нему в открытой лодке и вовсе пахнет самоубийством. Для такого маршрута нужно прочное морское судно. А лодка из кож — уж очень это звучит ненадежно.

И вот в один мартовский день я спускаюсь по крутой тропе к тому месту, откуда, по преданию, святой Брендан вышел на поиски обетованной земли. Все здесь производило на меня глубокое впечатление. Родина святого Брендана, полуостров Дингл в графстве Керри, крайний выступ Ирландии в Атлантическом океане, где череда зеленых холмов и вересковых пустошей встречается со свинцовой гладью и воздух так прозрачен, что вид спадающей к горизонту тверди вызывает чувство, близкое к головокружению. Память о святом Брендане закреплена здесь чуть ли не в каждом природном образовании. Его имя пишется по старинке "Брандон", и тут есть мыс Брандон, залив Брандон, коса Брандон, селение Брандон, есть и гора Брандон, на вершину которой в день святого Брендана совершается паломничество в его честь. В прошлом сильные

молодые люди в знак поклонения несли туда на своих плечах алтарный престол.

В северной части полуострова Дингл находится Брандон Крик — узкая расщелина в гряде могучих скал, защищающих приморье. Путь туда лежит через заболоченные земли с выложенными для сушки бурыми горками торфа и разрозненными клочками пашни в ограде из каменных плит. Нелюдимый край правда, в конце дороги, на краю расщелины, я увидел два дома, по одному с каждой стороны. Второй дом был словно вырезан из художественной открытки. Стены из дикого камня аккуратно побелены рядом с полуоткрытой дверью торчала колонка: в кадках росли цветы аккуратную соломенную крышу охраняло от жестоких порывов зимнего ветра переплетение веревок с подвешенными к концам овальными морскими голышами, которым белая краска придавала сходство с бусинами в ожерелье.

Сразу за этим домом и начинался Брандон Крик, и на дне крутого обрыва колыхались и бурлили стиснутые скалами волны Атлантики. Даже в безветренный день гул прибоя громко отдавался в гротах у выхода из эстуария.

День был незабываемый. Яркое солнце чередовалось с типичными для западноирландской погоды хлесткими ливнями, и прозрачные сине-зеленые воды Брандон Крика вполне могли бы украсить какой-нибудь тропический остров. Переведя взгляд с эстуария в дали на северо-западе, я еще сильнее ощутил головокружение. Где-то там за морями лежит Северная Америка... Традиции живучи, и коли здесь, по преданию, начиналось плавание святого Брендана, то и моя лодка выйдет отсюда.

<http://knigi.b111.org> - Книги, журналы, аудиокниги скачать бесплатно

Я пошел вниз по тропе за домом под соломенной крышей. Она вела меня, петляя, к началу эстуария, где маленькая речушка отдавала заливу воды, собранные ею на склонах возвышающейся над нами горы Брандоиа. Внезапно меня пронзило волнение: рядом с тропой лежали четыре странных черных предмета — четыре лодки, опрокинутые

днищем вверх. Типичные для Западной Ирландии лодки с брезентовой обшивкой, известные под названием карра, каких не делают больше нигде на свете. Этот пережиток каменного века числят в ряду последних отпрысков одной из древнейших в мире конструкций — кожаной лодки. Здесь, на берегу Брандон Крика, впервые моим глазам предстали наследники судна, на котором, по преданию, плавал святой Брендан.

Присев на корточки, я заглянул под одну карру, чтобы рассмотреть, как она сделана, и увидел изящное переплетение тонких реек, хрупкое на взгляд, но способное выдержать изрядную нагрузку. Каркас был туго обтянут брезентом, просмоленным с обеих сторон для водонепроницаемости. После я узнал, что в некоторых местах этот брезент, сменивший первоначальную кожаную обшивку, по прежнему называют "кожей". Под лодками лежали весла незнакомого мне типа. Длиной около девяти футов и такие узкие, что лопасть практически отсутствовала на вальке укреплен какой то диковинный треугольный брусок с отверстием для опорного шипа. Судя по малым размерам этих карр, они годились только для прибрежного плавания, сама же конструкция выглядела безупречной, изысканные обводы ласкали глаз. Выбравшись наверх из расщелины, я обернулся, чтобы еще раз полюбоваться лодками. Очередной ливень омыл черные корпуса, и вся четверка блестела и переливалась на солнце, напоминая скользящих по волнам лоснящихся дельфинов.

Мне страстно захотелось выйти в море на карре — не столько для исследования, сколько потому, что меня пленили эти лодки. Жизнерадостная обитательница дома под соломенной крышей посоветовала мне наведаться в селение Данквин, где я найду лодочников — скорее всего в баре, поскольку сильное волнение на море сегодня не позволяет выходить на карре за рыбой. Доехав до селения, я обратился к бармену, и он показал на трех пожилых мужчин, сидевших в углу его заведения.

— Любой из них мог бы взять вас с собой, — сказал он. — Да только море сегодня неподходящее, чересчур

разгулялось.

Я подошел к троице в углу. Каждому не меньше пятидесяти лет, одинаково одеты в мятые твидовые пиджаки и потертые брюки. Костистые, узловатые руки, массивные, обветренные, румяные лица с крупными носами.

— Хочу немного пройтись на карре, — сказал я. — Из вас кто-нибудь не возьмется меня прокатить?

Они недоуменно воззрились на меня.

— На карре, одной из ваших брезентовых лодок, — повторил я.

— А, вы про каноэ говорите, — отозвался один из них. Повернулся к своим товарищам, пробормотал что-то на ирландском языке, который по-прежнему в ходу на полуострове Дингл, потом снова обратился ко мне: — Есть у нас каноэ, это точно. Вот только погода для прогулок неподходящая. И вообще, выходить в море на каноэ можно, когда ты знаешь, что это такое. Опасно это для несведущего человека.

— Само собой, я заплачу вам за хлопоты, и риск меня не пугает, — не сдавался я.

— Нет-нет, — сказал мой собеседник, — сегодня слишком опасно. Мы все угробимся. Может быть, завтра.

— А если по три фунта каждому за короткую прогулку?

— Тогда что ж. Тогда другое дело

И мы отправились к их "каноэ". Наша маленькая необычная процессия то и дело останавливалась и снова трогалась в путь, меняя на ходу свой состав. Один рыбак постарше отделился, на его место позвали другого, который трудился на своем поле. Четвертого участника, возрастом помоложе, в шляпе, украшенной ярким желтым цветком, завербовали уже на краю скалы, откуда крутая тропа вела вниз к причалу здесь у самой воды лежало на подпорках около десятка опрокинутых карр. Мои спутники разговаривали между собой по-ирландски, так что я нуждался в переводчике. К счастью, по пути нам встретился, молодой человек, судя по всему, один из тех педагогов практикантов, которых направляют па несколько месяцев на полуостров Дингл, чтобы они

совершенствовались в знании ирландского языка, прежде чем приступить к работе.

— Как насчет того, чтобы прокатиться на лодке? — крикнул я ему. — Заодно поможете мне с переводом.

— Согласен — весело отозвался он, и спустя десять минут бедняга нервно вздрагивал, сидя рядом со мной на задней банке карры, подпрыгивающей в облачке соленых брызг.

— Вам когда-нибудь приходилось плавать на малых судах? — спросил я его.

— Нет, — ответил он, испуганно цепляясь за планширь. — А это надолго?

Вылазка была увлекательная. Чтобы отнести лодку к воде, рыбаки залезли под одну из опрокинутых карр, присели, уперлись плечами в банки и выпрямились, так что лодка взметнулась вверх, уподобившись диковинному черному жуку, который встал на четыре пары ног и зашагал к слипу. Здесь быстрым движением карру спустили на землю, перевернули, и нахлынувшая волна легко подхватила ее, развернув словно игрушку. Один за другим мы попрыгали в лодку, следя за тем, чтобы не пропороть ногой тонкий брезент. Гребцы заняли свои места, налегли на весла, и карра заскользила по волнам быстрее любого известного мне весельного судна. Миг — и мы уже в заливе совершаем лихие курбеты на волнах. Главное — сохранять равновесие. Пока лодка лежала ровно на воде, она легко неслась по волнам, оставаясь почти сухой внутри.

Через переводчика я обрушил на команду град вопросов.

— Сколько карр сейчас насчитывается в районе Дингла?

— Около сотни.

— Для чего их используют?

— Ставить верши на омаров и сети на лосося.

— А по настоящему сильное волнение они могут выдержать?

— Могут, если знаешь, как ими управлять.

— А если карра опрокинется?

— Так и будет лежать вверх дном, а вы утонете.

— Может лодка нести тяжелый груз? — продолжал я расспрашивать.

— Конечно, может, — отозвался один из гребцов. — Весной мы возим на каноэ скот на пастбища на других островах.

Товарищ говорившего добавил что-то, от чего все рассмеялись.

— Что он сказал? — спросил я моего переводчика.

— Сказал, что с коровами меньше хлопот. Не задают столько вопросов.

Когда пришло время возвращаться к слипу, я попросил лодочников провести небольшой, но важный эксперимент — описать восьмерку, чтобы проверить, как карра всходит на волну под разными углами. Я уже заметил, что до этого момента гребцы старались идти под прямым углом к волнам. Моя просьба вызвала замешательство. Они ворчали себе под нос, отрицательно качая головой. Однако я продолжал настаивать, в конце концов, они согласились и осторожно приступили к выполнению маневра. Все получилось как нельзя лучше. Карра заскользила через гребни и ложбины, послушно разворачиваясь на бурлящей волне. Моя команда сияла от удовольствия, и я тоже сиял. Теперь я точно знал, что лодки родины Брендана не были предназначены исключительно для прибрежного плавания. Они вели себя как настоящие морские суда. Планируемая экспедиция приблизилась на один шаг.

На берегу я рассчитался с гребцами, явно довольными столь легким заработком, и спросил, кто мог бы еще рассказать мне про их "каноэ". Они единодушно назвали мне Джона Гудвина из Махэри. Никто, уверяли они, не знает и не строит каноэ так хорошо, как он. Я непременно должен повидать Джона Гудвина.

Так состоялось мое знакомство с лодочным мастером из Махэри, чьи советы затем сыграли важнейшую роль при строительстве моей карры. Семидесятивосьмилетний Джон Гудвин был последним на полуострове Дингл профессиональным строителем карр, единственным оставшимся членом сословия, которое некогда было

представлено в каждом приморском селении. Многие здешние фермеры способны при желании за зиму построить карру в своем сарайчике, но Джон Гудвин кормился этой профессией. Больше того, он любил эти лодки и всю жизнь собирал сведения о них. Молодым парнем эмигрировал в Америку, но вскоре вернулся на Дингл, чтобы продолжить дело отца и деда. И пользовался при этом унаследованным инструментом. Несколько ручных дрелей, стамески, нож и молоток... Да еще набор реек с делениями. А большего Джону и не требовалось, чтобы измерять заготовки и собирать изящные сложные конструкции, прославившие его во всей округе.

Не менее важным для меня было то, что Джон любил рассказывать о каррах. Часами потчевал он меня историями о них, об их строительстве, о той поре, когда в каждом крике и расщелине в приморье роились сотнями эти маленькие лодки, а скумбрия водилась в таком изобилии, что уроженцы полуострова Дингл ежегодно летом возвращались на несколько недель из Америки на родину, чтобы собрать морской урожай. С гордостью показывал он мне фотографию, на которой сам Джон и его три брата сидели, вытянувшись в струнку, в гоночной карре, принесшей им звание чемпионов графства. Проходя мимо вереницы опрокинутых карр, он останавливался, чтобы обратить мое внимание на едва заметные различия между лодками, большинство которых было творением его рук. Как-то я предъявил ему снятую в тридцатых годах выцветшую фотокарточку с изображением каркаса карры, и Джон не задумываясь назвал мне имя мастера, делавшего лодку. В другой раз я задал ему вопрос, касающийся тех времен, когда владельцы карр ходили не только на веслах, но и под парусами. Поразмыслив несколько секунд, Джон порылся между стропилами просмоленного сарая, где помещалась его мастерская, и вытащил старый парус. Пока я измерял этот музейный экспонат и делал чертежи, Джон около получаса объяснял мне, как лучше оснащать карру и ходить на ней под парусом. Его советы очень пригодились мне потом.

Особенно запомнилась одна история. Зимним днем в начале века, говорил Джон, жестокий шторм загнал один пароход в здешний залив. Судну грозила серьезная опасность, но команде удалось отдать якорь и приостановить снос. Капитан пустил сигнальные ракеты, чтобы из Фенита прислали спасательный катер, пока не лопнула якорная цепь. Но шторм был настолько силен, что катер не смог пробиться из гавани в море и вернулся с повреждениями. Тогда два местных лодочника решили прийти на помощь. Отнесли на береговые камни хрупкую карру, спустили ее на беснующиеся волны и смело пошли на веслах к пароходу. Один из гребцов взобрался на палубу, убедил капитана поднять якорь и провел судно между отмелями и подводными камнями в безопасное место.

— Каноэ любую погоду выдержит, — подытожил Джон. — Лишь бы команда знала, как с ним управляться, и хоть один человек еще мог грести.

Я спросил Джона, не возьмется ли он собрать для меня карру и показать, как это делается. Вместе мы потрудились полдня на жаре, просмаливая и натягивая брезент на каркас, и я стал владельцем собственной двухместной карры, построенной в точном соответствии с традиционными образцами, даже место для мачты было предусмотрено. Принимая готовую лодку, я задал Джону вопрос:

<http://books.tr200.net> - Книги, журналы, аудиокниги
[скачать бесплатно](#)

— Как по твоему, большое каноэ смогло бы дойти до Америки?

Он ухмыльнулся по-стариковски:

— А чего, лодка то дойдет, была бы добрая команда.

Я решил назвать свою маленькую карру "Финбар", в честь покровителя провинции Манстер святого Финбара, который, по преданию, указал святому Брендану путь в обетованную землю. Надеюсь, что моя лодочка выполнит для меня ту же миссию, я к досаде жены, присвоил гардины из нашей столовой для паруса, каковой и сшил самолично, потратив на это весь первый день рождества. После чего

походил по узкому морскому рукаву перед нашим домом, проверяя, как поведет себя лодка. Я изрядно намаялся с ней, но мои труды не пропали даром. Хотя "Финбар" немилосердно рыскал и не желал идти против ветра, к концу рождественских праздников я окончательно утвердился во мнении, что эта конструкция и ее предки были созданы для плавания под парусом.

Приблизительно в это время я открыл для себя любопытное явление, которое не назовешь иначе, как "брендановым везением". В самом деле: снова и снова в моих приготовлениях к плаванию мне улыбалась фортуна. Мой проект явно можно было назвать счастливым. Встреча с Джоном Гудвином — один пример "бренданова везения" — необычные обстоятельства рождения самого замысла — другой третьим примером явилось мое открытие, что основополагающее исследование об ирландской карре написано тем самым человеком, который фактически положил начало изучению старинных судов, — специалистом по истории мореходства Джеймсом Хорнеллом. На страницах его труда была изложена вся история карры, включая времена святого Брендана и более раннюю пору, когда Юлий Цезарь и другие античные авторы описывали обтянутые кожей лодки аборигенов Британии. Воины Цезаря даже скопировали эту конструкцию и обтягивали кожей десантные суда для форсирования рек. Но, пожалуй, всего удивительнее мне повезло, когда я попробовал выяснить, как святой Брендан мог оснастить свою океанскую карру.

Я считал, что такое длинное стройное судно должно было нести две мачты, но в ходе моих исследований мне ни разу не встречались изображения судов раннего средневековья с таким количеством мачт. Все они, даже ладьи викингов, оснащались одной мачтой. И вот однажды в подвалах Лондонской библиотеки, рыская по стеллажам в поисках совсем других материалов, не имеющих никакого отношения к планируемой экспедиции, я забрел в малопосещаемый уголок книгохранилища. Внезапно мой взгляд остановился на одной книге, которая стояла на

стеллаже неправильно — корешком внутрь, а не наружу. Осторожно вытащив ее, чтобы поставить правильно, я обратил внимание на название. Длинное ученое название на немецком языке, что-то вроде "Свод иллюстраций судов от древнейших времен до средневековья". Любопытно. Раскрываю книгу наудачу — сразу бросается в глаза одна иллюстрация. Я затаил дыхание — двухмачтовое судно. Притом несомненно средневековое. Поспешно обращаюсь к предметному указателю, чтобы выяснить, где следует искать оригинал иллюстрации. И с изумлением читаю, что она скопирована с рисунка из находящейся в частном владении книги, описывающей различных животных. И уж совсем удивительно, что двухмачтовое судно значилось под литерой "Б": по латыни кит называется "балена", а рисунок изображал лодку святого Брендана на спине кита. Я никогда не считал себя суеверным, и все же взял на себя труд посчитать, сколько всего иллюстраций помещено в этом томе. Оказалось, около пяти тысяч. И только одна изображала двухмачтовое судно. Та самая, что предстала моим глазам, как-только я открыл книгу, случайно привлекая мое внимание...

В библиотеках мне вновь и вновь встречалось важное имя: Джон Уотерер. Его перу принадлежало большинство книг и статей о применении кож в былые времена. Предмет первостепенного значения для моего замысла, а потому я связался с Джоном Уотерером и получил приглашение встретиться с ним. Встреча состоялась не где-нибудь, а под сводами Садлерз Холла в центре Лондона, где находится штаб-квартира одной из старинных гильдий. Джон Уотерер оказался таким же горячим энтузиастом, как Джон Гудвин. Глядя на этого энергичного коротыша, никто не дал бы ему его восьмидесяти трех лет. Ушастый, с блестящими глазами, он сновал взад вперед в своем помещении, набитом седлами и уздечками, кожаными панелями и переплетами, даже кружками и кувшинами из кожи, — ни дать ни взять хлопотливый гном из "Белоснежки". Лучшего советчика я не мог себе пожелать. Джон Уотерер прилежно посвящал меня в тонкости кожевенного дела и историю этого промысла.

Рассказал о различных способах превращения шкур в кожу при помощи дубления и дальнейшей выделки. Объяснил, как и где впервые был применен тот или иной способ, чем один вид кожи отличается от другого в зависимости от обработки или исходного сырья: была ли то шкура быка или теленка, козы или овцы, а может быть, такого экзотического животного, как американский лось или бизон. Я восхищался глубиной его познаний. Он не кончал никаких университетов, карьеру в кожевенном деле начал чемоданщиком. Подобно лодочному мастеру Джону Гудвину, постепенно увлекся своим ремеслом и стал изучать его историю. Теперь Джон Уотерер считался признанным авторитетом в этой области, с ним консультировались археологи и музейные работники. Я не мог пожелать себе лучшего проводника в сокровенном мире кожевенного дела.

Две недели спустя меня приняли в дирекции Британского института кожи. Джон Уотерер написал заведующему институтским отделом информации Джону Биби письмо, в котором объяснил, что я нуждаюсь в содействии.

— Я собираюсь построить кожаную лодку, чтобы пройти на ней через Атлантику, — сообщил я Джону Биби.

— Джон Уотерер считает это возможным? — спросил он.

— Да.

— Что ж, тогда мы постараемся вам помочь. Я приглашу несколько специалистов.

Замечательно "Бренданово везение" не оставляло меня, и через два дня я уже делился своим замыслом в том же институте с тремя специалистами, чьи знания могли способствовать осуществлению моей мечты. Пользующийся международным авторитетом руководитель исследовательской группы Британского кожевенного объединения доктор Роберт Сайке, трезвый педант, поначалу слушал меня не без скепсиса. Рядом с ним сидел Карл Послиз, директор кожевенного завода фирмы "Ричардсон" в Дерби, семейного предприятия, с XV века выпускающего шорные изделия и другую высококачественную продукцию. Третьим был Гарольд

Биркин, дородный мужчина, с которым я в последующие месяцы сблизился и к которому проникся глубоким восхищением. Гарольд являл собой прямую противоположность ученому доктору. Он всей душой был предан своему делу — производству кожаных изделий особого назначения. Маленький кожевенный завод в очаровательном городе Честерфилде с торчащим над домами причудливым шпилем церкви Св. Марии поставлял необычные изделия покупателям во всех концах света. Продукция Гарольда использовалась для воздушных насосов в угольных шахтах глубоко под землей и для собачьей упряжи на снежных просторах Антарктики. Гарольд был живым справочником по применению кожи в любых отраслях. Он знал, какая именно кожа лучше всего подходит для пожарного рукава на судне, для приводного ремня швейной машины, для защитных рукавиц на производстве. Одним из его обожаемых предметов был украшавший рабочий стол Гарольда кусок моржовой кожи пятисантиметровой толщины, похожий на обломок осинового гнезда. И он же мог изготовить кожу для тонких — всего восемь десятых миллиметра — прокладок, применяемых в портативных шинных манометрах.

— Согласно преданиям, святой Брендан использовал для своей лодки кожу, дубленную в экстракте дубовой коры, — говорил я этим специалистам. — Как по-вашему, можно верить этим сведениям и могла ли такая кожа выдержать трансокеанское плавание?

— Дубление в экстракте дубовой коры — известный способ, — ответил доктор Сайке. — Вплоть до последнего столетия в Западной Европе было принято дубить кожи экстрактами растительных веществ, обычно дубовой коры, если она имела в наличии, и длился этот процесс до года.

— Фирма "Ричардсон" и теперь использует растительные дубящие вещества, — добавил Карл Послиз, — но только не дубовую кору. Ее слишком трудно достать, и процесс чересчур долгий.

— А как насчет смазки? — спросил Гарольд. — Мне представляется, что надлежащая обработка кожаного

корпуса не менее важна, чем качество самого материала.

— В "Плавании" сказано только, что монахи натерли кожи какой-то смазкой или жиром, прежде чем спускать лодку на воду, — ответил я. — Латинское слово, которым названа смазка, не указывает на ее состав. Еще в тексте говорится, что святой Брендан взял с собой запас жира, чтобы смазывать кожи во время плавания.

— Звучит вполне разумно, — заметил Гарольд и повернулся к доктору Сайксу. — Как по-твоему, Боб, какие жиры они могли использовать?

— Свиное или овечье сало, пчелиный воск, может быть, тресковый жир, а для водонепроницаемости... — Сайке поразмыслил, потом продолжал: — Возможно, воск с овечьей шерсти, это ведь практически сырой ланолин, он известен со времен Плиния. До недавнего времени им смазывали обувь, чтобы не промокала.

Мы потратили около часа на обсуждение этого вопроса и договорились, что Карл и Гарольд пришлют доктору Сайксу образцы всех пригодных для такого дела разновидностей кожи, какие есть на их заводах, а он проверит эти образцы в своих лабораториях. Вымочит в морской воде, раскатает и высушит, измерит и взвесит, испытает на эластичность и натяжение.

— А как все-таки насчет дубового экстракта? — поинтересовался я. — Надо бы проверить и такие образцы.

— Конечно, — согласился доктор Сайке. — Но это в наши дни большая редкость. Лично я знаю только два, может быть, три завода, где применяют экстракт дубовой коры. Один из них находится в Корнуолле, совсем по старинке работает, это даже не столько завод, сколько ферма. Он поставил Британскому музею кожу, дубленную в экстракте дубовой коры, для реставрации кожаного щита, который был найден на погребальной ладье в Саттон Ху. Я закажу там образцы, и мы испытаем их вместе с другими.

И началась чудесная пора совместной работы. Британские кожевники приняли мой проект близко к сердцу, и я убедился, что это замечательные люди. Дружеское соперничество и любовь к коже связывали представителей

этой узкой специальности. Пока доктор Сайке и его сотрудники подвергали всевозможным испытаниям различные образцы, я посещал кожевенные заводы, шорников и тех чемоданщиков, которые еще работали с кожей. На заводе Ричардсонов в Дерби я увидел даже кружки из кожи, а еще мне бросились в глаза стоящие на подоконниках банки и блюда с плавающими в воде обрезками кожи.

— А это для чего? — спросил я Карла.

— Ну как же, рабочие прослышали о твоей безумной идее насчет святого Брендана, и теперь каждый проверяет кожу на плавучесть.

— Ну и что?

<http://book.tr200.net> - Скачать книги бесплатно

— От силы четыре дня плавает, — ухмыльнулся он. — Придется тебе брать с собой спасательный плот.

Наконец после двух с половиной месяцев лабораторных испытаний доктор Сайке сообщил мне по телефону важную новость.

— Кажется, мы нашли кожу для вашего корпуса, — сказал он. — Вы были правы. Лучше всего кожа, дубленая в дубовом экстракте.

— Как вы это установили? — спросил я.

— Мы проделали все эксперименты, какие только можно было поставить за это время. В частности, помещали образцы в машину для проверки кожаных подметок. Эта машина прокатывает образец взад вперед на влажной сетке, имитируя ногу, шагающую по мокрой дороге, и мы определяем, сколько воды впитывает кожа.

— И что же оказалось? — спросил я.

— По первому впечатлению кожа, дубленая в дубовом экстракте, уступала другим. Целый ряд других сортов намного превосходил ее. Но после смазки и всесторонних испытаний остальные сорта начали сдавать, многие пропитывались водой до того, что становились похожи на мокрые тряпки. А "дубовая" кожа почти не изменилась. К концу испытаний она по водонепроницаемости в два три раза превосходила любые другие образцы. Если вы не

передумали строить свою кожаную лодку, берите кожу, дубленную в экстракте из дубовой коры,

Торжествуя, я положил трубку. Ещё в одном вопросе подтвердилась фактическая точность "Плавания", и на сей раз ее признал видный ученый.

Оставалось найти "дубовую" кожу. И мне вновь повезло. На ярмарке кожаных изделий в Лондоне Джон Биби устроил мне встречу с Биллом Кроггоном, представителем той самой консервативной корнуэльской фирмы "Джоусайе Кроггон и сын", которая занималась дублением кож в дубовом экстракте.

— Почти три столетия они обрабатывают кожи одним и тем же способом, на одном и том же заводике, — говорил Джон. — Сколько раз им советовали перейти на более современную методику — не хотят. Право, не знаю, как они отнесутся к твоей идее насчет кожаной лодки. Попробуй, может быть, сумеешь их уговорить, чтобы поставили тебе нужную кожу.

Когда я объяснил Биллу Кроггону, что мне нужны обработанные дубовым экстрактом бычьи кожи в таком количестве, чтобы хватило на обшивку средневековой лодки, он призадумался.

— Я должен потолковать об этом с братом, — ответил он наконец. — И учтите: выделка дубовой кожи — дело очень долгое. На каждый кусок уходит около года, так что мы можем не успеть к сроку. Когда вы хотели бы получить кожи?

— Вообще то, я собирался поднять паруса в день святого Брендана.

— Это когда?

— Шестнадцатого мая.

— Надо же, какое совпадение — день рождения моей жены — воскликнул Билл, и я почувствовал, что могу рассчитывать на содействие Кроггонов.

Так оно и вышло. Прибыв на кожевенный завод в маленьком корнуэльском городке Грэмпаунде, я познакомился с семьями братьев Кроггон, с их бабушкой и целым выводком сыновей и внуков. На редкость

доброжелательные и гостеприимные люди, они не меньше моего увлеклись идеей экспедиции по следам Брендана. Меня провели по заводу, начиная с ям, где шкуры освобождались в известковом растворе от волос. С удивлением я увидел, как рабочий соскребает волосы вручную. Наклонившись над колодой, он орудовал двуручным скребком — в точности как кожевник на виденной мной гравюре четырехсотлетней давности. Пройдя через поле, мимо вереницы уток, мы очутились перед рядами вырытых в земле дубильных ям. Густая смесь воды и стертой в порошок дубовой коры, похожая на темное пенистое пиво, источала тошнотворный сладкий запах. В этой "дубовой настойке" купались бычьи кожи, медленно пропитываясь таннином. В результате образующихся при этом химических связей между волокнами недолговечного голя и дубящим веществом получались кожи самого высокого качества.

— Вряд ли этот способ заметно изменился со времен святого Брендана, — сказал Джон Круггон. — Здесь нужны хорошие бычьи шкуры, правильный состав дубильного раствора и время — уйма времени. Конечно, сейчас многие твердят, что этот способ давно устарел. Однако на лучшую обувь ручной работы охотно ставят подметки из нашей кожи, а ортопедические клиники в ряде случаев специально заказывают "дубовую" кожу, потому что она такая чистая, что почти не вызывает раздражения.

— А вы сумеете найти для меня достаточно бычьих шкур нужного размера? Во времена святого Брендана скот был не такой крупный, как теперь. Для полной достоверности опыта мне нужны небольшие кожи толщиной примерно в четверть дюйма, и не меньше пятидесяти штук.

— Вам повезло. Именно такие кожи как раз сейчас дубятся в наших ямах. Разумеется, вы получите самые лучшие. Вы ведь вверяете им свою жизнь.

Лишь много времени спустя я узнал, как беззаветно трудились для меня братья Круггон. Вместе с рабочими они лично отбирали материал, вытаскивая мокрые кожи из дубильных ям. Каждая штука тщательно проверялась на

возможные пороки: царапины от колючей проволоки, дырочки от подкожных оводов, порезы от небрежной обработки ножом. Надо думать, на это ушел не один день изнурительного труда — все без моего ведома. В итоге Круггоны поставили мне пятьдесят семь "дубовых" кож наивысшего качества. Шорник, которому я показал эту кипу, тихо присвистнул в знак одобрения.

— В жизни не видел подобного товара, — сказал он. — Слышал я, что бывает такая кожа, но никогда не думал увидеть столько сразу. В нашей мастерской это великая редкость.

— Это потому, что они предназначены для кожаной лодки, — поддразнил я его.

С завода Круггонов кожи были доставлены для смазки к Гарольду Биркину. Лабораторные опыты показали, что лучше всего для этой кожи подходит животный воск. Один мой друг, связанный с шерстяным производством, дал мне телефон фабрики в Йоркшире, которая могла оказать содействие. Я позвонил в дирекцию.

— Скажите, вы не могли бы поставить мне шерстяного воска?

— Конечно, можем. А сколько вам надо?

— Мне надо примерно три четверти тонны. Мой собеседник даже онемел от удивления.

У сочетания животного воска с кожей один серьезный изъян: жуткий запах. Моя жена уверяла, что от самих кож разит неисправной канализацией, а тут еще к этому аромату добавился запах прогорклого жира. Даже рабочие завода Гарольда Биркина — а кожевенные заводы известны своим зловонием — жаловались на смрад, уверяя, что слышат его чуть ли не за километр от заводских ворот.

Под строгим наблюдением Гарольда каждую бычью кожу складывали вдоль линии хребта и погружали в котел с горячим животным воском. Вынув первую кожу и дав воску стечь, ее расстелили на земле, полили расплавленным воском и накрыли сверху второй. Когда все пятьдесят семь кож прошли такую обработку, получился огромный липкий

многослойный бутерброд, медленно пропитывающийся спасительной смазкой.

Итак, приготовления развернулись полным ходом. Однако мне все еще не доставало чрезвычайно нужного эксперта — человека, который мог бы разработать надлежащий проект моей средневековой карры, включая комплект рабочих чертежей. В одном лице должен был сочетаться историк с квалифицированным инженером кораблестроителем, и я провел полдня в библиотеке Королевского географического общества, сочиняя письма во все известные мне морские музеи с просьбой порекомендовать такого специалиста. Ответы были учтивыми, но отрицательными. Правда, в одном музее мне посоветовали обратиться к секретарю Королевского общества навигации, лично знающему большинство специалистов в интересующей меня области. Я отыскал адрес института — он помещался в том же здании, что Королевское географическое общество. Сочиняя свои запросы, я сидел этажом ниже человека, который мог мне помочь. Я поднялся к нему, и он не задумываясь назвал Колина Мьюди.

Это имя показалось мне знакомым, и, поразмыслив, я вспомнил: в пятидесятых годах Колин Мьюди вместе с Патриком Элэмом пересек Атлантику на крохотной яхте "Сопранино". Он же сконструировал для перелета по тому же маршруту необычный воздушный шар, гондола которого послужила воздухоплавателям лодкой после того, как они, побив рекорд продолжительности полета, были вынуждены приводниться из-за шторма. Колин Мьюди прославился необычными изобретениями. Для него не было неразрешимых задач. Полярники шли к нему со своими санями, чтобы он приспособил их для движения по воде он конструировал гоночные суда, змейковые аэростаты для радиоантенн, создал даже яхту, которая могла ходить под водой с торчащей наружу мачтой. Вместе с тем ему же было поручено разработать конструкцию учебного парусника для мореходного училища, он сконструировал выпускаемые тысячами серийные лодки и был избран на почетную

должность председателя Группы малых судов при Королевском обществе инженеров кораблестроителей.

Человек, открывший мне дверь в доме Колина Мьюди, совсем не отвечал моим представлениям. Я ожидал увидеть грубоватого морского волка с окладистой бородой, а меня приветствовал тщедушный живой коротыш с гривой длинных волос и пронизательными серо-голубыми глазами. Моргая, будто стерегущая добычу голодная сова, он пригласил меня в свой кабинет.

За два часа, что длилась наша беседа, я вполне понял, почему Колин Мьюди пользуется таким уважением. Сидя у рабочего стола и внимательно слушая мой рассказ, он рассеянно рисовал что-то в блокноте. Я присмотрелся: на бумаге возникали кораблики, неясные фигурки, части весел и мачт, волны, деревянные конструкции. Искусный рисовальщик, Колин Мьюди мыслил образами. Когда я кончил рассказывать, он поднял взгляд на меня и сказал:

— В том, что вы задумали — я говорю о кожаной лодке и о вашем плавании, — нет ничего невозможного. Я готов разработать для вас конструкцию, а затем, если вы пожелаете, сделаю рабочие чертежи для верфи. Но есть вопрос, в котором ни я, ни кто-либо другой не в состоянии вам помочь: как управлять такой лодкой в море? Это искусство давно утрачено. Вам надлежит открыть его заново. Не забывайте, что вы идете по стопам людей, вооруженных мореходным опытом поколений. Вот где кроется неизвестный фактор вашего предприятия.

Два месяца понадобилось Колину, чтобы свести воедино все данные об ирландских кожаных лодках, какие мне удалось собрать по крупицам в библиотеках и на полуострове Дингл. Дважды он звонил мне. Один раз, чтобы сообщить, что он, похоже, догадался, почему на динглских каррах делают двойные планшири, один над другим. Видимо, это пережиток того времени, когда кожаную обшивку натягивали на планширь, как на обод барабана. Этот способ требовал от остова большой прочности, особенно на сжатие, и двойной планширь был идеальным решением. При втором телефонном разговоре Колин

подтвердил мою догадку, что древние кожаные карры оснащались двумя мачтами. Согласно его расчетам, место для мачты, предусмотренное Джоном Гудвином на моей маленькой карре, подходило в самый раз для фок-мачты. А в таком случае естественно предположить, что в былые времена для баланса ставили также и грот мачту. Но Колин не ограничивался теоретическими изысканиями. Он решил проверить действие морской воды на "дубовую" кожу. В итоге раз в две недели персонал, обслуживающий лаймиштонский паром, мог наблюдать диковинный спектакль: стоя на пристани, знаменитый инженер кораблестроитель сосредоточенно извлекал из воды куски зловонной кожи на длинных веревочках. Наверное, кто-нибудь из персонала заподозрил, что он помешался, однако вскоре распространился слух, что Колин изобретает непромокаемую обувь. И никто из них не поверил бы, скажи им, что на самом деле он работает над конструкцией кожаной лодки.

<http://knigi.tr200.org> - Книги, журналы, аудиокниги
[скачать бесплатно](#)

Наконец чертежи готовы — четыре больших листа испещрены цифрами и линиями, которые начертили тонкие руки Колина. Эти листы являли собой конечный продукт моих трудов на данной стадии, и, зажав их под мышкой и захватив с собой пятьдесят семь смердящих животным воском, скользких, жирных бычьих кож, я взял курс на Ирландию.

Пришла пора начинать строительство лодки.

3. Строительство

— Что это у вас тут? — спросил ирландский таможенник. Распахнув дверцу моего фургона, он сунул голову внутрь и тотчас отпрянул, морща нос от едкого запаха.

— Бычья кожа, — ответил я. — Для лодки, которую я строю и на которой надеюсь дойти до Америки.

— Ага, выходит, они предназначены для реэкспорта. Слава богу Чем скорее вы избавите нас от таких запахов, тем лучше. — Он рассмеялся и захлопнул дверцу.

Я мог следовать дальше на верфь в графстве Корк, где должна была строиться лодка. Начинался новый важный этап моего проекта.

Еще недавно я ломал голову над тем, где найти верфь, которая взялась бы выполнить мой заказ. Что ни говори, не так уж часто современным верфям заказывают средневековые конструкции. Однако я напрасно беспокоился. Только в Ирландии можно зайти на ближайшую верфь, разложить на столе чертеж и спросить небрежным тоном:

— Вы не могли бы помочь мне с постройкой такого судна? Это конструкция шестого века, и я сам обошью корпус бычьими кожами, но мне нужен специалист, чтобы собрать деревянный каркас.

Директор верфи поднял брови на полсантиметра, задумчиво попыхтел трубкой, наконец, пробурчал:

— Не вижу в этом ничего затруднительного. Я справлюсь у главного инженера, есть ли место.

Правда, это была не какая-нибудь заурядная верфь. Фирме "Кроссхэвен" поручен капитальный ремонт ирландских спасательных лодок на этой верфи сэр Фрэнсис Чичестер построил свою знаменитую яхту "Джипси мот V" и здесь я услышал, что фирма не любит строить дважды суда одной конструкции — слишком скучно. Верфь "Кроссхэвен" работала по старинке: никакого стекловолокна, почти никакого металла, зато великое обилие лесоматериалов и

мажорная уверенность в своей способности собрать любую плавучую конструкций. И в довершение всего никто не возражал против того, чтобы я привез на верфь зловонные бычьи кожи и привел затем кучу шорников, кожевников, студентов и других помощников плюс пса в роли талисмана.

Должность главного инженера занимал Пат Лэйк. Румяное лицо и очки делали его похожим скорее на сельского врача, чем на кораблестроителя. Когда Пат принимался за дело, оно горело у него в руках в графстве Корк таких людей называют фляерами (фляер — резвая лошадка). К моей радости, Пат взялся сам, с участием двух избранных помощников, собрать каркас в свободные вечерние часы.

— Пат, — сказал я ему, — от тебя мне нужно получить деревянный набор в соответствии с чертежами Колина Мьюди. Ты можешь собрать его на временных креплениях? Затем, когда остов будет готов, я заменю их старинными креплениями, какими скреплял набор святой Брендан,

— А те из чего были сделаны? — спросил он.

— Скорее всего, набор связывали кожаными ремнями. В те времена металл был слишком дорог, чтобы расходовать его там, где с таким же успехом можно было применить другие материалы. К тому же мне кажется, что корпус лодки будет эластичнее, если мы свяжем его наподобие плетеной корзины.

— А какой лесоматериал ты хочешь, чтобы я использовал?

— Дуб для двойных планширей, ясень для шпангоутов и стрингеров. Анализ золы из очагов показал, что во времена святого Брендана эти породы росли в Ирландии.

— Дуб — это хорошо, — заметил Пат. — На нашем складе как раз есть дуб, восемь десять лет сушился, твердый, как железо. А вот ясень меня смущает. Не очень это подходящий материал для судостроения. Когда ясень намокает в морской воде и потом высыхает, он начинает гнить. Не успеешь оглянуться, как можно пальцем насквозь проткнуть.

— Я уверен, что ясень годится, — настаивал я. — В средние века в Ирландии не было другого материала такой гибкости, какая нужна для гнутых частей набора.

— Ладно. Вот только трудно будет найти ясеньевый брус нужной нам длины.

Нежданная загвоздка. Оказалось, что в наши дни лесопромышленники очень редко заготавливают ясень. Если где и свалят несколько деревьев, то распиливают на короткие колоды, чтобы легче было вывезти из леса. Мне же для моей карры нужны были бревна десятиметровой длины и совсем без свилей. А такой товар был большой редкостью. Похоже, придется опять затевать долгие поиски средневекового строительного материала... Хватит ли на это времени?

Но я забыл про "брэнданово везение". Мне назвали имя одного эксперта консультанта по лесоматериалам, и я направился в его контору. К этому времени я уже привык начинать беседу с пространного рассказа о проекте строительства кожаной лодки. Сделав глубокий вдох, я приступил:

— Вам это может показаться странным, но я задумал построить лодку средневековой конструкции из...

Эксперт поднял руку, прерывая меня.

— Однажды к нам обратился человек по фамилии Хейердал, — сказал он. — Пришел за консультацией насчет бальсовой древесины. Помнится, нам удалось что-то найти для него. Скажите, какой именно лес нужен, и мы постараемся вам помочь.

Его указания привели меня на принадлежащий семейству Гленнон лесосклад в графстве Лонгфорд, в сердце Ирландии. Если бы не плоский ирландский ландшафт и ярко выраженный ирландский акцент, можно было подумать, что я вновь очутился у кожевников Круггонов в Корнуолле, — так много было общего. В обоих случаях — небольшая семейная фирма, специализирующаяся на традиционном материале. Ирландскую фирму возглавлял Пэди Гленнон, и помогали ему братья Гленнон, дети Гленнон и другие Гленноны. И

судьба опять свела меня с семейством, которое восприняло мой проект с великим энтузиазмом, какого ни за какие деньги не купишь. Гленноны провели меня по своему лесоскладу, сопровождая экскурсию комментариями не хуже любителя искусства, показывающего гостю свое собрание картин. В частности, я увидел ствол дуба, специально отобранный на киль для нового деревянного траулера. Могучий гигант простоял в лесу около четырехсот лет.

— И не жалко вам валить таких красавцев? — спросил я.

— Да нет. Видите черное пятно вот тут, у комля? Гниль. Дерево состарилось и заболело. Со временем весь ствол прогнил бы насквозь и погиб.

— Как вы думаете, удастся нам найти хорошие, большие стволы ясеня для моей лодки?

— Как раз сейчас мы валим лес в одном поместье по соседству, — сказал Пэди. — Там есть превосходные ясени. Думается, это то самое, что вам надо.

Итак, я нашел нужный мне яшень. А заодно услышал увлекательный рассказ эксперта о высококачественной древесине. "Сердцевина дуба, заболонь ясеня" — гласил один из девизов Пэди Гленнона. Он посоветовал мне для планширей использовать дуб, но прочнее всего, говорил он, чистая белая заболонь ясеня. Причем из ясеней лучший — горный, дескать, он должен "цепляться за жизнь", а потому вырастает крепкий и легкий. Когда настало время отобрать подходящий материал для мачты и весел, Пэди лично повел меня на разведку. Мы шлепали по сырой земле от ясеня к ясеню, пока не нашли то, что требовалось: высокое прямое дерево в самом расцвете, приблизительно восьмидесятилетнего возраста.

— Вот его и срубим, — сказал Пэди. И я сам прослежу, чтобы брус для мачты взяли на северной стороне ствола, где древесина лучше всего. Более крепкого ясеня для твоих целей не найти.

Случайно я обронил, что Пат Лэйк не очень верит в яшень как материал для лодки.

— Постой, — ответил Пэди Гленнон, — сдаётся мне, на нашем лесоскладе есть человек, который может тебе помочь. Раньше, когда лесопильня работала на водной энергии, инструмент, которым пользовались рабочие, то и дело намокал, потом опять высыхал. Может быть, они знали способ предохранять дерево.

Мы вернулись на лесопильню, и Пэд, наведя справки, сказал мне:

— Похоже, старики пропитывали деревянный инструмент растительным или животным жиром, и эта пропитка защищала дерево. Как тебе такое объяснение?

Мне оно показалось вполне разумным, и еще один кусочек мозаики лег на место. В "Плавании" говорится, что кожу смазывали жиром, — естественно, та же смазка годилась для деревянного набора, если его делали из ясеня. В самом деле: на плывущей по морю лодке дерево неизбежно натиралось жиром с кож. Элементарная логика: мы видим два материала, кожу и ясень, в обычных условиях разрушаемые морской водой, но сходная обработка одним и тем же веществом — животным воском — делает их пригодными для средневекового судна.

Первое посещение лесосклада Гленнонов завершилось разговором, которого я не забуду. После осмотра предприятия Пэди Гленнон пригласил меня к себе в дом, чтобы я познакомился с его женой и поужинал с ними. За ужином он подробно расспрашивал меня о моем проекте, допытывался, в чем смысл всей затеи. И когда я уже приготовился встать из-за стола, он вдруг сказал:

— Да, вот еще одно дело. Я подберу лес для твоей лодки и прослежу, чтобы он был распилен как положено, хотя бы пришлось самому стоять на пиле. Больше того, счёта от фирмы Гленнон не будет. Я хочу подарить тебе лесоматериал.

Я был потрясен. Такой щедрый подарок Я открыл рот, чтобы поблагодарить, но Пэди продолжал:

— Ты должен знать, почему я так решил. Дело в том, что я таким образом возвращаю долг. Ирландский лес кормит мою семью. Большинство других фирм делают ставку на

импортный лес, но мы всегда торговали твердой древесиной, выросшей в этой стране, и наши дела идут хорошо. Раз ты задумал строить ирландскую лодку из ирландской древесины, хочу, чтобы это была древесина Гленнонов. Надо же хоть как-то возместить часть того, что дал нам местный лес. Но.. — Он ухмыльнулся: — Разве можно без "но " Если твоя древнехристианская лодка пересечет Атлантику, к тебе будет просьба: привези обратно кусочек нашей древесины, чтобы мы могли выставить его в конторе.

Пэди Гленнон сдержал слово. Через неделю к верфи "Кроссхэвен" подъехал грузовик с отменным ясенем, а затем прибыла еще одна партия длинного прямого ясеневоего бруса для мачт и весел, которым мы вверяли свою жизнь, вырезанного из северной части могучего ствола.

Получив материал, Пат Лэйк и его плотники приступили к работе, пользуясь теми же методами, какие применял на полуострове Дингл Джон Гудвин, строя свои брезентовые "каноз". Из твердого, как кремний, дуба сделали два планширя на деревянных штифтах, уложили друг на друга, придали им типичный для динглских карр "банановый" изгиб и перевернули, чтобы собирать остов вверх дном. Только ирландскую лодку, подумалось мне, возможно строить вот так, задом наперед, начиная с планширя и кончая килем.

Однако такой порядок был вполне оправдан. Один за другим аккуратно ставили на место легкие гнутые шпангоуты из белого ясеня, и получилось нечто похожее на вереницу опор под сети, которыми защищают клубничные грядки. Регулируя положение шпангоутов, Пат Лэйк добился нужного профиля, после чего стал укладывать вдоль длинные тонкие ясеневые брусы — стрингеры. Когда вся решетчатая конструкция набора была готова, он вбил по тонкому гвоздику в места пересечения шпангоутов с каждым стрингером. Готовый остов точно соответствовал чертежам Колина Мьюди.

<http://knigi.tr200.net> - Книги, журналы, аудиокниги
[скачать бесплатно](#)

Теперь настала моя очередь. Пока Пат собирал каркас, я экспериментировал с кожаными ремнями для скрепления набора. Доктор Сайке, в лабораториях которого исследовали кожи, считал, что для такого случая лучше всего подойдет кожа, выделанная с применением квасцов, — способ, известный со времен древних римлян. Карл Послиз прислал с кожевенного завода в Дерби две большие связки обработанных этим способом ремней, и я произвел практические испытания — связывал ремнями деревянные рейки и погружал в воду в приливно отливной зоне эстуария. Очень скоро выяснилось, что ремни нужно сперва вымачивать в морской воде и растягивать, после чего вязать узлы, пока кожа не высохла. Иначе ремни не держали. Одно плохо: связывать скользкие мокрые ремни было все равно что связывать двух змей. Узлы развязывались сами. Запомнилось одно веселое воскресное утро, когда я проверял в гараже новый вид узла. Привязав ремень к ввинченному в пол рым болту, я стал затягивать узел, вложив в это дело все силы внезапно ремень соскользнул, и я спиной вперед выскочил из дверей гаража на мостовую. И растянулся, махая мокрым ремнем перед носом у возвращавшихся из церкви прихожан.

— Вот до чего доводит образование, — пробурчал кто-то.

В конце концов, мне удалось найти узел, который вроде бы хорошо держал. Узел был весьма замысловатый и — удивительное дело — сильно смахивал на плетеные узоры, украшающие ирландские рукописи. Помогать мне в долгой процедуре связывания остова из Англии приехал Джордж.

Джордж всегда был первым кандидатом в члены моей команды. После службы в армии он отправился на Ближний Восток и обучал там солдат какого то шейха, разбогатевшего на нефти. На заработанные деньги решил года два попутешествовать в свое удовольствие. Прочел в одном журнале для яхтсменов объявление, приглашающее принять участие в плавании на малой яхте по Средиземному морю, и очутился на борту "Престера Джона" вместе со мной и моей женой. Длинноногий, рост сто восемьдесят сантиметров, возраст двадцать шесть лет, Джордж был

прирожденным моряком. Я не знал более эффективного помощника он был готов без устали маневрировать рулем и парусами, выжимая максимум из яхты. А главное, на него можно было положиться в любом деле. За что ни возьмется — непременно выполнит. Взятся, например, помочь мне в выходные дни доставить Гарольду бычьей кожи, так в пятницу он погрузил их и в воскресенье привез, да еще в субботу успел обвенчаться

Теперь, оставив свою жену Джудит в Лондоне, где она преподавала в школе, Джордж прибыл в Ирландию, и вместе мы принялись связывать остоу. Работа была трудоемкая, день за днем мы гнули спину под опрокинутым каркасом. Каждый гвоздик надо было вытащить и выбросить. Вместо него мы накладывали ремень, туго натягивали его и завязывали узел, оставляя конец для соединения со следующим ремнем. Дело продвигалось мучительно медленно: просовывай пальцы в просвет между шпангоутами, захватывай скользкие полоски кожи, затягивай узлы до боли в мышцах... Иногда к нам присоединялись друзья из селения, и с их помощью работа шла малость быстрее. Всего мы скрепили вручную 1600 стыков решетчатой конструкции, и на это ушло около трех километров кожаных ремней. Но мы нисколько не жалели о потраченных усилиях. Деревянный набор был схвачен аккуратной кожаной сеткой, настолько прочной, что дюжина человек могли прыгать по опрокинутому остову, и ни одна рейка не смещалась, даже не поскрипывала. В заключение мы для защиты ремней и древесины вылили на каркас несколько ведер кипящего животного воска и размазали по всей конструкции. Вид и запах был жуткий, но, как заметил Джордж, у животного воска был серьезный плюс: хотя мы почти месяц тянули и дергали ремни, ни у кого не было на руках водяных пузырей. Содержащийся в животном воске ланолин действовал как самый лучший крем.

В день завершения работы мы отправились в местную пивнушку отпраздновать это событие и навлекли на себя ярость хозяйского пса, учуявшего запах животного воска,

который пропитал нашу одежду. Вечером мы торжественно сожгли наши робы в качестве первого (отнюдь не последнего) жертвоприношения на алтарь средневековых методов работы.

И вот наступил решающий этап всей реконструкции. Как обтягивать деревянный остов бычьими кожами? Какими нитками пользоваться? Как соединять кожи между собой? Какой шов лучше всего? Какой размер стежков предпочесть? Перед нами возникла бездна вопросов, и любая ошибка грозила тяжелыми последствиями. Например, станем делать слишком маленькие стежки — нитки прорежут кожу. А чересчур большие стежки могут привести к тому, что кожа между ними будет вспучиваться и швы пропустят воду.

Ирландский национальный музей в Дублине располагает превосходной коллекцией изделий раннехристианского периода, и я не один час изучал опыт ремесленников времен святого Брендана. Это были замечательные мастера. Они так искусно работали по металлу, дереву и коже, что их изделия ничем не уступают лучшим современным образцам, а металлические и ювелирные украшения и вовсе остаются непревзойденными. Меня, естественно, больше занимали предметы повседневного обихода. Многие из них тоже были сделаны настолько хорошо, что мне стало ясно: речь пойдет не о том, чтобы упрощать нынешние методы, опускаясь до уровня средневековой техники, — дай бог подняться до такого мастерства. Если говорить о металле, то ремесленники раннехристианской поры отливали из бронзы прочные, острые, изящные рыболовные крючки, не уступающие лучшим современным образцам. Заклепки они выполняли так аккуратно и красиво, что вряд ли кто-нибудь с ними сравнится. Что до кожаных изделий, то в музее выставлен редкий экземпляр — раннехристианская кожаная сумка для хранения библии. Сшивая эту сумку, средневековый мастер (возможно, это был монах) работал, засунув руку внутрь и проталкивая иглу в толще кожи, так что стежков совсем не видно. Сам Джон Уотерер, этот признанный авторитет, заявил, что в наше время найдется

немного мастеров, которые взялись бы выполнить столь тонкую работу.

Ознакомить нас с Джорджем с приемами, которые могли быть использованы для изготовления обшивки, из Англии приехал опытный шорник со своим лучшим подмастерьем. Пронумеровав бычьей кожи, мы выдержали их под тяжелым грузом, чтобы по возможности разгладить морщины. Затем подрезали их острыми ножами, наложили на каркас и принялись поворачивать так и сяк, подгоняя к сложным кривым корпуса. Мы подогревали кожи, мочили их в воде, били кувалдами, чтобы придать им нужную форму. Испытывали все приемы, с какими я познакомился в музее, а также традиционные способы шитья консультировавшего нас шорника — шов "за иголку", сдвоенные стежки, слепой шов, скорняжный шов.

Случалось терпеть полный крах. Например, когда мы попытались сшивать кожи тонкими ремешками, ремешки лопались, как гнилая бечевка.

— Нам бы раздобыть ремешки из лошадиной кожи, они куда крепче, — сетовал шорник.

А одна кожа, которую мы вымочили в чересчур горячей воде, стала такой ломкой, что трескалась и рвалась, словно старый башмак. Глядя друг на друга, мы с Джорджем прикидывали в уме, что бы мы стали делать, обнаружив подобную промашку после выхода в океан... В конце концов, удалось все же разработать простой и надежный способ. Мы складывали кожи напуском от двух с половиной до пяти сантиметров и крепко накрепко соединяли их дратвой в два шва. Этот прием требовал от нас старания и терпения, зато он был нам вполне под силу, и швы получались очень прочными. Перед тем как возвращаться на работу в фирму, которая любезно одолжила его нам, шорник поглядел на длинный голый острок, потом на гору лежащих рядом кож наконец, повернулся к нам с Джорджем:

— Пожалуй, в нашем веке никому еще не доводилось сшивать за один раз столько кож. Если справитесь, сможете обучать шитью других.

Задача и впрямь была тяжелая. Я вполне отдавал себе отчет в том, что без постоянного контроля и советов специалиста мы с Джорджем и нашими неопытными помощниками рискуем все испортить. Сплошное расстройство. Материалы есть, за энтузиазмом тоже дело не стало, нет только эксперта, чтобы руководить нами. Да и где его искать? Шорники такого класса принадлежали к вымирающей категории. Полвека назад в большинстве ирландских деревень был свой шорник, чинивший и изготавливавший сбрую седельники были чуть ли не в каждом провинциальном городе. Но, по мере того как перестал применяться рабочий скот, исчезали эти мастера. Осталось совсем немного, на всех Британских островах вряд ли наберется сотня опытных седельников. Спрос на их умение велик — они делают седла на экспорт и без работы не сидят. И даже если мне удастся найти седельника, располагающего свободным временем, откуда взять денег, чтобы ему заплатить?

С первых дней подготовки к экспедиции я посещал мастерские Лондона и Бирмингема, потом исколесил всю Ирландию, проверяя числившиеся в моем списке фирмы, и всюду спрашивал, нет ли свободного мастера, а если нет, то где его искать. Мне вежливо и твердо отказывали. Хороших седельников слишком мало, и все они заняты на работе. Единственное положительное, что я извлек из этих визитов, — очное знакомство с высокими образцами ремесла. Я знакомился с искусными мастерами, которые работали инструментом, не изменившимся за сотни лет: шилья и пробойники, клещи и разметочные пластинки, сердцевидные ножи, обжимные щипцы, шеверы. Наклонясь над рабочим столом, пропитавшимся запахами кожи и пчелиного воска, седельники в кожаных фартуках делали сильными руками стежок за стежком, и на плечах вздувались могучие мышцы, образовавшиеся за многие годы напряженного труда. Недаром хороший ручной шов, когда каждый сдвоенный стежок туго затянут мощным рывком, превосходит любые машинные швы. Я узнал, почему английские седла считаются лучшими в мире, почему

скаковые конюшни Австралии готовы четыре года ждать легкое седло от классного мастера, узнал, что шах Ирана по случаю коронации заказал шесть комплектов сбруи из голубой кожи для своего парадного выезда. Узнал я также, что ведущая английская седельная фирма закрылась, когда умер ее владелец, и все мастера — шорники и седельники — разошлись по другим фирмам, а поставщиком королевского двора Англии стал главный конкурент покойного. Мир седельников был настолько тесен, что классные мастера могли опознать свою работу за десять шагов и назвать имена большинства других товарищей по ремеслу.

Не было седельника, которого я не просил бы порекомендовать мне кого-нибудь из своих коллег. И только один раз я получил положительный ответ. В той самой фирме, что получила королевский патент, один седельник назвал мне Джона О'Коннела, ирландского шорника, который мастерил сбрую для королевских конюшен и славился быстротой и качеством своей работы. А потом оставил это ремесло, и никто не знает, куда он делся.

— Весельчак был, вечно смеялся, — рассказывал мне седельник. — Если найдете его, сразу узнаете. Что рост, что обхват — одна мера. Сложен как бочка. И большой любитель женского пола. Женился на ирландке и, видно, решил возвратиться на родину, и с тех пор о нем ничего не слышно. Найдите Джона О'Коннела, и у вас будет один из лучших шорников во всей Ирландии.

<http://goraknig.org> - Книги, журналы, аудиокниги скачать бесплатно

Естественно, я справлялся о Джоне О'Коннеле во всех ирландских фирмах, которые посещал. Однако никто не слышал такого имени. И вот однажды, когда мы уже приступили к строительству в Кроссхэвене, я отправился в Корк потолковать с одним бывшим седельником. К сожалению, мой собеседник давно утратил свои профессиональные навыки, но мы долго говорили о седельном ремесле, и по какому то случаю он упомянул легендарную голубую сбрую, изготовленную для коронации шаха. Я тотчас насторожился.

— Вы участвовали в этой работе? — спросил я.

— Как же, участвовал, сбруя стоила не одну тысячу фунтов, и заказ был не простой. Организаторы церемонии до последней минуты не знали, будет шахская карета запряжена шестеркой или четверкой лошадей, а потому нам велели сделать такую сбрую, чтобы и на шестерку годилась и чтобы можно было разделить ее на две части — для четверки и для парной упряжки, которая повезет другую карету.

— Случайно, вы не знали человека по имени Джон О'Коннел?

Он призадумался, наконец, ответил:

— Как же, знавал я Джона. Отличный мастер был.

— Мне говорили, что после женитьбы он вернулся в Ирландию. Может быть, вы знаете, где я мог бы его найти?

Не веря своим ушам, я услышал:

— Я не так давно связывался с Джоном О'Коннелом. Мне нужен был человек, чтобы помог с одним заказом, и я написал Джону, но он не был заинтересован.

Меня распирало возбуждение, но я укротил его, сказав себе, что Джон О'Коннел, наверно, живет в другом краю Ирландии.

— Вы не помните его адрес?

— Дайте подумать. — Еще одна томительная пауза. — Вроде бы он в Саммерстауне живет, где-то там. Чуть ли не на самой улице Саммерстаун Роуд.

— А где это — Саммерстаун?

Он удивленно воззрился на меня.

— Да здесь же, на окраине Корка.

Боясь поверить такому везению, я посидел еще несколько минут, потом бросился к своей машине и поехал напрямик в Саммерстаун. Найти Саммерстаун Роуд оказалось несложно, и я постучался в дверь первого же дома, уповая на то, что в Ирландии обычно каждый знает всех живущих на его улице.

— Извините, вы не можете сказать, живет ли тут поблизости человек по фамилии О'Коннел? — спросил я.

— На этой улице живут три О'Коннела, — ответила мне хозяйка. — Вам который нужен?

— Я ищу человека небольшого роста, очень сильного, с широкой пятерней и мощными руками.

Все это были классические приметы шорника. Ответ последовал немедленно:

— Это Джон О'Коннел, он живет в доме семнадцать.

Я бегом пересек улицу и позвонил в дверь семнадцатого номера. Открыл человек, смахивающий на бочонок. Обветренное лицо труженика, привыкшего работать на свежем воздухе, могучие руки и плечи. Он вопросительно посмотрел на меня.

— Вы Джон О'Коннел... шорник?

— Верно, — удивился он. — Как вы меня разыскали?

Джон О'Коннел, один из самых искусных мастеров шорного дела, возвратился в Ирландию, не нашел в Корке применения своему искусству и пошел работать на стройку. Каких-нибудь два десятка километров отделяли его дом от верфи, где мы трудились. И он сохранил старые навыки, время от времени чиня друзьям кожаную обувь и школьные сумки. Я спросил, сохранился ли его рабочий инструмент.

— Жена ворчит, что я никогда ничего не выбрасываю, — усмехнулся он. — Подождите минутку, сейчас поднимусь и принесу.

Вернувшись с потертым кожаным саквояжем, Джон О'Коннел открыл его, и моим глазам предстал богатейший набор шорного инструмента, какой мне когда-либо доводилось видеть.

— Большая часть от отца досталась, — объяснил Джон О'Коннел. — Он был мастер по хомутам. Теперь то, конечно, хомутов не делают. Я был у него подмастерьем, весь курс прошел, прежде чем отправился в Англию.

Итак, Джон О'Коннел нашелся и согласился поработать с нами на верфи. Первое время он приезжал по вечерам, отработав положенные часы у себя на стройке. Потом мне удалось заполучить его на полный рабочий день, и я опять поражался, как благосклонна к нам фортуна. Джон был специалистом по хомутам — именно эта старинная ветвь

шорного дела была ближе всего к нашей трудоемкой работе. И он принялся шаг за шагом обучать Джорджа, меня и набранных мной добровольцев. Мы учились сучить из кудели нитку в четырнадцать прядей. Все постигали с азов. Надев кожаные передники, складывали и сучили кудель, натирая ее дегтем в смеси с животным и пчелиным воском и скручивая на собственном бедре наподобие того, как скручивают сигары. Сперва получались какие то невообразимые клубки, которые невозможно было распутать, оставалось лишь выбросить в мусорный ящик. Джон О'Коннел только ухмылялся, не выпуская изо рта очередную сигарету, и заставлял начинать все сначала. Мало помалу мы освоили эту премудрость и наловчились легким движением кисти предупреждать образование петель. Но до самого Джона нам было далеко. Его руки двигались с немыслимой скоростью, и Джону не надо было следить взглядом за ниткой — она тянулась ровно и аккуратно, словно из машины. Как ни старались мы с Джорджем — скрутим по нитке, а у Джона уже две готовы.

Затем он приступил к сшиванию кож. Первым делом показал нам простую сдвоенную строчку. Научил, как правильно продевать дратву в иглу. Как быстрым уколом шорного шила протыкать кожу сантиметровой толщины и, не давая краям отверстия сомкнуться, просовывать вслед вынимаемому шилу тупую иглу. Тут требовались зоркий глаз и верная рука. Замешкался на секунду — все, отверстия не найдешь. Долго нам казалось, что мы вообще никогда, не освоим приемов Джона. За четыре дня труда мы в среднем выдали каких-нибудь жалких пятнадцать сантиметров шитья в день, и это при том, что общая длина швов должна была составить три километра с гаком. Мы ломали иглы дюжинами, дратва рвалась и раскручивалась, кончики шильев обламывались, уколотые пальцы кровоточили. Наши руки были сплошь в порезах, и мы держали возле рабочего стола большую коробку с лейкопластырем. Руки Джона тоже кровоточили, но совсем по другой причине. Хотя он таскал кирпичи, кожа рук, отвыкшая за десять лет от шорного дела, стала слишком мягкой для этой работы. Натягивая

рывком очередной стежок, он так резко напрягал могучие мышцы предплечья и плеча, что обмотанная вокруг кисти нить ножом врезалась в плоть. Но Джон только смеялся.

— Скоро заживет, — бурчал он при виде капель крови. — Через неделю руки войдут в норму, и уж тогда развернемся вовсю.

— А порезы не воспалятся? — спросил я его.

— Никогда. На вощенной дратве грязи нет. В старое время, бывало, за работой порежешься ножом — сразу воском замазываешь. И никаких тебе последствий.

Начали мы с того, что попроще: со средней части обшивки, сшивая кожи, как сшивают стеганое одеяло. Друзья и соседи из моего селения вызвались помочь, и мы увидели, что хороший стежок — результат не столько грубой силы, сколько сноровки. Одним это дело дается, другим нет. Нашим лучшим "новобранцем" оказалась худенькая девушка физической силы никакой, однако ее аккуратные тугие стежки не уступали прочностью сварному шву.

Когда мы освоили сдвоенный шов, Джон О'Коннел показал нам более быстрый хотя и более сложный прием — двуручный шов. Две иглы с двух сторон кожи продевали каждая свою нитку в отверстие, сделанное шилом. Обычно шорник один работает таким способом, зажимая кожу между коленями. Но бычья кожа была слишком велика — средний размер 105X120 сантиметров, одному человеку сразу с двух сторон не дотянуться. А потому приходилось работать попарно. Один человек стоял у наружной стороны и прокалывал кожу шилом. Скорченный под опрокинутым каркасом партнер проталкивал иглу в светящуюся дырочку, ему навстречу шла вторая игла. Затем оба выбирали слаbinу и, кряхтя, дружно затягивали стежок. Успех зависел от терпения, ловкости и чувства ритма. Если получалось плохо, звучала безжалостная команда Джона О'Коннела:

— Распускай, распускай

Выхватит острый, как бритва, шорный нож и одним движением перечеркнет итоги целого дня напряженной

работы.

Мало помалу дело двигалось. Две кожи на месте... четыре... шесть... И вот уже мы шьем второй слой. Джон одобрил качество работы, но меня тревожило наше отставание от графика. Нужны были еще люди, чтобы в намеченный срок спустить лодку на воду. Я уже прочесал свое и соседние селения, завербовал всех свободных друзей и домохозяек. Внезапно меня осенило. В Лондоне есть техническое училище, где, в частности, обучают седельному мастерству. Вот бы заполучить себе в помощь группу студентов. Я не был знаком с преподавателем, знал только, что он некогда занимал должность мастера в фирме, делавшей седла для королевского двора. И я послал ему письмо, а затем позвонил по телефону.

— Здравствуйте, это Тим Северин. Я писал вам насчет средневековой лодки, которую сейчас строю. Как вы думаете, среди ваших студентов могут найтись желающие приехать и помочь нам? Это была бы для них хорошая практика, и я оплачу проезд.

Преподаватель явно колебался:

— Я уже говорил со студентами, они сразу загорелись. Но чему они научатся? Я не вижу смысла в том, чтобы они приобрели какие-нибудь никчемные навыки. И ведь им нужен руководитель.

— Я договорился с Джоном О'Коннелом, он руководит работой на верфи, — произнес я с мольбой.

— Что? Шорник Джон О'Коннел? — Мои слова явно произвели впечатление. — Лучшего мастера не найти. Я разрешу студентам поработать у вас неделю.

И в одно прекрасное утро рабочие судоверфи "Кроссхэвен" с удивлением увидели, как из побитого фургона высыпает девять студентов. Ребята привезли с собой транзисторы, спальные мешки и причудливый набор поношенной одежды — от молескиновых халатов до длинных шерстяных шарфов и полосатых спортивных рубашек. Они болтали, сыпали шутками и трудились на славу. В разгар работ у лодки толпились девять студентов, восемь местных добровольцев, сестра Джорджа Эллен,

Джордж, я и Джон. А заглянув под опрокинутый остов, можно было увидеть наш талисман — собаку Джорджа по имени Бисквит, которая весь день сидела в этом убежище, норовя лизнуть в лицо тех, кто трудился внутри, и клянча бутерброды во время обеденного перерыва. Вечером мы, совершенно измотанные, катили обратно в селение, где у дверей моего дома стояли огромные кастрюли с тушеной бараниной, приготовленной добрыми соседями.

— Силы небесные, откуда такая гора? — воскликнул один студент при виде восемнадцатилитровой бадьи с тушеной бараниной, которую Эллен Молони с трудом внесла в комнату.

— Гномы потрудились — последовал молниеносный ответ.

Студенты помогли нам войти в график, и в день, когда пришла пора им уезжать обратно в свой колледж, их представитель отозвал меня в сторонку.

— Нам здесь так нравится, — сказал он. — Мы бы хотели остаться еще денька на два. Вы не против?

— Нисколько, — ответил я. — Буду только рад. Но у меня уговор с вашим училищем ровно на неделю.

<http://knigi.tr200.biz> - [Скачать бесплатно книги, аудиокниги, литературу, журналы](#)

— Не беспокойтесь, — весело отозвался он. — Мы постараемся опоздать на паром, а следующий пойдет как раз через два дня.

Сказано — сделано: студенты с легким сердцем опоздали на паром, и к тому времени, когда веселая компания покинула нас на своем рыдване, оставалось только сшить и подогнать носовую и кормовую секции. Учитывая, что эти части подвергнутся особенно большой нагрузке, мы удвоили толщину обшивки, а в той части носа, которая могла напороться на камни или острые плавающие предметы, обшивка была четырехслойная — добрых три сантиметра крепкой кожи. Одному Джону О'Коннеллу была под силу эта работа. Он достал из своего саквояжа две здоровенные кривые иглы и старинный гардаман, который просился в музейную витрину, и, глядя, как иглы в могучих

руках Джона пронизывают толстые кожи, я благодарил судьбу за то, что она свела нас с этим человеком.

И вот обшивка готова. Сорок девять кож ушло на то, чтобы одеть каркас. Не одна кожа была испорчена, пока мы учились шить, и все же у нас оставался еще достаточный запас для ремонта во время предстоящих испытаний или самого плавания.

Мы с Джорджем в последний раз залезли под опрокинутую лодку. Ремнями из бычьей кожи подтянули свисающие края обшивки и закрепили за нижний планширь. Главный инженер Пат Лэйк и его заместитель Мэрфи влезли на днище и укрепили плоский дубовый полоз, призванный защищать кожу, когда мы будем вытаскивать лодку на берег. После этого нашу средневековую лодку перевернули днищем вниз. Из лучшего гленнонского ясеня мы сделали мачты и весла такого же рода, как я видел на динглских каррах, и наконец строительство было завершено. Благословить новое суденышко согласился епископ графства Керри Эймон Кейси. Духовный наследник самого святого Брендана, он лучше кого-либо подходил на эту роль. 24 января епископ в полном облачении прибыл на берег, где лежала наготове лодка. Погода была холодная, пронизывающий ветер яростно трепал флаги на такелаже. Грот мачту венчал флаг Ирландии, фок мачту — наш собственный вымпел — раздвоенный на конце белый "брендановский" флаг с ирландским красным крестом в красном кольце ("крест в нимбе"). Я выбрал кольчатый крест не только из-за его ирландских ассоциаций, но еще и потому, что на месте многих обителей, посещавшихся средневековыми монахами мореплавателями, находили ту или иную разновидность кельтского креста — где высеченную на скалах, а где и в виде величественных монументов.*

Нам казалось, что бутылка ирландского виски лучше французского шампанского подходит для крещения первой за тысячу лет океанской кожаной лодки, спускаемой на воду в Ирландии.

Ритуал привлек изрядное количество зрителей. Операторы стояли наготове с кинокамерами, и, конечно же, не обошлось без Фомы неверного, который сновал в толпе, предлагая желающим заключить пари.

— Пять против одного, что лодка не будет держаться на воде, — твердил он. — Пять против одного, что не пройдет и часа, как затонет.

— Ставлю пятьдесят фунтов — крикнул один из моих друзей, но пока он искал деньги в кармане, маленький букмекер успел благоразумно удалиться.

Епископ Кейси был великолепен. Защищенный от ветра пурпуром и кружевами, он прочитал над лодкой положенные молитвы. Благословил ее миссию, команду и собравшихся зрителей, потом прочел сочиненные им для этого случая стихи на ирландском языке, в которых призывал Христа благополучно провести лодку через море в мирную гавань.

Затем наступила долгожданная минута. Моя дочь Ида выступила вперед, держа наготове ножницы, возвестила звонким голосом: "Нарекаю эту лодку "Брендан"" — и перерезала ленту. Бутылка, повинувшись руке рабочего, с грохотом ударилась о якорь, осыпав стоящих вблизи осколками, и толпу окутало облачко распыленного ирландского виски.

— Зелье что надо — крикнул чей то хриплый голос, и "Брендан" заскользил к воде.

Легко, почти не всколыхнув воду, лодка оторвалась от спусковых салазок, рабочие налегли на весла, и "Брендан" с незначительной осадкой отошел от берега под шум развевающихся флагов и аплодисменты зрителей. Кожаная лодка — на плаву

Было слишком ветрено и холодно, чтобы подвергать "Брендан" риску морских испытаний, поэтому один из могучих лесовозов Пэди Гленнона отвез лодку к мелководным озерам на реке Шаннон. Установив мачты и укрепив справа на корме рулевое весло, мы отчалили, чтобы проверить, как поведет себя "Брендан" под парусами. Утро выдалось идиллическое. Легкий ветерок наполнил оба

прямых паруса, чуть накренив корпус, и длинная стройная лодка заскользила по бурой торфяной воде Шаннона. Мы забрались далеко внутрь страны. Кругом — ни одного строения широкая река петляла среди темно зеленых лугов. Лебеди взлетали перед носом лодки, загребая лапами и покачивая шеей. Набрали скорость, высоту — и удаляются под шум хлопающих крыльев. Тучи уток взмывали над жухлыми камышами вдоль берегов, а в одном месте лошадь, пасшаяся на заливном лугу, прискакала к воде и остановилась, удивленно созерцая странное судно, бесшумно скользящее по реке. Постояла так, потом вдруг круто повернулась и ускакала прочь по хлюпающей трясине. Отбежав на безопасное расстояние, она вновь остановилась, чтобы еще раз поглядеть на лодку. Было что-то нереальное в картине прямых белых парусов, беззвучно плывущих над бурыми камышами.

Мы вышли на озеро Кэрри — не столько озеро, сколько речной залив. Лодку настиг порыв ветра, и тотчас покой сменился оживлением. "Брендан" накренился сильнее, забурлила вода, рассекаемая рулевым веслом внезапно один из шкотов сорвался с утки, и началась катавасия. Каждый парус управлялся четырьмя шкотами, и каждый шкот был не прочь проявить свой нрав. Стоило одному сорваться, как остальные задергались и затрепыхались. Тяжелая рея развернулась, и парус захлопал по мачте. Мы хватались за первые попавшиеся шкоты и лихорадочно выбирали их, пытаясь определить, какой из них позволит нам подавить бунт. Однако ветер крепчал еще один сильный порыв — и "Брендан" ринулся вперед. Команда сражалась со шкотами, обжигая ладони. "Брендан" мчался во весь опор, и дальний берег маленького озера приближался с угрожающей быстротой. Навалившись на рулевое весло, я заставил "Брендан" повернуть. Поздно. Сокрушая сухие стебли, мы лихо въехали в камыш, после чего полчаса пришлось толкаться веслами в торфяное дно, чтобы выбраться на волю. За день мы не меньше десятка раз врезались в камыш (хорошо, что он амортизировал) и постепенно узнавали особенности нашей лодки.

Выяснилось, что у "Брендана" есть свои ограничения. При четырех гребцах не получалось идти на веслах против ветра — тяжелый корпус сворачивал под ветер, и наших сил не доставало, чтобы вернуть лодку на нужный курс. Однако хуже то, что "Брендан", если не держать его в узде, разворачивался бортом к ветру под очень опасным углом. Расставив на озерке указательные буйки и курсируя между ними, мы убедились, что "Брендан" не желает идти против ветра так, как ходит обычная яхта. Его можно было удерживать носом к ветру, но из-за отсутствия киля он скользил по воде боком, словно чайный поднос. Правда, зато остойчивость лодки превзошла наши ожидания, и с попутным ветром она шла великолепно, чутко реагируя на повороты широкого рулевого весла, чем напомнила мне береговые спасательные шлюпки.

Теперь мы знали, что нам предстоит в море: волнующее плавание в один конец с попутным ветром. Нарастив грота рею двумя ясеневыми рукоятками, мы увеличили парусность, а после одного снежного дня натянули подобие двух палаток, чтобы было где укрыться во время плавания. Мы упражнялись в вытаскивании "Брендана" на берег и смазали обшивку толстым слоем животного воска, подобно тому как намазывается жиром пловец перед марафонской дистанцией. И все время следили за протечками, памятуя, что обшивку пронизывают тридцать тысяч стежков, по большей части выполненных непрофессионалами, и любой из них может дать течь с ужасающими последствиями. Первое время вода просачивалась внутрь, за день набиралось до сорока литров, но затем это количество уменьшилось наполовину, и мы даже не видели необходимости вычерпывать воду.

Научившись достаточно уверенно управлять "Бренданом", мы отвезли его обратно в приморье и провели испытания в эстуарии, где я в свое время испытывал "Финбар". Иногда мы, расстраивались, иногда воспаряли духом. Снова убедились, что идти против ветра на веслах невозможно один раз, запертые в бухте, провели тоскливую и неудобную ночь, стоя на якоре за пределами досягаемости

белогривых волн, которые проносились мимо нас и с грохотом разбивались о берег. В другой раз попробовали опрокинуть "Брендан" и обнаружили, что он продолжает плыть, словно кит, и никакими силами не перевернешь его обратно. Лишь установка блоков плавучести позволила возвращать лодке нормальное положение. После чего мы впятером могли вычерпать ведрами всю воду за десять минут.

В "Плавании святого Брендана" говорится, что монахи "взяли железный инструмент и построили легкую лодку с деревянными ребрами и деревянным остовом, как заведено в этих краях. Они обшили ее бычьими кожами, дубленными дубовой корой, и промазали жиром все швы на кожах снаружи. Они погрузили на лодку кожи для еще двух лодок, припасы на сорок дней, жир, чтобы смазывать кожаную обшивку, и прочие вещи, нужные человеку в пути. Еще они установили мачту в середине лодки и устройство для управления. Затем святой Брендан именем отца, и сына, и святого духа повелел своим монахам занять места в лодке".

В XX веке понадобилось три года исследований и труда, чтобы достичь этой точки. И вот теперь настало время по примеру средневековых монахов выходить в море на поиск пути в обетованную землю.

4. Отплытие

В день святого Брендана желто-коричневый "Брендан" стоял в устье Брандон Крика. Мы обтянули нос и корму ярко-желтым брезентом, чтобы легче было обнаружить лодку, если придется организовывать поисковые работы для нашего спасения, как-то предсказывали некоторые Кассандры.

— Пересечь Атлантику на таком суденышке — воскликнул один зритель. — Им остается уповать на чудо, как ни один святой не уповал.

Однако в тот день мы никуда не вышли. Ибо 16 мая, в день, на который я назначил отплытие, бушевал шторм. Дождь лил как из ведра, ветер дубасил влажные береговые скалы. Над искромсанным шквалами морем словно стояла дымовая завеса. Под струями дождя мы уныло сгрудились около "Брендана", вытасченного на слип. В лодке царил хаос. Подготовка к отплытию шла в страшной спешке. Теоретически груз должен был размещаться по плану, чтобы толково расположить достаточное количество припасов, воды и снаряжения на пять человек. Однако на деле у нас не оказалось времени на продуманную укладку. Все лежало на дне лодки как попало: вещевые сумки, фонари, провиант, пакеты первой помощи, фонарь "летучая мышь", даже судовой колокол, который смахивал на большое швейцарское ботало, а в действительности являл собой копию колоколов, какие во времена святого Брендана висели на монастырских часовнях и созывали братию на молитву. Насколько проще, говорил я себе, все было для святого Брендана и его монахов сотни лет назад. Для выхода в море им достаточно было запастись кожами и жиром для смазки, повседневной шерстяной одеждой и войлочными сутанами с капюшоном, водой в кожаных флягах, деревянными черпаками, сушеным мясом, крупой и корнеплодами. И, конечно же, твердой верой в то, что всевышний их не оставит.

<http://books.tr200.org> - Скачать бесплатно литературу книги, журналы и аудиокниги

Эти люди были привычны к тяготам и невзгодам. С полуострова Дингл можно рассмотреть открытые всем стихиям остроконечные скалы островов Скеллиг. Брызги от волн взлетают до стекол маяка в ста с лишним метрах над поверхностью моря. Тем не менее во времена святого Брендана на этих суровых скалах поселились монахи. Прилежным трудом они расчистили площадку и соорудили из дикого камня шесть лачуг и две часовенки. И ютились там — в одном из самых уединенных форпостов христианства. Зимой и ранней весной, в пору неистовых ветров, когда даже самый искусный рулевой не мог пробиться к ним на кожаной лодке, они были отрезаны от большой земли. И все же как-то ухитрялись выживать, цепляясь за свою веру с таким же упорством, с каким их полусферические лачуги цеплялись за скалу подобно ласточкиным гнездам. Так верны были монахи Скеллига своим обычаям и так велико было их уединение, что они праздновали пасху по старому стилю еще долго после того, как изменился церковный календарь.

Состязаться в закалке с этими людьми не было смысла. Они доказали свою стойкость и силу духа последующим поколениям выйди теперь команда "Брендана" в путь в средневековых одеяниях или со средневековым провиантом, это не принесло бы ничего нового, только затруднило бы выполнение нашей задачи. Мы задумали это плавание, чтобы проверить лодку, а не себя. Нас интересовал "Брендан".

Неудивительно, что я завидовал неприязнительности монахов. Им не надо было думать о том, где держать съемочную аппаратуру, чтобы не отсырела, где разместить двенадцативольтовые автомобильные аккумуляторы для нашей портативной, радиостанции. Сама станция еще лежала в картонной коробке. Она прибыла так поздно, что не было времени ее распаковать, не говоря уже о том, чтобы установить и как следует проверить. Подобно многим другим предметам нашего снаряжения, рация представляла

собой неизвестную величину. Мы обращались за помощью к различным фирмам, но большинство из них приходило в ужас при мысли о том, чтобы их аппаратура подверглась действию стихий в открытой лодке. Даже фабриканты военных аппаратов, предназначенных для сбрасывания на парашюте, сомневались, выдержит ли их продукция плавание на "Брендане". Лишь в последний момент удалось нам заполучить одну рацию.

Остальное снаряжение было более или менее обычного свойства. Спасательный плотик, ящик с сигнальными ракетами, канистры с водой и керосином, маленький радиопеленгатор, секстант с таблицами, кипа карт. Большая часть питьевой воды содержалась в мягких резиновых сосудах (современный эквивалент кожаных фляг монахов), втиснутых под решетчатый настил, где они одновременно играли роль балласта. Провиант был упакован в полиэтиленовые мешочки, по мешочку на день если я верно рассчитал, содержимого одного мешочка должно было хватить на сутки на пятерых человек. Сами по себе продукты вызвали бы содрогание у гурмана. Обычные банки с мясом, рыбой и бобами сушеные овощи и супы в пакетиках сухофрукты и плиточный шоколад несметное множество шотландских овсяных лепешек, призванных заменить нам хлеб. По прежнему опыту мы с Джорджем знали, что вряд ли удастся ловить достаточно рыбы, чтобы разнообразить стол, и, глядя на упаковки с обезвоженными продуктами, я предвидел осложнения. Кругом сплошной пластик... Более половины продуктов было в пластиковой таре, да мы еще потратили целый день на то, чтобы уложить дневные рационы в полиэтиленовые мешочки. Посмотришь — пластик, понюхаешь — пластик, а вскоре мы убедились, что наша пища и на вкус отдает пластиком.

Монахи Брендана, вероятно, разводили огонь для готовки на листе железа или в котле, который можно было отнести на берег топливом служили дрова или торф. И, конечно, они были привычны к холодной пище. Однако я придавал большое значение бодрящему действию регулярных горячих трапез и заказал керосиновую плиту,

встроенную в ящик величиной с солдатский сундучок. Крышка ящика откидывалась, защищая плиту от ветра дополнительной защитой служили две боковые створки. А главное, все это сооружение было смонтировано с универсальным подвесом. Хитрое устройство позволяло укрепить плиту в любом месте, так что мы могли пользоваться ею почти во всякую погоду.

На слипе в Брандон Крике можно было увидеть еще один предмет, который озадачил бы яхтсмена, но не средневекового монаха. Рядом с лодкой лежала непривлекательная на вид груда остропахнувших влажных овечьих шкур. Из книг я знал, что полярники, которым приходилось спать на льду, считали овечьи шкуры превосходной изолирующей подстилкой. И так, как этот материал вполне вписывался в эпоху святого Брендана, я решил испытать шкуры на роль спальных ковриков в лодке. В итоге запах овечьих шкур стал одним из членов триумvirата жир кожа шерсть, который не оставлял нас на всем пути.

Подбирая одежду, я остановился на современных штормовках. Каждому члену команды — свой цвет, чтобы не путали. Джорджу — оранжевый мне — желтый Артур Мейгэн, как и следовало нашему главному ирландцу, выбрал зеленый цвет. Артур уже обзавелся прозвищем Башмак: при первой же встрече нам бросились в глаза его башмаки 45-го размера, они пришлись бы впору какому-нибудь дюжему ковбою. Артур вообще отличался крупными размерами. Плечистый, рост — сто восемьдесят сантиметров с гаком, на голове копна торчащих во все стороны желтых волос. Он излучал добродушие, которое в сочетании с несколько неряшливым обликом придавало ему сходство с только что пробудившимся от спячки молодым незлобивым медведем. Ему было двадцать три года — самый молодой член команды. И самый сильный. Когда что-то заедало, когда надо было поднять мачту или подтянуться на перлине, неизменно обращались к Башмаку.

Прослышав о предстоящем плавании "Брендана", он написал мне письмо, являющее собой образец краткости:

"Дорогой Тим

Пишу, чтобы предложить себя в качестве члена команды. Твой адрес дала мне миссис Молони. Я учился в школе вместе с братом Джорджа.

Хожу под парусами с тех пор, как мог сам держать руль. Кроме того, недавно провел несколько зимних месяцев на рыболовных траулерах у берегов Исландии.

Я понимаю, что от переписки мало толку. Готов в любое время приехать и встретиться с тобой, если ты заинтересуешься.

Заранее благодарю,
Артур Мейгэн".

Я предложил ему приехать в Корк, и через два дня он притопал на верфь в своих башмаках 45-го размера. Обошел вокруг лодки, представился, сбросил мятую, всю в заплатках твидовую куртку и принялся работать вместе с нами.

Говорил Башмак так же кратко, как писал. Все же мало помалу я узнал, что его семья живет под Дублином, что немалая часть его детства прошла в Валентин, по соседству с полуостровом Дингл, что он "немного знаком с яхтами". Позднее мне предстояло также узнать, что он действует на девушек как магнит. Молодые особы испытывали неодолимое стремление кормить Артура, приводить в порядок его одежду и вообще заботиться о нем. Башмак явно был идеальным объектом в женских глазах — идеальным, но безнадежным. Возвращая его на лодку в конце нашего захода, очередная подружка Артура с грустью и отчаянием смотрела, как он, очутившись на борту "Брендана", тотчас возвращается в свое обычное неряшливое состояние. Как правило, вскоре обнаруживалось, что он забыл на берегу тот или иной предмет своей одежды, каковой срочно пересылался в следующий порт на нашем пути. Сам Артур спокойно относился к таким происшествиям. Он ни о чем не докладывал по своему почину, даже не сказал родным, что его включили в экипаж "Брендана", пока отец однажды утром за завтраком не прочел в газете, что в состав участников плавания входит некий Башмак Мейгэн.

— Ты не знаешь, кто это — Башмак? — спросил он сына, сидевшего по ту сторону стола.

— Знаю, это я, — коротко ответил сын.

В то дождливое утро в Брендон Крике на Артуре сверх мятой зеленой штормовки была охотничья фуражка, в какой читатель привык представлять себе Шерлока Холмса, и ветер лихо трепал ее наушники. Наш фотограф — записной остряк Питер Малит не преминул язвительно отозваться о наряде Башмака. Сам он в ярко красной штормовке смахивал скорее на кардинала, чем на лондонского обывателя. Питер родился и вырос в Лондоне, успешно подвизался на поприще фотожурналистики, но затем ему осточертела городская жизнь, он оставил эту работу и вместе с женой Джил — очаровательной экс-манекенщицей — и сыном Джоуи перебрался в Западную Ирландию. Купил участок, собственноручно выстроил коттедж по своим чертежам и зажил тихо и мирно. Но тут до него дошли слухи о строительстве "Брендана", и он явился на верфь с огромным чемоданом.

— Что, и камеры привез? — спросил я.

— Ага, — ответил он, открывая чемодан, разделенный перегородкой на две половины.

В одном отсеке аккуратно покоился на пенопласте полный профессиональный набор фотокамер, линз и прочего снаряжения. Но мое внимание привлек второй отсек. В нем хранился внушительный комплект хорошо послужившего плотницкого инструмента: пилы, струги, скобели, сверла, рубанки — словом, все принадлежности настоящего плотника. И я подумал, что "Брендаи" получит не только фотографа, но и, что не менее ценно, человека, который сможет ремонтировать остов в пути.

Ролф Хансен в норвежской синей штормовке был пятым и последним членом команды. Великий любитель старинных плавучих средств, он приехал из Норвегии, чтобы предложить мне свои услуги. У себя на родине его главным увлечением было собирать в глухих приморских селениях воспоминания старых рыбаков о поре расцвета парусного флота. Коренастый, грудь бочкой, Ролф, несмотря на очки,

только Артуру уступал в физической силе. И, подобно ирландцу, был немногословен. Отчасти потому, что плохо изъяснялся по английски, отчасти же потому, что очень серьезно относился к морскому делу. Когда кто-нибудь отваживался спросить его, женат ли он, Ролф сурово отвечал:

— Я обвенчан с морем.

Итак, один ирландец, один кокни, один норвежец и один англичанин подключились к моей затее, и я спрашивал себя, как-то мы будем ладить друг с другом. Предстоявшее нам путешествие в двух важных отношениях отличалось от многих прежних плаваний на подобию древних судов. Во-первых, мы выйдем в море не на плоту, а на настоящей лодке. "Брендан" не просто платформа, на которой ветры и течения сами доставят нас к цели, если нам повезет. Чтобы наше суденышко уцелело, им надо управлять как следует, и лучше не ошибаться. Малейшая промашка — вдруг при шквале заест шкот на утке или ветром прижмет парус к мачте — и лодка опрокинется, а это катастрофа. Во вторых, что еще важнее, наш маршрут пролегает в холодных широтах, куда современные яхты редко отваживаются заходить. Это не то что сидеть в плавках и наслаждаться солнышком. Совсем маленькая открытая лодка будет плыть в субарктических условиях, и мы будем неделями кутаться в семьдесят одежек, часто мокрых от дождя и соленых брызг. Военные моряки, специалисты по выживанию, которые инструктировали нас, твердили: если кто-то окажется за бортом неправильно одетый, больше пяти минут не протянет.

<http://file.b111.org> - Скачать бесплатно программы, игры, фильмы, книги, музыку.

К счастью, скверная погода в день святого Брендана не обескуражила наших друзей. Многие из тех, кто помогал в строительстве, приехали на полуостров Дингл проводить нас в плавание. Ив одном из ближайших отелей нам устроили истинно ирландский, компанейский прощальный вечер. Виски и портера было вдоволь вершиной оживленной беседы было выступление одного ирландца, который

вызвался утихомирить спорщиков и пригрозил расправиться со всеми нашими критиками в самый подходящий момент крыша бара не выдержала веса дождевой воды и протекла, щедро окропив гостей.

— Почему вам захотелось пойти в это плавание? — допытывался один репортер у каждого из членов нашего экипажа.

— Потому что люблю ходить под парусами и хочу научиться управлять такой лодкой, — ответил Джордж,

— Для меня это вызов, — сказал Питер.

— Потому что люблю море, — ответил Ролф.

— Ради удовольствия, лихая затея, — пробурчал Артур, прикладываясь к кружке с портером.

— А как ваши жены? Что они думают по поводу того, что вы на таком суденышке выходите в Атлантику?

Джил Малит поглядела на мужа.

— Если Питер что задумал, его не удержишь, — сказала она. — И вообще, пора уже ему заняться делом.

Жена Джорджа Джудит ответила так же:

— Я считаю, что Джорджу следует делать то, что ему по душе. И к тому же я рассчитываю встретить его, когда "Брендан" придет в Исландию.

Моя жена сумела уклониться от прямого ответа:

— Тим всегда увлечен такого рода затеями, — улыбаясь сказала она журналисту. — И ведь я занимаюсь средневековьем, а потому одобряю все, что обогащает медиевистику.

Затем последовал неизбежный вопрос:

— Вы не волнуетесь за них?

Три женщины переглянулись и твердо ответили:

— Нет.

Утро 17 мая выдалось хорошим. В небе плыли высокие облака, на горизонте таились грозные тучи. Волны после вчерашнего шторма еще врывались в эстуарий, когда я поднялся в один из двух коттеджей у конца дороги, чтобы посоветоваться с живущим здесь Томом Лии, который сам держал карру. Том — типичный представитель тощих, костистых динглцев, высокий, тихого нрава.

— Возвращайтесь-ка вы в свою гостиницу и отдохайте, — сказал он мне накануне вечером. — Пригодится. За лодку не беспокойтесь. Мы с сыном присмотрим за ней, все будет в порядке. Мимо нашего дома никто незамеченным не пройдет.

И он сдержал свое слово. Выйдя на рассвете, чтобы убедиться, что с "Бренданом" ничего не произошло, я увидел черный силуэт Тома Лии. Он стоял неподвижно у стены, окаймляющей Брандон Крик, и смотрел на берег. Я поблагодарил его за помощь.

— Вечером там внизу лазили какие-то ребяташки, — сказал Том. — Но это все местная ребятня, они ничего не возьмут.

В самом деле, деревенские дети отличались великой честностью. Хотя они облазили всю лодку и перетрогали ее сокровища в виде фонариков, ножей, шоколадок и других лакомств, ни один предмет не пропал.

Глядя на волны у входа в эстуарий, я обратился к Тому за советом:

— Как по-твоему, можно нам выходить сегодня?

Он пристально посмотрел на меня.

— Подождите прилива, У вас будет два три часа на то, чтобы выбраться в море. А больше откладывать не стоит.

— Почему это?

— Не нравится мне погода. Жди теперь дождя и ветра, и если подует с северо-запада, в крик нагонит большую волну. Вас запрет в эстуарии, и тогда я не поручусь за целостность вашей лодки. Ее может расколошматить вдребезги прибоем.

— Понятно, Том. Стало быть, отчалим, как только прилив снимет "Брендан" со слипа. Ты проводишь нас из крика в море?

— Конечно, и вас будут сопровождать наши молитвы, — сказал он.

Именно его карру я увидел первой, когда много месяцев назад впервые посетил Брандон Крик. И я помнил, что Том последним из местных жителей регулярно выходил на карре в море. Будет очень даже здорово, если нас проводит последний носитель тысячелетней традиции.

Все это утро в Брандон Крик стекались местные жители. Прибывали фермеры со своими родичами, облепившими забрызганный грязью трактор. На легковых машинах катили туристы — Дингл популярное место отдыха. Шли пешком студенты хватало и велосипедистов. Два представителя местной полиции с важным видом явились на изящной голубой патрульной машине. Официально им надлежало следить за порядком, но их, как и прочую публику, куда больше занимал "Брендан". Несколько священнослужителей удобно примостились на верхней стенке, расточая оттуда свои благословения. На пристани одна старушка, отделившись от толпы, сунула мне маленькую бутылочку со святой водой.

— Бог да благословит вас всех и благополучно доставит в Америку, — сказала она.

— Мы будем каждый день молиться за вас, — хором подхватили несколько монахинь.

Я осторожно засунул бутылочку со святой водой под двойной планширь — в то самое место, где и в наши дни на каждой, даже самой маленькой, динглской карре хранится подобная святыня. От Джона О'Коннела мы получили по маленькому изделию с религиозными мотивами. Лицо его выражало напряжение и тревогу. Наши родные тоже заметно волновались.

— Приглядите за нашим сыном, — сказал мне отец Артура.

С принадлежащей Тому Лии карры сошел на берег Ролф. Он не смог устоять против искушения пройтись по эстуарию на диковинной конструкции. Пора отчаливать

— Ну ка — обратился я к толпе. — Подсобите столкнуть ее со слипа

Замелькали лица и руки, множество плеч уперлось в коричневую кожаную обшивку, "Брендан" издал глухой протяжный стон, снялся со слипа и закачался на воде посреди узкого эстуария, удерживаемый якорем.

— До свидания, папуля — отчетливо донесся до меня звонкий голосок Иды.

К моей радости, она отлично поладила с Джоуи Малитом, и все происходящее сейчас воспринималось ими как игра.

— Пора поднимать флаги, — сказал я Джорджу, и одно за другим на грот мачту стали вползать яркие полотнища.

Они располагались согласно последовательности предстоящих нам заходов: ирландский трехцветный флаг, флаг Соединенного Королевства для Северной Ирландии, андреевский крест для Шотландии, фарерский флаг, исландский флаг, датский флаг для Гренландии, канадский кленовый лист, наконец, звездно-полосатый флаг США. Выше всех особняком развевался раздвоенный на конце брэндановский стяг — красный крест на белом фоне.

В последнюю минуту было столько дел, что некогда волноваться и нервничать. Нам не терпелось выйти в море. И, конечно же, не обошлось без помехи: якорь застрял под камнем и не поддавался, сколько Башмак ни тянул за трос. Подошли на катере рыбаки.

— Подайте трос сюда, мы потянем лебедкой Лебедка выбрала слабину, камень выпустил якорь, "Брэндан" очутился на свободе.

Словно по сигналу, установился почти полный штиль. Я взялся за румпель, Джордж и остальные ребята сели на весла.

— Весла на воду, дружно — скомандовал я, и "Брэндан", развернувшись, пошел к выходу из Брандон Крика в Атлантику.

С полным грузом мы тяжело переваливали через встречные волны, которые протискивались в горло эстуария.

— Все равно что выгребать на супертанкере шариковыми ручками, — пробурчал Джордж, глядя на узкую лопасть своего весла.

По обе стороны от нас легко скользили по волнам карры. Одной из них управлял Том Лии. Я заметил, что на носу обеих лодок весело развевались трехцветные флажки.

Провожающие махали и выкрикивали добрые пожелания. В устье крика, между утесами на выходе, я обернулся и увидел картину, прочно врезавшуюся в мою

память: больше двухсот человек устремились на мыс, чтобы еще раз взглянуть на "Брендан". Картина была фантастическая, потому что солнце склонилось к западу и в его горизонтальных лучах силуэты людей на гребне образовали темный бордюр. Фигурки были очень маленькие, совсем черные и напоминали вереницу насекомых торопливо карабкаясь через камни, они были одержимы единым стремлением добраться до крайней точки мыса, откуда можно было проследить, как лодка, становясь все меньше, исчезает в океанских делях. Я в жизни не наблюдал такого порыва, и мне вспомнились толпы паломников, которые каждый год поднимаются на вершину горы Брандон, чтобы отслужить мессу в честь своего святого покровителя. Столько людей помогало нам, говорил я себе, столько людей верит в нас, что мы просто не можем их подвести.

Как только устье крика осталось позади и можно было не опасаться, что нас прибьет приливом к ближайшему мысу, я распорядился ставить паруса. Юго-западный ветер благоприятствовал плаванию вдоль ирландских берегов. Кельтский крест на парусах "Брендана" расправился, и мы стали набирать скорость. Лодка легла на нужный курс можно было убирать неуклюжие весла и закреплять незакрепленные предметы. Том Лии помахал нам прощаясь обе эскортировавшие нас лодки повернули назад, к входу в Брандон Крик, и вскоре превратились в черные точки, которые пропадали из виду в ложбинах между волнами. Наконец то мы были в пути.

5. Гаэлтахт

Лодка под нами тяжело вползала на гребни и сваливалась вниз, в то же время чутко отзываясь на все неровности. Корпус слегка сгибался и распрямлялся от меняющегося напора волн, и мачты сочувственно скрипели в местах соединения с банками. На корме, где помещался пост управления рулем, массивное, десятисантиметровое веретено рулевого весла поглаживало свою опору — поперечную раму в виде буквы Н. Возвращаясь в развилку, оно издавало глухой стук, отдающийся слабой дрожью во всем корпусе. За исключением этого звука лодка вела себя удивительно тихо. Кожаная обшивка словно приглушала обычный плеск малой волны о корпус, а связанный ремнями набор смягчал толчки, которые, как правило, сотрясают жесткие корпуса яхт. Странное ощущение — словно ты лишился собственной плоти и, подчиняясь дыханию моря, слился с волнами.

Это ощущение усугублялось низкой осадкой "Брендана". Каких-нибудь сорок сантиметров отделяли планширь от поверхности воды, и даже самая умеренная волна нависала горой над лодкой. Однако "Брендан" всякий раз медленно и осторожно наклонял свой корпус, и волна скользила под ним, не причиняя вреда. Непрестанная качка действовала на нервы. Сперва Артур, а за ним и Питер малость позеленели от морской болезни. Советовать им побольше дышать свежим воздухом бессмысленно — ведь лодка была открыта всем ветрам. Единственное лекарство — стараться отвлечь себя различными делами. Свертывать и укладывать на место тросы, перебирать фалы и шкоты, чтобы не запутались. В средней части лодки беспорядочно громоздились канистры и мешочки с провиантом, нельзя ступить без риска подвернуть ногу. Мы переместили снаряжение так, чтобы возможно рациональнее использовать пространство, принайтовили канистры с

водой, аккуратно уложили весла по центру лодки, якорь положили на самом верху горы груза, чтобы был под рукой.

<http://mirjurnalov.com> - Скачать журналы бесплатно

Такие вот дела заполняли наше сознание в первые часы путешествия, когда все казалось необычным. Говорили мало. Каждый был поглощен своими думами, размышлял о днях и неделях, которые нам предстояло вместе провести в тесноте на маленьком суденышке. Что до меня, то я отдавал себе отчет в том, что многие из незначительных решений, принимаемых сейчас, — например, где держать бинокли или как складывать овечьи шкуры, — скорее всего, станут правилом на весь срок плавания. Разум человека склонен к порядку и стремится к рутине раз принятое решение такого рода легко становится постоянным установлением. Вряд ли кто-нибудь из нас тогда задумывался о главной цели нашего плавания. Эту роскошь мы оставляли на будущее, когда станем предаваться полетам мысли в долгие периоды скуки, неизбежные при плавании на малых судах. Сейчас нам было довольно того, что наполненные ветром паруса влекут "Брендан" вперед и кругом простирается серая гладь Атлантики,

Однако следовало как-то оборудовать наши спальные места. Под тентами на носу и в середине лодки громоздилось слишком много снаряжения, негде толком прилечь и отдохнуть. Артур и Ролф расположились на носу по обе стороны фок мачты на настиле под банкой. Из положения лежа быстро сесть там было невозможно, и вообще требовалась известная ловкость, чтобы протиснуться под банку, но оба "гориллы", как мы ласково называли наших силачей, могли хоть вытянуться во весь рост и привязать одежду ремнями к корпусу изнутри. Башмак и Ролф утешились тем, что прозвали центральное убежище девичьей светелкой и предались злорадству, когда мы с Джорджем и Питером зарылись, словно кроты, в груду разнородного имущества, пытаясь расчистить себе лежащее место. Очень скоро мы убедились, что это неразрешимая задача. Три человека плюс снаряжение физически не могли разместиться на этом клочке.

— Либо мы найдем другое место для части снаряжения, либо придется отправить его за борт, — заключил я, озадаченно созерцая строптивую кучу.

— Давайте выбросим часть блоков плавучести на корме, а на их место положим снаряжение, — предложил, подумав, Джордж.

— Идет, только не перегружайте корму, не то она будет перевешивать и "Брендан", когда припрет, не сможет переваливать через волну. Основная нагрузка должна быть сосредоточена в средней части, чтобы концы лодки поднимались вместе с волной.

— Ясно, а теперь подсоби, — нетерпеливо отозвался Джордж и принялся снимать легкую переборку сразу за постом рулевого.

За переборкой помещались большие пенопластовые блоки плавучести, установленные на случай, если лодку захлестнет волнами. Безжалостно вытащив первый блок, Джордж выбросил его за борт, и пенопласт закачался на воде у нас в кильватере.

— Мало, — заявил Джордж.

Резкий шуршащий звук — и второй блок поплыл по волнам.

— Уже лучше. Дайте-ка пилу.

Пока он яростно пилил уцелевшие блоки, я отбирал предметы, без которых можно было обойтись на первых порах: карты и лоции Фарерских островов и Исландии, запасные части для печки и фонаря. Все это легло на освободившееся место. Я посмотрел на секстант. На что он нам, пока мы идем недалеко от суши. Ирландские монахи обходились без секстантов. Стало быть и его туда же.

Затем мы стали наводить порядок в своей кабине. Площадь убежища- 180X180 сантиметров, не больше хорошей двуспальной кровати. На этой площади надо было как-то разместить трех человек, принадлежащую им одежду, рацию, фотоаппараты Питера и мое навигационное оборудование. Впору было говорить о жуткой давке. Рация расположилась на самодельной полке, а из вещевых сумок мы сложили перегородку во всю длину убежища, отделив

одну треть площади. Привилегия спать в этом отсеке выпала на мою долю, поскольку я был шкипером. Кобыто, да и только: даже мои узкие плечи не вмещались поперек, так что я предпочитал спать на боку, сунув голову под банку и упираясь ногами в дальнюю стенку кабины. Мне еще повезло: на долю Джорджа и Питера пришлись оставшиеся две трети без всякой перегородки. Когда Джордж поворачивался в своем спальном мешке, он неизбежно брыкал Питера, а когда Питер вылезал из убежища, чтобы сменить вахтенного, он поневоле наступал на Джорджа. В довершение всего одежда — все эти свитера, дождевики и прочее — делала нас страшно неуклюжими. Держать в кабине сапоги было строго настрого запрещено, однако это правило обходилось нам дорого. Хотя мы и оставляли сапоги в кокпите подошвой вверх, все равно они наполнялись водой, и, заступая на вахту, мы влезали в сырую обувь.

Мы поделили сутки на двухчасовые вахты и дежурили по двое. Для команды всего из пяти человек это означало, что каждый дежурит четыре часа, шесть часов отдыхает, потом снова заступает на дежурство. На "Брендане" не было автопилота, всегда кто-то должен был нести рулевую вахту, так что нагрузка была изрядная. К счастью, мы довольно скоро убедились, что второй вахтенный может пребывать в резерве в укрытии, лишь бы он был готов в любую минуту прийти на помощь рулевому. Отдежурив свои два часа, рулевой уступал место сменщику и будил следующего вахтенного, который надевал дождевое платье, перебирался в кокпит и свертывался калачиком на настиле, ожидая, когда придет его черед братья за румпель.

В первую ночь мы спали урывками — очень уж все было непривычно. Один Ролф спокойно воспринял перемену обстановки. Залез в спальный мешок и погрузился в сон, довольный тем, что снова очутился в море. Тем временем "Брендан" уверенно шел на север. Ночь выдалась совсем темная, сгущались облака, то и дело потчужа нас ливнями. Дождь сильно докучал нам, больше даже, чем соленые брызги, просачиваясь через бреши в нашей обороне. На припасах, сложенных в средней части лодки, собирались

лужицы струйки воды текли по руке рулевого, которой он держал румпель мокли лежащие на гребных банках овечьи шкуры. Пропитавшись влагой, они сжимались, словно губка, когда мы садились на них. Вдвое тяжелее стали от дождевой воды паруса. Они работали как надо, но на рассвете Джордж показал на грот мачту.

— Тим, не нравится мне, как мачта сгибается под весом паруса, — сказал он. — Как бы не переломилась от порыва ветра,

— Ясень должен выдержать, — ответил я. — Такая древесина гнется, как удилище.

— Понял, но ты погляди, что делается с банкой и степсом, — настаивал Джордж.

Вместе мы осмотрели прорезь в банке, через которую проходила нижняя часть мачты, и дубовый брусок на днище, служащий ей опорой.

— Видишь, мачта, качаясь, трется о банку. Кончится тем, что она сотрет клинья, станет болтаться, и первый же шквал может снести ее за борт.

Что верно, то верно. Надо было уменьшить давление мокрых парусов, пока они не сломали мачты. Мы приспустили их на полметра и укротили кожаными ремнями нижние концы, чтобы не так гуляли в лад колебаниям лодки. Стало получше, и все же мачты продолжали угрожающе гнуться.

Подшло время завтрака, и мы установили плиту, чтобы сварить кофе. У нас было условлено поочередно выполнять обязанности кока, чтобы поровну распределить это бремя и чтобы не было жалобы на кухню — ведь завтра жалобы могут обратиться на тебя. Однако подобно многим другим прекрасным идеям и эта не выдержала испытания временем, которое в данном случае оказалось на диво коротким. Я приготовил завтрак. После этого Джордж, откровенно признав, что он худший кок в мире, однако претендует на звание чемпиона среди судомоек, вызвался мыть за меня посуду, если я буду стряпать вместо него. Так что и обед приготовил я. Потом Ролф принялся варить ужин — вернее, плита чуть не сварила Ролфа. Керагаз требовал

тщательной регулировки, и плодом усилий Ролфа было стремительное чередование ряда событий: чирканье спичками, густые клубы дыма и внезапная вспышка пламени, которое обжигало ему руки и все вокруг покрывало копотью. Ролф продолжал упорствовать, пока не израсходовал целый коробок спичек, и, поскольку все проголодались, я приготовил ужин. Питер лучше управился со стряпней, но его овощное рагу оказалось настолько безликим, что никто не смог определить составные части этого блюда. Дальше настала очередь Артура. Он порылся в мешочке с дневным рационом, извлек пакет с сухим картофельным пюре и, пуще прежнего похожий на страдающего морской болезнью косматого молодого медведя, спросил:

— А теперь скажите мне, как это готовят? Лежавший рядом со мной Питер издал театральный стон, потом изрек:

— Лучше я тебе другое скажу: почему бы не поручить всю стряпню шкиперу?

На том и порешили, во всяком случае пока.

Так уж вышло, что наши первые трапезы отдавали шерстяным воском. Перед самым спуском на воду мы щедро, не считаясь с тем, куда летят брызги, покрыли кожаную обшивку свежей смазкой. Теперь настало время пожалеть о своей беспечности. На банках, на тросах, на керогазе — всюду осели липкие кляксы и, конечно же, клейкое вещество не обошло своим вниманием ножи и вилки, миски и кружки. За что ни возьмись, чего ни отведай — все прилипало к рукам и пахло шерстяным воском, пока это приложение не стерлось. Один лишь запас крепких напитков не пострадал от этой чумы. Перед отплытием нас задарили всевозможными бутылками. Можно было подумать, что доброжелатели вознамерились довести нас до белой горячки. "Брендан" качался на волнах под сплошной перезвон. Тут и виски, и ирландский портер, и норвежский аквавит для Ролфа, и подаренное одним душевным исландцем жуткое с виду пойло под названием "Черная смерть". Но пальма первенства принадлежала специально изготовленному для "Брендана" бочонку от

Ирландских винокуренных заводов, в котором содержалось девять литров отменного солодового виски. Как только мы немного освоились и навели порядок на борту, мы откупорили этот бочонок и подняли оловянные кружки с возгласом:

— За святого Брендана и за наше плавание

Мы продвигались неплохими темпами. Весь первый ходовой день "Брендан" неуклонно следовал на север. В перерывах между дождями мы различали за кормой постепенно спускающуюся за горизонт гору Брандон. Позади справа осталось устье Шаннона от его эстуария до следующей надежной гавани было около сорока миль. Плывя вдоль подветренного берега, не приходилось особенно ломать голову над проблемами навигации, достаточно было держать на примете порты убежища на случай, если шторм прижмет нас к побережью. В устье Шаннона я намечал остров Скаттери как возможный пункт захода. Во времена монахов средневековья Скаттери служил ориентиром для карры и слыл притом весьма святым местом, ибо, как гласит предание, на этом острове святой Сенан, современник святого Брендана, в первой половине V века победил чудовище Ката и основал монастырь. Наиболее примечательный памятник здесь — остатки круглой башни, вероятно служившей монахам убежищем, где они укрывались от норманских набегов. Вплоть до недавнего времени местные рыбаки, спустив на воду новую лодку, обходили вокруг Скаттери по часовой стрелке, чтобы лодка была счастливой, и брали с собой в море камешек с острова как талисман.

<http://jurnal.tr200.net> - Скачать журналы бесплатно

Я надеялся, что "Брендан" с ходу сможет обогнуть мыс Слайн на западном побережье, который выступал подобно указательному пальцу в Атлантический океан, обозначая первый поворот на нашем маршруте. Однако из этого ничего не вышло. Ветер постепенно сместился к западу, прижимая нас к берегу. На каждые десять миль хода "Брендан" терял милю из-за сноса вправо.

Спустилась вторая ночь "Брендан" продолжал движение вперед, производя так мало шума, что наехал на баклана, спавшего на воде. Бедняга проснулся, когда нос лодки толкнул его и опрокинул брюшком кверху. Вслед за испуганным криком послышался плеск и шум крыльев, потом в кильватере у нас всплыл негодующий баклан. Издав напоследок сердитые звуки, он улетел в поисках более спокойного места.

Медленно занялся рассвет, притушенный туманом, который сократил видимость до неполной мили. Впереди выросли скалы — кучка рифов в окружении широкого кольца бурунов. Взглянув на карту, я убедился, что это Скирд Роке, лежащие к юго-востоку от Слайна. Было ясно, что без попутного ветра нам не обогнуть мыс, поэтому я изменил курс, и "Брендан" спустился под ветер, направляясь к островам Аран. Я не видел причин расстраиваться. За тридцать шесть часов мы прошли больше ста миль, и пункт захода выпал такой, что лучшего нельзя пожелать: согласно "Навигации", именно на Аранах святой Брендан обсуждал замысел плавания в обетованную землю со своим наставником и великим учителем — святым Эндой.

Утреннее солнце развеяло туман, и вдали показались острова. "Брендан" подходил к ним с северо-запада, и сперва мы увидели маяк, затем уже высокий гребень первого острова и зеленые лоскутки полей, отороченные внизу ныряющими в море известняковыми осыпями. Джордж правил, используя ветер, и мы шли вдоль берега насколько можно было приблизиться к нему без риска. Приметили одну, потом, поодаль, вторую ферму рассмотрели фигуру человека, направляющегося в поле. Интересно, сказал я себе, что он подумает, если поглядит на море и узрит картину тысячелетней давности: идущую со стороны Атлантики океанскую карру, черную запятую на блестящей глади океана и черные квадраты средневековых парусов... Зайдя за остров, мы заметили качающееся на волнах пятнышко. Вроде бы указательный буй?

— Сдается мне, это карра — крикнул я Джорджу, и он изменил курс, чтобы подойти ближе.

Через несколько минут мы различили очертания лодки и двух человек на ее борту. Они вытаскивали верши с омарами, но, заметив нас, прекратили работу, взялись за парные весла и пошли в нашу сторону. Гребли они на редкость слаженно — если один делал полгребка, другой не глядя повторял его движение. Их карра отличалась от дингльских: это была типичная аранская карра с транцевой кормой. Впрочем, это отличие не отражалось на управлении лодкой. Подойдя к нам на расстояние пяти метров, рыбаки развернулись и пошли вровень с "Бренданом", разглядывая нас. Голову одного венчала шапка огненно рыжих кудрей, лицо украшала великолепная борода.

— Это вы в Америку собрались? — крикнул он, и я обратил внимание на заметный акцент (на Аранах говорят по ирландски). — Добро пожаловать на наши острова.

— Спасибо.

— Крабов хотите?

— Еще как

Из карры в "Брендан" градом посыпались крабы, и Ролф заметался по лодке, спеша поймать их, пока не улепетнули под настил.

— Спасибо, большущее спасибо — крикнул я. — Где тут лучше всего пристать?

— Зайдите в бухту. Там вам будет спокойно. Идите вдоль наших верш и поворачивайте, как только сзади пропадет из виду маяк. Раньше не поворачивайте, не то на отмель напоретесь.

Он подразумевал Броклинбегскую банку — песчано-каменный бугор, притаившийся у самой поверхности воды.

"Сильные буруны", — прочел я в лоции. И убедился в справедливости этих слов, когда мы осторожно спустили паруса и вошли на веслах в бухту. Пять минут кругом простиралась мирная гладь, потом, под совокупным действием ветра и наката, поверхность моря выгнулась горбом, и над отмелью взметнулась вверх прозрачная струя. Да, неподходящее место для "Брендана"...

Мы бросили якорь в широкой бухте у короткого пирса для лодок, выгружающих улов омаров. Перед нами был Инишмерри, самый крупный из трех главных островов этой группы. За пирсом и узкой полосой песчаного пляжа в глубине бухты начинался пологий откос, его сменял участок ровной земли, упирающийся в крутой косогор, увенчанный скальным гребнем, который обрывался отвесно в глубокую воду с другой стороны. Слово остров нарочно подняли на дыбы для нашего обозрения, так что мы могли не выходя из лодки любоваться узором из сотен крохотных участков в оградах из дикого серого камня, придававших им сходство с пчелиными сотами. Говорят, общая длина всех оград на островах Аран приближается к трем тысячам километров, причем сходство с сотами усугубляется тем, что стены сплошные. Когда фермеру надо загнать на участок скот, он разбирает часть ограды, потом опять закладывает просвет.

Во второй половине дня, набив животы крабами, сваренными в морской воде, мы сошли на берег и стали подниматься к скальному гребню. Небо расчистилось, и поверхность дерна в маленьких загонах была расцвечена тысячами весенних полевых цветов — лютиками, фиалками, горечавкой и прочими. Отыскав узкую тропу между оградами, мы проследовали мимо водопоя, где в широком корыте собиралась вода из ручья, и, в конце концов, вышли на простор, откуда начинался крутой подъем на гребень. Здесь по всему склону обнажился скелет острова — огромные плиты известняка, которые ветер и дождь избородили оспинами и рубцами вдоль линий сброса. Трещины были заполнены где анемонами, где лужицами дождевой воды. От каменных оград тут остались одни развалины, однако, приглядевшись, мы вдруг уловили некий порядок в этом нагромождении и поняли, что идем через концентрические круги каменных валов, обрамляющих вершину острова.

Тропа перешла в древнюю дорогу, которая привела нас к последнему, самому главному, бастиону, венчающему гребень наподобие барабана купола. Единственный вход в это сооружение смотрел на нас светлым глазом — ворота

крепости Дан Энгус, одного из самых импозантных памятников древней Европы. Войдя в ворота, мы очутились на расчищенной площадке и вместо противоположной стены увидели чистое небо, ибо крепость стояла на самом краю скалы в дальнем конце острова. Несколько осторожных шагов — и мы остановились на краю пропасти, глядя на спины кружащих далеко внизу морских птиц. В шестидесяти метрах под нами гладь моря пропороли макушки огромных глыб, сорвавшихся со скалы.

Крепость Дан Энгус — одно из многих могучих укреплений на островах Аран, сооруженных ирландскими кланами в первые века нашей эры. Их воздвигли еще до того, как святой Энда со своими монахами обосновался в скромных каменных кельях на побережье и открыл монастырскую школу, одну из самых важных и знаменитых во всей Ирландии. В каком то смысле уходящая корнями в кельтскую древность история бастиионов на горах над христианскими кельями переплеталась с поисками святым Бренданом страны на западе. Старинные кельтские поверия включали представление о стране на закате, населенной душами умерших и диковинными тварями. Тема "иного мира" отражена в древнем языческом эпосе ирландцев, описывающем странствия и приключения прославленных героев. Иногда герой по воле барда путешествовал через воды на волшебной колеснице, иногда погружался под воду и попадал в мир прекрасных дев, которые добивались его благосклонности, иногда поднимался в поисках диковинного царства на небеса. Обычно "иной мир" изображался как таинственный, но все же достижимый край, открытый для особенно удачливых смертных, и ничто не могло помешать христианам воспринять эту тему, когда в Ирландии утвердилась новая вера, поскольку многие христианские священники жили и действовали бок о бок со старой корпорацией провидцев и мудрецов, порой вступая с ними в конфликт, но и заимствуя у них познания. Так древнее представление об "ином мире" стало частью новой религии, но в христианском облачении. Для христиан иной мир населен святыми и праведниками. Он стал страной,

обетованной богом для людей, отмеченных великой добродетелью. По прежнему достигаемый, он сулил вознаграждение на земле и был целью исканий. К тому же само по себе путешествие являлось актом веры, и опасности этого предприятия лишь усиливали его притягательность. Попросту говоря, христианские странствия в поисках далеких земель обрели насущный мотив.

Христианские монахи располагали всеми данными, чтобы вписать это представление о далеких землях в более строгие географические рамки. В Ирландии сосредоточился огромный клад познаний. В смутные времена V и VI веков сюда от бурных переворотов на континенте бежали многие ученые, которые принесли с собой манускрипты и знание классических авторов. Ирландия стала главным хранилищем духовных ценностей, и монахи старательно переписывали и кодифицировали всю информацию. Они составляли комментарии, передавали знания из поколения в поколение. Читали Вергилия и Солина в оригинале или переводах, познакомились с греческими авторами. Географические представления монахов включали понятие о том, что Земля круглая, "подобно яблоку правильных очертаний", как выражались тогда. Они восприняли географическую концепцию Птолемея, читали о том, как римский флот обогнул Шотландию и обнаружил острова, лежащие дальше на севере. Расцвет раннехристианской культуры в Ирландии, о котором столько написано, длился почти пятьсот лет. Ирландские монахи пользовались славой наиболее образованных и сведущих мужей во всей Западной Европе, и наступило время, когда они понесли свои знания обратно на материк. Они основывали школы, давали советы королям и императорам (Карл Великий чрезвычайно высоко ценил ирландскую науку), учреждали монастыри от Ломбардии до Австрии. Вместе со своими учениками они составляли "странствующую интеллигенцию" Европы. Как писал один франкский автор, "чуть ли не вся Ирландия, пренебрегая морской преградой, устремляется к нашим берегам с когортой философов".

Эта животворная стихия родила и "Плавание" святого Брендана. Перед нами типичный сюжет ирландского эпоса, христианский по духу и композиции, но в то же время сопряженный с древним кельтским наследием. Подобно героям древности, святой Брендан отправляется на поиски обетованной земли и переживает в пути множество приключений. Однако этот герой следует другим маршрутом и путешествует по волнам не на волшебной колеснице, а на прозаическом суденышке из кож на деревянном острове. И вместо воображаемых островов кельтских героев в основу путевых описаний легли реальные географические познания монахов. До недавних пор считалось, что старейшая сохранившаяся версия была записана в X веке, четыреста лет спустя после смерти святого Брендана. Однако новые исследования относят время записи ближе к 800 году, и, конечно, само предание могло сложиться еще раньше.

Мне довелось беседовать с ученым, который проследил корни "Плавания" Брендана в недрах золотого века ирландской монастырской науки. Джим Карни, профессор Института кельтоведения, был светилом в области древнеирландской литературы. Ему принадлежат тонкие переводы ирландских и латинских поэм он блестяще знал истоки ирландской литературы.

<http://kino.tr200.ru> - Фильмы, мультфильмы, видеоролики скачать

— Конечно, мы пока не знаем точно, когда было сочинено "Плавание" Брендана, — говорил он мне, когда мы встретились с ним в библиотеке Королевской ирландской академии. — Но в одной ирландской поэме седьмого века я встретил указание на то, что святой Брендан был известен как сочинитель поэм. Это позволяет предположить большую древность "Плавания".

— А как вы смотрите на гипотезу, по которой "Плавание" — вообще не христианское произведение, а интерпретация древнего кельтского сказания?

— Вы хотите сказать, что перед нами имрам — образец кельтских повествований о плаваниях. Мне кажется, теперь

установлено, что большинство дошедших до нас имрамов создано либо в одно время с "Плаванием" Брендана, либо позже. Так что "Плавание" не копирует имрамы, напротив — я мог бы назвать по меньшей мере один пример, когда имрам заимствует из "Плавания". Кстати, в книге моих переводов древних ирландских поэм есть упоминание о морском путешествии христианской поры. Я говорю о поэме, посвященной святому Колумбану.

Профессор нашел в книге нужную страницу и прочел вслух:

Вот через воды двурогого Рейна,
Весь деревянный, смазанный жиром,
Корабль скользит. "Раз два, взяли "
И гулкое эхо вторит за нами: "Взяли "
Захлопнув книгу, он лукаво глянул на меня:

— Похоже, ваше плавание будет не легким делом. Но если я как литератор могу вам чем-то помочь, дайте знать. Кстати, почему бы вам не рассказать о своих планах Мэйрин О'Дэли? Она может помочь вам как лингвист. Мэйрин О'Дэли — специалист по древнеирландскому языку.

— А где я могу ее увидеть?

— Это не так уж сложно. Обратитесь в Арасан Уахтарарн в Феникс Парке — резиденцию президента Ирландии. Она его жена.

И я отправился по указанному адресу в роскошный Феникс Парк. На крыльце резиденции меня встретил добродушный конюший.

— Это вы тот безумец, который собирается плыть вокруг света на кожаной лодке? — обратился он ко мне.

— Мне бы до Америки добраться, — пробурчал я.

— Понял, ступайте за мной. Миссис О'Дэли приглашает вас выпить с ней чая.

Хозяйка дома оказалась весьма элегантной и уравновешенной особой. Мы толковали о моем проекте. Внезапно раздался стук в дверь, в комнату стремительно вошел сам президент, и мирному течению беседы пришел конец. Президент О'Дэли был глубоко неравнодушен к Гаэлтахту — западной области страны, чьи жители говорят

по ирландски, — и с восторгом воспринял мой план. Он ринулся к книжным полкам.

— Вы это издание видели? А это? — допытывался он, проворно снимая с полок одну книгу за другой. — Ага. Вот еще

Скоро все кресла, диван и пол были завалены раскрытыми книгами, а президент продолжал доставать все новые и новые.

— Да, мне ведь надо показать вам одну вещицу. — Он увлек меня в другое крыло здания, где стены были увешаны картинами. — Вот.

Мы остановились перед небольшой картиной, изображающей карру, приютившуюся в расщелине между скалами.

— Я нашел ее много лет назад, — сообщил президент. — Она мне очень нравится. Как вы думаете, где писалась эта картина — в Даниголе или, может быть, на Аранских островах?

Кипучий энтузиазм президента О'Дэли вспомнился мне во время стоянки "Брендана" на Аранах. Как и он, все жители Инишмерри стремились нам помочь. Слово мой проект затронул чувствительную струну в воображении уроженцев Гаэлтахта, и они восприняли его как свое, кровное дело. "Брендан" был не только моей, но и их лодкой. Рыбаки еще два раза подходили к нам на каррах, чтобы поделиться крабами и омарами. Местные женщины по очереди пекли для нас свежие лепешки, а когда мне понадобилось позвонить по телефону, местная телефонистка вмешалась в разговор, чтобы пожелать успеха в нашем предприятии.

Слухи о продвижении "Брендана" вдоль ирландского побережья распространялись молниеносно. Через полчаса после того, как мы подошли к Инишмерри, об этом знали уже все жители Аранских островов позднее мне стало известно, что на всех мысах дежурили школьники, высматривая "Брендан". Да и не только аранцы болели за нас. В одной газете промелькнуло упоминание о том, что наша рация еще не установлена, так на другой же день на

Инишмерри прилетел добровольный помощник, который принялся паять и проверять контакты. Когда пришло время сделать пробные вызовы, радист береговой радиостанции в Валентин часами терпеливо ловил наши сигналы.

— Какой у вас позывной? — спросил он.

— Пока никакого, — ответил я. — По правде говоря, нам даже некогда было оформить разрешение на пользование рацией.

— Ничего. Будем вызывать вас так: "Яхта "Брендан"". Идет?

— Лучше уж "Карра "Брендан", — отозвался я. Он рассмеялся.

— Верно, другой карры с рацией не сыщется. Давайте знать о себе каждый день, если сможете. Удачи вам.

Плохая погода продержала нас у Аранов два дня, наконец ветер малость угомонился, и "Брендан" покинул Инишмерри, идя через пролив курсом на берег графства Мейо. Выходить в открытое море я не решался — все-таки ветер был еще сильный, и мы не знали, как поведет себя "Брендан". Подняв оба полотняных паруса, мы вскоре убедились, что этого многовато. Грот мачта снова угрожающе гнулась, и "Брендан" накренился так сильно, что я опасался, как бы мы не стали черпать воду бортом. Джордж крикнул Ролфу, чтобы тот уменьшил площадь грота, и Ролф опустил грота рею примерно на метр. Результат не заставил себя ждать. "Брендан" выровнялся, мачта перестала гнуться, и мы лихо заскользили через пролив к веренице островков у берега. В нужный момент убрали паруса, "Брендан" обогнул крайний риф, мы взялись за весла, укрылись от ветра и отдали якорь.

"Брендан" знал, где остановиться. Меньше чем в полумиле от нас возвышался безлюдный островок, на котором в V веке жил святой Мак Дара — "сын лисицы". Трудно представить себе более совершенный пример уединенной обители монаха раннехристианской поры. От острова так и веяло одиночеством. Ни одной постройки, ни одного человека не видно, зато море кишело живностью. Вокруг лодки там, где мы бросили якорь, препирались и

ныряли за рыбой крачки, несколько не потревоженные нашим появлением. Два любопытных тюленя всплыли в десяти метрах и спокойно созерцали нас две три минуты, прежде чем возобновили рыбную ловлю. Сидя на торчащем из воды камне, шеренга степенных бакланов наблюдала труды трех полярных гагар. В воздухе над островом святого Мак Дары с криками кружили полчища чаек, и, сойдя на берег, мы поняли, в чем дело: остров был их гнездовой колонией. Мы осторожно шагали по каменистому дерну, чтобы не наступить на чайчье гнездо, где лежали три яйца в бурую и черную крапинку или испуганно жался к подстилке неуклюжий птенец, чьи родители возбужденно кричали над нами.

Остров сохранил атмосферу безмятежного уединения. Мы осмотрели места паломничества верующих, которые направляются сюда в день святого Мак Дары, чтобы пройти вокруг острова и помолиться в нехитрой часовне из серого камня, одной из самых старинных в Ирландии, с причудливой крутой крышей и узким проемом окна, обращенного к материку. У самого берега, наполовину уйдя в дерн, стоял невысокий каменный крест такой же конфигурации, как крест на парусах "Брендана", но не больше полуметра в высоту. На поверхности камня просматривалась замысловатая резьба, еле видная после тысячелетнего воздействия дождя и ветра. В угасающем свете солнца команда "Брендана" стояла на скале выше причала, безмолвно созерцая идиллическую картину. Ветер совсем стих царил полная тишина. Даже чайки перестали кричать. Джордж молча показал на камни внизу. Там ставшая здесь редкостью большая выдра преспокойно занималась рыбной ловлей на мелководье.

Остров святого Мак Дары помог нам лучше представить себе обстановку, обусловившую создание "Плавания". Среди ирландских монахов раннехристианской поры было сильно выражено стремление уединиться на островах у западного побережья, где они могли предаваться размышлениям и молитвам. Их вдохновлял пример пустынных Ближнего Востока, которые удалялись в пустыню, чтобы служить

всевышнему, ведя аскетический образ жизни. Но в Ирландии, естественно, не было пустынь, поэтому отшельники уединялись в лесной глуши или на островах. Они придумали меткое выражение, говоря, что ищут "пустыни в океане". Иные в приливе религиозного рвения выходили в море на маленькой лодке и выбрасывали за борт руль и весла, предоставляя ветру нести их куда будет угодно всевышнему. Послушные воле господней, они обосновывались на новом месте и жили в уединении, уповая на то, чем их снабдит провидение — будь то рыба или, как на острове святого Мак Дары, яйца чаек. В "Плавании" Брендана рассказывается об отшельнике, которому ежедневно приносила рыбу дружелюбная выдра.

На некоторых островах возникли настоящие монастыри, и святой Брендан посетил один из них во время своего долгого поиска обетованной земли. Когда его лодка пристала к острову, который в "Плавании" называется островом святого Эйлбе, на берегу команду встретил почтенный седой старец. Он поклонился гостям, обнял каждого и, взяв святого Брендана за руку, повел к монастырю. У ворот святой Брендан остановился, желая узнать имя настоятеля и выяснить, откуда монахи родом. Однако старец ничего не ответил, только показал жестами, что он и остальные братья соблюдают обет молчания. Согласно "Плаванию", святой Брендан (очень человечный штрих) предложил своей команде также соблюдать обет молчания, "иначе вы своей болтовней помешаете размышлениям здешних монахов". В это время подошла группа монахов, неся кресты и святые реликвии, и приветствовала гостей псалмами. После чего сам настоятель, Святой Эйлбе, пригласил их войти в монастырь. Брендан и его спутники разделили скромную трапезу с монахами, сидя с ними вперемешку за одним столом. По сигналу звонившего в колокол дежурного монаха появлялись хлеб, корнеплоды и ключевая вода. После трапезы настоятель провел Брендана по монастырю и показал часовню с алтарями, лампами и стоящими в круг стульями, где монахи вместе с настоятелем исполнили

литанию. Святой Эйлбе рассказал, что монастырь благополучно существует свыше восьмидесяти лет, людские голоса звучат на острове лишь когда поются псалмы, и монахи совсем не общаются с внешним миром.

Если исключить прикрасы, "Плавание" весьма деловито описывает островной монастырь. Единственные чудеса в этом сюжете — огненная стрела, зажигающая тонкие свечи, самопроизвольное пополнение запасов пищи и долголетие монахов. Впрочем, последнее объясняется в "Плавании" вполне рационально: настоятель сообщил Брендану, что простая пища и созерцательный образ жизни даруют монахам отменное здоровье и продлевают их существование.

Скудость приводимых в "Плавании" географических деталей не позволяет точно определить местонахождение острова святого Эйлбе. Сказано только, что монастырь помещался в двухстах метрах от единственной пристани на острове и что поблизости от него находилось два источника, один с чистой, другой с мутной водой. Однако развалины монастырей можно видеть на многих островах вдоль западного побережья Ирландии — на Инишмерри, Тори, Инишкеа, Инишглоура. Известно, что инишглорский монастырь основан самим Бренданом. Следы ирландских религиозных поселений обнаружены также на Гебридах, на Оркнейских и Шетландских островах, даже, по некоторым данным, на Фарерах и ведь все эти архипелаги — ступеньки на маршруте в Северную Америку. Приписываемый святому Эйлбе монастырь мог находиться в любой точке этого маршрута, но самое важное то, что "Плавание" говорит о его существовании как об очевидном факте, изображая не какой то фантастический замок, а обитель, которую ирландский священник раннего средневековья тотчас отождествил бы с реальным монастырем.

<http://film.tr200.ru> - Фильмы, мультфильмы, видеоролики
[скачать](#)

Остров святого Мак Дары был последней раннехристианской обителью на ирландском этапе плавания современного "Брендана". Когда мы проснулись на

другое утро, дул свежий ветер, и, несмотря на принятые по радио предупреждения о шторме, мы подняли якорь, спеша использовать шанс пройти курсом, позволяющим обогнуть мыс Слайн. Несколько часов мы шли великолепно, развивая скорость около пяти узлов. Точно определить скорость не удавалось из-за неисправности лота, но это нас не тревожило. На наши удочки попались две скумбрии, которые тут же очутились на сковородке, и прожорливая молодая чайка — ее удалось отпустить невредимой, хотя Ролф был не прочь выдернуть несколько маховых перьев, уверяя, что ими здорово чистить трубку. Только Артур хандрил: его все еще мучила морская болезнь, и накат вокруг мыса не сулил облегчения.

Однако затем погода испортилась. Низкие тучи заслонили маяк на Слайне. То и дело лил дождь похолодало. Под вечер мы оказались во власти первого с начала плавания шторма, и нас все быстрее относило в море. За кормой тянулись тросы, призванные тормозить лодку, и мы по очереди вычерпывали воду, плескавшуюся под настилом. В условленное время я включил рацию, чтобы связаться с береговой станцией в Валентин, но услышал лишь треск разрядов. С "Брендана" было видно сверкающие во мраке молнии. Сильные грозы не позволяли наладить связь, и, не желая тратить попусту энергию аккумуляторов, я выключил рацию. Джордж выбрал лаг, чтобы не запутался в тормозящих тросах мало того что "Брендан" был отрезан от внешнего мира — мы не могли определить, как далеко отнесет нас штормом в Атлантику.

Двадцать четыре часа "Брендан" уходил от крепкого ветра. Сперва Артур, за ним Питер впали в полубесчувственное состояние, утратив всякий интерес к происходящему. Мы с Ролфом и Джорджем подкрепились горячей похлебкой, и я незаметно проверил, сколько осталось питьевой воды. Наше поспешное бегство в открытый океан было совсем не предусмотрено, и мы не располагали достаточным ее запасом. Если "Брендан" вдруг заштилует или ветер угонит нас слишком далеко от берега, придется вводить норму. Когда, по моим подсчетам,

"Брендан" отнесло от берега миль на сто, ветер присмирел и сместился к западу, возвращая лодку к земле, к безопасности. На второй день мы смогли приготовить горячую трапезу и навести относительный порядок в кабине: врывающиеся на борт волны натворили там бед, да и мокрой одежды немало накопилось. Согрев окоченевшие пальцы, я записал в дневнике, какие уроки нами извлечены: впредь ни за что не выходить в море без полного запаса питьевой воды каждому припасти дополнительные пары носок и перчаток, чтобы не мерзнуть полиэтиленовые мешки — ненадежная тара для продуктов, содержимое многих из них превратилось в мокрое месиво. Пришлось даже выливать тошнотворную смесь морской воды с картофельными хлопьями, соусом, хлебным крошечком и сушеными овощами. Не менее досадно было то, что не осталось ни одного сухого коробка спичек и зажигалки отказывались работать. Шла третья ночь, когда мы наконец увидели остров Тори у северо-западной оконечности Ирландии, и к этому времени мы настолько устали, что обрадовались наступившему безветрию. Полчаса поработали веслами впустую, потом легли, чтобы дать отдых натруженным мышцам, предоставив "Брендану" медленно дрейфовать к берегу вместе с накатом.

— Ты не можешь вытащить аптечку? — разбудил меня Питер вскоре после полуночи. — Рука не дает покоя.

— В чем дело? Где болит? — пробормотал я, с трудом принимая сидячее положение.

— Не знаю. Что-то с рукой неладно. То словно огнем ее жжет, то онемееет так, что совсем ничего не чувствую.

— Должно быть, растянул мышцы, когда мы гребли, — заключил я. — Вот, прими две болеутоляющие таблетки и постарайся расслабиться. Боюсь, больше ничего нельзя сделать, пока не подует ветер и мы сможем подойти к берегу. Там попробуем найти доктора.

Питер проглотил таблетки и продолжал сидеть, уныло привалившись к банке. Лицо его посерело, глаза сами закрывались. Час спустя он снова окликнул меня.

— Не помогает. Только еще хуже болит. Теперь на весь бок распространилось, даже дышать больно. Прошу, тебя, включи рацию, вызови помощь.

Я посмотрел на карту. "Брендан" заштилел в каких-нибудь двух милях от побережья графства Донегол, но шансов быстро доставить Питера на берег было не больше, чем если бы нас отделяли от суши сто миль. Грести против течения бесполезно, а Питер явно нуждался в медицинской помощи. Я включил рацию.

— Радиостанция мыс Малин, радиостанция мыс Малин, вызывает "Карра "Брендан".

— "Карра "Брендан", "Карра "Брендан", мыс Малин слушает. Прием.

— Мыс Малин, говорит "Брендан". Мы заштилели в районе Лаймбэрнэр Рок. Один из членов команды нездоров, нужен врач. Вы можете нам помочь?

Мыс Малин попросил меня подождать, и через десять минут радист сообщил, что, к сожалению, в этом районе нет спасательных катеров.

— Можем связаться с каким-нибудь судном.

— Не стоит, по-моему, лучше договориться с местными рыбаками, чтобы сняли с "Брендана" больного, — предложил я.

— Будет сделано, "Карра "Брендан". Следите на этой частоте.

Мыс Малин выключился, и спустя полчаса последовал новый вызов.

— Местное рыболовное судно выходит из селения Балихориски, чтобы забрать члена вашей команды. Зажгите опознавательный огонь. Удачи вам, "Карра "Брендан". Прием.

— Спасибо, мыс Малин. Мы известим вас, как пойдут наши дела.

Часом позже мы заметили огни небольшого промыслового судна и услышали ритмичный стук машины. Судно сблизилось с нами, рыбаки заглушили двигатель, и в тишине до нас донеслись мягкие звуки ирландской речи.

Зажегся фонарь я рассмотрел силуэты двух мужчин и одного мальчугана.

— Эй, держи — Рядом со мной шлепнулся конец троса. — Мы отбуксируем вас

Двигатель заработал снова, и мы заскользили к берегу. Впереди выстроились сплошные скалы, но в последний момент, когда мне казалось, что мы вот-вот напоремся на камни, на судне вспыхнул прожектор, и оно ловко юркнуло в крохотную бухту, увлекая за собой "Брендан".

— Здесь вам нечего бояться — крикнул кто-то, и незримые руки пришвартовали "Брендан" к борту судна.

Вскоре на дороге замелькала синяя мигалка санитарной машины, и Питера увезли.

— Огромное вам спасибо, — обратился я к нашим спасителям, которые терпеливо ждали вместе с нами.

— Не за что, — отозвался пожилой рыбак. — Вы теперь отсыпайтесь. А утром приходите к нам, жена покормит вас завтраком.

И рыбаки спокойно, словно им каждый день приходилось спасать средневековые кожаные лодки, повернулись и зашагали домой.

Вот и окончен первый этап нашего плавания, сказал я себе. Историки утверждают, что в средние века людям жилось трудно, неуютно, не обходилось без опасностей. Они правы.

6. Гебриды

Два дня мы отсиживались в Балихориски, занимаясь мелким ремонтом и отдыхая. Наши спасители, семейство Фрейлов, являли собой живое олицетворение старой истины о братстве, объединяющем всех моряков. Они кормили нас, выстирали просоленную одежду, свозили меня в город, где мне надо было закупить провизию. Заехав в больницу, я встретил у ворот Питера. Вид у него был удрученный.

— Ну, что тебе сказали? — спросил я.

— Врачи определили растяжение грудных мышц с левой стороны и велели отдыхать две недели, прежде чем возвращаться на борт.

— Что ж, это не так страшно. Мы можем и без тебя дойти на "Брендане" до Гебридов, а ты, как отдохнешь, присоединишься к нам в Сторноуэе или еще каком-нибудь порту на севере, откуда мы начнем дальний переход до Фареров.

Питер еще больше погрузнел.

— Боюсь, ничего не выйдет. Врачи предупредили, что растяжение может повториться, если я опять стану нагружать эти мышцы, и будет еще хуже. А если в следующий раз не окажется возможности доставить меня в больницу?

Беда. Случись какое-нибудь происшествие, каждый член экипажа должен быть в форме, и Питеру достало мужества признать, что после травмы он не может поручиться, что выдюжит до конца плавания. Понятно, ни Питер, ни я не могли пойти на такой риск. Пришлось смириться с тем, что Питер Малит вышел из состава экипажа. С огорчением уложил он свою сумку и простился с нами.

К счастью, я располагал временной заменой в лице Уолиса Кларка, бывшего президента Ирландского морского клуба. Уолис еще раньше вызвался помочь нам, на этапе от Ирландии до Шотландии, и он жил всего в нескольких часах езды от Балихориски. Короткий телефонный разговор, и

Уолис, как говорится, явился на службу, облаченный в две пары просторных шерстяных рейтузов, несколько свитеров, изношенную вязаную шапку, которая вполне могла бы служить наволочкой, и клеенчатый плащ величиной с небольшую палатку. Рядом с ним даже Артур выглядел маленьким.

Тем временем мы извлекали пользу из уроков, преподанных штормом. Первым делом надо было сместить вперед водяной балласт, чтобы нос "Брендана" опустился и лучше входил в воду, а корма скорее поднималась на попутной волне. Затем Ролф принялся наводить порядок на камбузе, расположенном сразу за главной кабиной. До сих пор эта часть лодки сильно смахивала на средневековую мусорную кучу. Каждый раз, когда кто-нибудь пробирался к рулевому веслу, резиновый сапог сминал кружку или давил подмокшие ингредиенты очередной трапезы. Вооружившись бечевкой и дощечками, Ролф ловко смастерил шкаф для провизии и две полки, где можно было безбоязненно хранить дневные порции чая, кофе и сахара. Бечевку вместо гвоздей или шурупов он использовал потому, что гибкий корпус "Брендана" не признавал никаких жестких креплений.

Тридцатого мая во второй половине дня, с началом отлива, "Риэлт Фанад" ("Звезда Фанада") Дана Фрейла отбуксировал "Брендан" туда, где рыбаки пришли нам на выручку. Снова царил почти полный штиль, и "Брендан" застыл на месте в ожидании ветра. Но теперь на борту было совсем другое настроение. Команда отдохнула и набралась сил, и мы тщательно осмыслили пережитое во время шторма. "Брендан" выдержал бурю, которая разбила бы вдребезги и потопила менее прочную конструкцию. Наша лодка убедительно показала, что вполне способна благополучно одолеть бурные волны и сильный ветер. А потому наша вера в "Брендана" и в свои собственные силы заметно окрепла. Об удобствах говорить не приходилось, и управлять "Бренданом" было чрезвычайно трудно. Фактически при такой малочисленной команде это было все равно что лететь на воздушном шаре. Снялся с якоря — иди

туда, куда влекут тебя ветры и течения. Возможности влиять на курс были очень малы, и при встречном ветре оставалось только держаться и ждать перемены к лучшему. Словом, мы начинали постигать, каково было средневековому мореплавателю, оказавшемуся во власти ветра и волн и вооруженному лишь терпением и верой.

Уверенность воодушевила экипаж, и, как-только па другое утро подул ровный сильный ветер, Джордж, поскольку мы изменили центровку балласта, убедил нас проверить новые аллюры "Брендана". По его команде мы маневрировали парусами, и "Брендан", приводясь к ветру, развивал неплохой ход. Лодку по прежнему сносило по поверхности моря, так что нельзя было утверждать, что мы идем против ветра. Но и вперед мы продвигались отменно и, вместо того чтобы уходить по ветру от волн, шли параллельно им, легко переваливая через гребни. Весь этот день мы выдерживали северо-западный курс, направляясь в сторону Шотландии, и нас не обескуражила случайная волна, которая обрушилась прямо в лодку. Непривычно было, неся рулевую вахту, смотреть, как широкая ясеневая лопасть быстро рассекает воду, и ощущать, как чутко кожаная лодка отзывается на малейший поворот румпеля. Наконец то, говорил я себе, "Брендан" идет по настоящему. Он громоздковат, это правда, но все же ведет себя как настоящий парусник.

<http://kino.tr200.net> - [Фильмы](#), [мультфильмы](#), [видеоролики скачать](#)

Трах. Мои размышления разом были нарушены — деревянная грота рея сорвалась и со стуком упала, сминая хлопающий парус. Льяной трос, поддерживающий рею, лопнул, и рея с гротом совершили свободный полет. Окажись кто-нибудь под ними, ему пришлось бы худо. Теперь же Джордж живо вскарабкался на мачту, словно обезьянка на шест, пропустил через рым новый трос, мы подняли парус и опять заскользили по волнам. Уолис, родичи которого не одно поколение были связаны с льнопрядением, осмотрел растрепанные концы лопнувшего фала и скроил презрительную мину.

— Жуткая дрянь. Неудивительно, что лопнул. В прядях полно мусора. Где вы такие раздобыли?

— А других и не было, — ответил я. — Льяной трос практически невозможно добыть, пришлось брать единственный образец, какой мне предложили. С самого старта маемся, особенно тяжело досталось нам во время шторма, каждые два три часа сращивали лопнувшие тросы.

— Постараемся раздобыть что-нибудь получше, — сказал Уолис. — Я свяжусь с друзьями, которые работают в этой отрасли, и мы посмотрим, что можно сделать. "Брендан" заслуживает лучшего материала, чем это дерьмо.

На второй день после выхода из Балихориски мы утром подошли к острову Айона. Три часа хорошей работы веслами — и перед нами открылся Мартирс Бэй (бухта Мучеников), где тысячу лет назад шайка норманнов зверски убила тридцать монахов Айонского монастыря и оставила трупы гнить на береговом песке. До той поры Айона был жемчужиной ирландских заморских миссий. В 563 году сюда приплыл из Ирландии на своей карре святой Колумба. Бухта, где он впервые ступил на землю острова, по сей день называется Порт на Карра. По преданию, Колумба велел своим спутникам закопать лодку в землю, чтобы не было соблазна возвратиться на родину. Под его твердым руководством ирландские монахи учредили на острове один из важнейших кельтских монастырей во всей Европе. Айона сыграл роль трамплина для христианизации Северной Британии, направляя миссионеров на запад и север Шотландии и на север Англии. Повсеместно Колумба и его преемники основывали дочерние монастыри по образцу первого, айонского. Но затем появились норманны. Айона подвергся нападениям в 795 году, затем в 802 и 806 годах. Повторные набеги вынудили монахов покинуть остров и вернуться в Ирландию, где они, в частности, создали знаменитую "Книгу из Келлса" — первый известный нам перевод евангелия на гэльский язык.

В наши дни на Айоне тоже есть аббатство. Оно построено поверх развалин бенедиктинского монастыря, основанного здесь в X веке, и служит обителью айонской

религиозной общины, насчитывающей около 130 членов, сторонников объединенной церкви. Община включает англиканцев, баптистов и католиков, действующих за границей и в промышленных городах Великобритании. Каждый год члены общины стараются по возможности собраться на Айоне, чтобы провести неделю в уединении и затем с новыми силами предаться миссионерской деятельности.

Общинный староста любезно предложил команде "Брендана" отобедать в трапезной монастыря и после трапезы преподнес нам на память о визите маленькую копию замечательного ирландского кольчатого креста XV века, известного под названием "Крест св. Мартина", который стоит у врат монастыря. Подходящий подарок, если учесть, что на парусах "Брендана" тоже был изображен крест св. Мартина.

Сверх того в Айоне наша команда пополнилась новым членом взамен Уолиса Кларка, который должен был возвращаться на работу после затянувшегося уик-энда. Не успел Уолис отбыть с острова на маленьком пароме, как в Мартирс Бэй вошел сильно потрепанный парусник с голубым корпусом, а час спустя на берегу ко мне подошел человек весьма причудливой внешности.

— Слушайте — начал он возбужденно, — это вы шкипер той диковинной лодки? Слушайте, это же здорово Мне сказали, что вы ищете человека для своей команды.

— Да, ищу, — осторожно ответил я, рассматривая незнакомца.

Высокий сухопарый мужчина длинные волосы упорно спадали ему на глаза, и он убирал их нервным движением руки. Наиболее выдающейся чертой лица был похожий на клюв крупный нос, который вместе с непрестанно взмахивающими, на редкость длинными руками придавал незнакомцу сходство с хищной морской птицей. Еще примечательнее было его одеяние. На голове — армейский берет торс облачен в поношенный морской свитер, достающий до самых колен на обтрепанных джинсах вышиты суда, цветы и звери. Ниже джинсов — ни носков, ни

ботинок, ни сапог, только голые ступни, и он явно не задумывался над тем, что стоит в ледяной воде. Впечатляющая картина

— Я капитан вон той голубой яхты, — торопливо продолжал этот фантом, сопровождая свои слова широким жестом, — Мы совершаем рейсы по Гебридам. Но я хотел бы присоединиться к вам, если вы согласны.

— А как же ваше судно? — спросил я. — Что будет с ним? И с теми, кто вас зафрахтовал?

Я живо представил себе несчастных туристов, брошенных на произвол судьбы этим сумасбродом.

— Все будет в порядке, — ответил он. — У меня есть два брата. Они могут поработать лето за меня. — И, словно вспомнив, что не спросил самого главного, он добавил: — Да, кстати, куда вы собрались идти на этой лодке? Вот так в порыве разудалого энтузиазма нагрязнул Идэн Кэнил и вскоре стал нашим штатным остряком и живчиком. Неунывающий Идэн явился желанным пополнением нашего экипажа. Бесшабашный по природе, он без оглядки мчался по жизни от одной переделки к другой. Идэн умел управляться с парусами и рулем, не боялся ни сырости, ни холода и — к моей великой радости — не возражал против того, чтобы разделить со мной обязанности кока. Фактически единственным его существенным пороком, который проявился в ближайшие недели, был чудовищный и ненасытный аппетит. Его голод не признавал никакой дисциплины. Идэн готов был есть что угодно и в любом объеме, и мы быстро убедились, что оставлять что-нибудь в миске на потом опасно. Прожорливость и привычка размахивать длинными руками обеспечили Идэну прозвище Олуша в честь его пернатого родича, чья ненасытность породила не одну легенду.

Идэну требовалось два дня, чтобы уладить свои дела перед тем, как присоединиться к нам, и мы условились о встрече на близлежащем острове Тайри. Таким образом, когда мы отчалили от Айоны, команда "Брендана" была совсем не укомплектована: только четыре человека. Проходя мимо аббатства, мы услышали прощальный звон

больших колоколов, и общинный староста, стоя у самой воды, махал нам вслед, пока мы не обогнули мыс и взяли курс на Тайри. Небо словно спускалось все ниже и ниже, в конце концов, нас поглотил морозящий сумрак, и мы продолжали плыть в своем, обособленном мире.

Море явно вознамерилось преподать нам еще один урок средневековой навигации. Я тревожно косился на лаг, отсчитывающий пройденные мили. И всматривался в темноту впереди, однако ничего не мог разглядеть. Видимость не достигала и ста метров. Я посмотрел на карту, в двадцатый раз подсчитывая расстояние, отделяющее Лиону от Тайри. Попросил Ролфа бросить лот, но он не достал дна. Я не очень доверял лагу, но, судя по нему, мы уже покрыли всю дистанцию между островами. Может быть, течение притормозило нас? Или увело с курса и пронесет по дуге мимо Тайри, так что мы вовсе не увидим острова? Лоция предостерегала, что нас ждут берега, отороченные подводными камнями, а по радио вновь передавали штормовое предупреждение. Я сказал себе, что "Брендану" следует возможно скорее укрыться в гавани.

Внезапно послышался голос Артура.

— Земля! Земля! Прямо на носу — кричал он. Сквозь сумрак я различил протянувшуюся невдалеке перпендикулярно нашему курсу чуть видную линию раздела между берегом и морем. Ветер гнал нас прямо на берег.

— Руль на ветер — крикнул Джордж.

Ролф бросился вперед, чтобы отрегулировать паруса для перемены курса. Заскрежетала цепь шверца, который Артур опустил, чтобы уменьшить снос. Нос "Брендана" повернул к северу, однако береговая линия последовала за ним. Мы по прежнему шли прямо на остров.

— Ты не можешь привести ее еще больше к ветру, Джордж? — спросил я.

— Могу, если ты хочешь, чтобы мы потеряли скорость и нас снесло, — ответил он. — Кажется, мы попали впросак.

Ролф снова бросил лотлинь.

— Четыре сажени — крикнул он мне.

Я уставился на карту. Четыре сажени, четыре сажени, и прямо перед носом земля... Где же мы находимся? Внезапно до меня дошло: ослепленный туманом, я позволил течению увлечь "Брендан" в бухту на юго-восточной окраине Тайри. И никакой гавани впереди, только камни, способные пропороть кожаную обшивку. Не примем срочных мер — попадем в классическую ловушку, нас запрет в заливе, и тогда весла не помогут, слишком мало гребцов.

— Ролф Башмак — крикнул я. — Садитесь на весла. По веслу на каждую сторону, помогайте направлять лодку.

Джордж, если повезет, выкарабкаемся из бухты с северной стороны. Но для этого надо войти за внешние рифы. Держи возможно круче к ветру. Я займу место вперёдсмотрящего. С места рулевого нельзя было толком следить, что делается впереди, — парус заслонял поле зрения. Поэтому я взобрался на блоки плавучести на носу, ухватился за трос, выпрямился и, балансируя там, отдавал команды Джорджу. "Брендан" петлял между камнями, и судьба его висела на волоске. Надо было, где под парусами, где на веслах, исхитриться пройти между вереницами рифов. Ролф с Артуром по очереди маневрировали веслами, Джордж — рулевым веслом. Напрашивалось сравнение с начинающим лыжником, который спускается по крутому склону на разъезжающихся лыжах, огибая препятствия, силясь сохранить равновесие и поминутно опрокидываясь вперед. Очень уж похожие ощущения испытывали мы на "Брендане". Сочетание ветра, наката и сноса, течений и отката непрестанно изменялось, и любая промашка грозила катастрофическим столкновением с рифами.

— Так держать, устойчиво на курсе — крикнул я Джорджу, и мы проскользнули мимо первой группы торчащих камней.

— Направо! Направо! Ролф, навались изо всех сил — скомандовал я.

"Брендан" обогнул вторую гряду рифов с камня, вдоль которого мы юркнули, нырнул в море озадаченный тюлень. Струящиеся пряди водорослей указывали положение рифа, притаившегося у самой поверхности воды. Ни одно килевое

судно не решилось бы здесь идти, но "Брендан" сидел в воде на два десятка сантиметров с небольшим, чему я был очень рад. Точно так маневрируют владельцы карр в изобилующих рифами прибрежных водах Ирландии. Трудный участок подходил к концу. Впереди оставалась последняя гряда, и волны тяжело колыхались вокруг покрытых водорослями каменных граней.

— Еще чуть вправо, Джордж

— Не выйдет — отозвался он. — Больше к ветру привести невозможно.

Ролф лихорадочно заработал веслом — восемь, девять, десять быстрых гребков... Мало... "Брендан" начал разворачиваться боком к камню, грозя наскочить на него. Меньше минуты отделяло нас от столкновения.

— Рискнем пробиваться сквозь водоросли — крикнул я. — Лево руля Башмак, теперь ты греби что есть мочи

<http://film.tr200.net> - Фильмы, мультфильмы, видеоролики
[скачать](#)

"Брендан" стал поворачивать, паруса наполнились ветром, и лодка пошла прямо на темную полосу водорослей. На какой глубине притаился риф? Водоросли, шурша, погладили кожу "Брендана", и наше суденышко без единой царапины легко перевалило через барьер. Опасности остались позади. Башмак и Ролф убрали весла и обессилено поникли на банке. Я спустился с носа и присоединился к Джорджу на руле.

— Пронесло, — пробурчал я ему. — Вот нам и второй урок. Нельзя допускать, чтобы "Брендан" заперло в заливе, иначе можем вовсе без лодки остаться.

Тайри — еще один из островов Гебридского архипелага, где обосновались ирландские монахи. Во времена святого Брендана здесь помещался дочерний монастырь айонского. Кое кто утверждает, что его учредил сам Брендан, и предания раннехристианской поры настолько живы в памяти говорящих на гэльском языке островитян, что вам покажут на один из рифов в новой гавани — риф Моллахдэг (Проклятый риф) — и поведают, что именно к нему причалил святой Колумба, когда приплыл на остров Тайри. Он

привязал свою карру к водорослям, но они порвались, и лодку отнесло, после чего Колумба проклял риф и сказал, что отныне и вовеки на нем ничего не будет расти. Все остальные подводные камни в гавани покрыты густым зеленым ковром, а Моллахдэг долго оставался голым, и лишь недавно на нем появились жалкие клочки водорослей.

Судя по тому, что на островах можно услышать немало историй о вспыльчивости ирландских святых мореплавателей, они явно отличались сварливым нравом. На том же Тайри рассказывают, что святой Колумба поскользнулся и упал, наступив в воде на камбалу, после чего повелел ей носить оба глаза на одной стороне, чтобы такие происшествия не повторялись. А в районе Балихориски один старый рыбак объяснил мне, почему из всех заливов побережья только в бухте Малрой совсем не ловится лосось. Дескать, один святой, приплыв туда, попросил в поселке рыбы, но ему отказали, и тогда он, разгневанный, навсегда изгнал из бухты лососей.

Идэн присоединился к нам на Тайри, и, когда мы приготовились выходить из гавани, он взялся за весло и сделал для пробы несколько гребков. Я три года был рулевым оксфордской восьмерки, так что с первого взгляда узнаю опытного гребца.

— Эй, я вижу, тебе не впервой грести? — крикнул я Идэну.

— Верно, а почему ты спрашиваешь? — удивился он.

— Думаю, твое умение нам пригодится. За какую команду греб?

— Я был капитаном итонской команды, когда мы в Швейцарии выиграли первенство мира для школьников.

Только Идэн, сказал я себе, мог забыть упомянуть об этом раньше.

Покинув Тайри, мы под великолепным закатным небом пошли на север, в пролив Минч, отделяющий Внешние Гебридские острова от Внутренних и от берегов Северной Шотландии. Отличные места для хождения под парусами: цепочка Гебридов защищала нас от мощи Атлантики, и, пока в океане бушевали штормы, мы могли плыть сравнительно

спокойно, продолжая осваивать наше диковинное суденышко.

Меня беспокоили швы, соединяющие кожи обшивки. Фиаско с льняными тросами явилось зловещим предупреждением. Если нити дратвы, которой сшиты кожи, такие же никудышные, как снасти, то мы плывем на борту смертельной ловушки: "Брендан" может вдруг развалиться. Для проверки я поковырял швы пальцем. Дратва стала совсем мягкая и проминалась ногтем, но крепость ее опасений не вызывала. Я знал, что на дратву пошла пряжа более высокого качества, чем на тросы, но подозревал, что есть еще одна причина, почему она сохранила прочность. Когда мы были заняты строительством лодки, наш поставщик прислал образцы пряжи, чтобы их проверили в лаборатории вместе с лоскутами кожи, дубленой в экстракте дубовой коры. При этом лаборатория сделала интересное наблюдение. Как и следовало ожидать, мокрая льняная дратва была прочнее сухой, а когда ею прошили кожу, она стала более устойчивой против гнили. Таннин из кожи пропитал дратву, и лен тоже оказался дубленным. Рыбаки исстари знают этот прием до появления современной синтетической пряжи ирландские рыболовы вымачивали свои сети и линии в дубильном растворе, чтобы дольше служили. Но чего лаборатория не могла объяснить, так это почему льняная дратва делалась крепче, когда ее сшивали кожи. И, щупая влажную обшивку "Брендана", я от души надеялся, что это загадочное для науки явление продлится подольше.

Моя вера в ирландский лен возродилась в следующем же порту, когда мы зашли в Лох Мэдди на острове Норт Уист и капитан порта вручил нам бухту нового, высококачественного льняного троса. Он рассказал, что трос был доставлен на яхте из Ольстера с просьбой возможно скорее передать на "Брендан". Позднее я узнал, что Уолис Кларк, как-только вернулся домой с Айоны, сообщил о наших осложнениях с низкосортными тросами той самой фирме, которая поставила дратву для "Брендана". Директор фирмы Джим Хеншел отправил партию пряжи на

канатный завод в Белфасте: нельзя ли немедленно изготовить из нее трос? Это крайне важно для "Брендана". Через сутки трос был готов, и яхта тотчас повезла его на север.

Новый трос превосходил старый по всем статьям. Шелковистый, крепкий, работать с ним — одно удовольствие. С благодарностью мы обновили снасти "Брендана", дабы не опасаться, что нам в любую минуту на голову свалится парус.

Тем не менее мы покидали Лох Мэдди с дикой головной болью — следствие чрезмерной дозы виски и оглушительного концерта волынок: Норт Уист знаменит своими волынщиками. Впрочем, превосходная погода быстро нас исцелила. В проливе дул отличный свежий ветер при совсем умеренной волне.

— Ну что, Джордж, посмотрим, на какую скорость способен наш "Брендан"?

Джордж радостно улыбнулся.

— Не боишься, что мачту сломаем?

— Не боюсь. У нас последний шанс проверить аллюры перед выходом в открытый океан.

— Отлично. Поставим все наши паруса — и нижние бонеты, и боковые, а мачту на всякий случай укрепим бакштагом.

Идэн издал ликующий клич.

— Сейчас мы ее разгоним, — сказал он, весело потирая руки, и вместе с Ролфом принялся ставить бонеты, увеличивая парусность до предела.

Поначалу остров заслонял нас от ветра. Но, как-только мы вышли из прикрытия, паруса прибавили ход "Брендану". Вода вдоль кожаных бортов бурлила все громче, по мере того как нарастала скорость.

— Поднять шверцы — скомандовал Джордж, и мокрые доски, роняя капли, со стуком легли на настил.

Без тормозящих шверцев плоскодонный "Брендан" рванулся вперед. Я глянул на счетчик лага. Мы мчались словно экспресс, развивая скорость шесть семь узлов. Было видно, как гнется румпель от напора рассекаемой воды. Стоило Джорджу чуть повернуть весло, как в воздухе

веером рассыпались брызги. Ролф приплясывал от удовольствия.

— Глядите. Глядите — "Брендан" понес.

В пролив между островами врывался накат, и, встретившись с ним, мы стали качаться вверх вниз на волнах. Ощущение было такое, словно мы катаемся на искусственных горках на ярмарке. "Брендан" соскальзывал с гребней со скоростью восемь десять узлов. Время от времени он вырывался из объятий моря и стремительно мчался вперед, оседлав гребень подобно любителю серфинга. В такие минуты счетчик лага показывал максимум двенадцать узлов и стрелка упиралась в край шкалы. От опьяняющей гонки захватывало дух. Средневековое суденышко несло со скоростью современной яхты — потрясающее впечатление. Льяные тросы и кожаные ремни старинного такелажа гудели от напряжения. Массивная Н образная опора рулевого весла кряхтела и прогибалась при встрече лодки с волной. Паруса вздувались и трепетали под напором ветра... После двух часов лихой скачки я без особой охоты распорядился уменьшить парусность, боясь, что лодка либо разорвется на части, либо зароется в воду.

Позднее выяснилось, что один служащий береговой охраны наблюдал в бинокль, как "Брендан" мчится в проливе на север, пробиваясь сквозь шквалы с дождем. Прикинув скорость "Брендана", он позвонил своему начальству и предсказал, что лодка через шесть часов будет в Сторноуэе. Не веря собственным глазам, он продолжал следить, как мы проскакиваем один ориентир за другим, еще раз проверил свои расчеты и снова связался со Сторноуэем.

— "Брендан" еще в пределах видимости, — доложил он. — Но мой предыдущий прогноз отменяется. Ждите "Брендан" в Сторноуэе через три часа.

Мы убедились, на что способна океанская карра в идеальных условиях, и наградой нам было великолепное завершение гонки вдоль Минча. Ветер не оставлял нас всю дорогу до Сторноуэя. Мы с шиком обогнули маяк, спустили

передний парус и прошли мимо островного парома, с которого нам махали выстроившиеся у борта пассажиры и команда. Подчиняясь знакам человека, стоявшего на рыбачьей пристани, мы свернули туда. Отдана команда, грот плавно спускается вниз. Артур делает два мощных гребка, своим веслом, поворот рулевого весла — и "Брендан" аккуратно швартуется у причала, как будто мы всю жизнь только и делали, что ходили на средневековых суденышках.

— Огорчили вы нас, — мрачно произнес скорбный шотландец на пристани. — Ребята из спасательной службы так надеялись поупражняться, вытаскивая вас из воды. Ну да ничего, — добавил он с великолепным гэльским пессимизмом, глядя сверху на наше диковинное суденышко, — вы еще зададите им работу, когда пойдете на Фареры. Не хотел бы я плыть вместе с вами.

7. Овечьи острова

От Сторноуэя до самого южного из Фареров чуть больше двухсот миль — две сотни миль открытого моря, есть где разгуляться ветрам Атлантики. Почти точно посередине просвета между Шотландией и Исландией, венчая гребень подводного хребта, вздымается над водой группа из двух десятков островов. Один из самых уединенных уголков Европы, Фарерский архипелаг вполне может быть назван детищем моря. Море кормит островитян местные дети в том возрасте, когда обычно учатся кататься на велосипеде, уже умеют управлять лодочками и плавают от острова к острову повседневную жизнь фарерцев во многом определяют медленно кружащие у них над головой мощные атлантические депрессии, которые большую часть года накрывают острова густой пеленой влажных облаков и поливают дождем два дня из каждых трех. Как для святого Брендана, так и для нашего современного "Брендана" Фареры были ключевой точкой всего плавания. Если в "Плавании" и впрямь описан реальный "ступенчатый маршрут" ирландских монахов в Америку, то Фарерские острова — первая логическая промежуточная станция на долгом пути.

Купаясь в облаках, они скрываются за горизонтом, когда смотришь со стороны Гебридов, и однако же в "Плавании" сказано, что святой Брендан и его монахи увидели некий далекий остров и попутный ветер привел их к берегу. Высадившись, они пошли на разведку и обнаружили изобилующие рыбой реки, а также стада очень крупных ослепительно белых овец. Одну овцу поймали для пасхальной трапезы, и, когда они в страстную пятницу готовились к богослужению, появился островитянин с корзиной свежего хлеба. Подойдя к ним, он трижды пал ниц перед святым Бренданом и попросил (очевидно, на понятном для того языке) принять хлеб в дар для трапезы. Позднее тот же островитянин снабдил мореплавателей в

дорогу свежими припасами и рассказал, как плыть дальше. Отвечая на вопросы святого Брендана, он объяснил, что местные овцы достигают таких размеров, потому что их не доят, а предоставляют им вольно пастись, и природные условия здесь такие благоприятные, что стадо можно оставлять на пастбище круглые сутки.

<http://kino.tr200.biz> - [Фильмы](#), [мультфильмы](#), [видеоролики](#)
[скачать](#)

Не один исследователь подчеркивал, что это описание Овечьих островов весьма подходит к Фарерам. Благодаря Гольфстриму зимы здесь сравнительно мягкие климат и луга способствуют овцеводству, так что архипелаг славится своими овцами и шерстью. И ведь название его не изменилось: норманское Фэр Эйяр означает "Овечьи острова" — стало быть, норманны, добравшись до Фареров, дали им то же наименование, что и жившие здесь ранее ирландцы, или попросту переняли его. Что до островитянина, который преподнес хлеб святому Брендану, говорил на его языке и был знаком с христианским календарем, то вполне естественно предположить, что это был один из странствующих клириков ирландской церкви. "Плавание" называет его "прокуратором" это слово обычно переводят как "келарь", подразумевая лицо, ведающее монастырскими припасами. Мы располагаем к тому же вескими независимыми свидетельствами того, что ирландские монахи очень рано обосновались на Фарерах. В 825 году ученый ирландский летописец Диквил, служивший при королевском франкском дворе, приступил к составлению географического труда под названием "Книга о пределах Земли". Задумав включить в него составленные древними описания всех известных человечеству стран, Диквил изучил много классических авторов, однако он сетует, что им слишком мало известно об островах, лежащих к западу и северу от Британии, тогда как у него, Диквила, есть основания взяться за их описание, поскольку на некоторых из этих островов он жил, другие посетил или же беседовал с ирландскими священниками, плававшими

еще дальше, чем он сам, и читал их сообщения о наиболее далеких островах.

"Среди океана к северу от Британии, — пишет Диквил, — находятся другие острова, до которых при постоянном попутном ветре можно доплыть от северных островов Британии без остановок за двое суток. Один благочестивый священник поведал мне, что за два летних дня и одну ночь он дошел на двухместной лодке до одного из этих островов.

Есть и еще скопление маленьких островков, разделенных узкими водными промежутками здесь около ста лет обитали отшельники, приплывавшие из нашей собственной страны, Ирландии. И как острова эти прежде были безлюдными от сотворения мира, так и теперь не осталось на них отшельников по вине разбойничающих норманнов, а есть несметные стада овец и великое множество различных морских птиц. Об этих островах я не встречал упоминания у классиков".

Острова в описании Диквила во многом напоминают Фареры: слова "узкие водные промежутки" между островами вполне приложимы к напоминающим фьорды проливам архипелага путевое расстояние от расположенных севернее Шотландии Оркнейских или Шетландских островов преодолимо на малом судне при хорошем попутном ветре наконец, Фареры известны замечательным разнообразием пернатых, включая огромные колонии морских птиц на отвесных скалах, окаймляющих большинство островов. Обилие пернатых замыкает цепь признаков, связывающих Фареры с островами, описанными Диквиллом, и с Овечьим островом "Плавания", ибо в "Плавании" читаем, что келарь посоветовал святому Брендану идти до близлежащего острова, который назвал Птичьим раем. Там, продолжал келарь, путникам следует оставаться до кануне троицына дня.

Мысль о возможном тождестве Овечьего острова и Птичьего рая с Фарерскими островами не покидала меня, пока мы в Сторноуэе готовили "Брендан" к следующему этапу. Нам предстоял первый дальний переход в открытом море, и хотя на карте двести миль казались

легкоодолимыми, они могли по меньшей мере удвоиться, если подуют встречные ветры и придется идти зигзагом. Не мудрено, что в старину гебридские рыбаки называли Фареры "Фарэ вейз" — Далекими островами. При неблагоприятных условиях мы вполне могли вообще промахнуться по Фарерам. Стоит зоне преобладающих западных ветров послать в нашу сторону один хороший шторм, и "Брендан" может пронести мимо Фарерских островов в сторону Норвегии. Во времена парусного мореходства рыбаков с Шетландских и Оркнейских островов частенько увлекало штормом к норвежским берегам, так что им приходилось помногу дней сражаться со стихиями в открытых лодках таких же размеров, как наш "Брендан", и куда лучше приспособленных для лавирования против ветра. Хорошо, если все кончалось благополучно, а сколько людей погибло во время свирепых штормов...

А тут еще сторноуэйские рыбаки, мрачно созерцая пришвартованный в их гавани "Брендан", обменивались скорбными замечаниями. Встретивший нас первым Фома неверный был неиссякаемым источником пессимизма. Он без конца задавал глубокомысленные вопросы, сопровождая их одним и тем же припевом.

Например:

— А что у вас за балласт?

— Вода.

— Ой-ой. Камни лучше. Камень — он живой. А вода... Плохо. Я не пошел бы вместе с вами.

Или еще:

— А как она идет против ветра?

— По чести говоря, никак, — ответил я. — Хорошо, если получается под прямым углом к ветру.

— Не идет против ветра. Ох, это худо. — Он цыкнул зубом. — Не пошел бы я вместе с вами.

Передразнивая шотландский акцент, за моей спиной вполголоса отозвался Артур:

— Ой-ой, мы все обречены. Обречены, это точно Идэн тоже не пускал уныние на порог. Мы уже были готовы выходить из Сторноуэя, когда он вдруг хлопнул себя

ладонью по лбу и с возгласом "Забыл " выскочил на берег и побежал по пристани широким неуклюжим шагом. Мы ждали его около часа, ломая себе голову, что случилось. Наконец он примчался обратно, размахивая на бегу бумажным кульком.

— Что за важная вещь такая? — спросил его Джордж.

— А как же без нее — Тяжело дыша, Идэн прыгнул в лодку. — Немыслимо. Извините, что задержался, но я все обошел, пока не отыскал последнюю во всем Сторноуэе.

— Да что же это? — повторил Джордж.

— Бутылка "Пиммза" — ответил сияющий Идэн. — Что-то ведь нужно было припасти для смеси, чтобы мы могли делать коктейли

Наш Олуша и впрямь засек последнюю в Сторноуэе бутылку джина особого состава. А заодно надумал по секрету выращивать в лотке возле своей койки водяной кресс, чтобы была зелень для закуски. Увы, на второй день он нечаянно опрокинул заветную бутылку, так что ее липкое содержимое очутилось в трюме, а вскоре после того шальная волна захлестнула лоток с крессом, утопив единственную на "Брендане" попытку заняться комнатным садоводством.

Возвращающиеся с лова траулеры Сторноуэя весело проводили гудками "Брендан", когда он вышел из гавани и взял курс на север, и к утру 17 июня мы уже миновали Батт оф Льюис — крайнюю точку Гебридов.

Опять нас было только четверо: домашние обстоятельства вынудили Ролфа срочно вернуться в Норвегию из Сторноуэя. Я поручил Джорджу составить новое расписание вахт, поскольку он сам трудился так усердно, что никто не дерзнул бы выражать недовольство его решением. Вахты регламентировали всю нашу жизнь, они служили необходимым каркасом повседневного бытия. Каждый член экипажа строго соблюдал самодисциплину и заступал на вахту точно по графику. Поступить иначе было бы нечестно, да и мог возникнуть тот самый раздражитель, который в конечном счете рождает бешеную ссору. Все мы сознавали, что живем бок о бок в суровых условиях, как если

бы нас заточили в камере размером 2,5X11 метров, причем менее четверти этой площади было защищено от стихий и относительно пригодно для жилья. В принципе возможностей для распрей и вражды было сколько угодно, и малейшее недоразумение можно было раздуть, создавая почву для ненависти. Мы прекрасно понимали, чем это чревато, и сторонний наблюдатель мог бы заметить, как мы без всяких предварительных дискуссий настроились на обязательный для малых судов лад: сам живи и другим не мешай. У каждого был свой мир, и вели мы себя соответственно. Сообща обсуждали усовершенствования в оснастке, вносили предложения технического свойства, но сугубо личных тем не касались, если сам человек о них не заговаривал, а по всем вопросам, касающимся плавания, право на окончательное решение принадлежало шкиперу. Конечно, такая форма самодисциплины может привести к тому, что затаенное недовольство прибавит человеку желчи, однако у всех нас был за плечами достаточный опыт плавания на малых судах, мы умели придерживать язык и держать себя в руках, так что "Брендан", вне сомнения, выходил в Атлантику с эффективным и слаженным экипажем.

В обычные дни мы не ощущали никакого напряжения. Главной заботой рулевого было следить за изменениями погоды, особенно ветра, и вести "Брендан" заданным курсом. Но и то большой точности не требовалось. Выполняя штурманские обязанности, я рассчитывал лишь генеральное направление нашего хода, и рулевой закреплял румпель кожаным ремнем так, чтобы отклонения не превышали двадцати градусов. "Брендан" хорошо держался курса, и при таком сносе и частых переменах ветра добиваться большей точности было пустым делом. Облегченный подход к навигации означал также, что резервному вахтенному, в чьи обязанности входило регулировать паруса, не надо было чуть что карабкаться через груды снаряжения в средней части лодки и возиться со шкотами или менять положение шверцев. Я решил, что куда лучше настроиться на средневековый лад, проникнуться терпением и никуда не

спешить, позволяя "Брендану" плыть по своему усмотрению. Будет ли наше плавание на неделю другую длиннее или короче, по средневековым меркам не играло никакой роли, а отсутствие гонки было очевидным благом.

Команда вела размеренный образ жизни. Мы с Идэном по очереди стряпали посуду обычно мыли Артур и Джордж в ведре с морской водой. На умывание и бритье времени не тратили — незачем, только зряшная трата пресной воды. Кожаная обшивка и овечьи шкуры пахли куда хуже, чем мы сами, и было слишком холодно, чтобы нас прельщала перспектива омовения в морской воде. Расположение санузла зависело от погоды. Можно было свеситься за борт на корме, рискуя схлопотать холодный шлепок от волны, а при сильном волнении мы пользовались надежно укрепленным в средней части судна ведром, и все же члены команды явно старались подольше терпеть, когда дул сильный ветер и летели соленые брызги, грозя злополучной жертве холодным душем.

Каждый отвечал за свой участок. Джордж систематически проверял все снасти, особенно шкоты и фалы, которые изнашивались довольно быстро. То и дело нам приходилось извлекать на свет ремонтные аптечки, чтобы зашить прореху или заделать концы растрепавшихся тросов. Такелаж постоянно нуждался в регулировке, потому что льняные снасти, высохнув, провисали, а намокнув, делались тугими, словно железный прут. Мы пришли к выводу, что лучше всего натягивать их до предела, когда они сухие, и время от времени spryskivatsya водой.

Артур значился специалистом по тросам, следил за тем, чтобы они были аккуратно уложены в удобные для работы бухты, и при нашем обилии тросов ему хватало дел. В промежутках он часами старательно чистил и смазывал камеры, которые запечатлевали жизнь на "Брендане". Артур взял на себя фотосъемку, когда Питер покинул нас из-за травмы, и младший член команды проявил себя первоклассным фотографом. Нежные камеры казались такими отчаянно хрупкими в его кулачищах, однако он обращался с ними очень бережно, и врожденный талант

механика помогал ему поддерживать их в рабочем состоянии наперекор морской соли, постоянно грозившей застопорить затворы.

<http://lib.tr200.net> - Электронная библиотека

Штурманское дело, киносъёмки и радиосвязь входили в мой круг обязанностей. Раз в сутки я включал маленькую — чуть больше портфеля — рацию и пробовал наладить связь с какой-нибудь из береговых станций. Чаще всего мои попытки венчались успехом, и, хотя слышимость была не ахти какая, мы сообщали свои координаты эти сведения затем передавались в Отдел информации лондонского Ллойда, который любезно извещал наших родных. Правда, иногда нам не удавалось связаться с берегом, и в этом не было ничего удивительного, учитывая, что мощность передатчика была сравнима с мощностью электрической лампочки, а роль антенны исполнял штырь, привязанный ремнями к рулевой раме. Даже при слабом волнении гребни волн поднимались выше штыря. Единственным источником питания были два маленьких автомобильных аккумулятора, подзаряжаемые от двух панелей с солнечными элементами, укрепленных на крыше кабины. Емкость этих панелей очень мала, так что мы могли выходить в эфир лишь на короткое время. Если в пределах четырех минут не удавалось наладить связь, я попросту выключал рацию и делал новую попытку на другой день. Успешной связью мы во многом обязаны безотказности нашей маленькой рации, а также терпению и искусству операторов береговых станций, которые составили расписание и слушали на нашей частоте в такие часы, когда эфир не был загружен.

Прокладывать курс было проще простого. После выхода из Сторноуэя я опирался на взятие высоты солнца секстантом, сверяя полученные данные с радиопеленгом. Но и тут не требовалось особенной точности. Важно было выдерживать генеральное направление в остальном мы полагались на ветры и течения. "Брендан" был слишком неуклюж, чтобы прокладывать точный курс и намечать строго определенные цели. Меня вполне устраивало, если

мы сможем подойти в какую-нибудь точку островов на "ступенчатом маршруте".

Идэн, верный своей натуре, заботился о нашем увеселении. Когда он утром просыпался, об этом тотчас можно было узнать по разносившимся из конуры у фок мачты громким крикам:

— Есть хочу. Завтракать Что насчет завтрака?

Через несколько минут возникал сам Олуша и нетерпеливо совал свой длинный нос в шкафчик с провизией. Каждый день он был одет по другому. То выйдет в берете, то в вязаной шапочке, то обмотает голову шарфом. Сегодня на нем непромокаемая куртка, завтра старая вязаная фуфайка, послезавтра косматый водолазный свитер и такие же рейтузы, которые делали его похожим на огромного младенца в меховом комбинезоне. Однажды он вызвал восторженные возгласы, появившись в твидовой спортивной куртке и клетчатых брюках в другой раз вырядился на восточный лад, надев тонкую индийскую хлопчатобумажную рубашку с вышивкой и с развевающимися на ветру полами. Надо думать, он отчаянно мерз при этом, тем более что оставался — как обычно — босиком. В каком месте своего тесного спального закутка Идэн прятал столь необычный гардероб, было выше нашего разума. А он еще ухитрялся извлекать откуда то пачки сигар, купленные со скидкой в Сторноуэе. Идэн охотно предлагал сигары товарищам по плаванию, которые малость зеленели с лица при одной мысли о куреве сам же он с шиком дымил.

И, конечно, Идэн неустанно выдавал новые прожекты, один невероятнее другого, возвещая о каждом из них с великим энтузиазмом. Не проходило дня, чтобы он не обещал приготовить нам новое блюдо, да только в последнюю минуту выяснялось, что недостает какого то важного ингредиента. Впрочем, чаще всего от нового блюда просто ничего не оставалось после того, как Идэн кончал "пробовать". Дважды в день он изобретал новую хитроумную наживку для своей удочки, которая уныло волочилась за кормой "Брендана", но за все время ему

попалась лишь одна жалкая скумбрия, да и та уже успела задохнуться, когда он, к собственному удивлению, извлек из воды улов. Один раз Идэн едва не сыграл в ящик, когда с сигарой во рту ухитрился налить себе в кружку керосин вместо питьевой воды, а в другой раз беззаботно повесил сушиться на снастях самодельный вкладыш для спального мешка, да только забыл про него и вспомнил, лишь когда вкладыш сорвался с троса и заплясал на волнах точно оборвавшийся парашют, заставив нас давиться от смеха. Словом, Идэн был нашим тонизирующим средством. Его веселый нрав скрашивал нам даже самые безотрадные дни.

Артур и Олуша страстно увлекались изучением птиц, и на "Брендане" им представилась исключительная возможность предаваться своему хобби. Чем дальше на север, тем разнообразнее была пернатая фауна. Чуть ли не каждый день нам встречались какие-нибудь редкие виды, и орнитологический справочник все время был на руках. Пройдя полпути до Фареров, мы успели зарегистрировать пятнадцать различных видов, и мы часами наблюдали за поведением чаек и крачек, которые с пронзительными криками сопровождали нас или пролетали мимо, на ходу обозревая неторопливо плывущий "Брендан". Наиболее элегантными среди наших спутников были глупыши. Искуснейшие мастера высшего пилотажа, они час за часом, не шевеля крыльями, выписывали бесконечные петли и круги над самой водой, и пушистые толстые тушки придавали им сходство с огромными ночными бабочками. Почему то особое пристрастие к нам питали две полярные крачки. Они держались прямо над лодкой и обменивались тревожным пискom, нервно взмахивая крыльями, когда к ним приближались другие птицы. Время от времени они оставляли свой пост, чтобы порыбачить у нас в кильватере, а однажды мы наблюдали ожесточенный воздушный бой, когда маленькие крачки вынудили отступить здорового поморника, посягнувшего на морскую ниву вблизи от нас. Малыши отважно пошли в атаку и с криками прогнали интервента, после чего вернулись на свое место над мачтой, и мы услышали гордое щебетание победителей. Однако

торжество длилось недолго. Не прошло и десяти минут, как явилась пара поморников, и тут уже крачки обратились в бегство. Ловко маневрируя над гребнями волн, они увертывались от пикировавшего на них мощного врага.

Два дня "Брендан" неустанно шел на север. Радио продолжало слать штормовые предупреждения, но ветер оставался попутным, и, по моим расчетам, мы прошли половину пути до Фареров. Каждый день либо Джордж, либо я, просовывая пальцы в просветы деревянного каркаса, проверяли, не разрушается ли кожаная обшивка. К этому времени она совершенно пропиталась морской водой, которая мало помалу просачивалась внутрь и стекала в трюм, где постоянно плескалось от трех до пяти сантиметров трюмной воды. Но сама по себе кожа была в полном порядке, если не считать беспокоивших нас участков около Н образной рамы, расположенных симметрично по обе стороны лодки. Глядя вдоль планширя, я обнаружил, что изогнутая корма "Брендана" начала поникать, выколачиваясь и морща обшивку. Досадное обстоятельство: во первых, лодка будет хуже справляться со штормами во вторых, обшивка уже не так плотно облегла каркас, она пузырилась и собиралась в складки, как кожа на слоновьих окороках. Надавишь в этом месте пальцем — обшивка проминается, словно мягкий воздушный шар. Правда, на свойствах кожи это как будто не отразилось — наш средневековый материал держался на диво хорошо, и я подозревал, что этому содействует похолодание. "Брендан" вошел в холодные воды, а более низкие температуры, естественно, должны были тормозить возможное разложение, придавая жесткость бычьим кожам и способствуя превращению восковой смазки в твердый защитный покров. Похоже, говорил я себе, нам открывается еще одна причина, почему ирландцы предпочитали ходить в обетованную землю северным путем: пусть море здесь холодное и бурное, зато кожаная лодка в таких условиях служит дольше. В более теплых водах на южном маршруте защитную смазку могло смыть, и кожа стала бы разлагаться.

Ежедневная проверка выявила, что и деревянному каркасу достается от моря. Рулевое весло крепилось тросом к планширю на противоположной стороне, и нагрузка на этот трос была так велика, что четырехсантиметровый планширь из выдержанного дуба не устоял — появились зигзаги трещин. Джордж немедленно передвинул трос на неповрежденный участок и удвоил число найтовов, скрепляющих раму. Пробравшись потом вперед к грот мачте, чтобы проверить ее, я обнаружил, что средняя банка выгнулась вверх — видимо, под действием тех же сил, что заставили поникнуть корму. Просветы между мачтой и банкой то расширялись, то смыкались в лад колебаниям лодки, и в эти гигантские клещи лучше было не лазить пальцами — вмиг раздавят.

В раздумье я вернулся на корму. Было над чем поразмыслить. Обводы "Брендана" изменяются... Пока что это не опасно, однако вполне очевидно, что мы зависим от качества основных материалов: дерево и скрепляющие набор ремни должны быть достаточно прочными, чтобы противостоять непрерывным рывкам прогибающегося корпуса. Но главное — кожаная обшивка должна выдержать все более сильное пузырение и сминание и как бы километры льняной дратвы не лопнули от возросшей нагрузки. Подведя итог, я успокоился. Пусть средневековый судостроитель не все постиг в корабельной архитектуре — это компенсировалось качеством материалов, которые он сам придирчиво отбирал и старательно обрабатывал. Мы на борту "Брендана" усвоили это на множестве мелких примеров. Предметы нашего современного снаряжения один за другим выходили из строя. Так, сверкающий новый металлический инструмент начисто съедала ржа, несмотря на защитную смазку. Под конец первого месяца упругое пильное полотно переломилось, словно гнилая морковка рудничная лампа, взятая мной для ночного освещения, отказала. Ее металлическая сетка, рассчитанная на многолетнюю службу под землей, заросла ржавчиной, а железные заклепки рассыпались. Из всех современных материалов лишь нержавейка высшей марки, толстый

пластик да синтетические тросы успешно переносили морскую стихию. Примечательно: когда ломалось или рвалось какое-нибудь современное изделие, мы обычно заменяли его самоделками из старинных материалов — дерева, кожи, льна. Постругаешь, подгонишь, зашьешь — и замена готова. Пусть наша самоделка выглядела неуклюже и некрасиво, зато исправно служила и мы могли починить ее сами. Когда же отказывал металл или пластик, за неимением мастерской на борту оставалось лишь выбрасывать поврежденную вещь за борт.

Словом, все говорило за то, что мореходы времен святого Брендана как материально, так и духовно были лучше оснащены, чем принято думать. Корабельщики раннего средневековья располагали отменными долговечными материалами, а случись что — недолго и починить с помощью простого инструмента. И одежда их прекрасно подходила к условиям морского плавания, в чем мы на "Брендане" быстро убедились. По мере того как становилось холоднее, мы сменили синтетику на старомодную шерсть, от которой разило естественным животным воском. Быть может, мы выглядели некрасиво и от нас неприятно пахло, но пропитавшиеся воском свитера, длинные шерстяные носки и похожие на клобук шерстяные шлемы по материалу не отличались от одежды времен святого Брендана.

В один безветренный день (это было 19 июня) мы получили яркое доказательство несовершенства одной из частей нашего современного снаряжения. После завтрака Джордж пробрался на нос, чтобы вытащить упаковку с дневным запасом провизии.

<http://text.tr200.biz> - Электронная библиотека

— Фу Вы только поглядите — с отвращением воскликнул он, держа в руке пластиковый мешок, напоминающий аквариум, наполовину заполненный липкой бурой влагой, которая просачивалась наружу в одном уголке.

В густой жиже плавали бесформенные комья.

— Жуть, — пробурчал Олуша, но тут же спохватился: — Давай откроем, может быть, что-то еще сгодится.

Джордж вскрыл мешок. Несмотря на двойную укупорку, непонятно как образовалась щелка, и к первоначальному содержимому мешка добавилось несколько литров дождя и морской воды. Джордж брезгливо стал выливать за борт зловонную смесь воды чайного цвета, намокших кусков рафинада, пакетиков с заваркой, расплывшихся коржиков и клейких комьев овсянки. Все было испорчено. Олуша с надеждой во взоре перехватил пакет, который выглядел несколько более сохранным.

— Овсяное печенье — радостно воскликнул он, откусил на пробу и поспешно выплюнул. — Тьфу Сплошная соль

— Если уж ты нос воротишь, — заметил Артур, — значит, и впрямь нельзя есть.

— Послушай, шкипер, — обратился ко мне Идэн, сообразив, чем это грозит. — Может, откроем другой мешок? А то ведь в этом есть нечего.

Я рассмеялся.

— Ладно, Олуша, откроем. Наши запасы еще не кончаются.

Вот и еще урок. Если и дальше так пойдет, может возникнуть проблема с провиантом... В самом деле, несколько других мешков тоже прохудились, и большая часть содержимого пришла в негодность. Хуже всего досталось сушеным продуктам — они жадно впитывали влагу, разбухали и превратились в зловонную кашу. Только консервы уцелели, а так как у нас не было времени покрыть банки лаком, этикетки посмывало, и приходилось играть в угадайку, подбирая ингредиенты для жюльена.

— Ну и слава богу, — заключил Джордж, созерцая пакет с овощным концентратом, купающийся в изрядной порции атлантической влаги. — Эти сушеные овощи можно есть раз или два в неделю, но каждый день — это уже чересчур. У меня вся глотка пропиталась консервантами.

Девятнадцатого и двадцатого июня мы продвинулись очень мало. А когда подул встречный ветер, "Брендан" даже отступил на тридцать миль, вместо того чтобы приблизиться к Фарерам. И ничего не поделаешь, оставалось только смириться, черпая силы в усвоенном

нами философском средневековом взгляде на вещи. В конце концов воцарился полный штиль — жди, что принесет провидение. Джордж принялся играть в триктрак с Идэном и обошел его на пятнадцать очков. Артур лег подремать в укрытии. Я удобно прислонился к неподвижному рулевому веслу, наслаждаясь журчанием волн и редким поскрипыванием мачты и Н образной рамы. Лаглинь время от времени лениво натягивался, когда мы переваливали через волну.

— Вижу траулер. Приближается с севера

Хоть какое то разнообразие. Все поднялись, чтобы лучше видеть.

— Держу пари, мы у них выменяем что-нибудь за виски. — Идэн уже задумал какой то новый прожект.

— Сомневаюсь, — отозвался Артур. — Скорее всего, они включили автоматику, возвращаются домой с лова у берегов Исландии. Где им заметить нас. Да они и не рассчитывают встретить кого-нибудь здесь.

Траулер продолжал идти в нашу сторону. Видно было, что мы разминемся в полумиле, и никаких признаков жизни на борту. Вот уже можно различить название — "Лорд Желикоу".

— Слышь, Джордж, садись ты на руль. А я попробую растормошить их по радио.

Я включил нашу УКВ портативку.

— "Лорд Желикоу", "Лорд Желикоу", я "Карра "Брендан". Прием.

Тишина. Только динамик шипит. Я повторил вызов. Опять тишина. Внезапно раздался озадаченный голос:

— Я "Лорд Желикоу". Кто вызывает?

— "Карра "Брендан". Мы справа от вас, примерно в полумиле. Вы не поможете уточнить наши координаты?

— Минутку.

"Лорд Желикоу" продолжал движение тем временем, очевидно, разбудили штурмана, чтобы он дал ответ на неожиданный запрос. Траулер был уже готов скрыться за горизонтом, когда я наконец получил желаемую информацию. А позднее в тот вечер, когда мы слушали

последние известия Би би си, на той же волне включился передатчик "Лорда Джеликоу". Он вызывал береговую станцию, и по акценту шкипера нетрудно было опознать коренного йоркширца.

— "Хамбер Радио", может быть, вы просветите нас. Нам тут встретилось какое то странное судно, и мне говорят, будто на нем команда из полоумных ирландских монахов, это верно?

Ответ "Хамбер Радио" мы так и не разобрали, потому что команда "Брендана" покатила со смеху.

Двадцать первого июня, в самый длинный день года, мы явственно ощутили, что находимся в высоких широтах. Почти круглые сутки было светло, и даже в час ночи я мог без труда читать судовой журнал. С того дня и до самого конца навигации мы не нуждались в ходовых огнях — весьма кстати, потому что я предпочитал беречь драгоценную энергию наших аккумуляторов.

Вечером мы в последний раз связались с нашим ирландским приятелем — оператором береговой радиостанции "Малинхед", и он пожелал нам счастливого плавания до Фареров. Слово услышав его пожелание, ветер сместился к югу, и "Брендан" снова двинулся в нужном направлении.

На другой день в шесть утра к нам с рокотом приблизился китобоец длиной около пятнадцати метров с грозной гарпунной пушкой на форпике.

— Не дай бог, примет "Брендан" за кита и пальнет, — пробурчал Артур.

Китобоец описал круг возле нас команда приветственно махала и кричала, предлагая нам помощь. Мы помахали в ответ: "Спасибо, не надо " — и китобоец ринулся дальше, рыская по волнам в поисках добычи. Его впередсмотрящий вряд ли был бы рад морской мгле, которая белым облаком окутала нас двумя часами позже. "Брендан" призраком скользил по волнам, и тысячи блестящих капель садились на наши вязаные шапки и на бороды, словно утренняя роса на луговую траву.

Весь этот день держался легкий ветер, лишь однажды пролился сильный дождь, позволив нам собрать в виде эксперимента не один десяток миллиметров пресной воды. Мы собирали ее на брезент и сливали в котелки. Я прикинул, что при крайней необходимости мы сможем кое как протянуть на дождевой воде в этом сыром климате.

Двадцать третьего июня мы получили ответ, с какого расстояния ирландские монахи в средние века могли обнаружить Фареры на просторах Атлантики. Был обычный для этой области летний день — густая облачность с редкими прояснениями. И хотя до Фареров оставалось больше пятидесяти миль, мы легко определили их местоположение по возвышающимся над ними на сотни метров колоннам облаков. Острова отклоняли вверх влажный юго-западный ветер со стороны океана, и конденсирующаяся влага образовала облачные гряды, такие же приметные, как флажки на зеленой площадке для гольфа. Вооружившись биноклем, я присмотрелся к облакам и насторожился: под действием сильных восходящих потоков воздуха облака колыхались, поминутно меняя свои очертания, а некоторые явно скатывались через горные гребни в сторону "Брендана". Все предвещало резкую перемену погоды, и турбулентность мне отнюдь не нравилась.

Вечером мое беспокойство усугубилось. Закат не сулил ничего хорошего — красное небо с багровыми силуэтами островов в отдалении, красиво, но зловеще. Мы подошли достаточно близко, чтобы различать отдельные острова архипелага, и я тщательно изучал карты и лоцию. Лучше всего было бы, взяв курс на центр Фареров, пройти каким-нибудь из узких проливов между островами и поискать укрытие с подветренной стороны. Вот только одна помеха — течения вокруг архипелага. Во время прилива и отлива Атлантика пронизывает его могучими потоками, через проливы протискиваются полчища течений и противотечений, подчас настолько сильных, что даже большим судам приходится туго. Лоция предложила мне меланхолическую смесь осмотрительности и неведения:

"Мало что известно о скорости приливно отливных течений". "В проливах между островами течение может быть очень сильным, нередко достигая скорости восемь девять узлов". Сверх того лоция советовала мореходу не подходить слишком близко к суше ввиду опасности столкновения с рифами Дрангар перед скалами на северной и западной окраинах архипелага. Попади средневековый парусник в этот приливный сулой, сказал я себе, ни за что не выберется.

Только я проверил компасный пеленг и нанес на карту нашу позицию, как нас настиг шторм. Он обрушился на "Брендан" с юга, и завеса дождя в несколько минут сократила видимость с двадцати миль до трех. Сила ветра мгновенно возросла. Ливень хлестал лодку, и мы поспешили облачиться в штормовки.

— Всем надеть страховочную сбрую — распорядился я мы защелкнули пряжки поясов и пристегнулись леерами к лодке. — Олуша, займись передним парусом. Башмак, становись к гроту и присматривай за шверцами. Джордж, ты у нас лучший рулевой, тебе держать румпель. Я беру на себя проводку. Похоже, надо быть готовым к осложнениям.

"Брендан" двигался ощупью по направлению к Фарерам, руководствуясь последним компасным пеленгом, который я успел взять, прежде чем пелена дождя закрыла горизонт. Час спустя мы на короткое время увидели острова в просвете между стелющимися по воде облаками, и я тотчас понял, что первоначальный план придется оставить. Основное течение циркулировало вдоль островов по кругу, и подхваченный им "Брендан" огибал их по часовой стрелке. Нечего было и мечтать о том, чтобы пробиться в центр архипелага. Хорошо, если вообще сумеем пристать к берегу, а то ведь шторм способен пронести нас западнее Фареров. Ближний к нам крайний западный остров архипелага — Микинес для захода не годился. Единственные постоянные его обитатели — смотрители маяка и горстка мелких фермеров к пристани можно подойти только в тихую погоду. А вот на Вагаре, лежащем сразу за Микинесом и

отделенном от него узким проливом, есть фьорд, который может служить надежным укрытием. Надо попытаться...

Ветер продолжал крепчать, и увлекаемый течением "Брендан" со страшной скоростью приближался к суше, идя вслепую сквозь дождь.

— Держи лодку возможно круче к ветру, — попросил я Джорджа.

Мы напрягали зрение, силясь рассмотреть берег за стеной дождя. Море приобрело неприятный серый оттенок его поверхность покрылась беспорядочным выпуклым узором из пирамид и вмятин. Мы явно вошли в зону завихрений и противотечений. "Брендан" мчался во весь опор. Вперед, только вперед, если мы хотим выйти на Вагар, иначе нас выбросит боком на отвесные скалы Микинеса. Ветер дул с такой силой, что, хотя нос "Брендана" смотрел на восток, лодка скользила по гребням почти точно на север.

— Скалы — заорал Идэн.

Точно — в полумиле от нас мятущаяся полоса белой пены обозначала место, где волны штурмовали каменную стену. Это был Микинес.

— Господи Вы только поглядите — выдохнул Артур.

Зрелище и впрямь было примечательное. Тучи опустились так низко, что между ними и серой поверхностью океана оставался узкий, меньше двух метров, просвет. Высокие скалы угадывались черной тенью за облаками, мы же видели только рваную линию прибоя, разбивающегося вдребезги о камень. В эту минуту "Брендан" наткнулся на встречное завихрение и сразу замедлил ход, мы еле ползли, а ветер упорно продолжал теснить нас боком к скалам. Будто мы в кошмарном сне катились вниз по какому то туннелю... И никуда не денешься. Сверху наваливались облака, такие же неумолимые, как течение. Мы примолкли, сознавая, что сейчас все решается в поединке между черепашьим продвижением вперед и боковым сносом на скалы. Затаив дыхание смотрели, как серые скалы одна за другой мало

помалу уходят назад и в то же время берег неуклонно приближается.

<http://pda.tr200.biz> - Электронная библиотека для мобильных телефонов и планшетов

— Похоже, обойдется, — с надеждой сказал я Джорджу. — Я вижу оконечность острова. Еще четверть мили — и проскочим, а там впереди Вагар.

Джордж взобрался на планширь, чтобы лучше видеть, и метр за метром направлял "Брендан" вперед. Идэн и Артур молча сидели в средней части лодки, кутаясь в дождевое платье и пытаюсь определить, как мы продвигаемся.

— Господи. Хоть бы мачта не сломалась, — пробурчал Джордж. — Это был бы конец.

Я поглядел вверх. От мощного напора ветра на грот с дополнительными полотнищами внизу и с одного бока грот мачта согнулась так, как еще ни разу не сгибалась.

— А убирать бонеты нельзя, — продолжал Джордж. — Нам нужен максимум тяги, чтобы вырваться из течения.

— Смотри за мачтой там, где она проходит сквозь банку — крикнул я Башмаку. — Если услышишь треск, обрезай бонеты

А спустя несколько секунд случилось то, чего мы меньше всего ожидали: наш мир вдруг точно замер на месте. Привычное движение лодки и волн прекратилось, словно мы очутились в невесомости. По какой то прихоти приливного сулоя и ветра волны, вместо того чтобы двигаться по горизонтали, качались вверх вниз, как будто отсчитывая время. Одна такая волна — правда маленькая, безобидная — вздыбилась возле "Брендана", затем подалась вбок и обрушилась вертикально в трюм. "Брендан" принял удар, стоя на месте. Странно вела себя лодка — ни килевой, ни бортовой качки. Тут нижняя граница облаков поднялась на десять двенадцать метров, и мы увидели тысячи морских птиц, взлетающих со скал Микинеса. Чайки, чистики, гагарки, глупыши, олуши, тупики, поморники, крачки стая за стаяй кружили, делали виражи и пикировали на странное, бугристое, искромсанное море. Побуждаемые древним опытом, птицы занялись ловом, зная, что именно

такое сочетание ветра и течения заставляет рыбы косяки подниматься к самой поверхности.

Потрясающая картина. Как не поверить, что именно здесь находился Птичий рай

— Фантастика — обратился я к Джорджу, силясь перекричать ветер.

В свою очередь, он воскликнул, показывая:

— Гляди. Вон там. Впереди справа. Какая то громадина прыгает в воде.

Я посмотрел туда. Метрах в ста впереди широкая воронка обозначала место, где только что кто-то ушел под воду. Вот у поверхности возникла огромная тень... Выше, выше — и над волнами наклонно взлетела могучая серая туша кита. Разгоняясь в глубине, он снова и снова выскакивал на воздух, будто лосось, и тяжело шлепался обратно, разбрызгивая белую пену.

Тем временем "Брендан" наконец то миновал ловушку — скальный выступ, который выставил на нашем пути Микинес. Пройдя десять метров, мы вдруг вырвались из встречного завихрения и вошли в струю главного приливного потока, устремленного в пролив двухмильной ширины, отделяющий Микинес от острова Вагар. "Брендан" ринулся в этот просвет, словно чурбак, попавший в желоб водяной мельницы. По обе стороны от нас вздымались на двести-двести пятьдесят метров скалистые берега пролива, и в этой трубе ветер достигал силы шторма. Хорошо еще, что его направление совпадало с течением, не то "Брендан" захлестнуло бы сулом.

Вытащив адмиралтейскую лоцию, я отыскал взглядом строки, которые подчеркнул, когда соображал, как мы будем подходить к Фарерам. "В Микинесском фьорде глубины невелики в сравнении с глубинами к северу и к югу от него, — мрачно сообщала лоция. — Это обуславливает сильнейший приливный сулой, особенно при шторме, когда волны поднимаются на большую высоту... Глубины на фарватере резко колеблются, отсюда очень сильные течения и мощная турбулентность, особенно при шторме, когда беспалубным судам грозит гибель".

Все как про нас, с той разницей, что "Брендан" лихо влетел в пролив — и хоть бы капля воды залетела к нам. Стрелка лага качнулась к цифре шесть, двинулась дальше к восьмерке, к десятке и остановилась в конце шкалы на двенадцати узлах. Ветер гнал поток воды через пролив со скоростью шести семи узлов стало быть, "Брендан" развил что-то около двадцати узлов. Я не верил своим глазам. "Брендан" побил все рекорды скорости для кожаных лодок. С каждым порывом ветра лодка кренилась, едва не черпая воду планширем. Волны стремительно уходили назад. Джордж навалился на румпель, стараясь вести лодку прямо. Развернись мы боком к волне — опрокинемся

— Потравить шкоты. Обезветрить паруса — крикнул он Артуру и Идэну. — Нужно сбавить ход

Однако стоило нам потравить шкоты, как они стали дергаться и щелкать, словно бич, и я испугался, как бы кому не размозжило палец, а то и всю руку. Внезапно сквозь вой ветра пробился отчетливый громкий звук, похожий на винтовочный выстрел.

— Что это? — крикнул я Джорджу.

— Грот стень штаг лопнул — прокричал он в ответ.

— Сейчас чинить некогда, — отозвался я. — Идем дальше, авось, мачта выдержит. Нам нельзя терять скорость в проливе.

Грот мачта скрипнула и качнулась вперед, скользнув шпором по степсу. Идэн и Башмак испуганно поглядели вверх и предусмотрительно отодвинулись к планширям, на случай если она рухнет.

"Брендан" мчался во весь опор. Нечего было и помышлять о том, чтобы войти в какую либо гавань Вагара. Мы находились во власти течения, которое неудержимо влекло нас через пролив. Джордж вел лодку маленькими челночными зигзагами, пытаясь обезветрить наполненные паруса. Не помогло... Сильнейший порыв ветра оторвал от грота нижний бонет. Послышалось нечто вроде пулеметной очереди — это десятки концов крепкого белого линя лопнули один за другим, словно простые нитки. Идэн пригнулся, уклоняясь от полетевшей за борт парусины.

— Спустить грот — заорал я, хватаясь за фал. Грота рея поехала вниз, Артур бросился на нее и смял хлопающий парус оседлав его.

Парус успел сделать свое дело. До того как сорвало бонет, он пронес нас почти до конца пролива, и впереди нам вновь открылись просторы Атлантики.

— Вовремя парус сдал, — сказал я Джорджу. — Как по заказу. Случись это чуть раньше — худо нам было бы.

Не успел я вымолвить эти слова, как над морем, завывая, пронесся внезапный порыв холодного ветра с гор. Он буквально сплющил волны, превратив поверхность моря в ослепительно белое полотнище. "Брендан" вздрогнул, как от удара огромного кулака. Увлекаемый маленьким передним парусом, он метнулся вперед, точно испуганный жеребчик, и мы поспешно уцепились за первые попавшиеся опоры.

— Не убери мы грот, — крикнул я Джорджу, — этот порыв запросто срезал бы мачту

Течение выплюнуло "Брендан" из пролива, но дальше нас подстерегал штормовой южный ветер, и я решил отдать плавучий якорь, чтобы лечь в дрейф с подветренной стороны Фареров. Как-только нас отпустило приливно отливное течение, Джордж установил весло в качестве временной бизань мачты, Идэн сделал из переднего бонета подобие выносного бизаня, и Артур отдал плавучий якорь. Около часа мы дрейфовали в относительном покое и выпили по кружке чая, отдыхая после пережитого.

— Огорчу вас, ребята, — сказал я. — Похоже, не выйдет у нас высадиться на Фарерах. Если шторм не угомонится, быть нам в Норвегии или Исландии.

Мои товарищи даже глазом не моргнули.

— Отлично — воскликнул Идэн. — Тогда мы еще больше опередим график, и у нас останется больше времени хорошенько погулять в Рейкьявике.

Джордж поставил кружку и посмотрел в сторону горизонта.

— Дождевые тучи вроде бы рассеиваются. И ветер, похоже, малость сместился. Пожалуй, если мы сейчас

снимемся, есть шанс подойти к какому-нибудь из других островов. Только надо действовать быстро.

Мы не стали терять времени. Артур и Идэн дружно вытянули плавучий якорь, грот стал на место, и "Брендан" заскользил к высоким скалам Стрэймоя — главного острова архипелага. Скалы производили внушительное впечатление: на четыреста метров и больше вздымались великолепные отвесные стены, наполовину скрытые метущимися облаками. Приблизившись, мы вновь увидели полчища морских птиц, то пикирующих, то взмывающих вверх на воздушных потоках. Поверхность скал на много километров была расписана белым пометом, и непуганые птицы смело парили вокруг "Брендана".

Мы прошли всего в полумиле от входа в гавань Саксховна, единственного укрытия, которое сулила нам эта сторона Стрэймоя. Неумолимые стихии пронесли "Брендан" вокруг северной оконечности острова — вознесшегося над нашей головой могучего каменного клина, изрешеченного гротами, у разверстых пастей которых металась, словно ключья пены, белые чайки. Мы и сами попытались по примеру морских птиц использовать беспорядочные воздушные потоки у подножия скал. Джордж подвел "Брендан" к скальной стенке, и мы лихо заскользили в пятнадцати метрах от нее, уйдя от главной ветровой струи. Поравнявшись с оконечностью острова, круто повернули рулевое весло, совершили поворот вправо под углом девяносто градусов и неожиданно вновь напоролась на встречное течение. Опять пришлось нам испытать неприятные ощущения. Оба паруса — грот и передний — подняты, оба наполнены ветром так, что гнутся мачты, шкоты и фалы туго натянуты, с журчанием проносится вдоль бортов встречная волна, лаг показывает скорость шесть узлов, а мы не двигаемся ни на метр относительно берега. Встречное течение развило такую же скорость, погасило наш ход, и ничего нельзя сделать... Целый час "Брендан" топтался на месте, будто подвешенный в воздухе неким кудесником. Наконец течение изменилось, сулой

умерился, и "Брендан" спокойно двинулся вперед, словно освобожденный от чар.

— Не знаю, как вы, — сказал я своим товарищам, — но я никогда не думал, что доведется пережить такое... Шторм и морские птицы, прыгающий кит и такой сулой — и все это за двенадцать часов.

Вскоре после этого мы увидели выходящий из пролива маленький траулер.

— Вот чем мы их приманим — воскликнул Идэн и вскочил на кабину, размахивая буксирным концом и держа в другой руке бутылку виски.

Рыбаки изменили курс и отбуксировали "Брендан" в расположенный поблизости залив Тьёрнувик, в глубине которого на скалах выстроились похожие на детские кубики ярко покрашенные дома. Артур с Идэном отправились на резиновой лодке на берег, чтобы размяться и, к удивлению местных жителей, с гиканьем побежали вперегонки вверх по крутому склону. Тем временем один из фарерцев расспрашивал меня, как мы тут очутились.

— Прошли через Микинесский пролив, — объяснил я.

— В такой шторм? — Он явно был потрясен.

— Ага, ветер был попутный, так что мы лихо промчались.

— Эти воды едва ли не самые опасные в нашем архипелаге, — сказал он. — Вам повезло. Если бы вдруг подул встречный ветер, вашей лодке пришел бы конец.

"Брендан" возбудил в фарерцах жгучий интерес. В Тьёрнувике местные ребята на лодках подплывали к нам, чтобы хорошенько рассмотреть кожаное суденышко, а когда на другой день нас повели на буксире по узкому проливу Сундини в административный центр Фареров Торсхавн, люди семьями выходили из домов и следили за прохождением "Брендана". Вереница машин ехала, провожая нас, высоко над проливом по дороге, врезанной в расписанный стремительными потоками зеленый склон горы. Дух захватывало от красивых видов. За каждым изгибом взору открывались новые горы, одна выше другой. На открытых ветру склонах деревья не растут, и одетые в камень и вереск вершины поражали суровым величием.

<http://lib.tr200.biz> - Бесплатная электронная библиотека

Набережная Торсхавна была заполнена встречающими, и когда появился "Брендан", из гавани стрелой вырвалась изящная длинная лодка. Восемь гребцов гнали ее вперед короткими, быстрыми, согласованными гребками. Птицей скользя по воде, элегантное суденышко поравнялось с нами и развернулось, чтобы эскортировать "Брендан". Классические обводы обличали старинную конструкцию — это была типичная фарерская морская лодка, прямой потомок ладей, на которых пришли на Фареры норманны, вытеснившие ирландцев. Ее бережно восстановили, и теперь, укомплектованная членами одного из местных гребных клубов, она проводила к пирсу своего предшественника.

Сразу же на нас обрушился град вопросов. Спрашивали не о целях плавания, а о самом "Брендане", и каждый вопрос говорил о том, что перед нами знатоки морского дела. Как скреплен корпус? Каковы размеры каркаса? Осадка и водоизмещение "Брендана"? Хорошо ли работает рулевое весло при попутной волне? Казалось, нас допрашивает комиссия, кораблестроителей, а не простые горожане. Пожилые фарерцы в красных вязаных шапочках с лихо свисающей на ухо верхушкой ловко прыгали к нам в лодку и щупали кожу, одобрительно щелкая языком. Кто-то подал мне карту приливно отливных течений и стал показывать, как лучше всего плыть вокруг островов. Даже местное радио попросило меня подробно рассказать, как сконструирован "Брендан" и как он ведет себя в море. Нигде еще я не встречал такого знания моря и такой оценки нашего начинания. И я вновь ощутил, какие прочные узы объединяют всех мореходов в этих суровых северных водах.

Гостеприимство фарерцев иначе, как замечательным, не назовешь. Получив увольнение на берег, Башмак и Олуша буквально купались в нем. Заметив, что они проявляют необычное пристрастие к мытью посуды после завтрака, мы с Джорджем заподозрили неладное и однажды утром, когда наши герои отправились на берег с полным ведром грязных мисок и кружек, решили проследить за ними. Дойдя до Дома

моряка, мы увидели такую картину: друзья сидят на кухне, уписывая второй — даровой — завтрак, а за них трудятся юные фарерские поклонницы.

Имя святого Брендана известно каждому фарерцу еще в школе они узнают, что первыми на этих далеких островах поселились ирландские монахи. Однако никаких осязаемых следов ирландского обитания пока не найдено, вероятно потому, что папары, как называли ирландских священников, наложили слишком слабый отпечаток и он совершенно пропал под более мощной норманской печатью. Правда, недавно фарерские археологи откопали в Тьёрнувике зерна хлебных злаков, указывающие на то, что на Фарерах занимались земледелием задолго до того, как отмечены поселения норманнов. И, конечно, о жизни папаров на островах говорят живучие предания и литературные источники. Особенно прочны такие предания на главном острове архипелага — Стрэймое. Ирландские священники жили здесь на берегу небольшого уютного крика в юго-западной части острова. Показательно сохранившееся до наших дней название этого места — Брандарсвик, то есть Брендан Крик.

У меня было задумано при первой возможности посетить Брендан Крик, а тут, вернувшись как-то утром из вылазки по магазинам, я увидел на "Брендане" ожидающую меня примечательную парочку. Девушка была очень хороша. Чудное лицо, большие карие глаза и необычная для светлых фарерцев смуглая кожа, придававшая ей сходство с цыганкой, усиленное длинными черными волосами и широченной блузой. Но еще более сильное впечатление производил ее товарищ, словно сошедший с иллюстрации к сказкам братьев Grimm. Могучий и кряжистый, он сидел неподвижно на планшуре, одетый вельветовые брюки и коричневый свитер ручной вязки, из рукавов которого торчали сильные широкие пятерни мастерового ноги обуты в грубые башмаки. Но больше всего меня поразила его голова в обрамлении великолепнейших волос, таких пышных, что они образовали сплошные заросли, внизу спускающиеся на грудь, а сверху торчащие сантиметров на

восемь над макушкой. Шевелюра достойная самого Нептуна... С серьезного лица, окруженного этими дедьями, на меня пристально смотрели спокойные карие глаза.

— Привет, — поздоровался я, спускаясь в лодку. — Чем могу быть полезен?

Нептун ничего не сказал, только продолжал смотреть на меня, потом медленно перевел взгляд на девушку, которая ответила за него.

— Вчера вы говорили по радио, что у вас есть место еще для одного члена команды и что вы хотели бы взять кого-нибудь с Фарерских островов. Этот человек хочет пойти с вами.

Силы небесные, подумал я, даже шайка викингов хорошенько подумала бы, прежде чем брать с собой этого малого.

— Совершенно верно, но мне нужен человек с большим опытом в морском деле, и желательно, чтобы он умел фотографировать.

— Что там фотография — он художник, притом очень хороший художник, — гордо сообщила она. — И он ходил на собственной яхте до Средиземного моря, а кроме того, рыбачил на фарерских судах у берегов Гренландии. Это серьезный человек.

Вижу, что серьезный, подумал я, еще раз глянув искоса на бородача, который сидел все так же недвижимо.

— Он может показать мне что-нибудь из своих работ? — тактично осведомился я.

Нептун что-то пробурчал своей подруге.

— Его зовут Трондур, он стесняется говорить по-английски, — сообщила она. — Но он приглашает вас посетить его дом завтра.

— Мы будем только рады.

— Хорошо, мы заедем за вами завтра утром.

На другой день они приехали на выдавшем виды маленьком драндулете. Команда "Брендана" втиснулась в машину, и мы с рокотом покатали через горы Стрэймоя. Нептун по прежнему молчал, хмуро глядя вперед через

ветровое стекло и время от времени выжимая ручной тормоз на крутых поворотах.

— Плохие тормоза, машина слишком старая, — без нужды объяснила его подруга.

Наконец, мы свернули на узкую дорогу, которая петлями спускалась к маленькому селению на самом берегу моря. И нам сразу бросилась в глаза постройка норманской эпохи — обросший мхом домина из огромных старых бревен с коричневыми плешинами. Оконные и дверные рамы покрашены в красный цвет на крыше зеленел пласт дерна, словно кусок горного луга. К одному краю дома искусно пристроено современное крыло, но с того места, где остановилась машина, его норманский характер не вызывал сомнения.

— Это родительский дом Трондура, — сказала девушка.

Я перевел взгляд на аккуратную беленую церковь, стоящую возле маленькой гавани. На лугу по соседству возвышался каркас другой церкви, побольше, архитектура которой указывала на позднее средневековье. Меня осенила одна догадка.

— Как называется это селение? — спросил я.

— Киркьюбу, — ответила девушка.

— А другого названия нет?

— Есть, это место еще называют Брандарсвик.

Вот так: мой молчаливый доброволец был родом из Брен дан Крика на Фарерах.

Одолевая барьер природной стеснительности самого Трондура и немногословия его родных, не усмотревших ничего странного в его желании стать членом команды "Брендана", я узнавал все новые и новые детали. Оказалось, что род Патурссонов — один из наиболее старинных на Фарерах. Их бревенчатая обитель — чуть не национальный памятник, самый давний непрерывно обитаемый дом на всем архипелаге. Восемнадцать поколений Патурссонов жило в нем, сменяя друг друга, а до них дом принадлежал фарерскому епископу. Всего в этом священном уголке насчитывалось три церкви: заброшенный собор, белая церковь с деревянным шпилем возле гавани и еще более

старый храм, от которого оползни оставили одну только восточную стену.

Сами Патурссоны в этнографическом смысле были не менее интересными, чем их дом. Выводки младших Патурссонов сновали туда и сюда, а командовала ими бабушка, полная достоинства статная женщина, подчиняющаяся лишь авторитету теперешнего главы семейства — Потла, который родился на свет на четверть часа раньше своего младшего брата Трондура. Потл вышел в рабочей одежде и радушно приветствовал нас, но тут же исчез и появился вновь через полчаса в традиционной фарерской одежде: черные туфли с серебряной пряжкой, темно синие чулки с красной нашивкой, короткие синие брюки тонкого сукна, вышитый жилет и короткая куртка с двумя рядами серебряных пуговиц. В этом роскошном образчике моды XV века он непринужденно прошагал впереди нас к маленькой церкви, созвал колоколом прихожан и возглавил хор во время певучего диалога с лютеранским священником, суровое лицо которого оттенял жесткий плоеный воротник. Скрипя от ветра, словно корабль в море, ребристая деревянная крыша сопровождала песнопение.

После богослужения мы вернулись в гостиную дома Патурссонов, обставленную мебелью, привезенной из дальних стран многими поколениями Патурссонов, и украшенную некоторыми из картин Трондура. Нам и пастору подали кофе и чай с кексом, а когда пастор ушел, после небольшого перерыва команду "Брендана" угостили незабываемым обедом. Верные фарерскому обычаю, хозяева накрыли стол, который сделал бы честь любому предшествующему поколению Патурссонов. Все, что нам подавали, было плодом их труда — от молока, сливок и ревенного джема до картофеля. Преобладали традиционные фарерские блюда — баранья нога, вяленая на ветру, так что она приобрела цвет и консистенцию пармской ветчины плюс резкий запах, вареные яйца олушей, не без риска для жизни собранные на отвесных скалах, где Трондур и Потл болтались на веревках над

шестидесятиметровой пропастью. Было тут и сушеное китовое мясо, а также добрый кус тугого китового жира вместе с черной кожей, удивительно похожей на хорошую автомобильную шину. Все приготовлено самими Патурссонами, даже кита они вместе с соседями пригнали к берегу и забили гарпунами.

— Силы небесные, вот это да — благоговейно вымолвил Идэн, созерцая обильное угощение.

Столom служила толстенная доска, которую много лет назад выбросило на берег Брандарсвик. А вместе с цеплявшимся за нее полумертвым моряком. Патурссоны спасли и откачали беднягу и нашли применение доске.

С веселой искоркой в глазах Трондур вооружился устрашающим ножом, молча отрезал пласт китового жира и предложил Идэну, который ничтоже сумняшеся сунул его в рот.

— Брр — Челюсти Идэна остановились, глаза расширились в ужасе. — Бр. Это же все равно что резина, вымоченная в рыбьем жире.

Лицо его исказила страдальческая гримаса.

— Глотай, Олуша, выплевывать нельзя — невежливо, — сказал Джордж.

Идэн сморщился, через силу глотнул и впервые с начала плавания отказался от добавки.

После обеда мы поднялись к бывшей хозяйственной постройке, которую Трондур оборудовал себе под жилье, и посмотрели его наброски. Красавица Боргпе, его переводчица и невеста, всей душой поддерживала желание Трондура пойти с нами, говорила, что плавание обогатит его новыми мотивами для скульптуры и живописи. Как и положено настоящему моряку, Трондуру, чтобы собраться в дорогу, достаточно было уложить вещевую сумку.

<http://lib.tr200.org> - Бесплатная электронная библиотека

Разумеется, мы приняли его в свою компанию, и это оказалось одним из самых удачных решений за все путешествие. Ступив на борт "Брендана", Трондур с каждым днем совершенствовал свое знание английского языка. Он помог нам подготовить лодку к очередному испытанию —

долгому переходу до Исландии при встречных западных ветрах. Кое что нуждалось в ремонте. Мы щедро смазали льняные тросы китовым жиром, чтобы были эластичнее и не боялись воды Трондур и Идэн обработали передний тент для лучшей водонепроницаемости на корме Джордж и Артур заменили стойки рулевой рамы. На пути от Сторноуэя ясеновые стойки гнулись и шатались так сильно, что я боялся, как бы вовсе не сломались. Теперь мы установили взамен тяжелые, трехдюймовые дубовые брусья, связав их кожаными ремнями.

Затем Потл отбуксировал нас в Брандарсвик, где мы, невзирая на протесты Идэна, погрузили любимый провиант Трондура — сушеную рыбу, сушеное китовое мясо и здоровенные куски китового жира. Большая часть этой провизии висела на снастях, издавая поистине средневековое благоухание, достаточно сильное, чтобы соперничать с остальными запахами на "Брендане". Украсив наше суденышко съедобной драпировкой, мы были готовы к следующему этапу морского приключения.

8. От Фареров до Исландии

Стоя на пристани Брандарсвика, на фоне своего нормандского дома и белой церквушки, славные представители семейства Патурссонов махали руками, провожая "Брендан". Фигурки людей становились все меньше и меньше, а справа и слева от нас открывался великолепный вид на побережье Фареров — отвесы скал, обрывающихся прямо в море. Солнце садилось, и косые лучи из под туч над Атлантикой высвечивали силуэты западных островов, тут и там высекая цветные пятна на каменистых склонах. Рыболовное судно Патурссонов, управляемое Потлом, вело "Брендан" на буксире через бронзовое притихшее вечернее море в сторону гавани Вестманна. Норманское слово Вестманна означает "западные люди" подразумевались пришельцы из Ирландии, самой западной европейской страны. Возможно, что и тут находилось ирландское или норманно-ирландское поселение. Мы же лишь ненадолго бросили здесь якорь и на другой день, 3 июля, простились с Фарерами, взяв курс на Исландию.

И вот мы снова около Микинеса, нашего первого птичьего острова. Только теперь вместо яростного шторма царило безветрие, и мы плавно качались на ленивой зыби. Трондур обнаружил еще один талант, преподав нам урок рыболовства. Пятилетним мальчиком он освоил в фьордах приемы, которые поколения фарерских рыбаков отрабатывали в водах Гренландии и на Большой Ньюфаундлендской банке. При таких глубинах от рыбака и впрямь требовалась немалая сноровка.

Сперва Трондур извлек из своей сумки слиток свинца весом около двух килограммов. Это грузило он прикрепил к длиннейшей леске, намотанной на причудливого вида плоскую деревянную рогулю, играющую роль катушки. Наживкой служили яркие цветные лоскутки на трех обычных крючках. Буль Тяжелое грузило плюхнулось в воду и потянуло за собой лесу через планширь. Глубина здесь

приближалась к ста метрам. Как-только грузило коснулось дна, Трондур начал медленно и плавно выбирать лесу. Выбрав метра три, он вдруг дернул ее, удовлетворенно крикнул и продолжал вытаскивать, перебирая двумя руками. Мокрая снасть ложилась петлями у его сапог. — Есть хоть одна? — нетерпеливо спросил Олуша.

— Две, — лаконично ответил Трондур.

И в самом деле над поверхностью моря заблестели две отменные трески. Буль Грузило опять полетело за борт. Подняв его над дном, Трондур снова дернул снасть и принялся выбирать лесу. — А теперь сколько? — поинтересовался Идэн.

— Три, — сказал Трондур.

Раз за разом он вытаскивал рыбу мы только диву давались, как он это делает. Когда я взял лесу, то не ощутил ни малейшего намека на клев даже после того, как Трондур сказал мне, что рыба сидит на крючке. А попытка Идэна привела лишь к тому, что он сразу натер на руке роскошный пузырь, выбирая снасть.

Вскоре "Брендан" украсился еще одной декорацией — развешанными, словно белье, влажными рыбинами, и мы приступили к дегустации всевозможных рыбных блюд: вареная треска, жареная треска, треска, запеченная в тесте, тушеная треска, треска с рисом или картофелем, треска в соусе с петрушкой. Мы даже нарезали из трески спагетти, и получилось очень вкусно.

На второй день подул хороший зюйд ост, и мы отлично продвинулись — пятьдесят миль. Море вело себя мирно, так что у нас было время подремать, поболтать и отдохнуть. В восемь вечера поднялся туман, но было совсем светло, и мы любовались переливами миллионов бусинок влаги, которые облепили буквально все — от парусов до шерстяных волокон нашей одежды. Особенно красиво они смотрелись на роскошной шевелюре Трондура. Он сидел на корме, рисуя в своем блокноте, и его бок, на который ложились плывущие по ветру хлопья тумана, выглядел эффектно.

У Идэна, разумеется, уже был готов новый прожект. На этот раз он задумал бросать в море бутылки с посланиями.

Во первых, у него появился предлог допить нашу очередную бутылку виски, во вторых, ему представилась возможность испытать свои эпистолярные способности.

— Наперед не угадаешь, в чьи руки попадут наши послания, — произнес он с надеждой во взоре. — Но я уверен, что получатель захочет ответить.

Джордж наклонился через планширь и спокойно выловил одну из бутылок Идэна, которая лениво покачивалась у кожного борта "Брейдана".

— "Борт кожаной лодки "Брендан", к западу от Фареров, — прочитал он вслух извлеченную записку. — Дорогой Читатель, я очень рад, что вы подобрали это послание, брошенное в море с кожаной лодки "Брендан" между Фарерами и Исландией. Пожалуйста, сообщите мне, где и когда вы нашли, эту бутылку".

Дальше следовали подпись и адрес Идэна.

— По моему, стоит попробовать — разве нет? — сказал Идэн приосанившись. — Представь себе: какая-нибудь прелестная девушка в бикини идет по пляжу, видит на песке бутылку, поднимает ее и читает мое послание. Уверен, что она напишет. Вот увидите.

— Насчет бикини сомневаюсь, — отозвался я. — Здесь проходит струя Гольфстрима, и, если учесть преобладающие юго-западные ветры, скорее всего, твои бутылки прибьет где-нибудь у Нордкапа за Северным полярным кругом.

— Десять против одного, что вместо прелестной блондинки тебе напишет одинокий норвежский рыбак, — вступил Артур. — Рост сто восемьдесят, вес девяносто, запах как от плавучего рыбозавода.

"Пуфф " В эту самую минуту послышался могучий выдох, словно выпустили газ из огромного шара, и негромкий всплеск.

— Кит — радостно воскликнул Трондур, и мы вскочили на ноги, глядя назад, откуда донеслись эти звуки.

"Пуфф". Опять — и на этот раз мы увидели виновника: метрах в двадцати от "Брейдана" над поверхностью возник,

качаясь на волнах, широкий лоснящийся черный остров из влажной кожи, по которой сбегали струйки воды.

— Отличный, большой кит, — восхищался Трондур. Мы смотрели в изумлении на чудовище. Кит и впрямь был большой, около восемнадцати метров в длину, а весом он в восемьдесят раз превосходил "Брендана". Рядом с ним наша низко сидящая лодка выглядела малюткой, и нас как-то вдруг осенило, какой ничтожной она должна была казаться этому исполину. Но страха мы не испытали — только восхищение при виде могучего животного, намеренно всплывшего рядом с нами из глубины.

— Захотел поближе взглянуть на нас, — негромко произнес Джордж.

— Лишь бы не подошел чересчур близко, — пробурчал Идэн. — Стоит этому приятелю толкнуть нас, и мы все будем барахтаться в воде.

— Да нет, — возразил я, — просто ему стало любопытно, почему "Брендан" неподвижно лежит на поверхности. Наверно, мы чем-то похожи на кита, вот он и заинтересовался.

Размеры лодки подходят, корпус формой близок к китовой туше, и скелет "Брендана" тоже обтянут кожей. Даже интересно, как мы ему представляемся.

Кит снова медленно всплыл возле нас, попрыгал, потом ушел под воду и возник на поверхности уже в четверти мили от лодки, неторопливо плывя на север.

Мне вспомнилось, как я прошлой осенью приходил в отдел китообразных лондонского Музея естественной истории. Я не знал, как меня встретят, поскольку визит этот был следствием письма, посланного мной одному деятелю Совета по исследованиям природной среды. В письме я спрашивал, не можем ли мы во время плавания на "Брендане" выполнить какие-нибудь исследования, интересующие совет. И получил неожиданный ответ: можете, попробуйте подсчитывать китов. Я решил, что меня разыгрывают: автор письма знает легенду о том, как святой Брендан причалил к спине кита, и решил подшутить надо мной. Все же я пришел в отдел китообразных и с

удивлением обнаружил, что речь идет о вполне серьезном задании.

— Мы всегда просим отдельных яхтсменов и команды судов вести учет всех китов, какие встречаются им в море, — сказал мне заведующий отделом. — Дело в том, что фактически нам очень мало известно о поведении китов в глобальном масштабе: куда они мигрируют, какие виды встречаются в разное время в разных местах и так далее.

— А мы то что можем сделать для вас? — спросил я.

— Так ведь ваш "Брендан" направляется в воды, откуда мы получаем совсем мало сведений, а там должны быть киты.

— И каких же именно китов можем мы встретить?

— Да чуть ли не все виды. То есть точно сказать мы не можем. Думаю, однако, что вам попадутся финвалы, может быть, увидите синего кита — это я назвал двух самых крупных, — будут гринды, а у Гренландии вам могут даже встретиться гренландские киты. Нас интересуют и более мелкие китообразные, такие, как дельфины.

— Вы допускаете, что мы увидим их достаточно близко, чтобы опознать тот или иной вид?

— На этот вопрос тоже не берусь ответить точно. Но... — Он подумал, затем продолжал: — Малый полосатик слывет любопытным, не исключено, что он захочет подойти поближе и посмотреть на вас. А финвалы иногда трутся о малые суда.

Только этого не хватало "Брендану", сказал я себе, чтобы какой-нибудь чесоточный кит надумал хорошенько поскрестись о кожаную обшивку. Чего доброго, еще и опрокинет нас.

Тем не менее, когда мы вышли в море, никто из команды "Брендана", даже Трондур, который знал толк в китах и китобойном промысле, не был готов к тому, что случилось на самом деле. Изю дня в день нас навещали киты, когда поодиночке, когда группами. В этом было что-то мистическое. Обстоятельства всегда одни и те же: если ветер и море вели себя тихо, можно было не сомневаться, что рядом с лодкой появятся киты. Всплывут из пучины на

поверхность, пыхтя и пуская фонтаны, и с полчаса или больше будут ходить поблизости. Чем то "Брендан" притягивал китов. Трондур в жизни не видел ничего подобного. Можно было подумать, что "Брендан" вызывает у этих великанов такой же восторг, какой они у нас. И даже когда они подходили совсем близко, мы смотрели на них скорее с симпатией, чем с опаской. И вот что примечательно: в зоне судоходства при появлении судов киты уходили под воду, вероятно испуганные звуком машины. А стоило судам удалиться, как они вновь начинали плавать и плескаться вокруг "Брендана", который тоже мирно бултыхался в холодной воде.

<http://referat-menedjment.linkoff.org> - Скачать рефераты, курсовые и дипломные работы по менеджменту.

Первый день китовых визитов был особенно увлекательным из-за новизны впечатлений. Часа через два после того, как мы увидели первого кита — вероятно, это был крупный финвал, — Идэн помогал Трондуру закреплять на мачте водонепроницаемую манжету, чтобы вода не просачивалась в укрытие. Балансируя на планшире, он поглядел вниз и вдруг закричал:

— Ух ты, посмотрите. Дельфины под лодкой. Нет, не дельфины — это киты, целое стадо прямо под нами.

Мы метнулись к борту. В этот момент послышалось явственное пыхтение, и у самых ног Идэна, в каком-нибудь метре, всколыхнув поверхность воды, вынырнул характерный черный плавник и заблестела, словно лаковый ботинок, спина небольшого кита. А в толще под ним причудливо переплетались широкие движущиеся тени — киты один за другим плавно скользили под нашим кожаным корпусом, множество туш менялись местами, перемещаясь вверх и вниз. В каких-нибудь двух метрах ниже днища нас сопровождал живой эскорт морских млекопитающих. Китов был не один десяток, а еще мы различили белые блики на брюхе двух дельфинов, которые явно шли вместе с китами, словно разведчики. Затем вся компания начала всплывать рядом с лодкой. По десяти пятнадцати животных появлялись в одно время на поверхности, наполняя воздух

сопением и пыхтением, и вновь уходили под воду, уступая место другим участникам причудливого морского балета.

— Гринды! Гринды! — Всегда такой флегматичный Трондур чуть не прыгал от восторга.

Да, это были гринды, относительно мелкие представители китообразных, хотя самые крупные были длиной с половину "Брендана", а весили, наверное, столько же, сколько вся наша лодка. Они совсем не боялись и двигались очень медленно. Трондур взял кусок своего любимого китового жира и показал нам.

— Гринда, — объяснил он. — Очень вкусно.

— Слава богу, что ты не захватил гарпун, — отозвался Идэн, — не то закормил бы нас гриндой.

— Или нас тащил бы на буксире Моби Дик, — добавил Артур.

По нашим подсчетам, в этом стаде было от ста до ста сорока китов. А позже в тот же день поблизости всплыл другой, очень крупный, кит, и, глядя, как этот исполин (мы не смогли определить вид) идет прямо к "Брендану", гоня перед собой изрядную носовую волну, я всерьез задумался над историей о святом Брендане и ките. На первый взгляд мысль о том, что кто-то мог причалить к спине спящего кита, приняв его за остров, звучала абсурдом, морской небылицей. В "Плавании" говорится, что монахи развели костер, собираясь приготовить пищу, но разбуженный жаром кит вдруг тронулся с места. Монахи закричали от испуга, бросились обратно в свою кожаную лодку, а кит удалился, неся огонь на спине, словно маяк.

Встречи "Брендана" с китами дали нам повод взглянуть иначе на эту историю. Было совершенно очевидно, что заштилевшая в этих северных широтах кожаная лодка чем то привлекала китов. Без преувеличения можно сказать, что в ней было для них что-то притягательное. И ведь это происходило в XX веке, когда популяции китообразных прискорбно сократились, — так какую картину можно было наблюдать в V или VI веках? Вероятно, в ту пору вокруг Фареров, Исландии и Гренландии водилось куда больше китов, которые приходили кормиться у рыбных банок или

собирать обильный урожай планктона и рачков в местах соединения течений. Недаром в старинных лоциях викингов встреча с китами между Фарерами и Исландией числилась в ряду таких же надежных ориентиров, как появление определенного острова или мыса. Надо думать, на ирландских монахов, бесшумно плывущих через кормовые уголья незнакомых с лодками и людьми огромных миролюбивых животных, которые благодаря своим габаритам чувствовали себя в полной безопасности, киты производили куда более сильное впечатление, чем на нас. До этого дня я как-то упускал из виду, что кожаные лодки ирландцев — самые первые суда, встреченные китами в этих водах. Ирландских священников можно было бы сравнить с исследователем, который впервые вторгается в девственный лес и встречает непуганых любопытных животных, совсем не знающих человека. Если добавить к этому обилие китообразных тысячу лет назад, их любопытство, засвидетельствованное нами на "Брендане", и тот факт, что финвалы не прочь поскрестись о лодку, нет ничего удивительного в том, что пораженные увиденным монахи привезли домой истории о чудовищах, об огромных морских тварях и столкновениях лодки с животными. И получается, если учесть наш собственный, пусть не столь яркий, опыт, что китовые сюжеты в "Плавании" скорее усиливают, нежели умаляют, реализм средневекового текста.

Правда, не все морские чудовища в "Плавании" ведут себя миролюбиво. Покинув Овечий остров и Птичий рай, карра святого Брендана подверглась нападению огромного животного, которое гнало перед собой носовую волну и исторгало ноздрями пар. Зверь явно приготовился сожрать лодку, но в последний миг с другой стороны появилось другое чудовище и набросилось на него. Завязалась яростная схватка, первый зверь был убит, его туша всплыла и была прибита к берегу, где монахи потом обнаружили ее и поживились мясом.

Седьмого июля я убедился, что и этот эпизод можно объяснить. Выдался еще один типичный "китовый" день.

"Брендан" застигнул на плавной лоснящейся зыби под серой облачностью, которая сливалась с оловянным морем у горизонта. Трондур, наделенный почти сверхъестественным чутьем на китов, сидел на кормовой банке, спокойно рисуя в своем блокноте. Внезапно он поднял голову и с необычной для него настороженностью посмотрел на север. Мы а это время были заняты своими делами, однако напряжение Трондура передалось нам, и взгляды всей команды обратились на него. Издалека донесся чуть слышный звук китового выдоха. Трондур уже стоял на ногах и всматривался, затенив ладонью глаза от света.

— Спекхюггер, — коротко молвил он по-фарерски, предоставляя нам догадываться, что это значит.

— Спекхюггер, — повторил Трондур, затем перешел на английский: — Мы на Фарерах не любим этого кита. Он не такой уж большой, но у него большие...

Не найдя нужного слова, Трондур открыл рот пошире и показал на свои зубы. Для полной ясности он быстрыми движениями угольного карандаша начертил в блокноте контуры кита.

Одного взгляда на рисунок было довольно. Трондур изобразил характерный силуэт касатки с пегими боками, которую англичане называют "кит убийца". Не скажу, чтобы это было для меня полной неожиданностью. Замышляя это плавание, я с самого начала вдоволь наслушался шуток и острот по поводу акул и китов убийц. Ловцы акул из Кортмакшерри в графстве Корк, где у меня есть дом, весело отмечали, что кожа "Брендана" придется по вкусу акулам, привлеченным к лодке весьма аппетитным — для них — ароматом шерстяного воска. "Да за вами через весь океан такой след потянется, не хуже кровяного", — острили они. Лично я не страшился встреч с акулами, тем более так далеко на севере, зато касаток со счетов не сбрасывал. За последние несколько лет документально отмечен не один случай, когда яхты тонули из-за пробоин в корпусе, учиненных касатками. Годом раньше большая гоночная яхта подверглась нападению касаток у берегов Бразилии. Никто не может объяснить, чем вызваны такие атаки — ведь

корпус из металла или стеклопластика отнюдь не съедобен. Другое дело "Брендан". Касатка — хищник, и кто поручится, что кожаная обшивка "Брендана" не покажется ей подходящей пищей. Волчий аппетит этого кита сочетается с мощными зубами — с каждой стороны верхней и нижней челюсти по десяти четырнадцати зубов толщиной до пяти сантиметров. Призванные хватать и терзать добычу, они вполне могли бы разорвать в клочья обшивку "Брендана". "Как указывает его название, — говорилось в маленьком справочнике о китообразных, полученном мной в Музее естественной истории, — кит убийца выделяется своей свирепостью это единственный представитель китообразных, который охотится на других теплокровных животных". Где то еще я прочитал, что в желудке одной касатки обнаружили остатки тринадцати тюленей. Известно также, что стаи голодных касаток нападают на более крупных китов и разрывают их на части. А ну как теперь они примут "Брендан" за лежащего на поверхности мертвого или раненого кита?

Трондур показал рукой. Точно: вдали над водой промелькнул тонкий черный плавник, и тут же до нас донесся свистящий выдох, затем еще один, и рука Трондура качнулась в другую сторону. Метрах в двухстах правее вынырнул второй плавник. Снова характерный звук, на этот раз сдвоенный. Я уже успел сориентироваться и, глядя еще дальше вправо, увидел два плавника.

— Четыре... нет, пять, — произнес поднявшийся рядом со мной Джордж.

— А вон и шестая — крикнул Артур.

Стая касаток шла курсом на юг классическим охотничьим строем, образуя шеренгу с просветами до двухсот метров, так что на каждую приходилось по фронту около четверти мили. Неудивительно, подумал я, что испанские моряки называют их "лобо дель мар" — волки моря. Охотничья организация касаток не уступает смертоносностью волчьей.

Вот они вновь погрузились и с громким сопением всплыли опять почти синхронно. В третий раз стая

показалась достаточно близко, чтобы мы могли различить пять касаток поменьше и одну очень крупную это несомненно был самец, вожак. Он шел третьим с ближнего к нам края шеренги. Специалисты установили, что во время охоты самец управляет всеми движениями этих редкостно умных животных, и они послушно выполняют указания опытного вожака.

Продолжая следовать тем же курсом, стоя, по моим расчетам, должна была пройти далеко за кормой "Брендана". Но тут самец обнаружил нас и пошел на разведку. Его плавник величественно развернулся и заскользил в нашу сторону. Мы с восхищением созерцали эту демонстрацию неспешной мощи. Выдох, рябь на воде, могучая туша вновь показалась, идя напрямиком на "Брендан", затем погрузилась. Снова всплыл, вентилируя легкие еще до того, как обсохло дыхало, и вверх на метр с лишним взлетел фонтан пара и мелких брызг. Меньше полусотни метров разделяло нас, когда вожак показался опять, и мы хорошо рассмотрели могучую тушу взрослого кита убийцы. Он был на полтора два метра короче "Брендана", а по водоизмещению в три четыре раза больше. В отличие от других китов он выглядел весьма зловеще. Ничего похожего на тучных актеров в дельфинариях; устрашающий черно белый узор напоминал полосы тигра. Особенно грозное впечатление производил длинный, около двух метров, тонкий плавник, вспарывавший воду всякий раз, когда вожак всплывал. Изогнутый назад, с заостренным концом, он походил скорее на акулий, чем на китовый, и над водой склонялся набок от собственного веса. Ни дать ни взять припрущенное острое крыло истребителя бомбардировщика на летной полосе...

И вот вожак всплывает совсем близко, каких-нибудь двадцать метров отделяют от "Брендана" плавник, торчавший вровень с самым высоким членом команды. Мощный выдох — облачко пара поплыло в нашу сторону, позволяя обонять, чем пахнет воздух из легких касатки. Затем широкая спина погрузилась, в толще воды, рассекаемой массивной тушей, мелькнули черно белые

бока, легкая рябь добежала до лодки и погладила кожаную обшивку. Кит убийца — восемьдесят тонн могучих мышц, управляемых любопытствующим разумом, — скользнул под "Брендан". И мы были не властны что либо предпринять... Я поглядел на своих товарищей. Все примолкли. Как-то само собой вышло, что мы сгрудились вокруг главной кабины. Я заметил, что Джордж пристегнулся страховочной сбруей к рулевой раме. Если лодка будет опрокинута, один человек, во всяком случае, останется подле нее.

<http://referat-ekonomika.linkoff.org> - Скачать рефераты, курсовые и дипломные работы по экономике

Мы ждали затаив дыхание, ждали целую вечность, "Шшшш". Огромный черный плавник прорезал воду с другой стороны "Брендана", могучие легкие вытолкнули воздух, и кит убийца стал медленно разворачиваться к своей стае. Мы тоже выдохнули, и Идэн с чувством выпалил: — Мотай отсюда.

Нас проверили и сочли непригодными в пищу, чему мы были несказанно рады.

В тот же день Трондур рассказал нам, почему фарерцы недолюбливают касаток. Конфликт обычно возникает, говорил он, во время охоты на гринд. Когда вблизи архипелага появляется стадо этих китов, туда сейчас же направляется флотилия небольших судов и, выстроившись полумесяцем, медленно гонит добычу к берегу, где гринды обсыхают во время отлива, обеспечивая (во всяком случае, так было до недавней поры) существенным приварком фарерские котлы. Иногда в том же районе, а то и прямо в стаде гринд, оказываются касатки. И случается, что киты убийцы, поднимаясь вверх под лодками, сильным толчком сбрасывают в воду людей и калечат их. А еще эти сметливые животные нашли способ кормиться грабя сети островитян. Прогрызая большие дыры, они добираются до улова и наносят огромный ущерб рыбакам. От кого то я слышал, что несколько лет назад на борьбу с бесчинствующими стаями касаток в гренландских водах были посланы военные самолеты США, однако эти умные животные быстро сообразили, что при появлении самолетов

надо уходить. Но самую удивительную историю о сообразительности касаток рассказал нам все тот же Трондур. Один фаререц слез по скале вниз за овцой, которая упала на омываемую волнами полку. Только он добрался до овцы, вдруг из моря вынырнула касатка и попыталась его схватить, как если бы он был тюленем, который выбрался на камень погреться на солнце. Касатка снова и снова шла в атаку, заставляя фарерцы прижиматься к скале. Наконец, сняла осаду и уплыла.

Четырьмя днями позже мы и сами наблюдали косвенные следствия кровожадности касаток. Совершенно неожиданно, поскольку море в этот день было спокойным, вокруг нас вдруг всплыло на поверхность стадо гринд. Они явно были возбуждены. Ничего похожего на обычные размеренные движения — то вынырнут, то вновь уйдут под воду, причем одни бросаются в сторону, а другие возвращаются в пучину, даже не сделав вдоха. Несколько гринд и вовсе выпрыгивали из воды. Всегда такое дисциплинированное, стадо теперь разбилось на маленькие группы, которые в панике метались в разные стороны.

— Похоже, их преследуют касатки, — сказал Трондур. При виде этих проявлений страха мне опять вспомнилось описание схватки морских чудовищ в "Плавании". Может быть, ирландских священников напугал приблизившийся к лодке большой кит? И в последний момент этот кит стал жертвой нападения касаток? Детали средневекового описания хорошо согласуются с действительностью: тут и носовая волна перед крупным китом, и фонтан из дыхала касатки. Да и какое еще умерщвленное "морское чудовище" могло быть прибито к берегу, обеспечив монахов провиантом? Конечно же, это был кит. Снова повесть о святом Брендане явила мне освобожденные от прикрас голые факты, поддающиеся разумному толкованию.

Восьмого июля погода наконец улыбнулась нам. Подул восточный ветер, и "Брендан" принялся отмерять морские мили. Ветер был для нас самый подходящий, поскольку он позволял идти на почтительном удалении от длинного опасного побережья Исландии. "Южное побережье

Исландии особенно опасно, — мрачно сообщало мое старое издание адмиралтейской лоции. — Если ветры сместятся к юго-западу и прибавят в силе, судну здесь придется туго, касание грунта влечет за собой верную гибель... Настоятельно рекомендуется держаться поодаль от южного побережья многочисленные обломки французских рыболовных судов, начинающих здесь весенний лов, ярко свидетельствуют, что плавать в этих водах надлежит с великой осмотрительностью... Редко бывало, чтобы судно, неосторожно приблизившееся к побережью в штормовую погоду, могло уйти в целости... Штурманы легко могут просчитаться... Первым признаком близости берега может служить гул прибоя".

Представив себе, как штормовой зюйд вест прибывает "Брендан" боком к негостеприимным берегам, я предпочел проложить почти строго западный курс, гарантирующий нам хороший коэффициент безопасности — семьдесят миль до побережья. Когда же и впрямь подул крепкий ветер, это обернулось благом, потому что он прибавил ходу "Брендану". В первый день мы покрыли семьдесят миль, во второй — и того больше. Снимая вечером показания лага, я обнаружил, что за сутки "Брендан" отмахал сто шестнадцать миль, и это с учетом капризов нашего лага: при сильном волнении вертушка порой выскакивала на воздух в ложбинах между волнами. Сто шестнадцать миль — недурно даже для современной крейсерской яхты, а ведь мы отнюдь не стремились выжать максимум из "Брендана". Что ни говори, Северная Атлантика в районе Исландии не самое подходящее место для рекордных попыток на кожаной лодке.

Тем временем ветер из крепкого стал очень крепким, и волны пошли холодными серыми шеренгами высотой до четырех с половиной метров. Мы приспустили грот на полтора метра и зарифили нижнюю шкаторину, а передний парус совсем убрали. Началась сильная качка, каркас "Брендана" поскрипывал и кряхтел. От меняющегося давления массивная H образная рама рулевого весла ходила взад вперед, и поперечный трос, удерживающий весло на

месте, отзывался тревожным скрипом на возросшее натяжение.

Мы понимали, что рано или поздно начнутся поломки, И первой не выдержала одна из замечательных новых дубовых стоек Н образной рамы, которые мы установили на Фарерах. С громким треском она надломилась там, где проходила сквозь банку. Мы поспешили укрепить ее добавочными ремнями, а заодно намотали себе на ус, что дуб слишком тверд, сопротивляется колебаниям корпуса, вместо того чтобы подчиняться им, — и не выдерживает нагрузки. Затем пришлось заняться топом мачты. Рея крепилась простым кожаным ремнем непрерывно качаясь, она перетерла швы, и ремень лопнул. Доставай иглу, шило и льняную нитку и делай на ходу ремонт, чтобы "Брендан" продолжал бодро следовать своим курсом. В главной кабине начал сказываться соленый душ, непрерывно поливающий брезент, Всюду, куда проникало море, появлялись зловещие сырые пятна, и с каждым днем они все больше приближались к уязвимой рации. Скорость их распространения заметно возросла, когда нам, в конце концов, пришлось развернуться бортом к восточному ветру, который набрал такую силу, что мы рисковали вообще промахнуться по Исландии, если не начнем пробиваться на север. Однако при новом курсе "Брендан" подставил правый борт штормовым волнам, и водяная пыль собиралась во всех уголках и щелях, выискивая слабые места и настойчиво вторгаясь в жилые отсеки. Темная граница сырости поднималась все выше около сложенных на полке лоций, и я начал привыкать к тому, что "привилегированная" койка шкипера с обоих концов оказывалась мокренькой.

По счастью, мы успели совершенно освоиться со средневековой обстановкой и отнюдь не падали духом. Полтора месяца назад мы ни за что не решились бы вступать в единоборство с такими грозными волнами. Теперь же спокойно пошли на это и не оглядывались назад, заслышав шум обрушивающегося вала. Мы научились использовать долю секунды, отделяющую звук чреватого опасностью удара в корму от каскада брызг, — тут либо

приседай, либо втягивай голову в плечи, чтобы не окатило шею. И вообще шкала оценок изменилась. Как-то я под вечер готовил наш любимый пудинг из кураги и размятого печенья. Внезапно прямо на лодку обрушилась добрая порция атлантической влаги. Тотчас все как один бросились спасать пудинг, пренебрегая душем. Когда настало время делить готовый продукт, оказалось, что лопаточку снесло волной на другой конец лодки. Ничто не могло испортить нам хорошее настроение.

Сменяя Джорджа на руле, — вторую ночь дул крепкий ветер — я спросил, как прошла вахта.

— Ничего, — ответил он. — Малость сыровато, но ничего страшного.

— Трюмную воду откачивал?

— Ага, время от времени откачивал немного. Один раз корму накрыл хороший вал.

— Это не тот, что разбудил меня плеснув прямо в лицо?

— Не тот, другой, он еще раньше налетел. Где ты сейчас стоишь, воды было на три десятка сантиметров, я уже спрашивал себя, не всплыл ли кто из вас в своем спальном мешке. Доброй ночи.

И Джордж спокойно нырнул в укрытие, предоставив мне разжигать керосиновый фонарь, который давал немного тепла рулевому. Я основательно вспотел, накачивая это противное устройство, наконец, повернул вентиль и был вознагражден издевательским бульканьем: бачок был полон воды. Из кабины донеслось удовлетворенное хихиканье Джорджа, остро ненавидевшего этот фонарь.

Каждый по своему реагировал на усложнившуюся обстановку. Артур решил, что в ветреную погоду лучше всего лежать калачиком в спальном мешке. Но, когда он сворачивался калачиком, для Джорджа оставалось мало места, что давало повод для дружеской перепалки, ибо Джордж вел точный учет, сколько часов в день Артур прикидывается спящим, вылезая из спальника, только чтобы поесть или заступить на вахту. Не страдала от непогоды и жизнерадостность Идэна, хоть он и жаловался, что его сигары отсыревают от соленых брызг. Из всей команды

только Идэн вечером был не прочь выпить глоток виски. Сколько он ни уговаривал нас присоединиться, мы уже давно прониклись отвращением к спиртному и даже куреву. Трондура не покидала его невозмутимость. Настал его черед дежурить — выбирается из укрытия на носу, словно медведь из берлоги, и берется за руль. В первый же ветреный вечер он научил нас еще одному полезному приему. Вытащив из кармана перемазанные воском, бесформенные шерстяные рукавицы, Трондур, к нашему удивлению, наклонился через борт, окунул их — теплые, сухие — в воду, выжал и надел влажные.

— Так лучше, — объяснил он. — Не так холодно потом.

И он был совершенно прав: влажные рукавицы хорошо защищали от ветра, уподобляясь водолазным перчаткам.

Главным предметом наших дискуссий стала пища. По утрам Джордж вытаскивал из кладовки мешочек с дневным пайком, и мы внимательно наблюдали за этой процедурой, желая убедиться, какая часть пайка осталась съедобной после того, как мешочки окатывало морской водой и по ним топали наши ступни. Испорченные продукты отправлялись за борт, а уцелевшие Джордж нес на камбуз на корме. Выяснилось, что у нас излишек некоторых продуктов. Несметное количество пакетов с супами, к которым у нас не лежала душа, явный перебор печенья и сахара, а также жалких на вид пакетиков чая, утратившего половину аромата из-за морской влаги. Запасаясь провиантом, я старался не слишком сорить деньгами, а потому закупил целую партию самого дешевого молотого кофе теперь оказалось, что экономия мнимая. После двадцатой или тридцатой кружки этого пойла мы прониклись к нему крайним отвращением и заново открыли прелесть напитков нашего детства — горячего молока с солодом, какао, мясного бульона. Из основных блюд большим успехом пользовались тушенка, язык, фарш, их даже не хватало, чтобы насытить голодные желудки, и тут отчасти выручало личное изобретение шкипера — пудинг из кураги, джема и размятого печенья. Разумеется, приходилось все же потреблять и малопопулярные излишки.

<http://referat-pravo.linkoff.org> - Скачать рефераты, курсовые и дипломные работы по государству и праву

Когда настало 11 июля, быстрое движение "Брендана" на запад начало меня тревожить. Сила восточных ветров поумерилась, однако они по прежнему так рьяно толкали лодку, что я всерьез забеспокоился, как бы мы вообще не проскочили Исландию. Обратился к крупномасштабной карте. При таком ветре мы даже могли в один присест дойти напрямик до Гренландии. Но тогда не удастся забрать припасы, ожидающие нас в Исландии. Я посчитал, сколько осталось воды и провианта, и подвел итог. Продуктов до Гренландии хватит, если ввести строгий рацион. Но тут я вспомнил про паковый лед. Нам было известно, что в этом году морские льды у берегов Гренландии не торопятся уходить, может оказаться, что подступы к восточному побережью преграждены паком. Не больно то заманчивая перспектива. И я принял решение во что бы то ни стало пробиться в Исландию.

...Стараемся идти на север. Маневрируем парусами и так и этак. Без устали работаем шверцами. А "Брендая" все равно продолжает сносить на запад. Снова отдаем плавучий якорь, совсем убрали прямые паруса, сделали из весла бизань мачту и укрепили на ней бонет, силясь привести нос лодки к ветру. Но нас все так же несет на запад, мимо островов Вестманнаэйяр, мимо юго-западного угла Исландии...

Больше никогда, говорил я себе, не стану подвергать сомнению гипотезу о том, что многие открытия были сделаны мореходами случайно, когда суда сбивались с курса из-за штормовой погоды. Такое чуткое к ветру судно, как "Брендан", недельный шторм вполне мог отнести от цели на пятьсот-шестьсот миль.

И тут восточный ветер вдруг угомонился, мы получили возможность отдышаться. Судя по пролетавшим мимо тупикам, до берега было не так уж далеко: эти птицы редко удаляются от своих гнездовий. А Трондуру представился случай обучить нас еще одному приему. Присмотрев тупика, который с любопытством посматривал на "Брендан", летя на

безопасном расстоянии от нас, он издал хриплый горловой звук, затем повторил его, и птица, заложив крутой вираж, вернулась. Любопытный тупик подлетал все ближе и ближе, привлеченный странным звуком. Видя, как нас заинтересовал этот трюк, Трондур показал на пару крачек, занявшую обычную позицию высоко над "Бренданом".

— Теперь прилетит эта птица, — сказал он, взял белую тряпку, привязал на конец багра, помахал в воздухе, и крачки в самом деле снизились поглядеть на это диво.

Трондур помахал еще раз. Крачки опустились еще ниже, а одна из них, в конце концов, даже ненадолго села на парус.

— Жаль, что такие маленькие, — заметил Идэн. — В них и мяса то нет, совсем.

— Не очень хорошие, — подтвердил Трондур.

— А каких птиц вы едите на Фарерах? — спросил я, доставая наш орнитологический справочник и перелистывая иллюстрации.

Трондур показал на тупика, кайру и молодых олушей. — Все эти хорошие, — сказал он. — Мы ловим птенцов сетями на скалах.

— И как они на вкус?

— Очень вкусные. Сушеные или копченые.

— А как насчет этих... глупышей? — осторожно справился Идэн, открыв нужную страницу.

— Белые птицы есть хорошо, но черные плохо, — ответил Трондур.

— Почему так? Можно заболеть?

— Не знаю. А только фарерские рыбаки говорят, что черная птица плохая.

Идэн алчно посмотрел на галдящую стаю глупышей, которые опустились на воду за кормой "Брендана", решив попробовать на вкус качающийся на волнах пластиковый кувшин, привязанный к страховочному линю.

— А нельзя поймать кого-нибудь из них? — мечтательно спросил он. — Так хочется чего-нибудь свеженького после всей этой обезвоженной дряни. А то ведь, как поешь, несколько часов во рту держится вкус кон сервантов и серы.

Трондур протянул руку за куском китового жира, подверженного на рулевой раме.

— Нет, нет — испуганно воскликнул Идэн. — Я не такой голодный, могу потерпеть

Усмехнувшись, Трондур отрезал кусок жира, наживил крючок свой удочки и снял свинцовое грузило.

— Ловить птицу, — успокоил он Идэна, опуская крючок на воду.

Жир поплыл к глупышам в окружении соблазнительной радужной пленки. Птицы тотчас оставили кувшин в покое и подгребли к приманке. Одна из них сняла пробу, одобрила и принялась энергично клевать. Сразу завязалась потасовка, каждый глупыш отчаянно работал клювом, спеша опередить соседа, и воздух наполнился злобными разочарованными криками. Однако китовый жир был достаточно жестким, расклевать его не удавалось, и тогда одна особенно прожорливая птица надумала перехитрить остальных. Наклонив голову, она схватила кусок целиком и взлетела, намереваясь улизнуть с добычей. Прожорливость погубила ее. Леса натянулась, рывок привел лишь к тому, что крючок крепко зацепился за клюв, раздался испуганный писк, и Трондур начал быстро подтягивать барахтающуюся жертву. Пять секунд спустя мы уже ощипывали глупыша, а к его компаньонам поплыл безобидный с виду новый кусок жира.

— Фантастика — ликовал Идэн.

Через две минуты вторая жертва сидела на крючке. Однако после этого глупыши насторожились. На поимку третьей птицы ушло пять минут, четвертой — еще больше. После чего глупыши вообще перестали хватать приманку. Плавают вокруг заманчивого куска жира, приближаясь сантиметров на пятнадцать, но даже не клюют.

Трондур показал Идэну жестом, чтобы тот медленно подтягивал крючок. Глупыши последовали за приманкой, разрезая лапами волны и нервно поглядывая одним глазом на жир, другим на странное судно. Трах. Багор в руке Трондура описал дугу и опустился прямо на шею ближайшего глупыша. Вся стая снялась, шумно хлопая

крыльями, но на банке "Брендана" осталось лежать пять птиц — четыре белых и одна серая.

— Так, и кому же есть "ядовитую" серую? — настороженно осведомился Артур.

— А давайте оциплем всех, — сказал я, — положим вместе в котел и сварим. Тогда никто не будет знать, какая ему досталась.

Я варил птиц на медленном огне и тыкал ножом, проверяя готовность. Они смахивали на тощих длинноногих лесных голубей, только были еще пожестче.

— Может, подвесим их на снастях денька на два, чтобы стали помягче? — предложил Джордж.

При мысли о такой отсрочке у Идэна вытянулось лицо. Но через два часа птицы вроде бы уварились, и я сделал подливу из острого соуса и сушеного китового мяса. Каждый член команды получил по глупышу с картофельным пюре. Какое то мгновение все колебались, затем Идэн решился отведать.

— Вкуснятина — объявил он. — Фантастика. Немного еще жестковато, но все равно здорово. Я думал, будет рыбой отдавать — ничего подобного. Чем то похоже на голубя или на куропатку.

Морская птица по-брендански явно заслужила высокую оценку. Несколько минут царила тишина — все уписывали за обе щеки, и когда были собраны миски, в них лежали только чисто обглоданные косточки. Кому досталась серая птица, неизвестно, но никто не заболел, и мы постановили впредь пополнять нашу диету свежей морской птицей — отменнейшее блюдо

Вот и еще один пример, как тысячу лет назад ирландские монахи без труда могли совершать дальние морские переходы, не обременяя себя большими запасами. Достаточно было захватить сушеное мясо, овсяную муку и корнеплоды, а также китовый жир (если было где взять), а изобилующие живностью северные воды снабжали их рыбой и морской птицей — плыви сколько угодно. Только пресная вода их ограничивала, да и то в этом влажном субарктическом климате можно было в крайнем случае

набрать достаточно дождевой воды, чтобы выжить, если снесет ветром с курса.

Особых угрызений совести по поводу того, что мы убивали и ели дикую фауну, никто из нас не испытывал. Лично я смотрел на это как на упражнение в охотничьем искусстве. Мы ловили птиц самым примитивным способом, и можно было не опасаться, что из-за нас сократится быстро возрастающая популяция глупышей в этих водах. Если на то пошло, из всех морских птиц глупыши пользуются наименьшей симпатией. На Гебридах и Фарерах их численность стремительно росла за счет других морских птиц. Глупыши прогоняли более мелких пернатых с их гнездовых полочек, пользуясь некрасивым приемом: они отрывали на кайру или тупика зеленую слизь, которая разрушала водонепроницаемый покров на оперении этих бедняг, так что те тонули при очередной посадке на воду. Как ни странно, когда мы ловили глупышей, они не брызгали слизью — может быть, уже успевали израсходовать ее на крючок, пока мы выбирали лесу.

Почти шесть дней ушло у нас на то, чтобы доползти обратно до исландских берегов, мягко понуждая "Брендан" идти против ветров, упрямо дувших то с севера, то с востока. Правда, скучными эти дни никак нельзя было назвать. В частности, нам стали встречаться исландские рыболовные суда — желанный контраст пустынным водам между Фарерами и южным берегом Исландии, где на всем пути мы видели только два судна. Исландские шкиперы подходили вплотную к "Брендану", чтобы поглядеть на диковинных гостей, и вдоль бортов толпились рыбаки, махая нам руками.

— Что за удовольствие зарабатывать на жизнь таким способом, — заметил я Джорджу, глядя, как исландский траулер бодает волны, переваливаясь с боку на бок, и гребни захлестывают среднюю палубу. — Ты только посмотри, как их заливают.

Тут же я спохватился, и самому стало смешно.

— Интересно, что они говорят, глядя на нас. Наверно, что-нибудь в том же роде. Дескать, сумасшествие плавать

вот так на открытой лодке. А все таки сравни — как волны треплют траулер и как "Брендан" скользит через гребни применяясь к волнам. К нам сейчас почти не залетают брызги.

На другой день над "Бренданом", в каких-нибудь пятнадцати метрах над мачтой, с ревом пронесся самолет исландской береговой охраны, и динамик нашего приемника заговорил:

— Алло, "Брендан". Здесь исландская береговая охрана. У вас все в порядке?

— Полный порядок.

— Вы уверены?

— Точно. Никаких проблем, настроение команды бодрое.

— Газеты сообщают, что на "Брендане" в нескольких местах появилась течь. Вы не нуждаетесь в помощи?

— Спасибо, не нуждаемся, — ответил я. — Если где что не ладится, так это, видимо, у журналистов. Захотите кожаный самолет, обращайтесь к нам — построим.

Миля за милей мы приближались к побережью Исландии. Свободные часы занимали ловом глупышей, и китовый жир помогал нам добыть не одно вкусное блюдо. А Джордж однажды внес разнообразие в наше бытие, храбро плюхнувшись за борт в водонепроницаемом костюме, который придавал ему сходство с ярко красным портновским манекеном. С полчаса он весело бултыхался вокруг заштилевшей лодки, дрыгая ногами в воздухе. На 62 м градусе северной широты вода довольно холодная, однако, возвратившись на борт, Джордж сказал, что не успел даже толком продрогнуть. Тогда мы не могли знать, что эти костюмы сыграют важную роль в нашей борьбе за выживание у паковых льдов Гренландии.

Островной шельф у Западной Исландии — явно любимое прибежище больших финвалов, судя по тому, как возрастала их численность по мере нашего приближения к суше. Как обычно, киты подходили к "Брендану", порой группами от шести до десяти животных, включая детенышей, которые бултыхались в кильватере мамаш и хоть они выглядели не такими уж великанами рядом с

лодкой. Видели мы также исландских китобойцев, рыскающих в поисках добычи, однако самого промысла наблюдать не довелось, ибо стоило им показаться, как резвившиеся около нас киты уходили под воду, словно их кто-то предупреждал. Китобойцы следовали дальше, а через полчаса киты появлялись вновь и принимались сопеть и пыхтеть вокруг нас.

<http://referat-history.linkoff.org> - Скачать рефераты, курсовые и дипломные работы по истории

Наконец мы увидели вдалеке землю — великолепную вершину Снефьелльсьёкулль, одетый в снеговую шапку могучий вулканический конус которой возвышается на 1400 с лишним метров над западным заливом. Белая вершина стала нашим маяком от нее на восток, внутрь страны, уходили длинные горные гребни. Заодно Снефьелльсьёкулль даровал нам нужный ветер. 17 июля "Брендан" уже более уверенно взял курс на Рейкьявик, и мы заключали пари, пытаюсь угадать время прибытия в порт. Когда же вдали показалась гавань Рейкьявика, я ощутил мимолетное огорчение. Так ли уж необходимо подходить к земле, где нас ждут толпы людей, проблемы, заботы? На "Брендане", в нашем кожаном коконе, мы были так далеки от суеты большого мира, что я почти жалел об окончании этого этапа нашего плавания, Это чувство тотчас прошло. Проходя внешний буй, мы ощутили прилив возбуждения. Пари, разумеется, выиграл Трондур, он точнее других угадал время прибытия. Из-за пирсов выскочил лоцманский катер, и я оглянулся назад. Как бы символизируя предстоящую нам психологическую нагрузку, прямо на нас шел огромный пассажирский лайнер тридцати тысячетонное олицетворение бизнеса, подчиненного строгому графику, спешило войти в гавань.

— Я лягу в дрейф, пропущу лайнер — крикнул я лоцману, когда он поравнялся с нами. — Мы не можем похвастаться маневренностью

— Никак нет — отозвался лоцман. — Лайнер может подождать Мы пришли, чтобы провести в гавань "Брендан".

Нас за этим послали. Для вас подготовлено место, но у нас сильный ветер, лучше мы возьмем вас на буксир.

— Спасибо, обойдемся — ответил я. — Попробуем справиться сами. А вы на всякий случай держите буксир наготове

Я передал румпель Джорджу, и он превзошел сам себя. "Брендан" аккуратно скользнул в просвет между пирсами, идя так близко от стенки, что едва не задел реей ноги зрителей. Извилистый поворот — и Идэн спустил паруса. Шагнув на берег с таким беспечным видом, словно сошли с тротуара на мостовую, Трондур и Артур надежно закрепили швартовы. Исландский чиновник в опрятной форме перевалил через вымазанный жиром кожаный планширь, зажав под мышкой белую фуражку, и подал мне ручку и планшет. Санитарно- карантинный досмотр... Послушно взяв бланк, я проставил "нет" в графе: "Есть ли или были замечены на борту судна крысы во время плавания?"

9. Остров Кузнецов

В один из дней, сообщает "Плавание", влекомая южным ветром карра святого Брендана очутилась у каменистого острова, "сильно пересеченного, скалистого, засыпанного шлаком, совсем без травы и деревьев, с множеством кузниц. Преподобный отец Брендан сказал своим братьям: "Этот остров не нравится мне. Я не хочу высаживаться на нем, даже подходить близко. Но ветер несет нас прямо к нему".

Когда они плыли вдоль острова, совсем рядом с ним, послышался гул работающих кузнечных мехов, подобный громовым раскатам, и стук кувалд по железу и наковальням. Услышав это, преподобный отец укрепил свой дух, сделал крестное знамение на четыре стороны и произнес: "Господи Иисусе, избавь нас от этого острова".

И когда он кончил говорить, что же они увидели — один из обитателей этого острова вышел из своей кузницы словно для какого то дела. Он весь оброс волосами и выглядел как воплощение огня и тьмы. При виде плывущих около острова слуг христовых он вернулся обратно в кузницу. Святой отец вновь осенил себя крестным знамением и сказал братьям: "Сыновья мои, поднимите парус еще выше и гребите изо всех сил, чтобы мы могли уйти от этого острова".

Не успел он договорить, как тот же дикарь спустился на берег поблизости от них, держа в руках кузнечные клещи с большим куском раскаленного шлака. И он тотчас метнул этот шлак в слуг христовых, но не смог повредить им. Шлак пролетел над ними на высоте более двухсот метров, и там, где он упал в море, оно закипело, словно в том месте извергался вулкан, и над морем поднялся дым, будто над пылающим горнилом.

И когда святой отец отошел примерно на милю от мести, где упал шлак, все жители острова прибежали на берег, неся каждый по куску шлака. Некоторые из них принялись один за другим метать этот шлак в слуг господних, всякий раз возвращаясь в свои кузницы за новыми раскаленными

кусками. Казалось, весь остров объят огнем, точно огромное горнило, и море кипело, как кипит котел с мясом, когда его как следует нагреешь. Весь этот день с острова доносился великий шум. И когда остров уже пропал из виду, до них по-прежнему доносился вой его обитателей и чувствовался резкий запах. Тогда святой отец успокоил монахов такими словами: "Воины христовы, черпайте силу в истинной вере и оружии духовном, ибо мы очутились в пределах ада. Будьте мужественны и бдительны".

Большинство исследователей считают, что в "Плавании", по всей вероятности, описано извержение островного вулкана — тут и беспорядочный обстрел обломками раскаленной лавы, и вылетающие из кратера вулканические бомбы, и разносимые ветром сернистые газы, толчки и рокот от подземных взрывов, мощный гул самого извержения. Но вот в чем вопрос: пересказывает ли автор "Плавания" описание, заимствованное из другого источника, или ирландские монахи и впрямь наблюдали действующий вулкан? С одной стороны, учитывая замечательную образованность ирландцев, они вполне могли быть знакомы с описаниями вулканов у классических авторов. С другой стороны, ирландские мореплаватели могли самолично видеть вулканы Исландии, которая лежит как раз на "ступенчатом маршруте" к Северной Америке, и наблюдать то самое, что изображено в "Плавании".

Еще на подходе к Исландии я обдумывал фактическую подоплеку этого вопроса. Географическое положение Исландии точно вписывается в рамки изложенного сюжета: согласно "Плаванию", святой Брендан подошел к пылающему острову Кузнецов с юга, а у южных берегов Исландии предостаточно примеров вулканической активности. Морское дно на навигационной карте испещрено обозначениями конусов потухших вулканов, и протянувшаяся от Кефлавика далеко на юго-запад Рейкьянесская гряда почти всецело вулканического происхождения. В исторические времена вдоль этой гряды отмечено не менее шести подводных извержений. Так, в 1783 году на глазах у жителей близлежащего побережья

над водой вырос новый остров, однако он был целиком размыт волнами и скрылся из виду прежде, чем удалось оформить его принадлежность Исландии и установить камень с королевским вензелем. Восточнее этого места в 1973 году на вулканическом острове Хеймаэй в архипелаге Вестманнаэйяр разверзлась широкая трещина, и излившийся из нее широкий поток лавы едва не поглотил единственный здешний городок.

Но меня особенно занимал другой остров — крохотный Суртсэй, лежащий в трех с половиной морских милях к юго-западу от Вестманнаэйяр. Здесь в ноябре 1963 года стремительно возник новый подводный вулкан. Все, что я читал об этом извержении — вознесшееся на десять километров облако пара, взлетающие на высоту два с половиной километра и падающие затем обратно в море вулканические бомбы, глухие взрывы, вызванные вторжением в жерла морской воды, появление новорожденного острова, — перекликалось с тем, что сообщает "Плавание". Группа Вестманнаэйяр уже существовала во времена святого Брендана, да и само название обращает на себя внимание: острова Западных людей, то есть ирландцев. Возможно, это простое совпадение, и все же я задумал, когда приду в Исландию, поговорить с людьми, наблюдавшими суртсэйское извержение, в первую очередь с одним из ведущих исландских вулканологов Сигурдуром Тораринссоном, который побывал на Суртсэе вскоре после его рождения.

— Помню, я еще подумал, когда впервые высадился с резиновой лодки на новом острове, до чего точен древний текст о святом Брендане, — говорил Сигурдур Тораринссон, принимая меня в своем кабинете в Рейкьявикском университете. — Это было вскоре после того, как остров появился над водой и жерла все еще выбрасывали вулканические бомбы. Просто поразительно, до какой степени увиденное мной на Суртсэе совпадало с картиной в этом древнем ирландском предании. Лично я не встречал у классических авторов подобных рассказов о вулкане, образованном подводным извержением. — Помолчав, он

добавил: — Тут есть ещё один момент, о котором порой забывают. Судя по описанию святого Брендана, монахи подошли очень близко к очагу извержения. А это значит, что извержение было подводным — ведь на лодке они никак не могли приблизиться к вулкану, расположенному на суше. На мой взгляд, описание монахов подходит только к вулкану, поднимающемуся со дна моря.

Хотя Суртсэй ныне не извергается, все же на нем можно представить себе, что подразумевало "Плавание", говоря об "острове Кузнецов". Низкая черная поверхность острова покрыта шлаком и пеплом и практически лишена растительности, если не считать борющихся за жизнь первых редких ростков. Полное совпадение с "каменистым островом, совсем без травы и деревьев", который увидел святой Брендан. И родись при нас еще один остров, мы наблюдали бы все то, что так ярко изобразил средневековый ирландский автор: шлаковые бомбы, столб дыма над морем, едкий запах серы, окутанный паром кипящий океан.

Подводный вулкан, выход которого на поверхность воды могли наблюдать ирландцы, скорее всего, давным-давно ушел обратно под воду, оставив след в виде возвышения на дне моря, или же был размыт волнами. Мы можем лишь гадать о его судьбе. Во всяком случае, до появления Суртсэя ни одному, даже самому опытному, вулканологу не представлялась такая возможность изучать вблизи подводный вулкан. Кто-то даже предлагал назвать новый остров в честь святого Брендана. Однако предпочтение было отдано великану Сурту, герою одного из древнеисландских мифов.

И ведь в "Плавании" есть еще один ключ, позволяющий определить местонахождение района вулканической активности. На другой день, говорится в тексте, Брендан и его монахи увидели "среди океана, недалеко на севере, высокую гору, вершина которой была окутана словно облаком, а на самом деле дымом. Тут же ветер очень быстро понес их к побережью острова, и лодка села на грунт у самого берега. Перед ними высилась скала угольного цвета,

отвесная, словно стена, и такая высокая, что они не видели ее вершины". В это время, продолжает предание, один из монахов, присоединившихся к команде позднее, выпрыгнул из лодки и зашагал вброд к подножию скалы, крича, что его неудержимо влечет вперед и он не в силах повернуть обратно. Его схватили демоны, и на глазах у своих товарищей он был объят пламенем. Остальные монахи поспешно столкнули карру с грунта и пошли на юг, пользуясь переменой ветра. Оглянувшись назад, они увидели, что гора уже не окутана дымом, а извергает пламя к небесам, после чего пламя опустилось вниз, и вся гора уподобилась погребальному костру.

Вновь совершенно очевидно, что ирландские монахи наблюдали действующий вулкан, но теперь уже находившийся на суше, и явно недалеко на север от острова Кузнецов. География и тут подтверждает их рассказ. К северу и к востоку от исландской зоны подводного вулканизма возвышаются вулканы на самом материке. Такие могучие вулканы, как Гекла, Эйяфьелльсьёкулль и Катла, расположены вблизи южного побережья, причем Гекла и Катла выделяются своей активностью. Нелишне отметить, что эта часть южного берега Исландии представляет собой сплошную отлогую полосу без гаваней и бухт, так что гонимая к берегу карра должна была сесть на грунт, как и показано в "Плавании". Таким образом, идя на север от острова Кузнецов, монахи в самом деле могли увидеть вдали вулкан, и лодку вопреки их воле могло прибить к берегу сильным южным ветром. В итоге они могли очутиться у подножия отвесных скал мыса Рейкьянес, рассеченных трещинами на угольно черные блоки, или же у крутых темных скал мыса Дирхолаэй. Последний, достигающий ста метров в высоту, являет собой броский ориентир на плоском, невыразительном берегу. И в наши дни адмиралтейская лоция перекликается с "Плаванием", описывая темную скалу Дирхолаэя как "крутой, словно стена, мыс, выступающий к югу на 2 кабельтова от прилегающего побережья". Что до монаха, схваченного "демоном" и объятого пламенем, то похоже, что какого то

члена команды настиг поток лавы или же он опрометчиво ступил на тонкую застывшую корку и провалился в раскаленную массу.

<http://game2.tr200.biz> - Он-лайн игры для девочек

Кстати, "Плавание" — не единственный источник, утверждающий, что ирландцы доходили до Исландии в раннехристианскую эпоху великих плаваний. Диквил, ученый монах времен Карла Великого, сообщает, что ирландские монахи регулярно посещали остров, находящийся так далеко на севере, что в дни летнего солнцестояния "солнце при заходе вечером словно прячется на время за небольшое возвышение, и в этот короткий срок не наступает темнота, так что можно заниматься своими делами, как если бы царил день, даже искать вшей на рубашке, а если бы люди взошли на вершину горы, возможно, что солнце и вовсе не было бы скрыто от них". Судя по этому описанию, остров, о котором идет речь, находился на той же широте, что Исландия, где солнце в середине лета уходит лишь ненадолго, и туристы, как бы подтверждая догадку Диквила, в самом деле поднимаются на вершины гор, чтобы, глядя на север, увидеть на горизонте полуночное солнце и устроить пикник при его свете.

Независимые свидетельства того, что ирландцы в древности посещали Исландию, находим у самих норманнов. В "Ландномабуке" — "Книге о заселении страны", написанной в Исландии в X веке, рассказано, как норманны, впервые прибыв сюда из Норвегии, застали в Исландии "людей, которых норманны называли папарами. Это были люди христианской веры, и полагают, что они прибыли из-за моря с запада, ибо были найдены оставленные ими книги, колокола и епископские посохи..."

Словом "папар" норманны называли патеров, христианских священников, и, согласно летописцу Ари Фроди, который написал "Книгу об исландцах" незадолго до 1133 года, эти ирландские отшельники, не желая жить в соседстве с язычниками, уходили с удаленных островов, когда туда приплывали участники норманских набегов. По

счастливному совпадению, в последнее время особенно основательно папаров изучал сам президент Исландии — доктор Кристьян Элдъярн. Бывший директор Национального музея, доктор Элдъярн разыскал древние руины на острове Папэй у юго-восточного побережья Исландии и раскопал наиболее интересные из них. Он же одним из первых приветствовал нас, когда "Брендан" пришвартовался в Рейкьявике.

— Все указывает на то, что ирландские отшельники побывали здесь, — говорил он мне, — хотя до сих пор мы не нашли ни одного предмета, который можно уверенно привязать к ним. "Книгу об исландцах" принято считать достаточно надежным историческим источником, и многие географические наименования — Папос, остров Папэй, Папафьорд и другие, точное местоположение которых нам неизвестно, — достаточно красноречивы. Очень вероятно, что упомянутые места названы в честь обитавших там отшельников папаров.

Я немного рассказал президенту о том, как мы шли от Фареров.

— "Брендан" показал, что папары вполне могли проделать этот путь на своих кожаных лодках, — говорил я. — И я считаю знаменательным, что все упомянутые вами названия сосредоточены в юго-восточной части Исландии, обращенной к Фарерам. При нормальных условиях именно там я пристал бы к берегу на "Брендане", если бы шел в Исландию кратчайшим путем. Так что и тут география подтверждает предание.

— Беда в том, что у меня не было времени продолжить исследования, — с сожалением произнес доктор Элдъярн. — Мы ведь только-только приступили к поискам ирландских следов в Исландии, а территория обширная. В этой связи надо помнить об еще одной проблеме: во время так называемой эпохи викингов было оживленное сообщение между Исландией и Ирландией, и теперь совсем не просто определить, кем доставлено найденное в Исландии ирландское изделие — норманнами или до них самими папарами. Из древних источников мы знаем, что многие

нормандские поселенцы прибыли в Исландию через Британские острова, и исследования групп крови нынешних исландцев показывают, что немалая часть первоначальных жителей страны приплыла из Ирландии или Шотландии. Это могли быть жены норманских поселенцев, слуги или рабы. В ранний период средневековья Исландия и Ирландия, несомненно, поддерживали очень тесные связи.

Что ж, может быть, именно традиционные ирландско-исландские связи объясняют горячий прием, оказанный исландцами "Брендану" и его команде. Все дни, что мы провели в Рейкьявике, на нас сыпались предложения о помощи. Владельцы маленькой верфи Батанауст в соседнем с главной гаванью заливе передали, что мы можем безвозмездно пользоваться их слипом, если пожелаем произвести полный осмотр "Брендана". Я тотчас принял это предложение. "Брендан" находился на плаву два месяца, а ведь многие считали, что кожаной лодке значительно раньше потребуется хотя бы новая смазка. Мне не терпелось посмотреть, как теперь выглядит корпус, и, отбуксировав "Брендан" в Батанауст, мы вытащили его из воды. Все было в полном порядке. Единственные повреждения обшивки — одна две ссадины возле носа, вероятно от столкновения с какими-нибудь острыми обломками. Проверили швы сантиметр за сантиметром — ни один стежок не пострадал. Лодка была такая же крепкая и сохранная, как в день отплытия из Брандон Крика. Только форма ее малость изменилась. Две глубокие складки с обеих сторон пересекали по диагонали бычьей кожи: корма начала оседать, из-за этого натяжение обшивки ослабло, вот и стала собираться в складки. Вдоль правого борта, которым "Брендан" причаливал к песчаному берегу в Айоне, между рейками каркаса осталось множество мелких вмятин.

Нас особенно порадовало, что уцелела смазка из шерстяного воска. Стало быть, наше суденышко сохранило водонепроницаемое покрытие, опровергнув утверждения критиков, считавших, что кожаную лодку надлежит раз в неделю вытаскивать из воды и промазывать заново. Не считая одного двух мест, где смазку стерло столкновением

с обломками, "Брендан" по прежнему был защищен надежным слоем ланолина, который позеленел от водорослей, а местами даже оброс корочкой из мелких ракушек. Тщательно почистив корпус деревянными скребками, мы проверили кожу. Она была в превосходном состоянии, наша лодка вполне годилась для нового дальнего океанского перехода. На другой день стайка исландских ребятишек очень весело провела время, покрывая корпус "Брендана" свежим слоем горячего шерстяного воска заодно и сами они основательно перемазались.

Мы воспользовались случаем, как заведено, извлечь все грузы, привести в порядок такелаж и проверить корпус изнутри. К счастью, мы сохранили ясеновые стойки рулевой рамы и теперь смогли заменить потрескавшиеся дубовые брусья. После чего отнесли снаряжение в лодочный сарай для временного хранения. По мере того как "Брендан" освобождался от грузов, его кожаные бока втянулись на несколько сантиметров, словно туловище удава, переварившего свою трапезу. Правда, приписанный к верфи кот остался недоволен нами. Понюхав припасенный Трондуром китовый жир и вяленую баранину, он, к великому веселью корабелов, стремглав покинул верфь и не возвращался до тех пор, пока "Брендан" не был снова загружен и спущен на воду. Директор узла дальней связи тоже предложил нам свое содействие.

— Мне кажется, стоит усовершенствовать вашу рацию, — сказал он. — Я предлагаю установить кристаллы для работы на частотах службы обеспечения полетов — попробуете сообщать о своем местонахождении пролетающим воздушным лайнерам. На пути до Гренландии судов будет мало, а береговых станций и того меньше. Когда выйдете из зоны Рейкьявика, вы до самой Канады можете рассчитывать лишь на одну единственную береговую станцию в Южной Гренландии.

— Но ведь судам, наверно, запрещено пользоваться частотами, которые отведены для авиации? — пробормотал я.

Он усмехнулся.

— Возможно, но вы, скорее всего, будете говорить с исландскими самолетами или с нашим узлом дальней связи в Рейкьявике, а мы не станем возражать.

На другой день два радиотехника в белых халатах принялись перестраивать рацию "Брендана", и директор высказал еще одно предложение.

— Вам будет нужен позывной — как насчет ЕНДА? Звучит на ирландский лад — ведь ирландские позывные обычно начинаются на "Е", и все буквы взяты из слова "Брендан".

Было очевидно, что исландским официальным лицам доставляет удовольствие поворачивать закон на благо "Брендану". Ободряющий факт, и нам очень повезло, что во главе исландской береговой охраны стоял доброжелательный и учтивый офицер — Петур Сигурдссон. Он серьезно изучал море и историю мореходства и уже много лет интересовался судами ирландских монахов. Теперь подчиненная ему береговая охрана оказывала нам всевозможную помощь. "Брендану" было отведено место у одного из их причалов со складов той же организации мы получили якорь получше нашего, перлины, запасной автомобильный аккумулятор для рации и упаковку с жиром, чтобы укрощать волны во время шторма.

— Мало ли что, вдруг пригодится, — сказал мне командер Беренд Свейнссон, которому было поручено непосредственно проследить, чтобы "Брендан" снабдили всем необходимым. — Наши спасательные катера обычно берут с собой жир, может, и впрямь выручит в случае шторма.

Когда я вернулся с этой упаковкой на "Брендан", Трондур одобрительно кивнул. — Это хорошо, — заявил он. — Рыбий жир хорошо, но еще лучше китовый.

На другой день Трондур приволок канистру китового жира, добытую на китобойной базе за городом. И правильно сделал: жир очень пригодился нам впоследствии, когда "Брендан" сражался с гренландскими штормами.

— Если мы можем еще чем-нибудь помочь, не стесняйтесь, дайте знать, — объявил Петур Сигурдссон, когда я пришел в штаб береговой охраны, чтобы поблагодарить его.

В диспетчерской мое внимание привлек большой контрольный экран, на котором отмечалось передвижение сторожевых кораблей. Пунктирная линия, обозначающая путь "Брендана" на подходах к Исландии, еще не была стерта. Около каждого полуденного места искусной рукой был нарисован крохотный "Брендан", а там, где мы попали в сильное волнение, над лодкой грозно нависали огромные волны.

— Как-только вы вошли в исландские воды, мы начали следить за вами... на всякий случай, — спокойно произнес Петур.

— Еще раз спасибо

Но чего исландцы не могли сделать, так изменить погоду в нашу пользу. За неделю мы пополнили запасы продовольствия и были готовы снова выходить в море курсом на Гренландию. Однако погода настроилась против нас. Три недели день за днем дул сильный ветер с юго-запада — как раз оттуда, куда мы хотели идти. Три недели ждали мы в гавани, и каждый день я отправлялся под вечер на метеостанцию, чтобы ознакомиться с синоптической картой. Каждый вечер один и тот же прогноз: западные и юго-западные ветры, от сильных до крепких. Чтобы умерить наше нетерпение, Петур устроил мне и Джорджу вылазку на самолете береговой охраны, осуществляющем ледовую разведку у берегов Гренландии.

Летя на запад на высоте ста метров с хвостиком, я пристально изучал Гренландское море. Картина была неутешительная. Продолжительные юго-западные ветры нагнали длинные волны, и море до самого горизонта было расписано белыми барашками. Тусклый серо-зеленый цвет холодных, негостеприимных вод наводил уныние на мили кругом было совершенно пусто. На предстоящем пути "Брендана" — ни паромов, ни грузовых судов, даже рыболовных судов не видно. Вместо этого примерно в ста

милях от гренландского побережья мы увидели льды: широкая полоса пака окаймляла берег, простираясь на север к полюсу. Рядом с нелюдимым морем лед выглядел с воздуха чистым и привлекательным. Однако по линии их встречи качались и вертелись огромные льдины, и сверкающая белизной поверхность сразу приобретала недобрый сине-зеленый оттенок, когда их захлестывали волны. Да, сюда средневековой кожаной лодке лучше не заходить...

<http://game3.tr200.biz> - Он-лайн игры для мальчиков

Когда самолет возвратился в Рейкьявик, я принял решение: разумнее будет оставить лодку на зиму в Исландии и продолжить плавание следующей весной. Очень уж опасно в это время года идти на запад пока мы доберемся до мыса Фарвель — южной оконечности Гренландии, станет вполне реальной угрозой потопления "Брендана" осенними штормами. К тому же обилие пакового льда исключало возможность захода в Гренландию. Я утешался тем, что следую примеру ирландских монахов. Из "Плаванья" явствует, что они шли от острова к острову, согласуясь с временами года. Самому Брендану понадобилось семь благоприятных сезонов, чтобы дойти до страны на западе.

Я понимал, что отсрочка плаванья повлечет за собой практические осложнения, однако сказал себе, что "Брендан" не участвует в трансатлантических гонках. А главное, зачем рисковать без нужды? Петур Сигурдссон с явным облегчением воспринял мое решение.

— Конечно, ты прав. И так "Брендан" вон какое дело сделал — добрался сюда. Но теперь уже поздно идти дальше под парусом. Береговая охрана зимой присмотрит за лодкой. Вернетесь весной, когда дуют восточные ветры, и продолжите плавание.

Собрав команду на борту "Брендана" в гавани Рейкьявика, я объяснил своим товарищам обстановку на душе у меня было скверно, и я опасался за судьбу моего предприятия.

— Разумеется, мне хотелось бы увидеть всех вас вновь здесь в следующем году. Команда отличная, мы знаем друг друга, и, думаю, вы согласитесь, что "Брендан" доказал свою способность дойти до Нового Света.

Джордж, Артур, Трондур и Идэн не раздумывая заявили, что вернутся на лодку в следующем году.

Зимой вся операция оказалась на грани срыва. Мы разъехались по домам: Джордж — в Брайтон, на службу, Артур — в Ирландию, Трондур — в Киркьюбу, где он начал строить себе отдельный дом, Идэн помогал брату готовить их судно к следующему сезону. "Брендан" одиноко зимовал в ангаре береговой охраны в Рейкьявике. Однако денежные средства, необходимые для нового этапа, были на исходе. Хотя издатели, чьи авансы сделали возможной мою затею, согласились подбросить еще денег, все же с финансами было хуже некуда. Для закупки провианта и более совершенного снаряжения, возобновления страховок и так далее мне пришлось продать свою восьмиметровую яхту "Престер Джон" (машина уже была продана) и совсем опорожнить кубышку. К началу навигационного сезона 1977 года в северных широтах у меня оставалось денег только на то, чтобы купить команде обратные билеты, если мы вообще дойдем до Северной Америки.

В начале мая настало время собирать команду. Я позвонил Джорджу и Артуру и сообщил им день встречи. До Идэна добрался через капитана маленького шотландского порта. Он сел на весла и передал Идэну на судно мое послание, однако выяснилось, что Идэн в этом году вынужден заниматься своим делом. Прибыть в Исландию, чтобы помочь нам подготовить "Брендана" к выходу в море, он может, но дальше участвовать в плавании — никак. С вызовом Трондура было предельно просто. Я позвонил ему на Фареры и, когда он взял трубку, сказал:

— Трондур, это Тим. Постарайся попасть на рейкьявикский самолет во вторник и захвати китового жира.

— Ясно, — ответил он и положил трубку.

Пять дней спустя перед конторкой иммиграционного чиновника в Рейкьявикском аэропорту выстроились ребята с

Британских островов: Джордж, как всегда, бодрый и деловой, Идэн в ворсистой твидовой куртке, джинсах и самодельных башмаках на босу ногу, Артур в потрепанной ирландской фуражке на голове. Чиновник нерешительно воззрился на Артура.

— А где ваш обратный билет? — осведомился он. Пришлось мне вмешаться:

— Он член команды кожаной лодки "Брендан". Тотчас все стало на место.

— Тогда ему билет не нужен, — сказал чиновник. — Удачи и счастливого плавания. Улыбаясь, он вернул Артуру паспорт.

На другой день прилетел Трондур, все такой же волосатый, в одной руке гарпун, в другой солидный бумажный сверток, в котором было около десяти килограммов китового жира и вяленой баранины.

Мы немедленно направились в ангар береговой охраны, чтобы проверить, как "Брендан" перенес зиму. Меня беспокоила мысль о крысах и мышах. От кожевников я слышался, как достается козам на складах, особенно если они смазаны мыши и крысы охотно кормятся жиром. Но "Брендан" был невредим. Он предстал нашим глазам таким же, каким мы его оставили. Зима в Исландии выдалась на редкость мягкая, и грызунам хватало пищи на воле. Единственным признаком их визитов были помет и клочки бумаги в просвете двойного планширя, где несколько мышиных семейств устроили себе зимнее логово.

"Брендан" был в таком хорошем состоянии, что нам не пришлось даже повторно смазывать обшивку, — тут же спустили лодку на воду и приступили к погрузке. Опыт прошлого лета подсказал нам кое какие изменения. Мы запасли вдвое больше воды — около семисот пятидесяти литров, поскольку паковый лед по прежнему исключал возможность захода в Восточную Гренландию, и я наметил одним длинным переходом добраться до Северной Америки. Взяли также две маленькие УКВ рации, чтобы легче было связываться напрямик с пролетающими над нами воздушными лайнерами. И мы постарались получше

упаковать дневные рационы — запаяли их в двухслойном пластике. Изменилось и наше меню. После всех прошлогодних неладов с концентратами, которые портились от морской воды, я решил сделать упор на более средневековую пищу. Большую часть концентратов мы списали, а на их место погрузили копченую колбасу, копченое мясо и солонину, специально приготовленную зимой по моему заказу в Лондоне, а также изрядное количество орехов, овсяные хлопья и головку превосходного чеддера. Такую пищу потребляли ирландские монахи, и я предпочел ее не ради чистоты эксперимента, а просто потому, что она лучше всего подходила нам. Овсянку Трондур называл "хорошей едой для работы", копченое мясо и солонина тоже вполне себя оправдали. Мы убедились, что им не страшны ни морская волна, ни дождь они не требовали специального хранения, и вода не портила их вкуса. Средневековая составная нашего меню на всем пути пользовалась большим успехом.

Уроки предыдущего этапа отразились и в подборе одежды. Сезон 1976 года так убедительно выявил преимущества шерстяного платья в открытой лодке в высоких широтах, что каждый из нас взял хороший запас шерстяных чулок, шерстяные шапки и рукавицы, рейтузы и шарфы. Наши добрые друзья на исландской верфи подарили всем членам команды по великолепному исландскому свитеру, а Трондур забрал в аэропорту посылку таинственного вида.

— Исландия подарила "Брендану" свитера, — объявил он, — но и Фареры не отстали. Это прислано прямо с фабрики. Так одеваются фарерские рыбаки.

С этими словами он извлек из коробки пять комплектов чудесного серого шерстяного белья, равного которому по толщине и теплу я никогда не видел. Всего пять дней понадобилось, чтобы привести оголенный "Брендан" в полную готовность. Заново оснастить средневековую лодку было проще простого. Мы вернули на место мачты, укрепили весла, надели кожаный хомут на рулевое весло, погрузили воду и провиант, и 7 мая "Брендан" был готов начинать

второй и главный этап своей одиссеи. Вечером, в начале шестого, капитан порта Рейкьявик отбуксировал лодку из гавани, отдал буксир, помахал на прощание, и легкий ветер неспеша повлек нас на запад. Мы откупорили бутылку ирландского виски из свежих запасов, наполнили кружки, и я провозгласил тост:

— Попутных ветров

— Попутных ветров — подхватили остальные.

Мы понимали, что впереди нас ждет самый трудный, чреватый опасностями этап всего плавания.

10. Аварийная обстановка

Погода что-то миловала нас, даже чересчур. Первую неделю легкие ветры чередовались с безветрием и "Брендан" медленно дрейфовал от Исландии на запад. Самое время заново обживать судно, привыкать к средневековому образу жизни, вспоминать уроки прошедшего года и втягиваться в особый ритм открытой лодки в северных водах. По предложению Трондура мы утвердили систему вахт, принятую у фарерских рыбаков. Разбившись на двойки — Трондур с Артуром, я с Джорджем, — мы круглые сутки поочередно несли четырехчасовые вахты. Такой порядок позволял каждой двойке делить обязанности по своему усмотрению. В хорошую погоду один дежурил на руле, а его товарищ мог отдыхать, читать или готовить легкую закуску. Когда погода портилась, двое вахтенных чередовались на руле, сообразуясь с обстановкой. Практика показала, что в штормовую погоду двадцати минут на руле довольно, чтобы совсем окоченеть. Четырехчасовой распорядок нарушался только в полдень. Тут мы отработывали две полувахты по два часа и готовили главную горячую трапезу, ели все четверо. На этот раз обязанности кока исполняли все по очереди, так оно было куда лучше.

Казалось порой, что никакого зимнего перерыва и не было. Наши старые друзья киты не замедлили нас проведать. Мы еще не вышли из полукружия залива Факсафлойи у Рейкьявика, когда около нас всплыло стадо фонтанирующих малых полосатиков и снедаемый любопытством молодой десятиметровый кит, сопя и пыхтя, минут пятнадцать описывал петли метрах в двадцати то справа, то слева от "Брендана", иногда заплывая под лодку. А два дня спустя в безветренное утро из пучины явилась целая ватага тюленей. Их головы качались на волнах, словно лоснящиеся футбольные мячи, с интересом созерцая

кожаное суденышко, потом вдруг разом ушли под воду и больше не показывались.

Нас навещали и люди. Один рыбак щедро поделился уловом, и Трондур тут же отправил рыбу в котел. На быстроходном катере подошли охотники, которые стреляли кайр, и тоже уделили нам часть своей добычи, к великой радости Трондура, — он очистил птицу, сварил, обжарил и подал с соусом из сметаны. Получилось блюдо не хуже, чем у какого-нибудь французского шеф повара.

— Одна кайра, — рассудительно произнес Трондур, раздавая нам порции, — равна двум глупышам или трем тупикам, все хорошая еда.

Он явно был в своей стихии и соорудил новое приспособление для лова глупышей — устрашающее соцветие крючков на пробковом поплавке, которое покачивалось на поверхности у нас в кильватере. А под водой на конце нашего спасательного леера тянулся мощный оперенный крючок на толстом проволочном поводке, такой большой, что хоть акул лови. Куда ни глянь — всюду видны признаки активности Трондура: смотанная кольцами леса, свинцовые грузила, коробочки с рыболовными крючками, куски китового жира (наживка для глупышей), камень для заточки крючков, два-три пера там, где он чистил свой улов. Особенно пекся он об изготовленном зимой новом гарпуне. Надетый на длинное древко латунный шток венчался великолепно сделанным листовидным наконечником из стали. К этому наконечнику крепился гарпунный линь когда гарпун поражал цель, наконечник отделялся, оставаясь в теле жертвы. Трондур готов был часами гнуть спину над наконечником и точить его, доводя до бритвенной остроты. Древко с кожаной петлей лежало рядом на банке. Держа в руках листовидный наконечник, напоминающий размерами и формой кремневый наконечник для копья, найденный археологом на стоянке каменного века, он словно олицетворял Древнего Охотника.

<http://game4.tr200.biz> - Бесплатные игры

В одиннадцати километрах над нами можно было видеть серебристые точки и длинный конденсационный след воздушных лайнеров, летающих между Европой и Америкой. За какие-нибудь шесть семь часов самолёты проделывали путь, на который "Брендану" понадобится не одна неделя, если мы вообще сумеем его пройти. Я спрашивал себя, что подумали бы пассажиры в мягких креслах с звуковыми приставками и пластиковыми подносами, узнай они, что далеко внизу четверо на кожаной лодке ползут со скоростью менее двух миль в час через такой смирный на вид океан, отделенные несколькими дециметрами от его поверхности, и жизнь этой четверки зависит от надежности материалов и приемов труда, не изменившихся за тысячу лет?

Первые четыре дня "Брендан" продвигался так лениво, что мы все еще видели на горизонте снежную макушку Снефьелльсьёкулля. Прозрачный северный воздух не позволял точно определить, как далеко мы ушли от суши. Наряду со светлыми летними ночами чистота воздуха, наверное, помогала древним мореплавателям в северных водах. Направляясь в Гренландию, норманны ориентировались на Снефьелльсьёкулль. Кормчий вел ладью на запад, пока его вершина не скрывалась за горизонтом, и при ясной погоде уже вскоре можно было прямо по курсу различить ближайшие горы Гренландии. На этой трассе от Исландии до Гренландии около двухсот пятидесяти миль, и горы на старте и финише — надежный ориентир, скрадывающий протяженность длинного этапа "ступенчатого маршрута". При хорошем ходе мореплаватель всего день-другой не видит землю. И дополнительным подспорьем древним мог служить арктический мираж.

Арктический мираж (исландцы называют его "хиллингар") — северный эквивалент широкоизвестного миража пустынь. Когда на холодной поверхности застаивается массив прозрачного воздуха, его оптические свойства изменяются, и он преломляет свет наподобие огромной линзы. Мнимое изображение предмета, находящегося далеко за горизонтом, появляется над горизонтом; иногда

оно бывает сдвоенным, причем верхнее опрокинуто. Показания секстанта при этом ненадежны, протяжение теоретического горизонта определяется только разрешающей способностью человеческого глаза.

Особенно благоприятны условия для арктических миражей над Гренландией, где масса воздуха высокого давления покоится на могучем ледниковом куполе, который служит источником яркого отраженного света. Вполне возможно, что ирландские и нормандские мореходы, намеренно выходявшие в море от берегов Исландии или увлеченные на запад штормовым ветром, наблюдали отсвет гренландского ледника далеко за пределами обычно видимого горизонта и догадывались, что в той стороне есть земля.

Медленное продвижение "Брендана" облегчало задачу патрулям исландской береговой охраны, которым Петур Сигурдссон поручил следить за нами сколько будет возможно. Сперва над лодкой покружил самолет, затем нас проведало сторожевое судно "Тир". За кормой "Брендана", как обычно, тянулась леска Трондура.

— Мы ловим только глупышей, треску не трогаем — поспешил я заверить по радио сторожевика, когда он пошел по кругу, присматриваясь к нам.

— Прекрасно, удачи вам, "Брендан" — отозвался "Тир" и помчался дальше охранять от браконьеров двухсотмильную рыболовную зону Исландии. Я повернулся к Трондуру:

— Кстати, ты рассказывал своим друзьям, фарерским рыбакам, что мы в прошлом году ели серых глупышей, которых они считают ядовитыми?

— Ага, — ответил он.

— Ну, и что они сказали? Он усмехнулся.

— Сказали, что мы сумасшедшие.

Мне подумалось, что лучшего комплимента от фарерцев нельзя было пожелать.

Дальше нас навестил патрульный катер "Эгир". С катера спустили резиновую лодку, в которой стоял навтыжку офицер береговой охраны, держа в руках картонную

коробку с такой осторожностью, словно он боялся, что она может взорваться от малейшего толчка.

— Капитан шлет вам привет, — сказал он, бережно передавая нам коробку. — Надеюсь, все в порядке.

Я снял крышку и увидел огромный торт с кремом, на котором красной глазурью были изображены контуры "Брендана". Рядом с тортом примостился конверт с адресом:

"ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ ГРЕНЛАНДСКОГО МОРЯ

КАП. ТИМУ СЕВЕРИНУ

БРЕНДАН

АДРЕС МЕСТО 63°56' С 23°17' З

В конверте лежало письмо:

"Привет, старина Тим!

Попросил бы ты у моря погоды. Для полной гарантии сегодня вечером мы поколдуем в танцевальном зале в Рейкьявике, устроим мощные пляски Вуду.

Серьезно, мы все желаем вам благополучного рейса, пусть бог хранит вас в вашем замечательном путешествии. Буфетчик шлет скромный знак своего восхищения и наилучшие пожелания.

Хорошей скорости.

Кап. Гуынар Х. Улафссон" Пока я читал это послание, парни с "Эгира" уже вскарабкались на борт своего катера. Живо подняли резиновую лодку, из выхлопных труб вырвалось облачко дыма, и "Эгир" на полной скорости промчался мимо нас. Команда махала руками и попрощалась с нами тремя протяжными гудками судовой сирены.

По прежнему стояла очень мягкая погода. Даже не верилось, что мы находимся в пользующихся такой недоброй славой северных водах. Низкая зыбь позволяла Трондуру рисовать "Брендан", сидя на привязанной к корме резиновой лодке, а Джордж ходил по планширю, придирчиво регулируя снасти и шверцы. Солнце ярко светило в хрустальном воздухе, и мы любовались великолепными закатами. Лишь колкий ветер напоминал, что меньше ста миль отделяет нас от паковых льдов. Когда он дул с севера, непросто было от него обороняться. Заступая на вахту, следовало сперва натянуть

хлопчатобумажное белье, затем фарерское шерстяное, две пары носков, брюки, рубашку и два свитера и только потом, выбравшись из укрытия, надевать дождевое платье. Словом, не скупись на теплую одежду, иначе даже слабый ветер в два счета съест твоё собственное тепло, а потом непросто согреться. У каждого был свой подбор одежды против нарастающего холода. Артур припас несколько бесформенных шерстяных шапок и пару широченных ватных брюк, в каких несут вахту военные моряки. Джордж запасся мягкими исландскими шерстяными носками и перчатками. Я натягивал длинные, почти до локтя, рукавицы ручной вязки. Но всех затмил Трондур, представ перед нами в роскошной китайской меховой шапке с болтающимися наушниками. И не разобрать, где кончается бобровый мех, а где начинается собственная косматая шевелюра Трондура.

Опыт показал, что четверым на "Брендане" живется куда удобнее, чем пятерым. Освободившееся место пришлось очень кстати. Можно было спокойно хранить там запасную одежду и снаряжение, оставив снаружи только самое необходимое личное имущество, надежно упакованное в непромокаемые сумки. Дневные рационы были рассчитаны на пять человек — опять таки выигрыш. Если прибавить добываемых Трондуrom глупышей и наши запасы копченого и сушеного мяса, то мы питались намного лучше, чем в прошлом году, и настроение само собой тоже было лучше, даже когда приходилось выковыривать из банки застывший мед. Вахтенные могли в любую минуту согреться горячими напитками — кофе, мясной бульон, чай. Свежие продукты не портились с температурами, редко превышавшими плюс пять градусов, сама природа снабдила нас холодильником — факт, который, несомненно, был вдвойне важным для средневековых мореходов, плывших тем же путем, что и мы, но более зависимых от свежей провизии.

Двенадцатого мая на "Брендан" приземлилась усталая пичуга, напомнив нам, что перелетные птицы тоже пользуются межконтинентальным маршрутом. Пичуга была чуть больше воробья когда она, совсем обессиленная,

опустилась на голову штурмана, мы опознали трясогузку. От хлебных крошек и воды она отказалась, зато немного погодя допрыгала по планширю до носового укрытия и устроилась отдыхать в изголовье койки Трондура. На другой день ее на лодке уже не было — улетела. Шутя, мы обвинили Трондура в том, что он ночью закусил птичкой. Перелеты трясогузок по древнему миграционному пути могли для мореплавателей средневековья служить еще одним указанием, что к западу от Исландии есть земля. Однако к таким приметам следовало подходить осторожно. Весной и осенью стаи перелетных птиц и впрямь указывали на присутствие земли за горизонтом, но не всякий мог верно толковать эти указания, надо было знать повадки данной птицы — как далеко она мигрирует и летит ли по прямой к конечной цели. Мы на "Брендане" сами столкнулись с этим. Годом раньше в июле появление тупиков говорило нам, что близко находится земля. Теперь же мы в мае встречали этих птиц за сто с лишним миль от ближайших берегов. Ибо в мае они далеко летают в поисках пищи, тогда как в июне — июле, когда откладывают яйца, район их охоты приближен к гнездам. От знания таких вещей мог зависеть успех при поисках новых земель.

Забываясь о безопасности экипажа, я старался ежедневно сообщать место "Брендана" береговым радиостанциям, которые передавали эти сведения исландской береговой охране. А потому, когда позволяла погода, я брал секстантом высоту солнца и делал положенные вычисления. В прокладке нашего курса мы руководствовались единственным золотым правилом: идти на запад, все время на запад. При перемене ветра курс менялся, но так, чтобы оставаться возможно ближе к весту. Если дул встречный ветер, мы шли под углом девяносто градусов к нему на север или на юг, пока он снова не менялся. Величину ветрового сноса и действие океанских течений можно было определить лишь очень приблизительно. О сносе мы судили по углу между лодкой и страховочным леером, доходившему до тридцати градусов. О скорости и пройденном расстоянии во многом приходилось гадать. При

слабых ветрах "Брендан", особенно с тяжелым грузом, шел слишком медленно, чтобы лаг работал как следует, и ошибка в показаниях подчас достигала сорока процентов. Простой эксперимент показал, что с таким же успехом можно бросить щепочку в воду около носа лодки, засечь, сколько времени ей нужно, чтобы миновать рулевое весло, и рассчитывать скорость, исходя из этого.

В пятницу 13 мая мы прошли самый большой отрезок с начала этапа. Трех-четырёхбалльный ветер продвинул "Брендан" на шесть — десять миль, и поскольку дул норд-ост, мы сразу ощутили потепление. На обед съели огромную порцию бобов с копчеными колбасками, с которых Башмак предварительно соскреб зеленый пушок плесени.

— Давай проверим краситель, — предложил я Джорджу, когда мы, отдыхая с набитым желудком, соображали, чем занять вторую половину дня.

На случай аварии нам были выданы склянки с красителем, предполагалось, что он, окрасив море, послужит ориентиром для самолета спасательной службы.

— "Порошок окрасит воду в флюоресцирующий оранжевый цвет", — прочитал Джордж надпись на ярлыке.

Отвинтив колпачок, он высыпал содержимое склянки за борт. Порошок тотчас окрасился в зеленый цвет, не больно то приметный среди зеленого океана.

— Может быть, изготовитель — дальтоник? — предположил Артур.

— Или же его продукция не рассчитана на ледяную воду, — добавил я.

<http://game5.tr200.biz> - Flash игры

Впрочем, через пять минут сам Джордж покрылся эффектными желтыми пятнами. Часть порошка ветром отнесло ему на кожу, и до конца этого дня Джорджа можно было принять за некую диковинную разновидность леопарда. На следующее утро произошел первый на нашем втором этапе серьезный казус: взбунтовался керогаз. Не горит, да и только. Вот так сюрприз. Весь прошлый сезон он действовал безотказно. Я достал коробку с запасными частями, разобрал керогаз и убедился, что большая часть

запчастей не подходит. Кто-то допустил промашку при комплектации. На первый взгляд не так уж и страшно, однако я знал, что со временем это может обернуться большими неприятностями. Керогаз был нашим единственным источником тепла. Без него мы будем лишены горячей пищи или горячего напитка в такой момент, когда от этого будет зависеть работоспособность команды. Конечно, можно плыть дальше на одной только сухомятке, но радости это нам не сулило. Даже эскимосы в дальних переходах готовят горячее, а ведь нам еще предстояло идти в открытой лодке не меньше тысячи пятисот миль. Четыре часа возился я с керогазом и кое-как заставил работать одну горелку. Но со второй ничего не смог поделаться и до самого конца плавания остро ощущал, как сильно мы зависим от голубого пламени единственной действующей горелки.

После живописного спектакля, исполненного северным сиянием, погода посуровела и напомнила нам, что мы как никак находимся на дальнем севере. Ветер сместился к зюйд-весту и нагромоздил впереди по нашему курсу зловещие черные грозовые тучи. Под пасмурным небом и морозящим дождем "Брендан" затормозил и стал отклоняться в сторону, к северу. Море избородила хмурая зыбь, которая время от времени забрасывала к нам на борт пенистые гребни. Трондур выразил недовольство трюмной водой, булькавшей под его спальным мешком на носу.

— Слышу воду, — сказал он. — Но у меня не мокро... пока.

Он развлекался ловом малых чаек. Нас сопровождала целая туча, и птицы пикировали на его удочку, клевали наживку, даже поднимали ее в воздух, однако поймать их было непросто — очень уж клювы маленькие. Всего несколько раз удалось Трондур, подтянув лесу, добавить очередной трофей к веренице морских птиц, развешанных над кормой "Брендана".

— Найдется хоть какая-нибудь морская птица, которую ты не стал бы есть? — спросил я его.

Он подумал.

— Эскимосы ловят две-три сотни гагарок. Засовывают в брюхо убитого моржа, закапывают на много недель, потом достают и едят. Я сам не пробовал, но вряд ли хорошо.

Тем не менее по лицу его было видно, что он не прочь отведать и такое блюдо.

День святого Брендана, 16 мая, стал последним днем "нормальной" погоды: густая облачность, временами дождь, грозивший смениться мокрым снегом. Да, совсем не то, что день Брендана в прошлом году, когда мы при куда более теплой погоде в Брандон Крике готовились к отплытию из Керри... Теперь, в 1977 году, мы находились в центре Гренландского моря, однако, вооруженные опытом, чувствовали себя куда увереннее и дважды почтили память святого ирландским виски — сначала перед обедом, затем перед ужином, когда ветер на короткое время сместился к северо-востоку и подтолкнул нас в нужную сторону.

— Уф — произнес Башмак, наклонясь через планширь, чтобы вымыть свою миску. — Этак мы скоро и лед увидим.

— Что, холодная? — спросил я.

— Чертовски ледяная, — ответил он. — Не хотел бы я в нее упасть. Дождя здесь не меньше, чем в Ирландии, но разница все же есть: при таком холоде за металл берешься — руки ломит.

Весь день лил дождь, и, хотя мы уплотнили перекрытие жилых отсеков, вода просачивалась внутрь. На банке возле койки Башмака образовалась отменная лужица, и при каждом наклоне лодки ему на голову проливалась струйка.

Перед самой полночью из мглы за кормой "Брендана" выросло сторожевое судно "Тур". Петур Сигурдссон поручил своим людям догнать нас и проверить УКВ станцию, которая почему-то не прослушивалась на самолетных частотах. Для меня до сих пор остается загадкой, как "Тур" ухитрился отыскать нас ночью при таком волнении. Напрашивается слово "чудо". Сторожевик приблизился к "Брендану" на шесть миль, прежде чем нащупал нас радаром — это было все равно, что искать пресловутую иголку в стоге сена. Около часа мы проверяли рацию на связь между нашими двумя судами, после чего "Тур" снова скрылся во мраке. Он

сильно отклонился от обычного патрульного маршрута, и я понимал, что отныне "Брендан" уже не защищен "зонтом" Исландской береговой охраны, разве что случится какое-нибудь чрезвычайное происшествие. Впереди простирался нелюдимый участок гренландского побережья, где постоянно обитает только горстка метеорологов, обслуживающих крохотную метеостанцию Тингмиармиут. В последние годы в море заметно прибавилось льда, и даже эскимосы, прежде охотившиеся вдоль побережья Восточной Гренландии, покинули негостеприимный край.

Словно в подтверждение моих дурных предчувствий, погода продолжала ухудшаться. Утро следующего дня принесло туман, морозящий дождь быстро падало атмосферное давление. Ленивая зыбь сулила приближение штормовой погоды с юго-востока. Мы с Джорджем приняли меры — достали брезент и накрыли середину лодки, постаравшись натянуть его возможно туже. Распорками служили два весла, и под брезентом вполне мог поместиться один человек, когда возникала надобность поработать трюмным насосом. Ирландские монахи брали с собой на карру кожаные палатки и запасные кожи думаю, они тоже сооружали подобные укрытия от волн, иначе лодку могло затопить во время шторма.

К полудню стало очевидно, что низкая осадка грозит нам неприятностями. Мы так основательно загрузили "Брендан" для долгого перехода до Северной Америки, что с усилением ветра и волнения лодка резко кренилась и черпала бортом воду. То и дело приходилось братья за помпу, и при смене вахты Артур и Джордж пробрались вперед, чтобы взять рифы на гроте. После чего мы приготовили из колбасы горячее блюдо и стали ждать, что принесет шторм.

Я уже не пытался выдерживать вестовый курс. При таком сильном ветре "Брендану" оставалось лишь уходить от него. По карте было видно, что нас относит на север дальше, чем я намечал. В каком то смысле мы попали в ловушку, как в заливе на гебридском острове Тайри, только масштабы здесь были гигантские. В девяноста милях

впереди начинались опоясывающие восточный берег Гренландии паковые льды. Простираясь на север, они затем сворачивали на восток, к Исландии, так что нас теснило в своего рода огромную ледовую бухту. Пока что пространства для маневрирования хватало, однако, продлись штормы день другой, и "Брендан" загонит в пак. Такая перспектива меня не соблазняла, но, пока держался крепкий ветер, мы ничего не могли поделать.

Не одни мы были жертвами сильных ветров. На "Брендан" вновь приземлилась пичуга, на этот раз маленький коричнево белый береговой конек, совершающий долгий перелет на летнюю квартиру в Гренландии. Видно, ветер высосал все силы из птахи, потому что она ударилась о парус, соскользнула на крышу кабины и осталась лежать там, дрожа всем тельцем. Она не могла даже отбиваться, когда Джордж поднял ее и отнес в защищенное от ветра место, чтобы она отдохнула и набралась сил. Придя в себя, конек решил ознакомиться с постом рулевого, попрыгал там, посидел на шапке Джорджа, однако недоверие к людям не прошло, и ночевать пичуга устроилась на бухте троса, на крыше кабины. Всю ночь рулевой мог видеть, как она, не обращая внимания на хлопки и поскрипывание грота над головой, подпрыгивает и переступает с ноги на ногу, применяясь к качке. Маленький пушистый комочек скрашивал одиночество ночному вахтенному, и все же суровые условия доконали птаху — на рассвете она умерла от переохлаждения.

Очередной радиосеанс прибавил нам бодрости. Я вызвал Рейкьявик, а мне откликнулась береговая станция в Принц Христианссунде на юге Гренландии. Расположенная в глухом уголке в нескольких милях от мыса Фарвель, эта радиостанция обеспечивает связью все суда, огибающие мыс. Таким образом, если говорить о радио, "Брендан" находился на полпути между Исландией и Гренландией. Тут и погода дала нам небольшую передышку. Ветер угомонился, оставив лишь сильную зыбь, можно было подумать о том, чтобы приготовить горячее блюдо. Только я

потянулся за скороваркой, как из кабины донесся голос Башмака:

— Осторожнее с камерой

Я подумал, что он говорит во сне, поскольку Башмак, как обычно, уютно лежал в своем спальном мешке.

— Осторожнее с камерой — крикнул он снова. Я малость опешил.

— Ты о чем это?

— Она лежит в скороварке. — Что? — Нет, он точно бредит. — Что ты сказал?

— В скороварке, — повторил Башмак, словно именно там надлежало хранить фотоаппарат.

В каком то смысле он был прав. Сняв крышку с кастрюли, я увидел в проволочной корзиночке его драгоценную камеру. Сухая, в полной сохранности, разве что от нее пахло луком. С того раза мы, перед тем как налить в чайник воду или поставить кастрюлю на керогаз, непременно проверяли, не лежит ли в них какое-нибудь фотографическое снаряжение.

Вскоре — в третий раз за три дня — вновь с нарастающей силой подул встречный ветер. Наше настроение падало вместе с барометром. Уже три дня мы ходили по кругу в океане, топтались на месте, не продвигаясь вперед ни на шаг. Исхлестанное чуть ли не непрерывными дождями море выглядело весьма недружелюбно. Правда, могучие валы впечатляли. На нас наступали целые горы воды, вздыбленные ветром, дующим навстречу основному океанскому течению. Величественное воплощение могущества Природы... Но на людей в маленькой открытой лодке оно действовало угнетающе. Мы затруднялись определить высоту волн во всяком случае, когда "Брендан" скатывался в ложбину, их гребни вздымались куда выше грот мачты. Нависая над нами, громадина вала становилась такой же частью великой стихии, как небо. Разговариваешь с несущим рулевую вахту Джорджем и с тревогой видишь, как метрах в двадцати за ним вода встает на дыбы, словно вознамерившись обрушиться прямо на рулевого. Расписанная рябью водяная

стена катит к лодке, но тут "Брендан" поднимается на волне, и голова Джорджа быстро ползет вверх на фоне ее ската. Внезапно открывается вид на горизонт и на широкий угрюмый простор Атлантики, изборожденной валами до самой Гренландии, но "Брендан" уже скатывается в следующую ложбину, и мы снова зажаты между серо голубыми стенами.

Двадцатого мая в 6.20 до нас дошел слабый голос из Принц Христианссунда. Прогноз оправдал мои опасения: юго-западный шторм, сила ветра восемь-девять баллов, скорость больше семидесяти километров в час — и все это с той стороны, куда лежит наш путь. Впрочем, и без прогноза все было ясно. Отвратительное нагромождение туч впереди красноречиво говорило, что нас ждет непогода. И точно: не прошло и часа, как нам пришлось, сражаясь с ветром, сперва взять рифы на гроте, а затем и вовсе убрать его. Остался лишь маленький передний парус, призванный уводить лодку под ветер и помогать рулевому хоть как-то вилять между все более высокими волнами, которые дыбились и рушились кругом. Убирая грот, мы смекнули, что промедлили еще с одной мерой. Надо было раньше вытащить тяжелый шверц, теперь же давление воды крепко прижало его к корпусу лодки. Каждый раз, когда карра кренилась под напором ветра, кромка шверца, лемехом врезаюсь в море, вспарывала его поверхность, и через планширь скатывалась в трюм изрядная порция океана. Десяти минут было довольно, чтобы вода начала плескаться над настилом, и вахтенные — мы с Джорджем — почувствовали, как "Брендан" становится все тяжелее на ходу. Это было опасно, теперь лодка плохо всходила на волну, к тому же ее баланс нарушался водой, которая перекачивалась взад вперед в корпусе.

<http://game6.tr200.biz> - Играть flash игры

Нужно было убрать шверц. Типичный пример не самой приятной работы на борту... Мы с Джорджем пробрались вперед. Напор воды туго натянул ремни крепления, и узлы не поддавались даже свайкам. Мы принимали воду при каждом наклоне корпуса. В конце концов, Джордж полоснул

по ремням ножом я при этом, напрягая все силы, держал шверц руками, чтобы его не унесло. Качаясь из стороны в сторону, стесненные тяжелыми одеждами, мы стали втаскивать громоздкий шверц в лодку. Рискованное дело: под ногами скользко, стоит оступиться — и кувырнешься за борт, а в такой холодной воде долго не протянешь. Управившись со шверцем, мы натянули брезент, чтобы отражал волны, штурмующие планширь. Десять минут работы помпой — и вода в трюме понизилась до более безопасного уровня.

Дальше следовало отдать с кормы тросы, чтобы притормозить "Брендан" этим плавучим якорем. Я боялся, что карра опрокинется, если будем слишком быстро съезжать по скату волны. И наконец, мы наполнили китовым жиром мешочек, прокололи дырочки в ткани и свесили это устройство за борт на коротком кормовом фалине. Растекаясь по воде в кильватере, жир в какой то мере гасил гребни, правда рулевой должен был прилагать немалые усилия, ведя "Брендан" точно по ветру, чтобы от жировой пленки был какой то толк. Каждая волна норовила сбить лодку с пути казалось, вот-вот карра рыскнет и выйдет из ветра, но тут рывком натягивался плавучий якорь и, дернув рулевую раму, силком выравнивал судно. Посмотришь назад — видно, какая нагрузка ложится на тросы: они буквально вспарывали поверхность моря, вздымая тучи брызг.

Вот так мы оборонялись против шторма. За каких-нибудь пять часов бегства потеряли все мили, добытые с таким трудом накануне. А шторм и не помышлял униматься. Артур был свободен от вахты и мирно спал в главной кабине, когда нас впервые накрыло по настоящему. Джордж стоял на руле, я откачивал трюмную воду, скорчившись под брезентом. Внезапно я почувствовал, как нос "Брендана" медленно наклоняется вперед и лодка словно зависла под каким то неестественным углом. Странно, подумал я, обычно мы выравниваемся быстрее. Вдруг послышался крик Джорджа:

— Качай! Качай что есть мочи!

По лодке с гулом катилась вода. "Брендан" встрепенулся, словно пронзенный острой лосось, и стал выравниваться. Из под настила у моих ног струями била вода. Качая с удвоенной силой, я услышал, как гукает кормовой насос в руках Джорджа. Трондур вылез из своего укрытия, добрался до правой помпы в середине лодки и тоже принялся качать. Когда уровень воды понизился до нормы, я заглянул в кабину. Артур сидел с мрачным видом в хлюпающем спальнике, окруженный мокрой одеждой его волосы прилипли к черепу.

— Кабину здорово залило, — произнес он. — Боюсь, что моим камерам досталось.

— Высоченная волна обрушилась прямо на корму и хлынула к носу, — объяснил Джордж. — Вдавила задний полог брезента и окатила Артура.

— Что, и рации захлестнули? — тревожно осведомился я.

— Кажется, нет, — ответил Артур. — Но брызг на них хватает.

Сбросив мокрое дождевое платье, я забрался в кабину и тщательно протер аппаратуру сухой тряпкой. Потом включил ток для проверки. И с облегчением убедился, что рации работают.

— Ты уж постарайся, вытри лужицы сколько сможешь, — попросил я Артура. — И у нас еще есть в запасе сухой спальник, которым пользовался Идэн. А я на всякий случай оберну радиоаппараты полиэтиленом — вдруг нас еще раз накроет.

Так я и сделал — и хорошо, что вовремя додумался. Сменившись с вахты, мы с Джорджем скинули дождевое платье, забралась в кабину и влезли в свои спальные мешки. Трондур и Артур каждые двадцать минут сменялись на руле, бережно ведя "Брендан" по волнам. Только мы с Джорджем задремали, вдруг послышался громовой рев, потом оглушительный грохот, и в кабину ворвался каскад воды. Отбросив брезентовый полог, волна перевалила через банку и ударила о настил с такой силой, что брызгами обдало весь потолок. Вода была ледяная, прямо из Восточно-Гренландского течения. Овечьи шкуры под

спальными мешками всплыли, сами спальники мигом промокли насквозь, и у нас дух занялся от холода.

— Откачивайте воду. Скорей откачивайте. Нас затопило — крикнул кто-то.

Джордж живо выбрался из спального мешка, выскочил из кабины в одном нижнем белье, на ходу схватил висевший на рулевой раме аварийный костюм, влез в него и бросился вперед к помпам. Артур отчаянно боролся с рулевым веслом, силясь удерживать "Брендан" кормой к волнам. Трондур в глянцевом дождевом платье накрывал маленьким тентом камбуз. Покончив с этим делом, он принялся вычерпывать воду большой кастрюлей за неимением ведра.

Стоя в кабине по щиколотку в воде, я посмотрел кругом, прикидывая, что можно спасти. Практически все снаряжение залило. Мимо меня уныло проплыла какая то книга, спальные мешки смахивали на полузатонувшие трупы. Всюду плескалась вода. Быстро записав в блокноте наше последнее счислимое место, я вырвал листок и сунул в карман. Если лодку совсем затопит, единственный шанс на спасение — передать сигнал бедствия и точную позицию. Затолкав в сумку маленький УКВ передатчик, запасные батарейки и микрофон, я положил их на радиопульт, чтобы были под рукой, после чего тоже влез в водонепроницаемый костюм и поспешил на помощь Джорджу, который лихорадочно трудился на левой помпе в средней части лодки. Пробираясь мимо Трондура, я обратил внимание па разгром вокруг рулевого поста. Трондур стоял по колена в воде, прилежно вычерпывая ее кастрюлей, а вокруг него плавали миски и котелки, банки с провизией, резиновые сапоги, мокрые тряпки. Самая настоящая авария...

Тук, тук, тук Мы с Джорджем как заведенные работали помпами, посылая хилые струйки обратно в океан. Сутулясь в темноте под брезентом, я особенно остро ощущал, как скована в движениях наша лодка. Отяжелевший "Брендан" был почти парализован, и вода зловеще перекатывалась взад вперед по корпусу. Лодка сидела так глубоко, что даже небольшие волны перехлестывали через планширь, добавляя воды в трюм. У моря свой ритм, у нас свой — кто

кого? Отчаянно работая насосом, я с тревогой думал, что будет, если сейчас лодку накроет новый вал. Удержимся мы на плаву? И выбрали же стихии забытый богом уголок на полпути между Исландией и Гренландией, чтобы подстроить нам такую каверзу. Что там говорили специалисты по выживанию? В такой ледяной воде можно выдержать от силы пять минут. Тук, тук, тук. Через щелочку в тенте было видно причину бедствия. Атлантический океан разгулялся вовсю. Дующий от Гренландии штормовой ветер поднял бешеную волну. Преобладали неумолимо наступающие с юго-запада громадные валы с окутанными пеной срывающимися гребнями. Насколько хватал глаз, шторм всю поверхность океана расписал барашками. Кое где движение главных сил нарушалось поперечными волнами. От столкновения взлетали вверх высокие каскады, словно от взрывов. Впечатляющая картина...

Тук, тук, тук Сорок пять минут без перерыва работали мы помпами, а Трондур — кастрюлей, прежде чем вода в лодке упала до безопасного уровня и "Брендан" разгрузился. Теперь можно было определить степень повреждений. Конструкция лодки вроде бы не пострадала. Рулевая рама на месте, швы целы. Нетрудно было установить, где прорвалась волна, — на незащищенном фланге, в просвете около рулевого весла. Стоявший на ее пути железный ящик с керогазом принял главный удар на себя. Одна стенка ящика была смята и искорежена, фиксатор сорвало, начисто срезав заклепки.

Удручающее зрелище открылось нам внутри кабины. Большая часть снаряжения, разложенная на полу, купалась в воде, скопившейся на полиэтилене. Мы открыли ход под центральный тент подняв передний полог, и я стал подавать Джорджу влажные подстилки, мокрые спальные мешки, овечьи шкуры и одежду. Все пропиталось ледяной соленой водой. Не пострадало только то, что лежало на полках, включая рации. Да еще содержимое наших личных (слава богу, непромокаемых) сумок. Хоть запасная одежда осталась сухой.

Наконец то Джордж, которого трясло от холода, смог как следует одеться.

— Ну и ну, — пробурчал он, натягивая на себя свитер. — Теперь вся надежда на твою гипотезу, что тепло нашего тела просушит спальные мешки. Не хотел бы я оставаться таким мокрым до конца плавания.

Освободив кабину от имущества, я принялся за пол, вытирая лужицы и прорезая ножом дыры в полиэтилене. Полчаса спустя стало очевидно, что совсем избавиться от сырости невозможно, сколько ни вытирай — остается блестящая пленка влаги. Джордж передал обратно то, что мы вынесли в туннель под тентом, за исключением трех овечьих шкур и одного спальника, которые так промокли, что сколько ни выжимай — все равно вода так и течет с них.

Основательно измотанные, мы залезли в спальные мешки, стараясь не думать о сырости, пропитавшей не только их, но и нашу одежду. Уже без малого тридцать шесть часов мы трудились практически не смыкая глаз.

Бум! Снова могучий вал обрушился на корму, отбросил полог, ворвался в кабину и окатил мне лицо, поскольку я лежал головой к корме. Мы вскочили, спасая от потопа спальники. Поздно. За долю секунды все вернулось в прежнее состояние. Всюду вода. Полный трюм, и наводнение в кабине. "Брендан" принимает удары волн почти в стационарном положении, и мы с Джорджем в носках шлепаем по полу в ледяной воде.

Опять качай воду, целый час качай и моли небо, чтобы волны не добились "Брендана", пользуясь его немощью. Кончил качать — снова освобождай кабину от имущества, выжимай что можно выжать, протирай пол, затем вноси вещи обратно. Я включил рацию — и обмер. Тишина. Тут же я сообразил, что в суматохе оказалась повернутой назад ручка громкости. Исправил эту оплошность и сделал вызов, чтобы сообщить наше место на случай полной катастрофы. Но никто не отозвался. Мы находились за много миль от морских путей, и, если учесть, что передатчик отсырел и антенна редко поднималась над гребнями окружающих волн, сомневаюсь, чтобы кто-нибудь вообще мог разобрать

наши сигналы. Маленькой УКВ радиации досталось еще больше. Вода просочилась внутрь, и аппарат лишь беспомощно пищал и потрескивал. Я поспешил выключить его, пока он не причинил сам себе какую-нибудь электрическую травму.

— Надо что-то предпринять против этих больших волн, — сказал я. — Откачивание воды и управление лодкой отнимает у нас все силы. Так больше нельзя. Скоро кабина станет совсем нежилой.

Мои товарищи смотрели на меня воспаленными от усталости и соленой воды глазами. Ветер бодал мачту и дергал тент, волны без умолку рычали и рокотали, и на секунду я всерьез задумался: какого черта мы болтаемся в этом студенном, нелюдимом уголке Атлантики — мокрые, продрогшие, предельно усталые и отрезанные от внешнего мира...

— Давайте сделаем из весла бизань мачту, — продолжал я, — поднимем бизань и отдадим плавучий якорь так, чтобы лодка дрейфовала носом к волне. Конечно, риск есть. Когда тент будет поднят, пока мы достаем весло, нас может прихлопнуть волна. И разворачивать лодку тоже небезопасно — подставим волнам борт. Но ведь аранские лодочники отлеживаются в дрейфе в штормовую погоду, развернув карру носом к ветру и отдав лососевые сети в качестве плавучих якорей. Судя по лицу Трондура, он явно был против.

<http://videomore.info/> - Смотреть видео бесплатно

— Что скажешь, Трондур?

Как никак он лучше всех нас знал эти беспокойные северные воды.

— Сейчас мы идем правильно, — ответил Трондур. — Лучше идти кормой к волнам. "Брендан" приспособливается к ним.

Он показал руками, как "Брендан" зигзагом съезжает по скату волны.

— С плавучим якорем, — продолжал он, — "Брендан" будет скован. Когда на нос обрушится большая волна, думаю, тент не выдержит и мы наберем очень много воды. Вода на корме "Брендана" — не так страшно. Вода на носу,

думаю, очень плохо. Надо заслонить воде дорогу на корму и в кабину.

Но как? Требовалось чем то закрыть широкий просвет между кабиной и постом рулевого. Но даже если разрезать для этого парус или скрепя сердце пожертвовать частью носового тента, вряд ли такой заслон устоит против волн. Нужно что-то очень прочное и вместе с тем такое, что мы смогли бы натянуть немедленно, в разгар шторма.

Внезапно меня осенило. Кожи! Под полом кабины лежала целая бычья кожа и несколько полос поуже. Они предназначались для заплат, если появится течь или пробоина. Теперь их можно использовать, чтобы закрыть куда более опасную брешь в нашей обороне. В этот миг я живо вспомнил картинку из энциклопедии: римские легионеры штурмуют городскую стену, плотно сомкнув над головами кожаные щиты для защиты от метательных снарядов противника. Этот заслон из щитов назывался "тестудо" — черепаха. Почему я не подумал о нем раньше?

В третий раз я принялся выносить имущество из кабины и, с треском оторвав от пола полиэтилен, вытащил кожи, уложенные на палубном настиле.

— Неси ремни, — попросил я Джорджа, — Мне надо связать кожи.

Он полез вперед за ремнями, а я вытолкал кожи из кабины. Они упирались, затвердев от холода. Тем лучше, подумал я, будут словно броневые плиты.

В двух словах я объяснил Трондуру, что надо делать. Он с ходу все понял, кивнул, одобрительно улыбаясь, и с ножом в руке взобрался на корму "Брендана", где волны захлестывали погибь палубы. Очень коварное место, но только здесь можно было как следует выполнить задуманное. Держась одной рукой, Трондур второй трудился над подаваемыми ему кожами. Всякий раз, когда рев надвигающегося вала предупреждал его об опасности, он цеплялся обеими руками за опору. Бурлящий гребень накрывал корму, и "Брендан" взбрыкивал, дрожа всем корпусом. Тем временем Артур, стоя на руле, старался вести "Брендан" возможно ровнее, а Джордж, балансируя на

левом планшире, прижимал кожи внизу, чтобы их не унесло ветром. Задачей Трондура было прорезать по краю большой кожи дыры для ремней, которыми предстояло связать всю "черепаху". Снова и снова сильная рука ваятеля вонзала острие ножа в толстенную кожу, затем сверлила, и пилила, с аккуратностью машины проделывая одно отверстие за другим. Ничего не скажешь — силач Джордж продел в готовые дыры ремни, закрепил нижний угол большой кожи и стал привязывать к ней остальные полосы.

Не прошло и четверти часа, как все было сделано. Кожаный передник защитил большую часть открытой кормы "Брендана", оставив лишь окошко для рулевого, так что его плечи торчали над "черепахой", а бока были защищены.

Бум. Очередной вал обрушился на корму, но на этот раз, отраженный "черепахой", скатился обратно за борт, не причинив никакого вреда. Только в одном месте пробилось заметное количество воды — там, где я заткнул запасными клеенчатыми брюками щель ниже кожаного передника. Сила удара была так велика, что брюки выскочили и пролетели через весь кокпит, оседлав соленую струю.

"Черепаха" помогла нам выиграть бой в ту ночь. Вновь и вновь над "Бренданом" вздымались угрожающие валы, рушились и разбивались вдребезги о нашу кожаную оборону. В трюм проникало совсем мало воды, и ее было нетрудно откачать обратно в море. Правда, рулевому доставалось несладко. Высунувшись в окошко вверху, он смотрел назад, чтобы рулить, применяясь к волнам, и острый край кожаной брони врезался ему в ребра, ветер хлестал лицо, да еще в грудь то и дело ударяли падающие гребни. Долго такое не вытерпишь, и рулевые сменялись каждые четверть часа, но и то лицо и руки успевали онеметь от резкого холода.

Впрочем, наши труды оправдались. Пусть мы теряли завоеванные мили, пусть ветер теснил нас назад по уже пройденному пути, зато мы выдержали поединок с нашим первым серьезным гренландским штормом. Сумели сами придумать, как приспособить "Брендан" к необычным условиям нелюдимого моря. И, что особенно важно,

использовали те же материалы, какими располагали святой Брендан и другие ирландские монахи мореплаватели. Мы заслужили право быть довольными собой.

11. Гренландское море

К восьми часам следующего утра шторм поумерился настолько, что мы могли взяться за устранение кавардака, который волны успели учинить в кокпите. Полки висели вкривь и вкось, картонки с продуктами прохудились, с пластиковых коробок слетели крышки, и содержимое их плавало в бурых лужицах в банке с солью образовалась густая жижа. Спички отсырели, зажигалки тоже не работали, и, чтобы разжечь керогаз, снова пришлось доставать из аварийного запаса особые спички, которые и сырые горят. Волны ухитрились даже помять калильную сетку керосинового фонаря. Перчатки, носки, шарфы, шапки — все промокло, и не было другого способа сушить их, кроме как собственным теплом. Листы моего дневника — водостойкая бумага — намокли так, что якобы несмываемые чернила расплылись. Каждую страницу приходилось вытирать тряпкой. И весь день я тщетно пытался связаться с береговыми радиостанциями, только вечером наши сигналы были приняты одним из лайнеров Исландской авиакомпания, совершающих регулярные рейсы на линии Рейкьявик — Чикаго. Летчик тотчас передал данные о нашем местонахождении своему диспетчеру, а уже тот уведомил Исландскую береговую охрану, что мы живы здоровы. Одной заботой меньше: я отнюдь не хотел, чтобы наши друзья понапрасну подняли тревогу и организовали поиски "Брендана". Замечательная любезность, которую они проявили, взявшись следить за нами, обязывала меня не причинять им лишних хлопот.

Ветер притих, однако погода оставалась мерзкой. Дождь, туман, непродолжительный штиль, снова дождь, и опять туман. На короткий срок ветер сделал нам одолжение — полдня дул с северо-востока, и мы развили ход до шести семи узлов, отмеряя мили в нужную сторону. Но затем он сместился к югу, вынуждая нас еще больше отклоняться в сторону ледовой кромки. И все время продолжалась борьба

с водой, снова и снова мы брались за тряпки и губки, работали трюмным насосом. Вряд ли средневековые ирландские мореплаватели сталкивались с такими же суровыми условиями. Большинство историков, изучающих этот вопрос, считают, что в V–VI веках климат в Северной Атлантике был теплее, чем теперь. Правда, в детали они не вдаются, потому что о причинах климатических колебаний известно слишком мало, специалисты располагают далеко еще не всеми данными о том, что именно происходило. Видный английский климатолог профессор Г. Лэмб, который выискивал в древних летописях сведения об урожаях, наводнениях и другую информацию, отражающую состояние климата, писал мне: "Коротко говоря, есть основания полагать, что между 300 и 500 годами, возможно даже до 550-х годов, затем между 900 и 1200 годами, а также в короткий период, приходящийся примерно на V век, в полосе пятидесятих параллелей, иногда и севернее, временами наблюдалась аномально высокая повторяемость антициклонов, что влекло за собой меньшее количество штормов и лучшие возможности для безопасного плавания в Исландию и Гренландию по сравнению с другими периодами. Однако совершенно ясно, что климатические вариации не исключали полностью возможность катастрофических штормов".

Выводы профессора Лэмба частично подтверждаются недавним анализом проб гренландского льда, добытых бурильными установками датских и американских ученых. По горизонтальным слоям в этих образцах можно за тысячу с лишним лет проследить, сколько в год выпадало снега. Специальная методика позволяет определить преобладающие температуры по годам, измеряя процент изотопов тяжелого кислорода в каждом слое. Так были установлены периоды потепления в истории Гренландии, и один из них приходится на 650–850 годы.

Многие исследователи еще раньше отмечали, что условия для трансатлантических плаваний были намного благоприятнее в ту пору, когда норманны достигли Исландии, а затем колонизовали и Гренландию. Можно,

однако, назвать по меньшей мере два интервала, о которых подчас забывают ученые: в V веке — как раз перед тем, как Диквил писал об ирландских плаваниях в Исландию, а до этого в IV веке, ближе к тому времени, когда жил святой Брендан. У того же Диквила находим выразительную деталь, дополняющую общую климатическую картину, рисуемую исследователями. Он пишет, что около 800 года ирландские монахи совершали регулярные плавания в Исландию в феврале. Современные мореходы считают это время года отнюдь не самым подходящим, и, если во времена Диквила погода в феврале благоприятствовала плаваниям под парусами в этих широтах, перед нами еще одно свидетельство того, что в раннем средневековье климат отличался от климата середины XX столетия.

Разумеется, температура воздуха над Северной Атлантикой — лишь один из факторов, играющих существенную роль для вопроса о средневековом климате и ирландских плаваниях. Мы ничего не знаем о таких важных вещах, как направление господствующих ветров, частота и сезонное распределение штормов во второй половине прошлого тысячелетия. Похоже, однако, что большую часть этого времени у берегов Гренландии было меньше морского льда. Для норманнов, ходивших в раннем средневековье из Исландии в гренландские поселения, льды не были серьезной помехой. Естественно предположить, что и в эпоху раннехристианских ирландских плаваний, при более высоких температурах воздуха, морские льды не были такой проблемой, как в наши дни. Кстати, Палл Бергторссон, метеоролог Исландской метеослужбы, изучая многолетние сводки, показал, что колебания зимних температур прямо связаны с количеством морских льдов в районе Исландии. Теперь Палл и его товарищи следили за синоптическими картами Гренландии и при каждой возможности сообщали нам по радио прогноз погоды.

Может быть, именно более мягким климатом Северной Атлантики в раннем средневековье объясняется, почему в "Плавании" так мало говорится о ненастной погоде. Вообще же святой Брендан в своем отважном плавании сталкивался

со штилями не реже, чем со штормовыми ветрами. Правда, это можно отнести за счет того, что Брендан благоразумно предпочитал выходить в море летом. Но и то однажды непогода застигла его врасплох. Спасшись от злой морской твари, с которой расправился другой зверь, мореходы причалили к острову, где обнаружили прибитую к берегу тушу убитого чудовища. Святой Брендан велел своим людям расчленив эту тушу, и добытое таким путем мясо обеспечило их провиантом еще на три месяца, однако весь этот срок путешественникам пришлось провести на острове, потому что ненастная погода — ливни и буря с градом — не позволяла выходить в море. В этом ненастье, не соответствующем времени года, некоторые исследователи видят указание на то, что монахи высадились в Южной Гренландии, где, как известно, и летом бывают штормы. Дескать, ирландские монахи мореплаватели привыкли к более благоприятным условиям, и для них оказалось неожиданностью ненастное гренландское лето. А в норманских источниках есть и более интригующий намек на возможное посещение Гренландии ирландскими мореходами. Когда норманны впервые пришли на этот остров, они обнаружили "на востоке и на западе страны жилища, а также части кожаных лодок и каменную утварь". Видный американский географ Карл Зауэр считает, что кожаные лодки и каменные жилища были оставлены скорее ирландцами, чем эскимосами, так как в то время, по всем научным данным, эскимосы не жили в Южной Гренландии. Норманские поселенцы совсем не встречали здесь эскимосов да и археологами не найдено на юге острова никаких эскимосских реликтов рассматриваемого периода. По данным археологии, ко времени прибытия норманнов в Гренландии обитали только эскимосы дорсетской культуры, древние следы которой приурочены к северной части края. Примечательно, что кроме юрт люди этой культуры знали лишь один вид жилищ — весьма характерные землянки, иногда крытые кожами. Вряд ли такие землянки стали бы называть "каменными жилищами".

<http://soft.tr200.biz> - Скачать бесплатно программы, игры, фильмы

И Карл Зауэр задает вопрос: кому же принадлежали кожаные лодки и каменные строения, встреченные норманнами в Южной Гренландии? Несомненно, ирландцам, ведь каменные кельи — типичные для ирландских монахов сооружения, известные нам по западному побережью Ирландии и по Гебридам.

Так, может быть, норманны напали на следы ирландских монахов, бежавших сюда из Исландии? Или некогда здесь обитали ирландские отшельники, которые приплыли в Гренландию прямо с Фареров либо Гебридов? О размерах и форме "каменных жилищ" в сагах ничего не говорится, однако опыт строительства "Брендана" наводил на мысль, что найденные норманнами кожаные лодки вряд ли были эскимосскими каяками, потому что без повторной смазки и тщательного ухода кожи на каяках портятся. В отличие от обшивки "Брендана", эти кожи не дубили по настоящему, так что долго пролежать на берегу они не могли. А выдержанная в дубовом экстракте кожа ирландских карр отличалась великой прочностью и долговечностью. Вот и получается, что найденные в донорманской Гренландии кожаные лодки, возможно, были океанскими каррами ирландцев.

Пробиваясь теперь на "Брендане" к гренландским берегам, я с тревогой думал о том, как не везет нам с погодой. Мало того, что штормы без толку гоняли лодку по кругу в Гренландском море — нас оттеснило на север намного дальше, чем я желал и предполагал. Чтобы спокойно обойти мыс Фарвель и выступающую на восемьдесят миль от Южной Гренландии полосу пака, "Брендану" надо было плыть на юго-запад, а тут эти нескончаемые встречные ветры. И я решился на авантюру. Местные ветры часто дуют вдоль кромки льдов, пойдем-ка мы туда — глядишь, и поймем такой ветер, который позарез нужен нам. Разумеется, это опасно. Подует крепкий ост — загонит "Брендан" прямо в пак, и, случись беда, вряд

ли кто сможет подоспеть к нам на помощь. Правда, Петур Сигурдссон уговаривал меня не бояться льдов.

— Мы называем их приветливыми, — рассказывал он с улыбкой в глазах. — Наши патрули часто отстаиваются во льдах от шторма. Там море всегда спокойное.

Но ведь он говорил о сторожевых судах со стальным корпусом, и я отнюдь не был уверен, что кожаная обшивка "Брендана" благополучно перенесет столкновение со льдами...

Объяснять команде, на какой риск мы идем, не было нужды. Мои товарищи следили, как карандашная линия на карте, отмечающая наше продвижение, приближается к гренландским берегам. И хотя они держали свои мысли про себя, было ясно, что всем понятна важность малейших перемен ветра.

Ненастная погода докучала нам всю следующую неделю, и не без последствий. Трудно назвать место, где повседневные колебания погоды отражались бы на людях так быстро и сильно, как на борту открытого судна в северных широтах. Когда шел дождь (а он шел несколько раз в день), свободные от вахты ютились в кабине или под тентом, терпеливо налаживая отпор струйкам воды. А когда температура воздуха приближалась к нулю и дул пронизывающий ветер, мы предпочитали укрываться от него в спальнях мешках, пусть даже сырых. Кстати, выяснилось, что полезно время от времени переворачиваться, чтобы нижняя сторона спальника, из которой под весом тела сочилась влага, оказалась наверху и могла слегка подсохнуть. Оставшуюся сухую одежду мы берегли, хоть это и стоило нам больших усилий воли. Буйные волны научили нас держать кое что про запас на случай серьезной аварии, и мы продолжали ходить в мокром, хотя сущим наказанием было надевать сырые носки и брюки, затем натягивать хлюпающие сапоги и топтать в них ночью, в холод и дождь, на рулевую вахту.

Даже при таких условиях мы сохраняли бодрость, лишь бы "Брендан" шел в нужную сторону. Прилежно маневрировали парусами выбирали шверцы, окуная руки по

локоть в ледяную воду старательно держали руль под правильным углом. Уныние брало верх в тех случаях, когда "Брендан" топтался на месте или отступал назад под напором встречных ветров. Тут уж оставалось только проявлять стоическое терпение, ждать и ловить минуту, когда ветер переменится в нашу пользу.

Каждый по своему воспринимал происходящее. Пожалуй, больше других досадовал наш штатный штурман Джордж. При встречном ветре или полном отсутствии всякого ветра он мало что мог сделать, чтобы приблизить нас к Северной Америке. Но Джордж не прекращал заботиться о рабочем состоянии "Брендана". Снова и снова проверял износ тросов, подтягивал найтовы, разбирал и снова собирал рулевую раму, когда она разбалтывалась, передвигал тросовые транцы. Так же тщательно следил он за порядком в кабине. Верный армейской выучке, всегда аккуратно свертывал спальник, складывал и убирал прочее имущество, чтобы не мешалось, на вахту заступал с точностью до минуты.

Артур был прямой противоположностью Джорджу — беспечный, вечно взъерошенный неряха. Спальник, когда он не лежал в нем, служил Артуру расплющенной подушкой. Его свитера и шарфы валялись где попало, возникая в самых неожиданных местах, и, в конце концов, мы решительно изгнали мокрые ватные брюки Артура из кабины, где они норовили занять всю жилую площадь. Его забывчивость, когда касалось головного убора, стала предметом постоянных шуток. Всякий раз, выбравшись из укрытия, чтобы заступить на вахту, он через минуту жалобно просил:

— Слышь, ты не подашь мне мою шапку? Не знаю, где она лежит, но должна быть где то тут.

И всегда то ему не везло. Если во время трапезы через планширь вдруг переваливала какая-нибудь хитрая волна, ее жертвой непременно оказывался Артур, получая порцию холодной соленой воды либо за шиворот, либо в миску с едой. Начинается сильный ливень — именно в это время Артуру заступать на вахту.

— Артур — весело извещал Джордж. — Прямо по курсу грозовая туча. Не пора ли тебе браться за румпель?

Неизменно добродушный, Артур спокойно переносил все напасти. Зато его зеленое дождевое платье, словно обретя собственную индивидуальность, явно страдало от преследовавших его невзгод. Если наше платье аккуратно висело наготове на рулевой раме, то зеленая куртка и брюки Артура валялись смятые, вывернутые наизнанку в каком-нибудь уголке кокпита.

— Хоть и не надевай, — говорил Артур, выливая воду из капюшона и втискиваясь в мокрую одежду. Заодно выяснялось, что и сапоги полны воды. Отличить обувь Артура не составляло труда: при таких ножищах ему подошли только специально изготовленные резиновые рабочие сапоги с рифленой подошвой, напоминающей тракторные шины.

Трондур, за плечами которого был изрядный морской опыт, обладал особой, редкостной выдержкой.

Спросишь его:

— Когда, по-твоему, переменится ветер?

Посмотрит на небо, на море, подумает, потом не спеша ответит:

— Кто его знает. Будет северный ветер.

Нас изводит отвратительнейшая погода — ливень, скверная видимость, волны выматывают душу, бросая "Брендан" из стороны в сторону, а Трондур говорит: "Ничего, зимой бывает похуже" — и продолжает заниматься своим делом. Глядя на его спокойствие, и мы подтягивались. Трондур всегда находил себе занятие. То ловит глупышей, то делает наброски из жизни на борту или доводит до полной готовности прежние эскизы, макая в тушь расщепленный кончик спички. Его спальное место под носовым тентом напращивалось на сравнение с мастерской художника. Из рыболовной сети он сделал гамачок, где возле непременно коробочки с рыболовными крючками лежали бутылочки с тушью и перья. Тут же висели, подсыхая, рисунки и наброски еще можно было увидеть нанизанные на иголку с ниткой кусочки бычьей кожи,

которым предстояло превратиться либо в коробочку для пузырьков с тушью, либо в подвеску с гравированным изображением кельтского креста.

Праздные разговоры на борту были редкостью. Зная, что впереди уйма досужего времени, мы обращались с мыслями и речениями так же экономно, как с сухой одеждой. Правда, Джордж отметил одно побочное следствие: мы вообще стали скупы на слова. Он взял с собой на борт магнитофон, чтобы потом монтировать из наших разговоров звуковое сопровождение для фильма о плавании, и теперь испытывал одно расстройство, слушая записанное за день. Вот кто-то из нас задает вопрос... Следует долгая пауза, прежде чем кто-то другой отвечает. Да и то, что удавалось записать, не очень то позволяло судить о нашем внутреннем мире. Члены экипажа в основном предпочитали не навязывать другим свое мнение, придерживаясь старого обычая: пекись о деле и не лезь в чужую душу.

Хотя наша экспедиция была коллективным предприятием, на долю каждого выпадало вдоволь сугубо личных впечатлений, и реагировал каждый по-своему. Особенно ярко это проявлялось в часы вахты. Скажем, стоишь на руле и видишь — только ты один — далекий фонтан кита, внезапный прыжок дельфина, причудливый рисунок облаков. Некоторые события так быстротечны, что физически не успеваешь привлечь к ним внимание товарищей, другие же протекают так медленно, что воспринимаются лишь тем, кто обязан два часа отдежурить на руле.

К разряду наиболее глубоких личных впечатлений, пожалуй, можно отнести вахту во время шторма, когда рулевой остро сознавал, что жизнь остальных троих зависит от его сноровки. Каждая большая волна воплощала опасность, которую один только вахтенный мог измерить и встретить. Другие члены команды могли и не заметить, что лодка благополучно перевалила через волну, а для рулевого каждый такой случай был маленькой победой впрочем, она тут же забывалась при виде следующего грозного вала. Но были и такие эпизоды, которые прочно врезались в память.

Один из них произошел 23 мая, когда "Брендан" опять уходил на север от ветра. Смеркалось, и хотя скорость ветра не превышала сорока пяти километров в час, он дул навстречу Восточно-Гренландскому течению, гоня короткие крутые волны, и наиболее прыткие из них чувствительно встряхивали лодку. Все мы здорово устали. За день вой ветра и грохот валов крепко притупили наши восприятия. Одна вахта сменяла другую, мы влезали в водонепроницаемые костюмы, пристегивались к рулевой раме страховочным концом и брались за румпель...

Джордж в это время впереди под тентом работал трюмным насосом, Артур и Трондур, каждый в своем укрытии, лежали в спальнях мешках, я в одиночестве стоял на руле, ведя карру по очередному каверзному участку. За кормой вырастали одна за другой все новые водяные горы, и каждый раз надо было маневрировать рулем, чтобы "Брендан" должным образом встретил противника.

Случайно я оглянулся через плечо — не назад, откуда наступали волны, а налево, в подветренную сторону. И увидел какую то одиночную бродячую волну, почему то не увенчанную бурлящим пенистым гребнем. Не такая уж высокая, каких-нибудь три метра с небольшим, она двигалась решительно наперерез другим волнам и бесшумно подступила вплотную к "Брендану" сбоку, когда он уже взошел на гребень очередного вала.

— Держитесь — завопил я во весь голос и сам ухватился за рулевую раму.

"Брендан" начал крениться на скате новой волны, крен все увеличивался, и вот уже я, по-прежнему цепляясь за раму, смотрю в ложбину почти под прямым углом. "Господи, сейчас перевернемся — мелькнуло у меня в голове. — Не может лодка удержаться под таким углом, непременно опрокинется. Что будет с ребятами в кабинах и под тентом? Сумеют они выбраться?" Долгие томительные секунды — затем "Брендан", вместо того чтобы опрокинуться, стал съезжать вниз по скату.

<http://b111.org> - Развлекательный блог b111.org

А в следующий миг нас накрыло. Волна не ворвалась на борт рокочущими белыми каскадами, не обрушилась, фыркая пеной, на лодку, даже не встряхнула ее — просто могучий поток поглотил "Брендан" и покатил через него полноводной рекой. Морская вода, скользя по "черепашке", толкнула меня в грудь. Вся лодка ушла под воду. Крыша кабины в полутора метрах от меня — под водой, вместе с привязанным к ней спасательным плотиком высотой около полуметра, одни только мачты торчали над морем. Волна словно вобрала в себя "Брендан". Глядя на длинный силуэт судна и две коротенькие мачты, я, словно забыв о сути происходящего, подумал, что она удивительно смахивает на подводную лодку с торчащими перископами. И, подобно всплывающей подлодке, "Брендан" выбрался из объятий моря. Замкнутый под тентом и в кабинах воздух попросту вытолкнул лодку вверх. Вода спокойно скатилась через борт, и "Брендан" продолжал плыть как ни в чем не бывало. Поразительно. Я то ждал, что уж во всяком случае кабина будет смята и все тенты порваны. А вскарабкавшись на банку, чтобы оценить степень ущерба, увидел, что все цело.

Пострадали только мои нервы. Стоя на руле, я со всей отчетливостью видел, как близки мы были к тому, чтобы опрокинуться. И когда я после дежурства забрался в спальный мешок, оказалось, что я не могу заснуть, несмотря на смертельную усталость. Каждая большая волна, с гулом приближавшаяся к лодке, заставляла меня напрягаться в ожидании катастрофы. Какой уж тут отдых. После очередной смены рулевых я рассказал Артуру о коварной волне.

— Ага, — отозвался он. — В кабине вдруг все стало зеленым, как в подводном царстве.

После чего, по молчаливому согласию, мы оставили этот предмет. И точно так же поступили, когда два дня спустя и Джордж во время своей вахты пережил мучительные секунды, ожидая, что "Брендан" вот-вот опрокинется. Мы считали, что лучше не заострять внимания на такого рода эпизодах нашего бытия.

Всего семьдесят восемьдесят миль отделяли нас от кромки пакового льда Гренландии, когда мы наконец были вознаграждены переменой погоды. Утром 25 мая очень кстати на смену крепким ветрам пришел штиль, и море кругом сразу ожило нам на радость. На горизонте кружили и пикировали большие стаи чаек. По мере их приближения мы рассмотрели на поверхности моря под ними белые фонтанчики брызг: косяк рыбы, на которую охотились птицы, привлек также дельфинов. Вскоре появилась еще одна группа прыгучих дельфинов, они сопровождали здорового финвала. Подобно другим китам, этот толстяк изменил курс, чтобы проведать нас, и дельфиний эскорт последовал за ним. Приблизившись, кит шумно выдохнул, ушел под воду и проплыл под "Бренданом". Дельфины же, оставшись на поверхности, прыгали и кувыркались вокруг нас, будто резвящиеся барбосы. Созданная широкими лапами кита турбулентность, поднимаясь к поверхности за кормой "Брендана", сгладила мелкую волну, словно у карры появилась струя от гребного винта. Всплыв на поверхность, финвал выпустил один за другим два фонтана, описал напоследок круг около лодки и двинулся на восток. За четыре пять миль мы все еще различали его фонтаны.

Вообще, это был типичный "китовый" день. Задумав сварить картошку, Джордж наклонился через планширь, чтобы набрать в котелок соленой воды, вдруг поднял голову и сухо произнес:

— За нами наблюдают пять китов, сразу за кормой.

— Что за киты? — спросил я.

— Не знаю, вроде бы я еще таких не видел. Трондур встал и поглядел назад.

— Кашалоты, — сообщил он.

Итак, еще одни представители китообразных, вспахивая воду причудливой, словно обрубленной впереди, головой, тихо подошли взглянуть на "Брендан". Один кашалот подплыл вплотную к носу карры, изучая лодку, затем вся пятерка величественно проследовала дальше, даже не уходя под воду.

Сознательный риск, на который мы шли, приближаясь ко льдам, оправдал себя. Во второй половине дня 25 мая подул ровный норд ост, и "Брендан" заскользил параллельно ледовой кромке в сторону мыса Фарвель. Переданное радиостанцией Принц Христианссунда штормовое предупреждение оправдалось. Всю ночь дул сильный ветер, и очередные вахтенные были разбужены дробным стуком града по брезенту. Звук был такой, словно кто-то мял целлофан. На другое утро мы снова приняли штормовое предупреждение, то же повторилось на третий, на четвертый и на пятый день. Но, так как ветры оставались северными или северо-восточными, "Брендан" резво двигался вперед, подгоняемый к тому же Восточно-Гренландским течением, которое добавляло нам от двадцати до двадцати пяти миль в день. 26 мая "Брендан" превзошел сам себя: сто пятнадцать миль на лаге за двадцать четыре часа. Мы повторили рекорд прошлого сезона, и результат был вполне приличным. Даже для современной крейсерской яхты.

Каракули в вахтенном журнале однотонно рисуют обстановку этих гренландских дней: "туман", "морось", "густой туман", "штормовое предупреждение"... Неблагоприятные условия сказались на фотоаппаратах Артура. Насыщенный солью воздух проникал в их нежные внутренности, и затворы начало заедать. Артур старательно разобрал камеры, разложил на полу кабины десятки маленьких деталей, тщательно протер и смазал каждую из них в итоге из частей двух камер ему удалось собрать одну, которая срабатывала, если хорошенько встряхивать ее после каждого кадра.

Мы уже четвертую неделю находились в море, и запас свежих продуктов подходил к концу. Доели яблоки, с сожалением прикончили чеддер. Правда, копченого и вяленого мяса еще хватало, но немецкий черный хлеб нас разочаровал. Не выдержал хранения: откроешь упаковку — каждый кусок покрыт зеленой плесенью. Правда, уменьшение запасов провианта и воды означало, что

"Брендан" сбросил килограммов триста, и теперь он несколько легче всходил на волну.

Жизнь на борту с каждым днем опрощалась. В кабинах оставалось лишь самое необходимое: спальные мешки, личные сумки с одеждой, рации, секстант, сумка с книгами и камеры. И наши обитатели пропитались острыми запахами дубленых кож, не просыхающей шерсти, влажных невымытых тел. Мы привыкли жить с мокрыми волосами, с мокрыми рукавами, из которых под обшлагами дождевого платья сочилась вода, мокрыми носками и мокрыми свитерами. Слава богу, никто не хворал, не было даже ни порезов, ни растяжений. Только руки Трондура меня тревожили: на каждом суставе по красной опухоли с язвочкой посередине. Сам Трондур лишь пожимал плечами и уверял, что это обычно для рыбаков, которые возятся с сетями и лесами в холодной воде. У остальных членов экипажа после вахты пальцы смахивали на мертвых белых голотурий, расписанных полосами грязи. Нормальный цвет возвращался к ним только через час другой.

Ежедневные штормовые предупреждения из Принц Христианссунда мы теперь воспринимали с мрачным юмором. Посмеивались над ветром, которому никак не удавалось развить предсказанную бешеную скорость, хотя наш маленький барометр подтверждал передаваемые данные об атмосферном давлении. Центры низкого давления перепихивались с гренландским градиентом высокого давления, где дули штормовые ветры. Может быть, мы потому не чувствовали полной силы ветра, что сидящую глубоко в воде лодку прикрывали волны? Во всяком случае, мы не наблюдали ничего похожего на сильный шторм, и нас изрядно удивило послание Палла Бергторссона, озабоченного тем, что судно, находящееся в неполных шестидесяти милях от "Брендана", сообщало о десятибалльном ветре. Мы приняли его радиограмму через исландское исследовательское судно "Арни Фридриксон", работавшее севернее нас. Когда оно закончило работу и направилось домой, наша радиосвязь с Рейкьявиком прервалась, и мы почувствовали себя еще более

изолированными. Из-за сильных ветров и плохой видимости в Южной Гренландии самолеты не могли взлететь, и даже самолет ледовой разведки, которому было поручено присматривать за нами, был прикован к земле непогодой.

Двадцать девятого мая "Брендан" наконец миновал оконечность припая к югу от мыса Фарвель, и мы вздохнули свободнее. Теперь нам предстояло пересечь морские просторы, отделяющие Гренландию от Северного Лабрадора. К нашей досаде, мы очутились в полосе штилей, тихих ветров и густых туманов. Если и бывали ветры, то почти исключительно с юга и запада, и продвижение "Брендана" резко замедлилось. Снова линия нашего курса на карте стала выписывать зигзаги и беспорядочные круги.

Тридцать первого мая — типичная запись в судовом журнале: "С утра штиль, но к полудню подул норд вест, и мы изменили курс, идя почти прямо на Ньюфаундленд. Затем ветер сместился к юго-западу, и мы практически легли в дрейф, топчась на месте. Ничего интересного".

Появился новый враг — скука. Раз другой солнце проглядывало настолько, что был смысл развесить на снасти наши спальники и попытаться просушить одежду, но в основном погода оставалась слишком сырой для подобных попыток. И стоял такой холод, что очередная перелетная птица, приземлившаяся на "Брендан", — тоже береговой конек — не перенесла ночёвку и скончалась. Мы заполняли свободное время новым увлечением — причудливыми поделками из троса, — и снасти "Брендана" обросли замысловатыми узлами и сплетнями, мудреными клопами всюду, где можно, красовались причудливые фигурки. Скука усугублялась растущим чувством уединенности. Очень уж ограничен был из-за тумана наш горизонт, его протяженность редко превышала три четыре мили. Порой туман сгущался настолько, что видимость ограничивалась полусотней метров и нельзя было различить границу между воздухом и морем, казалось "Брендан" подвешен в сумрачной серой чаше. Приходилось утешаться мыслью, что здесь вряд ли на нас наскочит какое-нибудь судно. В этих пустынных водах лишь изредка появляются промысловые

суда, направляющиеся на североамериканские или гренландские рыбные банки. Правда, и береговых радиостанций в этой области негусто, так что "Брендан", если говорить о связи, постепенно входил как бы в мертвую зону. Голос Принц Христианссунда звучал все слабее, скоро мы уже не различали слов, потом станция и вовсе пропала, а связаться с канадскими станциями впереди мы еще не могли. Было слышно, как пролетающие над нами воздушные лайнеры сообщают диспетчерам свои координаты, но на вызовы "Брендана" они не отвечали, и мы остро ощущали свое одиночество.

Одиннадцатого июня до нас дошел голос одной из радиостанций канадской береговой охраны. Обращаясь ко всем судам, радист передал описание "Брендана" и объявил, что уже шестьдесят часов от нас ничего не слышно. Просьба каждому, кто увидит "Брендан" или уловит его сигналы, сообщить об этом. К сожалению, сами мы не смогли отозваться из-за сильных атмосферных помех. Но па другой день внезапное улучшение условий приема позволило и канадским, и гренландским радиостанциям принять наш сигнал и записать координаты "Брендана". Пользуясь случаем, канадцы сообщили, где проходит граница паковых льдов в районе Лабрадора. По их данным, пак постепенно отступал на север. Я посмотрел на карту: выходило, что мы минуем лабрадорские льды. Всего неделей раньше в последних известиях канадского радио рассказывалось о гибели парома "Карсон" примерно в двухстах милях к западу от нас. У 8273 тонного "Карсона" был корпус ледокольного типа, однако в первом же рейсе сезона, направляясь к Гус Бею, он затонул, столкнувшись со льдами. К счастью, погода была идеальная и катастрофа произошла недалеко от берега. Военные вертолеты сняли людей со льдин, и обошлось без жертв, но сам по себе этот случай был зловещим предупреждением.

<http://knigi.b111.org> - Книги, журналы, аудиокниги
[скачать бесплатно](#)

Число "тринадцать" явно было для нас счастливым, потому что 13 июня наконец подул благоприятный, ветер и

всю вторую половину дня, а также последующую ночь "Брендан" наматывал на лаг нужные нам мили. Во время вечерней вахты Джордж вслух выразил свое разочарование:

— Обидно — столько прошли и ни разу льда не видели. Вряд ли мне доведется еще побывать в этих местах. А на рассвете следующего дня, согревая себе чашку кофе, он радостно воскликнул:

— Эгей. Лед. Честное слово, лед.

И правда, на воде, словно детская игрушка, плавно покачивалась причудливая льдина, напоминающая китайского карнавального дракона.

— Вон еще льдина, впереди — объявил Джордж.

Мы дружно выстроились вдоль борта. "Брендан" скользил мимо обломков битого льда. Они были удивительно красивы: то накрелятся, то совсем нырнут, а то отколется кусок и оставшаяся глыба, утратив баланс, покружится, перевернется и явит глазу какую то новую фигуру. И все это под приглушенное ворчание волн, облизывавших льдины.

Трондур радостно улыбался.

— Хорошо, — сказал он. — Теперь увидим больше птиц и больше китов. Около льда хорошо ловится рыба.

Я показал вдаль.

— Трондур, что это за белая полоса над горизонтом? Похоже на ледовый отблеск, как его описывают в лоциях. Может в той стороне быть паковый лед?

— Ага, — отозвался он, глядя туда. — Ага, там много льда.

Странно. Согласно последним данным, там вовсе не должно быть льда...

— Наверно, часть ледового поля откололась от главного массива, — твердо заключил я. — Если верить сведениям, которые нам передали, мы уже должны были миновать паковые льды, и в этом районе их не может быть. Просто мы очутились между берегом и отдельными дрейфующими льдинами.

Я ошибался. Не подозревая об этом, я изменил курс, рассчитывая обогнуть "осколок ледового поля" с севера по

касательной. По мере сближения все яснее вырисовывалась кромка. Картина была внушительная. В ярком солнечном свете сверкали ослепительно белые грани торосистого льда. Через каждую сотню метров торчали вмерзшие в массу большие ропаки, образованные многолетним льдом и обломками айсбергов. Возвышаясь над белой гладью, они напоминали причудливые изваяния: одни были покатые и округлые, словно подтаявшее масло, другие оцетинились гротескными шипами и зазубринами. Мелкие льдины плавали вдоль кромки, выстраиваясь в кильватер "Брендану". Мы петляли между ними, простосердечно любуясь причудливыми формами. Вот похожая на лодку, вот — на кусок мозаики, вот на морского змея. Небольшая льдина, смахивающая на банан, тут же получила наименование "ледяная карра". Между тем коварный ветер начал смещаться к норд весту, и, вопреки нашим усилиям, "Брендан" все ближе прижимало к кромке. Солнце то и дело скрывалось за облаками, и красивые ледяные скульптуры выглядели уже не так симпатично.

— Волны буквально размалывают лед, — заметил Джордж. — Погляди вон на ту большую темную льдину, как ее качает вверх вниз.

Он показал на глыбу величиной с двухэтажный дом с отчетливой грязно серой каймой по нижнему краю. Тяжело вздымаясь на волне, она кренилась и скатывалась вниз, шлепая по воде темным брюхом, так что из под нижнего вруба летели брызги.

— Худо придется нам, если "Брендан" прижмет к такой машине, — сказал я. — Расплющит, словно паровым молотом.

Мы продолжали скользить левым бортом к ледовой кромке. Артур фотографировал, Джордж стоял на руле, Трондур, сидя на крыше кабины, любовался грандиозным видом. Вдали, над ропаками и расщелинами, просматривались могучие контуры настоящих айсбергов.

— Не похоже, чтобы нам удалось обогнуть это ледяное поле, — озабоченно произнес Джордж. — Уж очень далеко оно тянется, и нас довольно быстро сносит к нему.

Где то в глубинах моей души закопошился страх. До берега около ста шестидесяти миль, и вроде бы здесь не должно быть никакого пака, однако эти льды выглядят достаточно плотными.

— А если впереди этакая ледовая бухта? — снова заговорил Джордж. — Заберемся в нее, потом гляди как бы не раздавило

Я вопросительно поглядел на Трондура.

— Надо найти просвет во льдах, там безопасно, — сказал он, достал блокнот и пояснил свои слова рисунком: "Брендану" следовало отыскать разводье в паке и отсидеться там, как в заливе.

Но перед нами тянулась сплошная кромка. Никаких просветов, ничего похожего на удобную гавань, тем более для кожаной лодки.

Голос Джорджа прервал мои размышления:

— Корабль.

Первый корабль на нашем пути после свидания со сторожевыми судами исландской береговой охраны. Далеко на горизонте ледовую кромку огибало по всем признакам промысловое судно.

— Боюсь, не увидят они нас на фоне льда, — сказал я. — Паруса белые, и лед белый, да и наш радиолокационный отражатель вполне можно принять за маленькую льдинку. Внезапно Джорджа осенило.

— Сигнальное зеркало — воскликнул он и живо извлек из хранилища маленькое металлическое зеркало.

Сменяя друг друга, мы направляли на далекое судно солнечные зайчики. Когда Джордж его обнаружил, оно шло почти прямо в нашу сторону, но потом развернулось и заскользило параллельно ледовой кромке. Сигнал за сигналом, сигнал за сигналом...

— Вот бы разжиться свежим провиантом, — мечтательно произнес Артур. — Так хочется свежего молока и хлеба.

Сигнал за сигналом...

— Поворачивает, заметили нас

Через четверть часа судно подошло так близко, что впору окликать. Джордж рассмотрел в бинокль буквы на

борту.

— Его название "Сванур" Слышь, Трондур, уж не фарерцы ли это?

Трондур радостно улыбнулся. Сложив ладони раструбом, он закричал что-то по фарерски сгрудившимся вдоль борта людям. Множество рук замахало в ответ.

— Интересно, что они там на "Свануре" думают сейчас, — сказал Джордж. — Встретить у самых льдов кожаную лодку...

— Одно несомненно, отозвался я. — Услышав с "Брендана" фарерский голос, они сразу поняли, что это не кто иной, как Трондур Патурссон.

На деле оказалось, что фарерские рыбаки знают все про "Брендан". Не только в связи с нашим прошлогодним заходом на Фареры, но и благодаря таинственной сети морской молвы, связывающей рыбопромысловые и малые грузовые суда в далеких водах Северной Атлантики. О плавании кожаной лодки немало говорили в исландских и гренландских портах, а "Сванур" как раз шел из Гренландии, везя груз креветок в Глостер, в штате Массачусетс. Трондур узнал от шкипера, что всем судам в северных водах была передана просьба высматривать нас, и гренландское радио сообщало последние данные о нашем месте. Тем не менее, если бы не яркие вспышки сигнального зеркала, "Сванур" ни за что не обнаружил бы нас. Капитан уже решил уходить ото льдов, когда вахтенный увидел солнечные зайчики, и "Сванур" приблизился, чтобы выяснить, в чем дело.

Итак, Трондур накачал резиновую лодчонку и пошел на веслах к "Свануру". Через десять минут он вернулся.

— Капитан говорит, впереди очень тяжелые льды. "Сванур" шесть часов искал проход и не нашел. Капитан слышал по радио, что другое судно тоже не может пробиться. Говорит, лед очень толстый.

Я уже обратил внимание на причиненные льдами вмятины на стальном носу "Сванура". Если рыбопромысловое судно, сконструированное для работы в этих водах, вынуждено отступить, то и "Брендану" лучше

сделать то же самое. Видимо, со времени последней сводки льды переместились далеко к югу.

Трондур продолжал:

— Капитан "Сванура" говорит: если хотите, он проведет "Брендан" в обход льдов туда, где мы сможем поймать ветер. "Свануру" как раз по пути.

— Скажи, что я принимаю его предложение.

Трондур снова заработал веслами, захватив буксирный конец, и "Сванур" стал уводить нас от опасного соседства. Опять "бренданово везение", говорил я себе. Первое за три недели судно появляется в ту самую минуту, когда "Брендан" готов забрести в ледовую ловушку. Правда, мы и сами сумели бы уйти от льдов при перемене ветра, но впредь не стоит слишком доверять сведениям о ледовой обстановке. Пак способен перемещаться быстрее, чем ледовый патруль может уследить за ним. Я обещал себе впредь держаться подальше ото льдов. Знал бы я, как скоро это обещание будет нарушено

Всего три часа понадобилось "Свануру", чтобы выручить "Брендан" из затруднительного положения. Капитан отдал буксир, и Трондур вернулся с молоком (заказ Артура), сумкой замороженного хлеба, мешком картофеля и большой коробкой мороженых креветок.

— Вот это улов, — прокряхтел я, принимая коробку с креветками.

— Ага, — отозвался Трондур. — Капитан "Сванура" живет по соседству с нами, на острове Хестур.

Только фарерские рыбаки, сказал я себе, эти морские бродяги, могут так бесстрастно относиться к нечаянной встрече у границы пакового льда.

Мы еще укладывали желанное пополнение наших рационов, когда Джордж воскликнул:

— Силы небесные, еще один корабль

Точно, с севера в нашу сторону шло судно, окрашенное в серый цвет. Ледокольный нос с вырезом и марсовая площадка на фок мачте придавали ему необычный вид.

— Прямо площадь Пиккадилли, — заметил я. — Два корабля в один день. Все, кому надо в Арктику или обратно,

огибают этот угол, — Будем надеяться, что они нас увидели, — сказал Джордж. — Прямо на нас шпарят.

Впередсмотрящий увидел "Брендан". Судно (это был "Мирфак", корабль ВМС США) сбросило ход и остановилось метрах в двухстах от нас. Вахтенные офицеры собрались на крыле мостика, с любопытством разглядывая нашу карру.

— Что за судно? — запросил по радио "Мирфак".

— "Брендан", идем из Рейкьявика в Северную Америку, — ответил я.

Долгая пауза.

— Повторите, пожалуйста, — наконец произнес озадаченный голос.

— "Брендан", вышли из Рейкьявика, идем в Северную Америку. Наше судно — исторический эксперимент. Оно сделано из кожи, мы проверяем, могли ли ирландские монахи дойти до Америки раньше викингов.

Долгая пауза.

— Повторите еще раз. Я повторил все сначала. Снова пауза офицеры в хаки продолжали рассматривать нас.

— Лучше я запишу, — произнес радист "Мирфака", Откуда вы вышли?

— Из Рейкьявика, в этом сезоне. Снова недоуменная пауза.

— Откуда?

— Из Рейкьявика в Исландии. По эту сторону Гренландии с погодой было все в порядке, но между Исландией и Гренландией нас потрепало.

— Еще бы. На нашем стальном корыте и то бывает не сладко. А на вашей лодчонке — даже не могу себе представить.

Выяснилось, что "Мирфак" — транспортное судно, регулярно ходит в арктические воды, сейчас возвращается из гренландского фьорда Сондрестром. Встреча с "Бренданом" была для военных моряков полной неожиданностью.

— Вам чем-нибудь помочь?

— Если можно, поделитесь свежими овощами и мясом, будем очень благодарны. У нас недавно кончились свежие

продукты.

<http://books.tr200.net> - Книги, журналы, аудиокниги
[скачать бесплатно](#)

— Это не проблема. Только как вам их передать? Я мысленно улыбнулся: военное судно запрашивает совет у кожаной лодки.

— Очень просто. Мы подошлем лодку. — Я повернулся к Джорджу: — Твоя очередь идти на шлюпке.

И резиновая шлюпчонка "Брендана" снова тронулась путь, На фоне высокого борта "Мирфака" закачалось крохотное пятнышко, и матросы принялись спускать Джорджу мешки, пока он не показал жестом, чтобы выбирали льня. Десять минут спустя глубокосидящая шлюпка причалила к "Брендану".

— Пришлось остановить их, — пропыхтел Джордж. — Они столько надавали, чуть не утопили шлюпку.

У его ног громоздились мешки с апельсинами и яблоками, картонки с молоком, банки с кофе, огромные куски мяса. Ничего не скажешь, щедрый улов.

— Ух ты — воскликнул Артур. — Здорово. Остается только открыть угловой магазин здесь у льдов и торговать с проходящими судами. С голоду не умрем.

— Они там еще три мешка приготовили, да я не взял, — добавил Джордж.

Пока "Мирфак" набирал скорость, чтобы продолжить путь до своего порта в штате Нью Джерси, я послал вдогонку еще один запрос:

— Вы не могли бы сообщить наше точное место?

— Будет сделано, мы как раз принимаем информацию со спутника.

Вот это штрих, сказал я себе: средневековая кожаная лодка получает данные о своем месте от современного навигационного спутника

Но вот "Мирфак" скрылся, оставив "Брендан" покачиваться на волнах в одиночестве. Ветер совсем стих, и день завершился живописным розовато лилово оранжевым закатом. Высокие облака расписали небо лучистым узором, который замечательно сочетался с ослепительной белизной

ледового поля справа по борту. С наслаждением поужинав
гренландскими креветками, мы легли спать под
непрестанное ворчание и рокот льдин, трущихся друг о
друга на атлантической зыби.

12. Прокол во льдах

В тот вечер Джордж наконец отказался от неравного поединка с егозливыми коленками и локтями Артура в тесных пределах главной кабины и перенес свою койку под тент на носу. По случаю безветрия мы спали, не опуская полы брезента и утром с удивлением обнаружили, что "Брендан" покрыт коркой льда. От Исландии нас уже отделяло около 1600 миль, за ледяным полем всего в 200 милях находился Лабрадор, и встречи с "Мирфаком" и "Свануром" вернули, "Брендан" на карту для внешнего мира. Радиостанции Канадской береговой охраны учредили специальное круглосуточное дежурство, и под вечер 15 июня над лодкой пять минут кружил небольшой самолет, делая снимки. Летчик предупредил нас по радио, что к югу и западу от "Брендана" простираются большие массивы пакового льда. Однако мы ничего не могли поделать — все еще держался штиль.

А под утро 16 июня, в начале четвертого, меня разбудило журчание воды за бортом. Странно, подумал я, никакого крена не чувствуется. И волн не слышно. И когда я сменялся с вахты, была устойчивая погода — мертвый штиль и ни малейшего намека на ветер.

В эту минуту я услышал, как Трондур и Джордж о чем-то тихо переговариваются, их речь перебивалась негромким стуком, хлопаньем парусов, повторным плеском воды. Чем они там занимаются? Может быть, Джордж помогает Трондуру перекладывать припасы? Да нет, ерунда: еще темно, и Джордж свое отдежурил, ему положено спать. В конце концов, любопытство взяло верх, и я крикнул:

— Что там происходит? Вам помочь?

Никакого ответа. Потом загадочные шумы вдруг прекратились. Слышно было, как мои товарищи пробираются с носа назад.

— Что стряслось? — спросил я опять.

— А, Трондур упустил гринду, которую ему удалось загарпунить, — небрежно произнес Джордж.

Я натянул свитер и вылез послушать, как это было. Трондур один стоял на вахте, когда вокруг "Брендана" с пыхтением и плеском всплыло многочисленное стадо гринд. Хотя было темно, Охотник Трондур не мог упустить такую возможность. Он не стал никого будить, а пробрался вперед к своей кабине, достал гарпун и влез на самый нос, откуда можно было метать гарпун без помех. Джордж проснулся, когда Трондур карабкался по тонкому брезенту над его головой. И выбрался из укрытия как раз в ту минуту, когда Трондур представился долгожданный случай: совсем близко к лодке подплыла гринда подходящих размеров.

Праз! Стоя на коленях на носу, Трондур метнул гарпун вправо. Он пролетел три четыре метра и поразил цель. Классический бросок.

Раненый зверь тотчас нырнул. В плотном строю его товарищей начался страшный переполох. Они испуганно заметались, вспенивая воду, под их напором древко гарпуна переломилось, и в следующий миг стадо исчезло, бросив раненого на произвол судьбы.

Джордж с увлечением смотрел, как Трондур водит гринду, словно рыбак крупного лосося. Десятиметровый гарпунный линь натянулся до предела. Для верности Трондур привязал его к фок мачте, и загарпуненная гринда бодро потащила за собой "Брендан". Будь она крупнее, это могло быть опасно, но Трондур знал, что делает. Он присмотрел животное длиной около четырех с половиной метров, с которым мы на "Брендане" могли бы управиться. Дождавшись, когда гринда начала выбиваться из сил, Трондур принялся выбирать линь. У носа лодки животное заметалось взад вперед, силясь избавиться от гарпуна. Вода бурлила и фосфоресцировала под ударами туши и ластов кита. Трондур неумолимо продолжал выбирать линь, и гринда, отбиваясь, стала раскачиваться вверх вниз, забрасывая в лодку воду ударами хвоста. Тактика Трондура заключалась в том, чтобы вытянуть гринду на поверхность, лишая ее опоры. Однако в решающий миг, когда жертва уже

была у самого борта, наконечник гарпуна выскочил, и мгновением позже гринда исчезла.

— Гарпун слишком далеко сзади, — заключил Трондур, огорченно качая головой. — Ближе вперед, и было бы хорошо.

А я спрашивал себя, что мы стали бы делать с четырехметровой гриндой. Где взяли бы для нее свободное место? И все же Охотник Трондур заслуживал похвалы — в темноте сумел поразить цель.

— Ничего, — утешил я его. — Ты выбрал хорошую гринду. Она буксировала нас в нужную сторону со скоростью двух трех узлов. Почти все наши приключения и злоключения происходили в ночные часы, в лучшем случае — поздно вечером. 18 июня барометр начал быстро падать. Упала и температура. С северо-запада подул сильный ветер, неся обложной дождь. Словом, вечер выдался премерзкий, и, учитывая то, что затем последовало, хорошо, что Трондур и Артур под конец своей вахты в сумерках убрали бонет грота. Спустилась ненастная черная ночь, и мы с Джорджем, заступив на вахту, растянули тент над керогазом, зажгли керосиновый фонарь и жались к нему для тепла, сменяясь на руле. Единственным утешением было то, что "Брендан" бодро шел сквозь тьму с приличной скоростью. Когда в три часа ночи настал мой черед отдыхать, я с облегчением нырнул в кабину. Только сдернул мокрые носки, внезапно послышался какой то треск, словно рвался плотный коленкор.

— Что такое случилось? — воскликнул я, высунувшись из кабины.

Джордж уже стоял, освещая фонариком паруса.

— Понятия не имею, — отозвался он. — Вроде бы все в порядке. Оба паруса целы.

— Может быть, ветром бросило на парус птицу, и она билась, чтобы вырваться на волю?

— Да нет, — возразил Джордж. — Мне кажется, скорее с корпусом что-то не так. Но все равно в темноте мы ничего не сделаем.

И он опустил на банку.

Тррр, трр, трр. Опять. Что-то неладное. Какие то странные частые щелчки, и намного громче. Джордж прав — звук исходит от корпуса... Он уже снова стоял на ногах, пытаюсь что-нибудь рассмотреть в кромешном мраке. Я поспешил одеться, чувствуя приближение новых осложнений.

— Это лед — внезапно крикнул Джордж. — Мы сталкиваемся с льдинами Я вижу льдины со всех сторон

Тррр, трр, тррр... Опять этот звук, и теперь нам все было ясно. "Брендан" с ходу налетал на льдины, и они бились и терлись об обшивку с такой силой, что бычья кожи отзывались громким скрежетом и скрипом.

— Спускай паруса — закричал я. — Если мы с такой скоростью напоремся на тяжелый лед, разобьемся вдребезги. Единственный шанс — остановиться и ждать рассвета.

Джордж принялся за дело. Пока я втискивался в дождевое платье, он успел убрать грот, пролез вперед по обледенелому тенту и начал спускать передний парус. Я поспешил к нему, чтобы помочь управиться с мокрой парусиной. Стоял адский холод, голые пальцы мгновенно онемели; мы лихорадочно трудились, не произнося ни слова. За бортом проплывали какие то смутные предметы, и в ногах отдавались мягкие толчки от встречи "Брендана" с незримыми препятствиями. Вернувшись на рулевой пост, мы за неимением прожекторов вооружились фонариками, выбрав те, что помощнее, и осветили на воду по бокам лодки. Конус света пробился всего на полсотни метров сквозь завесу ледяного дождя и соленых брызг, но и того, что мы рассмотрели, было довольно, чтобы в крови прибавилось адреналина. Со всех сторон нас окружали льдины — круглые, плоские, чудовищно зазубренные. Это был совсем не тот лед, какой мы видели несколько дней назад. Вместо ясно очерченной ледовой кромки — кошмарное нагромождение гонимых ветром льдин всевозможных форм и размеров, чередующихся с полосами чистой воды, которые тут же пропадали под напором льда. Но откуда здесь лед? Я помнил наизусть ледовую карту,

еще днем тщательно нанес границу, исходя из свежих данных, переданных службой наблюдения за ледовой обстановкой. До ближайших льдов должно быть не менее шестидесяти миль. А они тут. С чувством мрачного удовлетворения я сообразил, что произошло. Тот же северо-западный штормовой ветер, который так лихо подгонял нашу карру, расколол ледовый покров, и теперь сплошное ледяное поле, виденное нами два дня назад, разметало шрапнелью на пути "Брендана". Позднее я узнал, что весь пак повел наступление широким фронтом и пролив Белл Айл далеко на юг от нашей позиции едва не оказался закрытым для торговых судов.

При свете фонариков мы убедились, что "Брендан" забрел в сильноразреженный пак с преобладанием рыхлых льдин. Для большого судна с мощными двигателями такой пак не проблема, знай себе расталкивай льды. С "Бренданом" дело обстояло совсем иначе. Долго ли кожаная обшивка сможет выдерживать эти удары? И что, если карра окажется между двумя большими льдинами в момент их столкновения? Лопнет как перезрелый банан? И много ли будет чистой воды между льдинами на нашем пути? Самое паршивое в нашей ситуации заключалось в невозможности разработать какую либо тактику. Может быть, эта полоса льдов совсем невелика, может быть, это временное препятствие и мы его скоро пройдем... Однако здравый смысл подсказывал, что льды, скорее всего, занимают обширную площадь и рано или поздно нам встретятся большие не распавшиеся льдины. Мы уже видели, как крошат друг друга здоровенные глыбы при относительном безветрии. Меня бросало в дрожь при одной мысли о том, что будет с "Бренданом", если мы в темноте напоремся на такое препятствие. Все равно что очутиться в мясорубке. Около часа мы с Джорджем силились увести "Брендан" от беды. При убранных парусах лодка под давлением ветра на мачты и корпус продолжала идти через пак со скоростью одного двух узлов. Но без парусов плыть худо, не очень то поманеврируешь, и радиус поворота мал. Станешь чересчур

нажимать на руль — карра начнет дрейфовать боком, выйдя из под контроля.

<http://book.tr200.net> - Скачать книги бесплатно

Куда ни скользил луч фонаря, всюду ему из темноты подмигивали белые льдины. Мы с трудом пробирались между ними, от души надеясь, что "Брендан" будет с должным проворством отзываться на повороты руля. Льдины поменьше, ворча, бодали кожаную обшивку, а где-то во тьме волны с шипением бились о лед вне нашего поля зрения.

Джордж взгромоздился на рулевую раму, чтобы лучше видеть.

— Прямо по курсу большая льдина, — предупредил он меня. — Постарайся отвернуть влево.

Я двинул румпель до предела. И увидел, что этого мало, все равно врежемся.

— Подними передний парус — крикнул я. — Нужно прибавить ход, чтобы лодка лучше слушалась руля

Пристегнувшись страховочным линем, Джордж полез вперед по планширю. Добрался до фок мачты, потянул фал — заело. Какой-то ремень заклинил скользящую по мачте петлю.

— Трондур — закричал Джордж. — Подай нож, живей. Койка Трондура находилась у самой фок мачты, и он стал вылезать из укрытия, словно медведь из берлоги. Поздно. Вздрогнув от клотика до полоза под днищем, "Брендан" въехал носом в льдину. Это было все равно, что врезаться в бетон. Я качнулся от сильного толчка. Вот и проверка для наших средневековых кож и для швов, подумалось мне. Бум. Новый толчок. Бум. Волна еще раз небрежно бросила "Брендан" на лед. Уткнувшись носом в льдину, лодка медленно и неуклюже стала разворачиваться, словно врезавшаяся в преграду машина в замедленной киносъемке. Бум. Карра опять содрогнулась. Нами овладело чувство полной беспомощности. Мы были не в состоянии помочь "Брендану". Только ветер мог увести его от льдины. Бум. Уже не так сильно. "Брендан" сместился. Скребущий звук... Освободились

— Течь есть? — тревожно спросил Джордж. Я поглядел вниз на настил.

— Вроде бы нет, насколько мне видно тут на корме, ответил я. — Постарайся освободить парус. А я сейчас подниму Башмака. Здесь только успевай лавировать. Не успел я договорить, как из мрака с подветренной стороны возникло устрашающее зрелище — зазубренный белый край зловеще поблескивающей льдины размерами вдвое больше "Брендана". Видимо, это был какой-нибудь доживающий свой век обломок айсберга. Чудище качалось и переваливалось на волнах, точно огромное бревно. Тупой конец громадины нацелился прямо на лодку, будто таран, и тяжело раскачивался, готовясь обрушить стотонный удар на хрупкую кожаную обшивку.

При виде этого монстра Джордж прыжком вскочил па фок мачту, пытаясь освободить застрявший парус, чтобы лодка лучше слушалась руля. Все же какая-то надежда...

— Держись крепче — крикнул я ему: волна подхватила "Брендан" и толкнула прямо на ледяную глыбу, которая, в свою очередь, тяжело приподнялась на гребне, встречая лодку.

Трах. Бум. Лодка содрогнулась, как будто наскочила на риф. Впрочем, так оно и было, только риф оказался ледовым. Ударом Джорджа сорвало с мачты. Господи, с ужасом подумал я, сейчас он упадет между "Бренданом" и льдиной и его раздавит. Но Джордж не выпустил из рук фала и отчаянно цеплялся за него. Фал поддернул его вверх, и какое то жуткое мгновение он болтался спиной над просветом, точно кукла на веревочке. А ветер настойчиво прижимал "Брендан" к ледяной глыбе, и лодка вновь бросилась в ее смертельные объятия. Однако на этот раз удар был другого рода. Когда волна прошла под нами, льдина качнулась в сторону, и карра очутилась над выточенным волнами широким выступом в нижней части глыбы. Всплывая, этот выступ со скрежетом поддел "Брендан" снизу и стал поднимать, опрокидывая набок. Лодка кренилась все сильнее. Сейчас перевернемся как блин на сковородке... Но тут, скребя по льду обшивкой,

"Брендан" соскользнул боком с выступа шлепнулся обратно па воду.

Трах. Новое столкновение, теперь уже половиной борта. Шверц мучительно заскрипел, приняв на себя удар.

Так не может долго продолжаться... Либо "Брендан" отнесет ветром от глыбы, либо расколошматит вдребезги. Тем временем очередная волна бросила лодку вперед метра на два. Прикидывая схему этих зловещих качелей, я понял, что следующий удар придется по рулевому веслу. Веретено сломается, и наступит последнее действие драмы: дрейф в окружении пака при разбитом рулевом устройстве. Я стоял у румпеля, когда ледяная глыба поравнялась со мной. Обращенная к лодке поблескивающая грань была выше моего роста и в свете фонарика словно сама излучала таинственное белоснежное сияние с хрустальными и изумрудными переливами. Вдоль ватерлинии сквозь воду лучился отраженный выступом яркий бело-голубой свет. И все это время под ударами волн, гулко отдающимися в подводных полостях, льдина непрестанно ворчала и рычала, будто хищный зверь.

Сейчас последует завершающий удар, сказал я себе, и подведет черту под страданиями "Брендана". Я ощутил, как волна поднимает лодку, увидел, как тяжело качнулась в мою сторону холодная сверкающая стена, и — сознавая всю нелепость своего поступка — оперся одной рукой о рулевую раму, а другую вытянул навстречу льдине и уперся в нее что было мочи. К моему удивлению, "Брендан" поддался. Корма качнулась в сторону от ледяной стены, и вместо сокрушительного апперкота последовал скользящий удар, от которого, правда, весь корпус вздрогнул, но рулевое весло уцелело. А после следующей волны ледяная глыба продолжала качаться и торчать уже у нас в кильватере. Самой малости не хватило ей, чтобы прикончить нас.

Трондур и Артур, быстро надев свитера и дождевое платье, присоединились к нам с Джорджем. Следовало поднять их раньше, но уж очень не хотелось прерывать столь необходимый им отдых. Однако теперь мне нужна была из помощь, поскольку я задумал прибавить ход, чтобы

вывести "Брендан" изо льдов. Конечно, при этом мы рисковали врезаться в сплоченный пак и потерпеть крушение, но другого выхода не оставалось. Лучше попробовать выйти на чистую воду, чем биться о льдины и калечить лодку.

— Башмак, Трондур. Ступайте к фок-мачте и ждите команд. Будем по мере надобности поднимать и опускать передний парус, маневрировать им влево и вправо, смотря где покажутся большие льдины. Нам надо выйти из этих льдов. Джордж, возьмешься быть впередсмотрящим? Докладывать о положении ледяных глыб?

Джордж взобрался на крышу кабины, обхватил одной рукой грот-мачту для опоры и стал высматривать опасные льдины.

— Большая прямо по курсу. Две льдины с левого борта, еще одна с правого. Вроде бы между ними есть просвет.

Каждый раз он освещал фонариком очередную льдину, чтобы мне на руле было ясно, откуда грозит опасность. В свою очередь, я отдавал команду Башмаку и Трондур поднимать и разворачивать парус в нужную сторону и приспускать его, ловя ветер и виляя между льдинами.

— Парус поднять... Опустить

Призрачно белая глыба скользнула мимо во мраке. — Парус поднять... Правый шкот выбрать. Я переложил румпель, огибая очередную льдину. Безумный спектакль — санные гонки впотымах по ледяному желобу... Причем сани почти неуправляемы, и не притормозишь, и неизвестно, что тебя ждет в пятидесяти метрах. С моего места я видел, как Джордж жмет к мачте, и ветер плющит дождевое платье о его спину. Дальше тянулся защищающий среднюю часть лодки брезент — туда, где стояли, каждый у своего планширя, Артур и Трондур. Они приподняли край брезента, и торсы их торчали, словно корпус летчика в аэроплане эпохи первой мировой войны. Правда, капюшоны непромокаемых курток делали их похожими скорее на монахов в клобуках, и впечатление это усугублялось красным кольчатым крестом на переднем парусе, который то опускался, то с оглушительным хлопком поднимался у

них над головой, наполняясь ветром. Еще дальше — крошечная тьма, откуда выплывали устрашающие белые громады, озаренные узким конусом света, пробивающимся через завесу дождя и брызг.

На четвертом часу этого сюрреалистического зрелища темнота стала редеть. Джордж выключил фонарик и убедился, что может и так различать белые пятна льдин. С рассветом появилась возможность разобраться в обстановке. Нас окружали паковые льды. В стороне поодаль высился громадный живописный, как на открытке, айсберг — дородное чудище с лоснящимися, девственно белыми боками. До него было не меньше мили, так что он не представлял для лодки опасности. Зато кругом и впереди нас подстерегали подлинные неприятности — причудливые льдины вроде тех, что бросались на "Брендан" из засады ночью. Теперь мы могли классифицировать их по разновидностям. Тут были куски распавшихся айсбергов, блинчатый лед самой разной величины, кувыркающийся в воде малый несяк — обломки плотного льда, способные изрядно повредить обшивке "Брендана". Прибывающий свет позволял нам видеть, как лучше обойти эти препятствия. Я не сомневался, что где-то впереди нас ожидает чистая вода. "Брендан" еще раз проявил свои достоинства. Кожаная обшивка и связанный вручную каркас выдержали изрядную трепку. Конструкция оправдала все ожидания.

— Течи не видно? — снова справился Джордж.

— Не видно, — ответил я. — Карра показала себя настоящим воином.

Однако мои надежды скоро были развеяны. Впереди миля за милей тянулись льды льдина за льдиной, качаясь, двигались на юг под совместным действием крепкого ветра и течения. "Брендан" не мог ни отступить, ни постоять на месте. Только вперед и вбок, стараясь плыть быстрее льдов, обогнать их и где-то оторваться от передовой кромки.

Весь этот день мы трудились, идя по диагонали через редкий пак в поисках его границы. Немалая это была нагрузка для нервов — нащупывать проходы от одного просвета к другому. Следовать какой то системе было

невозможно, потому что льдины непрестанно перемещались, да и поле зрения было сильно ограничено. То и дело над льдами сгущался туман, сводя видимость до мили и меньше. Единственное, что нам помогало, — спокойная вода в окружении льдов. По мере нашего движения в гущу пака почти совсем не стало волн, хотя сила ветра приближалась к шторму. Огромный ледовый ковер укрощал волнение, словно гигантский плавучий волнолом, оставалась лишь мощная зыбь, которая качала и вертела льдины. Местами мы выходили на широкие разводья, где плавали только редкие куски рыхлого льда, и можно было несколько минут плыть без помех. А иногда на пути "Брендана" вырастали ледяные барьеры и гребни, образуя неприступный бастион, который надо было обходить. Раза два из тумана выплывали громады великолепных айсбергов высотой тридцать метров и больше. Сближаясь с ними, мы различали секущие глыбу зловещие трещины, где грозил отколоться очередной обломок. От таких айсбергов следовало держаться подальше, потому что с подветренной стороны их окаймляла свита битого льда. Еще неприятнее были участки плотного пака — остатки сплошного ледяного покрова. Они образовали большие поля причудливо громоздящихся друг на друга, смерзшихся льдин, словно некий гигант беспорядочно свалил многотонные строительные блоки.

Способность "Брендана" лавировать среди всех этих опасностей была настолько ограничена, что мы старались обходить практически каждую льдину с подветренной стороны. Для этого мы шли прямо на препятствие и в последнюю секунду переключивали румпель и скользили вдоль кромки, где непрестанно бурлила пена, взбиваемая качающейся на зыби льдиной. Наше продвижение было чем-то средним между аттракционом, где любители острых ощущений сталкиваются на автомобильчиках, и деревенским переплясом. С той разницей, что нашими партнерами в пляске были кивающие, приседающие и описывающие круг ледовые громадины. Вновь и вновь проскакивали мы мимо льдин, слыша стук и хруст при

соприкосновении с глыбами, скрежет и шорох, когда подминали под себя плоские льдинки, ощущая сильный толчок, когда обломки шириной с хорошую столешницу весом около сотни килограммов задевали лопасть рулевого весла.

<http://knigi.tr200.org> - Книги, журналы, аудиокниги
[скачать бесплатно](#)

— Ну что, Джордж, ты ведь мечтал увидеть лед в нашем плавании, — заметил я. — Попробуй скажи, что ты разочарован.

— Фантастика, — уныло произнес он. — Я вполне доволен, но предпочел бы больше никогда с ним не встречаться.

Нагрузка на команду была страшная. С приходом дня мы попытались вернуться к обычному распорядку вахт, чтобы можно было перевести дух. Но какой там отдых, когда в тонкой обшивке у самой твоей головы отдается перестук льдин. К тому же вновь и вновь требовались коллективные усилия, чтобы маневрировать парусом, регулируя скорость нашего хода и изменяя курс, а в худших случаях — отбиваясь от льдин баграми. Раз два мы даже садились на планширь и изо всех сил толкали ледяную глыбу ногами. И мне снова вспомнились плавания прошлого — знаменитая картина, на которой мореплаватели XV века точно таким примитивным способом обороняются от льдов, осаждающих их корабль. Правда, я никак не ожидал, что "Брендан" попадет в подобную переделку.

Весь этот день, 18 июня, мы были настолько заняты борьбой с паком, что некогда было толком поесть. В полдень Трондур сварил жидкую кашу, которую мы хлебали в промежутках между авралами, попозже урвали время, чтобы выпить по две кружки кофе. Завтрак пропал — я обнаружил свою миску с холодной овсянкой уже во время вечернего чая. Она стояла нетронутая, надежно спрятанная под банкой.

При всем том окружающая нас картина была не лишена величия и красоты. Льды распадались на тысячи причудливых обломков самого различного размера,

насколько хватал глаз, море пестрело глубокосидящими столбами и кубами. И удивительные краски — матово-белые грани, темная зелень подводных выступов, прозрачные пятна величиной с иллюминатор, ярко-голубой глетчерный лед, грязный лед, покрытый вековой пылью. Джордж протянул руку, отломил кусочек голубого льда от проплывающей мимо льдины и сунул в рот.

— Первый сорт, — усмехнулся он. — Подайте виски.

По окраске льда можно было судить о степени его опасности. Наименее опасен прозрачный лед на последней стадии таяния. Его толща была испещрена пузырьками воздуха, так что верхний слой крошился при столкновении с корпусом "Брендана", смягчая удар. Единственный минус: эти льдины сидели так низко в воде, что трудно вовремя обнаружить. То же можно сказать о большинстве крупных обломков айсбергов — над поверхностью выступала лишь малая часть, обычно только и видно, что невинно покачивающийся на волне приплюснутый лоснящийся матово-белый купол. Но под водой скрывалась подчас вращаемая течением, огромная, грозная глыба, способная нанести страшный удар маленькой лодке. Белоснежные плоские льдины, хоть и были тоньше и легче, отличались склонностью выстраиваться вереницей, преграждая нам путь. Оставалось лишь идти вдоль этого строя в надежде отыскать какой-нибудь просвет и скользнуть через него. Тут требовались точный глаз, сноровка и немалая толика счастья, чтобы просвет открылся в нужное мгновение. Обычно "Брендан" благополучно пробирался через такое препятствие, но случилось въехать носом на льдину. И качаемся так несколько секунд, пока ветер не нажмет на корму и не столкнет "Брендан" обратно на воду, так что лодка может продолжать свои пируэты в необычном ледовом балете.

— Проследить за нами во льдах очень просто, — заметил: Артур. — Знай держи на примете пятна смазки, оставленные на льдинах у нас в кильватере.

Два цвета заставляли нас быть особенно настороже: темная зелень подводных выступов, грозивших долбануть

"Брендан" снизу, когда он проплывал над ними, и алмазно-белые и голубые переливы обломков очень старого льда, образованного много лет назад в Гренландии и на Баффиновой Земле, где выпадающий снег слеживается, становясь глетчерным льдом, который сползает к берегу и, в конце концов, выметывает в море айсберги. Эти льдины были почти не тронуты таянием, их острые и твердые грани совсем не располагали к общению.

Глухой удар... скользкое касание... финт в сторону, бросок к просвету... Не думать о тонком слое кож, отделяющих тебя от ледяного моря, не думать о бесчисленных стежках, подверженных постоянному трению о льдины, осаждающие борта "Брендана", отражать выпады противника баграми. Рули вправо, рули влево, ищи свободное пространство между льдинами впереди, прикидывай, рассчитывай. Ветер, снос, течение, подвижки льда. Час за часом продолжалось это испытание, пока уже в сумерках, по-прежнему при крепком ветре, льды не начали вроде бы редеть. На этот раз было похоже, что мы на самом деле приближаемся к границе пака.

И тут нам изменило "бренданово везение".

Проходя через ожерелье из льдин, мы уже заметили впереди относительно чистую воду, когда две большие льдины решили сомкнуться и закрыть просвет, в котором находился "Брендан". Карра как-то странно вздрогнула, очутившись в зажиме. Не очень приятное ощущение, которое мы, однако, тут же забыли, озабоченные тем, как выбраться из тисков. К счастью, льдины малость раздвинулись, позволив "Брендану" перевалить через подводный выступ и вырвать рея на свободу. Пять минут спустя я услышал плеск около ящика с керогазом и поглядел вниз. По настилу бежала морская вода. Лодка дала течь. Где-то в корпусе пробоина.

Сейчас было не до того, чтобы заниматься ею. Первым делом надо выбраться из пака, пока не спустилась темнота и еще можно как-то ориентироваться. Иначе может повториться вчерашняя картина, когда мы бодали льдины впотьмах.

— Один человек — на помпу, второй — на руль, третьему — маневрировать передним парусом, четвертому — отдыхать — скомандовал я.

Еще два часа длился поединок с паком, наконец пошла относительно чистая вода, и мы уже вольнее маневрировали между льдинами, подняв грот со взятыми рифами. Рулевому по-прежнему надлежало быть начеку, но передний парус уже не нуждался в присмотре, и после двадцати четырех часов напряженной работы мы могли восстановить обычный распорядок с двумя вахтенными. Опасность того, что люди выбьются из сил, тревожила меня не меньше, чем риск, что не выдержит поврежденная лодка.

— Ночью все равно не справимся с течью, — объявил я. — В темноте отыскивать пробоину и пытаться ее заделать — пустое занятие. К тому же все мы слишком измотаны. Вот только необходимо определить размеры течи. А потому каждой вахте нужно будет регулярно работать помпой и подсчитывать, сколько качков уходит на то, чтобы полностью осушить трюм. Будем хоть знать, не растет ли пробоина. Если лопнул какой то из швов, могут и дальше распускаться стежки, и течь усилится.

Трондур пощупал кожу на планшире:

— Мне кажется, лед порвал шов, — спокойно произнес он.

— Вполне возможно, — ответил я, — но полной уверенности у нас нет. Стало быть, нужна проверка.

— Ладно, — весело отозвался Артур. — На то и правая рука, чтобы воду качать. Наша вахта, Трондур, так я уж лучше сразу примусь за дело.

И он полез вперед к трюмной помпе. Самое время: пока мы разговаривали, уровень воды над настилом заметно вырос. Вода плескалась вокруг наших сапог еще немного — и зальет кабину...

Тук, тук, тук. Тридцать пять минут непрерывной работы ушло на то, чтобы осушить трюм. Он был хоть и мелкий, но широкий, так что воды набралось немало. Через четверть часа она поднялась на прежний уровень и продолжала прибывать. Тук, тук, тук.

— Сколько всего качков уходит, чтобы все откачать? — спросил я.

— Две тысячи, — пробурчал Артур, устало опускаясь на банку.

Я быстро подсчитал в уме. Две тысячи качков в час нам по силам — до поры до времени. Один вахтенный — на руле, второй откачивает воду, держа "Брендан" на плаву. Но этот распорядок будет действовать, пока мы не выбьемся из сил. Или — что вероятнее — пока опять не испортится погода и нас начнут захлестывать волны. Тогда нас не хватит на то, чтобы достаточно быстро осушать трюм. Как будем выкарабкиваться?.. Уходя от пака в море, "Брендан" очутился в двухстах милях от суши, причем ближайшая земля — редко населенное побережье Лабрадора, откуда особо помощи не жди... Дул крепкий ветер, волнение уже не гасилось льдами, и вокруг нас опять курчавились высокие гребни. Да и ледовая опасность не совсем миновала. То и дело во мраке можно было различить большие глыбы, упорно не желающие таять.

— До рассвета шесть часов, — объявил я. — Лучше побережем силы до утра и уж тогда займемся пробоиной. Вахтенным следует по очереди работать помпой, перерывов не делать. С сухим трюмом "Брендан" лежит выше на во де, нас будет меньше захлестывать.

Эта ночь физически была самой тяжелой за все плавание. О том, чтобы поспать или просто отдохнуть, не могло быть речи. Отстояв у руля полчаса, вахтенный шел работать помпой, едва успевая кивком приветствовать товарища, который устало пробирался на корму к румпелю, чтобы, всматриваясь в темноту, попытаться определить, что там белеется впереди — то ли грива бурлящего вала, то ли глыба льда на пути "Брендана".

Как-только кончилась первая вахта, я вызвал радиостанцию канадской береговой охраны в Сент Антони на Нью фаундленде.

— Здесь парусное судно "Брендан", — доложил я. — Последние двадцать четыре часа мы находились среди редких паковых льдов, но теперь, похоже, вышли из

окружения, Судно получило пробоину, есть течь. В следующие двенадцать часов попробуем найти и заделать пробоину, однако просим записать наше счислимое место — $53^{\circ}10$ северной широты, $51^{\circ}20$ западной долготы. Повторяю, место счисли мое, поскольку лаглинь срезало льдом, а из-за плохой видимости последние два дня мы не могли взять высоту солнца. Непосредственной угрозы нет, но, если можно, выясните возможность сброса нам самолетом небольшого насоса с двигателем и запасом горючего на случай, если мы не справимся с течью. Я снова выйду в эфир в 14.15 гринвичского сред него времени, чтобы сообщить, как обстоят дела. Если не удастся наладить связь в 14.15 или в 16.15, слушайте нас на частоте аварийного передатчика 121,5 и 243 мегациклов. Прием.

— Вас понял, — отозвался спокойный голос из Сент Антони.

Повторив сказанное мной, радист сообщил, что поставит в известность Центр координации спасательных операций в Галифаксе и будет слушать на нашей волне в назначенное время. Впоследствии я узнал, что канадская береговая охрана приняла все меры, чтобы прийти нам на помощь, если понадобится. В Галифаксе стоял наготове самолет, а на командном пункте в Сент Джонсе подсчитали, что из Гус Бея за двадцать один час до нас может дойти ледокол береговой охраны.

— Вот только, по правде говоря, — сказал дежурный офицер, — мы не уверены, сможет ли наше судно обнаружить вас вовремя. И вообще, когда мы слышали, что кожаная лодка испытывает затруднения в том самом районе, где недавно затонул "Карсон", то считали ваши шансы равны нулю. Как это вы ухитрились уцелеть там, где пошло на дно стальное судно?

Так или иначе, в трудную минуту нам было легче на душе от сознания, что кто-то где то извещен о нашем бедствии и придет на помощь, если дело обернется совсем плохо. Малость ободренный этой мыслью, я сидел, сгорбившись в своем спальнике, и пытался сосредоточиться. Две тысячи качков в час, чтобы держать течь в узде... Стало

быть, пробоина изрядная, и ее нужно найти не мешкая, как только рассветет. Но где искать? Дыра может находиться в любой точке подводного борта "Брендана". Придется перемещать все снаряжение, проверяя корпус секцию за секцией, поднимать настил, вытаскивать сосуды с пресной водой (куда положить их временно?) и смотреть, не видно ли где в трюме пузырьков или струек.

<http://knigi.tr200.net> - Книги, журналы, аудиокниги
[скачать бесплатно](#)

Если нам посчастливится обнаружить пробоину, что дальше? Предположим, сломался полоз под днищем, когда "Брендан" сел на льдину, или его крепления прорвали кожи. В море мы не сможем ни починить полоз, ни сменить крепления. А если распорота обшивка или лопнул шов? Тогда, пожалуй, мы окажемся в еще более затруднительном положении. Я не представлял себе, как мы сможем пришивать заплату под водой. Сверху вниз далеко не дотянешься изнутри работать тоже невозможно — слишком мало пространство между стрингерами и шпангоутами, чтобы можно было наложить швы. Чем больше я думал о нашей беде, тем сильнее расстраивался. Все наши труды насмарку, если "Брендан" пойдет на дно так близко от цели. Нам он уже доказал, что кожаная лодка раннего ирландского средневековья могла пересечь Атлантику. Но как убедить в этом других, затони "Брендан" в двухстах милях от Канады? Тут не помогут ссылки на то, что в раннехристианскую эпоху в море у Канады и Гренландии было меньше паковых льдов и ирландские монахи вряд ли сталкивались с подобными затруднениями. Чтобы доказать реальность древних ирландских плаваний, "Брендан" должен дойти до Нового Света. Для полной ясности я взял ручку и подвел итог:

1. "Брендан" имеет сильную течь. В плохую погоду мы можем продержаться на плаву от силы два дня, в хорошую — сколько угодно, однако ценой больших физических усилий.

2. Первым делом нужно отыскать причину течи. Крепление полоза? Лопнувшие швы? Дыра в обшивке?

3. Если мы не сумеем найти причину и устранить течь, береговая охрана, возможно, забросит нам насос. Есть ли у них подходящий насос? Сможет ли их самолет обнаружить нас?

4. Не получим насоса — передаем сигнал бедствия и оставляем судно.

Мрачный сценарий, и за ночь ситуация несколько не улучшилась. Обложной дождь ограничивал видимость несколькими метрами, а возросшая сила ветра не позволяла рулевому обходить притаившиеся в воде льдины, буде такие окажутся на нашем пути. "Брендан" мог только уходить прямо от ветра, и нам оставалось надеяться, что фортуна упасет нас от столкновения с какой-нибудь заблудшей глыбой или еще того хуже с отделившимся от пака айсбергом.

Все мы чертовски устали. Остудяющий труд — непрерывное откачивание воды из трюма — истощал мышцы и душу. Сначала пробирайся по скользкому планширю от рулевого поста до завязок на тенте в средней части лодки. Развязывай окоченевшими пальцами веревки, спускай ноги в темную щель, развернись, чтобы отстегнуть страховочный леер, ныряй под тент и плотно привяжи полу, не то очередная волна ворвется через борт и добавит еще воды в трюм. Согнувшись под тентом, снимай непромокаемую куртку или вылезай наполовину из аварийного костюма, иначе за полчаса напряженной работы сам обольешься потом и всю одежду намочишь. Затем протискивайся в туннеле под брезентом к рукоятке трюмной помпы. Берись за нее правой рукой, ложись левым боком на банку и делай четыреста пятьсот качков. Когда мышцы правой руки и плеча запросят пощады, переворачивайся на другой бок и качай левой рукой, сколько выдюжит. Повернись опять на правый бок и снова качай. И так повторяй всю процедуру, пока долгожданный звук не скажет, что помпа сосет воздух, после чего можно пускаться в путь обратно к рулю. Надев куртку, отвяжи край тента, потом снова привяжи, доберись до румпеля, а взявшись за него, увидишь, что вода в лодке поднялась до того самого уровня, на каком была, когда ты

начинал качать. Правда, теперь уже очередь твоего товарища по вахте работать помпой.

Работа в темноте под тентом оказывала почти гипнотическое действие на человека. Равномерный стук, влажный мрак в туннеле, ноющие от усталости мышцы — все вместе порождало некое чувство отрешенности. Это чувство усугублялось зрелищем причудливых блесков фосфоресценции: гребень каждой второй или третьей волны забрасывал в лодку блестящие капли, и они скатывались по обшивке вниз, образуя прихотливые узоры, которые сбивали с толку усталые глаза, создавая иллюзию трехмерного движения. Безостановочным колебаниям руки и торса при качании аккомпанировал таинственный переливающийся свет в прозрачных секциях осушительного трубопровода. Яркость этого странного свечения менялась с каждой волной, временами в трубах вспыхивали яркие искры, но чаще, как бы подчиняясь сверхъестественному сердцебиению, в них пульсировал темно зеленый поток. В темноте под тентом, с этими оптическими фокусами, с ноющими плечами, когда голова от усталости сама ложилась на банку, невозможно было устоять против дремоты. И только закроешь глаза, машинально продолжая качаться взад вперед, тут же тебя будит дробный стук очередной волны, бодающей тент над твоей головой.

В шесть утра рассвело, и я поглядел на своих товарищей. Они осунулись от усталости, но сдаваться и не помышляли. Во время ночной вахты я улучил пяток минут, чтобы тайком поднять настил и проверить кормовую часть трюма — не тут ли скрывается таинственная течь? По чести говоря, с этим следовало повременить до утра, но любопытство взяло верх. Когда я рассказал об этом Джорджу, он признался, что проделал то же на своем спальном месте на носу, но течи не обнаружил. Команде "Брендана" явно не терпелось поскорее отыскать пробоину.

— Ладно, слушайте план операции, — объявил я. — Каждому выпить по кружке кофе и перекусить. После этого Трондур и Башмак работают обеими помпами в средней части судна, поддерживая возможно более низкий уровень

воды. Это позволит нам с Джорджем идти вдоль корпуса, перекладывая груз и проверяя трюм. Мы уже знаем, что течь должна находиться где то в срединной части корпуса.

Лица моих товарищей выражали твердую решимость никаких признаков беспокойства. Я напомнил себе, что до очередного сеанса связи с канадской береговой охраной у нас есть ровно восемь часов на то, чтобы обнаружить и заделать течь.

Втроем мы вышли кофе, затем я пошел вперед и сменил Джорджа на трюмном насосе. Пока он подкреплялся, я прикидывал, откуда начинать поиск. В укрытии на корме? Но тогда придется выносить все наше личное имущество. У передней мачты? Там лежат наиболее тяжелые предметы снаряжения, вроде якорей и канистр с водой. Внезапно ни с того ни с сего мне пришла в голову одна мысль. Когда я ночью в темноте откачивал воду, вспышки свечения над планширем почти синхронно сопровождались вспышками внутри лодки и в трубе осушительной системы. Я ничего не смыслил в физической природе флюоресценции, но ведь должна же быть какая то электрическая связь. И похоже, что свечение передавалось снаружи через обшивку внутрь по прямому каналу, и этим каналом служила течь.

Не очень то веря своей догадке, я перестал качать и проследил трубу до заборного отверстия в средней части судна, у левого борта. Здесь я отвернул край тента, свесился через планширь, и у самой ватерлинии моим глазам предстало весьма обнадеживающее зрелище: изрядная вмятина в кожаной обшивке. Плавность обвода нарушала отчетливо видимая оспина, размерами и формой смахивающая на крупный грейпфрут. Волнуясь, я съехал обратно внутрь лодки и принялся растаскивать сложенные в этом месте упаковки с провиантом. Как-только обнажился корпус, увидел ту же вмятину — причину нашей беды: от сильнейшего давления извне втиснутая между двумя шпангоутами кожа лопнула и образовалась щель длиной около десяти сантиметров. Это не был разрез, кожа разорвалась, хотя ее прочность на разрыв составляла две тонны на квадратный дюйм. И стоило "Брендану"

накрениться, как через отверстие в трюм врывалась струя морской воды. Торжествуя, я высунул голову из под тента и закричал:

— Великолепные новости. Течь обнаружена. И в таком месте, где мы можем ее заделать.

На обращенных ко мне лицах было написано явное облегчение.

— Заканчивайте завтрак, — продолжал я. — А я пока проверю, нет ли еще пробоин.

После этого я прошел вдоль всего борта, свешиваясь через планширь и осматривая обшивку. За исключением найденного мной прокола кожа была в отличном состоянии. Даже царапин от льда почти не видно. Остальные льдины лишь слегка задевали выпуклый корпус или скользили по шерстяному воску.

Итак, прокол есть. Когда мы попали в тиски между двумя льдинами, удар острым концом или бугром пришелся на относительно широкий просвет между шпангоутами на самом изгибе корпуса. Правда, зато ширина просвета позволяла работать иглой. Джордж и Трондур подошли ко мне.

— Лучше накладывать заплату снаружи, — сказал я. — Давлением воды прижмет ее к корпусу. Подготовим выкройку, потом вырежем заплату и пришьем.

— Придется срезать часть дерева, — заметил Трондур, рассматривая ясеневого шпангоута.

— Сделаем все, чтобы работать без лишних помех.

— Надену-ка я водонепроницаемый костюм, — заявил Джордж. — Холодновато нам придется.

Он был прав. Три часа трудились Джордж и Трондур в водонепроницаемых костюмах стуча зубами. Сначала вырезали из запасной кожи подходящую заплату, затем Джордж, свесившись через планширь почти к самой воде, прижал ее к обшивке снаружи. Трондур проколол обшивку и заплату шилом и просунул в дырку девятидюймовую иглу с льняной дратвой. Джордж сжал иглу плоскогубцами, подергал и, поднатужившись, вытащил ее с другой стороны, после чего сам вооружился шилом, проколол отверстие

снаружи, поводит иглой, нащупывая отверстие, воткнул, и Трондур втащил ее внутрь.

Задача была не из легких. Уже верхний шов заставил их помяться — он пришелся как раз над уровнем воды, и всякий раз, когда лодка кренилась на волне, в лучшем случае руки Джорджа погружались по локоть, а в худшем ему накрывало голову, и он выныривал, хватая воздух ртом и отплеываясь. Тем временем волна, разбившись о корпус, окатывала Трондура, который сидел на корточках внутри лодки. Все это при температуре воды близкой к нулю, в непосредственной близости от бродячих льдин и айсбергов, притом после почти двух суток без настоящего отдыха. Стежок за стежком ложился на место. Между заплатой и обшивкой засунули изолирующий блин из кудели с шерстяным воском, после чего наложили последние стежки. Они делались под водой, и Джорджу пришлось проталкивать иглу рукояткой молотка.

Но вот, наконец, дело сделано. Друзья выпрямились, дрожа от холода. Джордж стер с пальцев остатки защитного слоя воска, и оба выпили горячий кофе с заслуженной добавкой виски. Даже Трондур до того устал, что сразу после этого забрался в спальный мешок. Артур осушил помпой трюм, и мы убедились, что заплатка не пропускает воду. Я проверил швы.

— Чистая работа, — поздравил я Джорджа. — Как будто ты трудился на кроссхэвенской верфи, а не в Лабрадорском море. Джон О'Коннел был бы горд тобой.

— Не хотелось бы мне еще раз проделать такую работу, — сдержанно отозвался Джордж.

В условленный час я доложил о нашем успехе радисту береговой охраны в Сент Антони,

— Молодцы, — радостно откликнулся он. — Я передам в спасательный центр. Насколько мне известно, они все равно хотят направить в ваш район сторожевое судно. Удачи вам на последнем отрезке.

<http://goraknig.org> - Книги, журналы, аудиокниги скачать бесплатно

Выключив рацию, я сказал себе, что ребята из канадской береговой охраны заслуживают такой же похвалы, как их коллеги в Исландии. А затем мы в первый и последний раз предоставили "Брендан" самому себе. Убрали паруса, закрепили рулевое весло, и вся четверка на несколько часов залезла в спальные мешки, чтобы предаться заслуженному отдыху. Последнее, о чем я подумал засыпая: нам удалось залатать "Брендан", потому что он кожаный. Будь корпус сделан из хрупкого стеклопластика или из металла, даже из дерева, он, скорее всего, был бы раздавлен льдами и пошел ко дну.

13. Земля на западе

С надежной заплатой, оставив позади паковые льды, "Брендан" начал последний этап своего пути до Ньюфаундленда. По-прежнему не проходило дня, чтобы наш курс не пересекали айсберги. Но после недавнего побега из ледяного окружения мы предпочитали любоваться ими издали и по ночам настороженно всматривались в мрак, чтобы не прозевать призрачную громадину. Мы жили в предвкушении финиша. За полтора месяца в море все основательно вымотались. Непрестанное напряжение в борьбе с непогодой, ограниченность в движениях на борту крохотного судна, однообразие повседневной морской рутины — все это складывалось в своего рода духовную смирительную рубашку, которая с каждым днем стягивалась все туже. И мы искали взглядом признаки земли на горизонте не только потому, что это входит в обязанности моряка, — нам не терпелось пристать к берегу. Мы знали: присутствие айсбергов — знак того, что Новый Свет уже недалеко, ведь айсберги плывут на юг с Лабрадорским течением, которое проходит вдоль канадских берегов. Нам попадались и другие признаки близкой земли — бревна и пучки водорослей, больше стало птиц. "Брендан" будто намеренно еле полз через море. Увязая в штилях и легких ветрах, он бесцельно дрейфовал по течению.

У меня было вдоволь времени поразмыслить над тем, что "Брендан" не первое ирландское кожаное судно, добравшееся до кромки арктических морских льдов. Ученый монах Диквил сообщает, что в одном дневном переходе от страны, где солнце летом почти не скрывалось за горизонтом, ирландские священники видели край замерзшего моря. И в самом "Плавании" говорится, что святой Брендан в своем плавании достиг "сгустившегося моря" вода была такая непривычно ровная и неподвижная, что монахи посчитали ее сгустившейся. Возможно, Брендан наблюдал рыхлый лед, одну из первых стадий образования

пака, когда при полном штиле вода насыщена ледяными иголками, которые собираются в комки вроде тех, что плавают на поверхности свернувшегося молока.

Однако в "Плавании" есть и более впечатляющее описание морских льдов. В одной из глав явно идет речь о встрече Брендана и его спутников с огромным айсбергом, который плыл по морю в окружении своей свиты из битого льда. Мореходы приблизились вплотную к этому чуду, прошли вокруг него на веслах, даже заходили в естественные арки и пустоты в соседних льдинах.

"Однажды после торжественной мессы, — читаем в "Плавании", — они увидели в море столп, до которого как будто было недалеко, однако им потребовалось три дня, чтобы приблизиться к нему. И когда святой отец оказался со всем близко от столпа, он тщетно силился рассмотреть его вершину, такой он был высокий. Столп вздымался выше неба. И к тому же был окружен сетью с большими просветами — такими большими, что лодка проходила через них. Они не могли понять, из чего сделана эта сеть. Она была серебристого цвета, но тверже мрамора. Сам столп был из чистейшего хрусталя".

Если отвлечься от фигур речи, к которым прибегает повествователь, этот случай легко поддается толкованию. Благодаря своим размерам и окраске айсберги в ясную погоду четко выделяются на горизонте и видны издалека. Это явно сбило с толку людей Брендана, и они принялись грести, не верно оценив дистанцию. Что еще важнее: им было невдомек, что айсберг сам будет плыть по течению со скоростью одного-двух узлов, а это заметно увеличило срок, необходимый, чтобы нагнать его. Подойдя наконец к цели, они, очевидно, встретили кольцо битого льда, обычно окружающее крупные айсберги, недавно отделившиеся от пака. Их озадачило то, что эта "сеть" на вид состояла из другого вещества, чем сам "хрустальный столп". Вероятно, кольцо было образовано мутным морским льдом, в отличие от айсберга, представлявшего собой чисто белый обломок ледника.

"Плавание" продолжает: "И сказал Брендан своим братьям: "Поднимите весла и уберите мачту с парусом, и пусть кто-нибудь из вас зацепится за эту сеть". А между сетью и столпом было пространство шириной около мили, и на столько же столп уходил в глубину. И они послушались, после чего слуга господний сказал им: "Проведите лодку в просвет, дабы нам можно было лицезреть чудеса творца нашего".

И когда они вошли в просвет и стали осматриваться, море явилось им прозрачным, как стекло, так что все внизу было видно. И они увидели основание столпа и лежащий на дне край сети. Под водой было столько же солнечного света, сколько над водой.

После того святой Брендан измерил пространство между четырьмя сторонами просвета, и вышло во все стороны четыре локтя. Дальше они целый день шли вдоль столпа и даже в его тени ощущали солнечное тепло. Они находились здесь до трех часов. Все это время слуга господний измерял сторону столпа. И длина одной из четырех сторон была семьсот метров. Четыре дня святой отец таким образом измерял расстояние между четырьмя углами столпа.

На четвертый день нашли они чашу из того же вещества, что сеть, и тарелку такого же цвета, как столп, которые лежали в нише с южной стороны столпа. Святой Брендан тотчас схватил эти сосуды, говоря: "Господь наш Иисус Христос явил нам чудо и дал мне эти два дара, дабы я показал их многим в подтверждение случившегося". Слуга господний повелел своим братьям выдержать искусы, а затем подкрепить свои телесные силы, ибо с той поры, как они увидели столп, у них не было времени ни есть, ни пить.

Когда минула ночь, братья стали грести на север. Выйдя через просвет в сети, они подняли мачту и парус, и, пока шли все приготовления, некоторые держались за сеть. Когда расправили парус, с кормы подул благоприятный ветер, так что дальше плыть не составляло труда, надо было только действовать шкотами и рулем".

Так заканчивается эпизод с айсбергом, явно произведший глубокое впечатление на команду святого

Брендана. "Чаша и тарелка", найденные в нише в одной из стен айсберга, скорее всего, были причудливыми обломками льда, которые набожным мореплавателям, потрясенным встречей с "хрустальным столпом", показались похожими на церковную утварь. Интересно, что автор предания наделяет святого Брендана чертами рассудительного ученого, который не упускает случая измерить айсберг. С географической точки зрения упоминание об айсберге в "Плавании" очень важно, ведь из этого следует, что главные события происходили в северной части Атлантики, а не — как утверждают некоторые — на более легком южном маршруте, в зоне пассатов, ведущих к Вест-Индии. На южном пути мореходы никак не могли встретиться с айсбергом. Географически "хрустальный столп" вполне согласуется с другими характеристиками северного маршрута, если отождествлять вулканический остров Кузнецов с Исландией, Овечий остров с Фарерами и принять во внимание столь убедительно продемонстрированное "Бренданом" обстоятельство, что кожаная лодка гораздо лучше сохраняется в холодных водах Севера. Тихие ветры и штили на подходах к Ньюфаундленду означали также туманы и мглу. "Брендан" вошел в область Северной Атлантики, известную своими туманами. Даже в летние месяцы у восточных берегов Ньюфаундленда видимость прескверная. Согласно морским справочникам, в мае, июне и июле от сорока до пятидесяти процентов времени видимость не достигает пяти миль, а большую часть остального времени, как свидетельствуют наблюдения, она из-за тумана составляет меньше полумили. И опять фактические обстоятельства подтверждаются тем, что говорится в "Плавании" о подходе к обетованной земле. Предание сообщает, что после семи лет бесплодных странствий святой Брендан вновь пришел на Овечий остров, взял на борт припасы на сорок дней и — очень важно — лоцмана. Лоцманом стал живший на Овечьем острове "эконом", он сказал путешественникам, что без его помощи они не найдут обетованную землю. Эконом стал указывать путь в море, и через сорок дней карра вошла в густой туман.

"Ведомо ли вам, какой это туман?" — спросил эконом. "Какой?" — спросил святой Брендан. "Этот туман, — ответил эконом, — окутывает остров, который вы искали семь лет".

Литературоведы справедливо отмечали, что указание на темное облако, скрывающее искомую цель, — излюбленный прием средневековых повествователей, а потому и к туману, окутывающему обетованную землю святого Брендана, следует подходить с осторожностью. И все же перед нами еще одно замечательное совпадение в ряду признаков, позволяющих связать географию Северной Атлантики от Ирландии до туманных берегов Северо-восточной Америки с эпизодами "Плавания".

Три дня туман и низкая облачность скрывали солнце от "Брендана", когда мы 23 июня приняли по радио сообщение, что судно Канадской береговой охраны "Джон Кабот" рассчитывает в этот день на встречу с нашей лодкой. Лабрадорское течение несло нас к югу, а так как мы не могли взять высоту солнца, я ошибся на тридцать миль, определяя счислимое место. Вот почему "Джон Кабот" чисто случайно нашел нас.

Капитан Лес Ивис изменил курс, чтобы осмотреть большой айсберг в это время впередсмотрящий крикнул с марсовой площадки, что видит на воде какой то маленький предмет. Этим предметом был "Брендан" от берега Ньюфаундленда нас отделяло сто двадцать миль.

— Нам просто повезло, что мы вышли на вас, — сказал капитан Ивис, забравшись с резиновой шлюпки на борт "Брендана", чтобы посмотреть, каково живется мореплавателям на средневековом судне. — Мы ведь шли чуть восточнее, взяли на прицел айсберг, а тут впередсмотрящий кричит, что с левого борта видно что-то интересное. Я посмотрел и говорю: "Господи, они ведь должны быть в тридцати восьми милях отсюда. Да нет, это не они. Очень уж маленькая скорлупка " Пригляделись как следует — все таки вы. Рассмотрели крест на ваших парусах. Красный крест.

Капитан Ивис сам немало ходил под парусами, и его заинтересовала оснастка "Брендана".

— Вижу, в помощи вы не нуждаетесь и доказали, что старые конструкции годятся в дело, — сказал он, осмотрев лодку и выпив с нами глоток — Сами понимаете, моя посуда выглядит несколько иначе... Приятно видеть, что в наше время еще можно творить такие вещи. Через тридцать шесть часов "Джон Кабот" вернется в порт, и уж я постараюсь, чтобы вас встретили как следует. Если вам что сейчас нужно — говорите, не стесняйтесь.

На прощание "Джон Кабот" снабдил нас свежим провиантом, керосином для керогаза и батарейками для фонарей. Эта встреча положила конец нашему чувству изоляции, вот почему впечатления о заключительных днях как-то смазаны, все отошло на второй план перед растущим предвкушением встречи с землей, сознанием, что близок конец плавания.

<http://knigi.tr200.biz> - [Скачать бесплатно книги, аудиокниги, литературу, журналы](#)

Погода стояла мягкая, с переменчивыми легкими ветрами, которые дули поочередно чуть ли не со всех румбов, преимущественно с запада, так что "Брендан" беспорядочно блуждал у берегов Ньюфаундленда. То мы идем на Сент Джонс, то отклоняемся так далеко на север, что впору готовиться к высадке на Лабрадоре. Мы постоянно были начеку. Достаточно было крепкому ветру подуть не с той стороны, и нас могло отогнать в море еще на неделю, поэтому мы не позволяли себе даже гадать, где и когда состоится финиш. Стихии сами решат, в каком месте "Брендану" подойти к суше наше дело — всячески помогать лодке.

С радостью отметили мы, что с приближением к Ньюфаундленду стало больше китов. Как будто товарищи по нашей одиссее явились посмотреть, как "Брендан" завершит свою миссию. Мимо нас неспеша проходили гринды, иногда рассыпным строем, так что на милю с обеих сторон море пестрело то всплывающими, то ныряющими тушами. А в один солнечный день пара дельфинов продемонстрировала замечательное акробатическое искусство, совершая потехи ради высокие синхронные

прыжки не хуже, чем их дрессированные сородичи, которые развлекают посетителей дельфинариев. В самые последние дни мы стали предметом внимания множества белобрюхих горбачей, членов большой популяции, проводящей лето в проливе Сэра Чарлза Гамильтона у берегов Ньюфаундленда. В какую сторону ни погляди — киты одни всплывают, пуская фонтаны, другие ныряют, выгибая спину горбом (отсюда их название) и элегантно взмахивая напоследок могучим хвостом, после чего в толще воды можно было проследить огромное белое пятно, когда кит подплывал к "Брендану" и проходил под самой лодкой, исследуя ее. Поодаль другие киты выпрыгивали из воды и с громким плеском плюхались обратно. Иногда, высунув хвост над поверхностью, они били им по воде, как бы махая на прощание, да так, что брызги летели во все стороны.

В ночь на 26 июля мы различили на юге точки света на берегу, а когда занялся серый рассвет, увидели впереди смутные очертания земли. Обоняние подтвердило то, что сказало нам зрение. Слабый ветерок донес через водное пространство отчетливый запах сосны великих лесов Ньюфаундленда. Я взял курс на пролив Гамильтона, чтобы нас с трех сторон окружала суша и не надо было опасаться встречного ветра, способного отогнать лодку в море. Теперь то можно было не сомневаться, что до встречи с берегом осталось совсем немного. Земля приближалась — низкий ровный берег за цепочкой мелких островов. Рация ожила, принимая послания береговой охраны. Над нами покружил тархтящий вертолет с фотоаппаратами, и пилот внимательно следил за тем, чтобы воздушные вихри от винтов не опрокинули "Брендан"... Со стороны Гандера появился второй вертолет, побольше, летевшие на нем служащие авиабазы тоже прилежно снимали. Внезапно из-за ближайшего острова вынырнули два сторожевых катера и помчались к нам.

— Тут милях в трех отсюда есть небольшой рыбный порт Масгрейв — крикнул, сблизившись с нами, рулевой одного из катеров. — Можем отбуксировать вас, если хотите

— Спасибо, не надо. Сперва постараемся пристать к берегу сами — ответил я и еще раз обратился к карте.

С подветренной стороны протянулась маленькая цепочка островов Аутер Уодхэм. Никакого населения, если не считать смотрителей маяков: идеальное место, чтобы спокойно причалить к суше. Ближайшим к нам был остров Пекфорд.

— Там негде причалить — предупредили нас с катера, когда "Брендан" изменил курс. — Берег — сплошные камни

Меня это не смущало. Во времена святого Брендана в этих краях не было никаких портов, и если уж "Брендан" прошел через лабрадорские льды, значит, выдержит и причаливание к каменистому берегу.

— Трондур, приготовься отдать якорь. Башмак, берись за весло. Идем на посадку.

Джордж пробрался вперед, чтобы в последний раз убрать маленький передний парус. Под одним только гротом лодка медленно приближалась к ошетилившемуся камнями берегу. Зыбь, вздымаясь, облизывала плоские серые плиты. Вдоль воды громоздились валуны, на дюнах за ними зеленели кусты и трава.

— Отдать якорь

Якорь плюхнулся в воду, Трондур потравил канат, потом сильным рывком проверил, хорошо ли держат лапы. Мы нуждались в надежной точке опоры, чтобы сняться с плит после того, как высадим на берег человека.

— Джордж, отнесешь трос на берег?

Он поглядел с сомнением на скользкие плиты и бурлящие подповерхностные волны.

— Отнесу, если ногу не сломаю, — пробурчал он. — Между прочим, теперь промокать нет никакого смысла.

С этими словами он натянул водонепроницаемый костюм и уселся на носу, свесив ноги по бокам.

Лихого финишного рывка не было, "Брендан" продолжал идти вперед так же деловито, как отмерил три с половиной тысячи миль по поверхности океана. Красный кольчатый крест на гроте сморщился, когда я потравил фал, чтобы еще сильнее замедлить ход. Трондур плавными движениями

выбрал слабинку якорного каната. Артур сделал два-три гребка, держа лодку прямо. "Брендан" тихо коснулся носом плит. Джордж прыгнул за борт и ступил на грунт... Я сказал себе: "Дело сделано "

"Брендан" пристал к суше в Новом Свете 26 июня в 20.00. Мы финишировали на острове Пекфорд в группе Аутер Уодхэм, примерно в ста пятидесяти милях к северо-западу от Сент Джонса, главного города Ньюфаундленда. Переход от Исландии длился пятьдесят дней. Строго говоря, для вопроса о древнеирландских плаваниях неважно, где именно мы высадились. Это был просто-напросто пункт, куда ветры и течения привели современную копию ирландских кожаных лодок. Наши предшественники могли причалить в любой точке побережья, протянувшегося на сотни миль в обе стороны от нас. Главное — "Брендан" с предельной убедительностью показал возможность такого плавания.

Кожаная лодка не развалилась при первом же шторме у берегов Ирландии, как опасались некоторые, а успешно пересекла Атлантический океан.

Когда "Брендан" — неказистое соединение тросов и льняного полотна, дерева и кож — ткнулся носом в остров Пекфорд, он походил скорее на плавучее гнездо, чем на океанское судно. Но лодка была крепкой и исправной, и мы знали, что она в полной мере сохранила свои мореходные качества. "Брендан" благополучно пронес нашу четверку через штормы и паковые льды, выдержал два сезона в самых суровых водах Атлантики. Мы доверились ему, и он не подвел. Показал себя подлинным океанским судном, так что теперь не приходилось сомневаться, что ирландские монахи на своих кожаных лодках практически вполне могли достигнуть Северной Америки до норманнов и задолго до Колумба.

"Брендан" показал, что такое плавание можно было осуществить, пользуясь средневековыми материалами и средневековой техникой. И все же в конечном счете единственным убедительным доказательством того, что плавания и впрямь совершались, будет открытие на земле

Северной Америки подлинных материальных следов древнеирландского посещения. Это может быть камень с древней надписью или фундамент типичной круглой постройки, точно датируемый эпохой замечательных ирландских путешествий. Разумеется, вероятность таких открытий мала. Хотя известно, что ирландские отшельники жили в Исландии, там до сих пор не обнаружено ирландских следов. И если ирландцы раннехристианской поры в самом деле доходили до Северной Америки, то оставили лишь еле заметные пальцевые отпечатки. Нужно исключительное везение, чтобы обнаружить такой слабый след на длиннейшем побережье, где малоисследованные безлюдные области сменяются основательно обжитыми районами с наслоениями поздних культур.

Оттого-то так важно, чтобы успешное плавание "Брендана" превратило достижения древних ирландских мореплавателей из предмета сомнений и догадок в объект серьезной исторической дискуссии. Совсем хорошо, если наше путешествие вдохновит археологов на поиски ирландских следов в Новом Свете, и уж во всяком случае, отныне будет трудно в книгах по истории географических исследований загонять ирландских мореходов раннехристианской поры в сноски, ссылаясь на то, что нам слишком мало них известно и приписываемые им достижения физически невозможны.

Успех "Брендана" немаловажен и для суждения о достоверности "Плаванья". Эпизоды этого замечательного повествования, казавшиеся такими фантастическими, теперь предстают в новом свете. Было даже интересно вспоминать все прежние случаи, когда для объяснения загадок "Плаванья" прибегали к гипотетическим ученым параллелям, хотя простые, более практические толкования подходили куда лучше. Разве не проще увидеть в эпизодах с островом Кузнецов и островом Огненной горы наглядное изображение вулканической Исландии, какой она представилась команде карры, чем рыться в классиках, отыскивая латинские описания подводных и наземных вулканов? И, зная, что ирландцы вполне могли доплывать

до Овечьего острова и Птичьего рая и наблюдать картины, описанные в "Плавании", разве не логичнее привязать эти объекты к Фарерам, чем относить их в область фантазии?

И ведь "Брендан" добавил кое-какие неожиданные ответы на загадки "Плавания". Несомненно в основе знаменитой истории про Яскония — дружелюбную "огромную рыбу", которая снова и снова подходила к карре святого Брендана, лежит действительная реакция китов, когда они встречаются в море кожаную лодку и несколько раз возвращаются к ней, чтобы изучить незнакомца вблизи. Надо думать, поведение этих левиафанов производило сильное впечатление на средневековых монахов, которые, возможно, видели их впервые и с изумлением созерцали громадных животных, круживших около маленькой открытой лодки. А огромный "хрустальный столп", окруженный сетью из "осколков мрамора", так похож на только что оторвавшийся от пака айсберг в обрамлении битого льда, что рассказчик просто не мог бы описать все детали, не опирайся он на личное наблюдение. Даже современному исследователю трудно расшифровать этот образ, если он сам не видел северных айсбергов.

"Плавание" — не просто замечательный средневековый эпос. Перед нами художественная повесть, опирающаяся на факты и наблюдения, смесь географии и литературы, и задача в том, как отделить их друг от друга. Сама по себе такая смесь не должна удивлять. Исследователи эпической литературы знают по опыту, что многие живучие легенды, от "Илиады" до "Романа об Александре", основаны на реальных событиях с реально жившими персонажами, а уж последующие рассказчики не поскупились на вымышленные подробности.

Так где же находилась обетованная земля, которую святой Брендан будто бы обнаружил за клубящимся туманом? Называть ее мифической у нас не больше оснований, чем считать вымышленными остров Кузнецов, Птичий рай, Овечий остров, островной монастырь и другие реалии "Плавания". Текст мало что дает для ее опознания. Когда святой Брендан достиг берегов обетованной земли,

говорит предание, "они вышли из лодки и увидели обширный край с обилием деревьев, увешанных плодами, словно осенью. Они обошли эту землю кругом, а ночь все не наступала. Они брали столько плодов, сколько желали, и утоляли жажду из источников, и сорок дней продолжали исследовать землю, не видя ее конца. Но в один из дней они вышли к большой реке, текущей посреди этого острова. И святой Брендан сказал своим братьям: "Мы не можем пересечь эту реку и не знаем, как велика эта земля". И пока они размышляли об этом, вдруг появился некий молодой мужчина, с радостью их обнял, называя каждого по имени, и сказал: "Благословенны обитающие в вашем доме. Из поколения в поколения станут они приносить вам хвалу".

<http://books.tr200.org> - Скачать бесплатно литературу, книги, журналы и аудиокниги

Сказав это, он обратился к Брендану: "Вот перед вами страна, которую вы так долго искали. Вы не могли найти ее сразу, потому что богу было угодно показать вам разные его тайны среди великого океана. Теперь же возвращайтесь на свою родину, взяв с собой плоды этой земли и столько камней, сколько поместится в вашей маленькой лодке. Последний день ваших земных странствий близок, после чего вас ожидает вечный сон. Пройдет много веков, и эта земля станет известной вашим потомкам в пору, когда христиане будут подвергаться преследованиям. Река, которую вы видите, разделяет этот остров на две части. И как земля эта представляется вам изобилующей плодами, так на нее никогда не ложится тень ночи. Ибо ее озаряет сияние Христа".

Какие факты можно — с осторожностью — извлечь из этого восторженного средневекового описания обетованной земли? Предание говорит о ее большой протяженности, об обилии земных плодов, о пересекающей остров реке. Все эти черты общего характера можно найти во многих районах североамериканского приморья. Но вот что бросается в глаза: сходство с тем, на что прежде всего обращали внимание другие посетители Северной Америки, будь то норманны, писавшие о лесах и диком винограде,

или последующие поселенцы, отмечавшие благоприятный климат для зерновых. Возможно, речь идет всего лишь о совпадении, а может быть, и впрямь до нас дошло переходившее из уст в уста смутное описание туманной страны по ту сторону великого западного океана, в конце ступенчатого маршрута", который так верно и последовательно отображен в "Плавании". Даже явные гиперболы, вроде указания на обилие драгоценных камней, не аргумент против того, что в "Плавании" речь идет о Северной Америке. Христофор Колумб точно так же расписывал Вест Индию, возвратившись в Испанию, и нет ничего удивительного в том, что повествователь наделяет фантастическими богатствами достигнутую святым Бренданом цель долгих исканий. С нашей стороны было бы ошибкой отнести все, что говорится в "Плавании", к разряду вымысла.

Чтобы на родине поведать о своих странствиях, святой Брендан, естественно, должен был в завершение возвратиться из обетованной земли в Ирландию. "Плавание" говорит очень кратко про обратное путешествие: "И, запасшись плодами той земли и всякого рода драгоценными камнями, благословив на прощание эконома и того молодого мужчину, святой Брендан и его братья вернулись к своей карре и подняли паруса в гуще тумана. Пройдя через туман, они подошли к острову, именуемому островом Наслаждений. Здесь они три дня пользовались гостеприимством, после чего, вкусив блаженства, святой Брендан прямым путем возвратился домой".

И для этих строк есть простое и разумное толкование. Выйдя из тумана, карра святого Брендана попала в Гольфстрим и в обширную зону западных и юго-западных ветров, простирающуюся через всю Атлантику вплоть до самой Ирландии. Перед нами логичный восточный маршрут, по которому и теперь ходят не только парусные яхты, но и открытые весельные лодки, уступающие размерами океанской кожаной карре. На всем этом пути дуют попутные ветры, и, пожалуй, стоит отметить, что гребные лодки, стартуя на североамериканском побережье в точках,

отделенных сотнями миль друг от друга, неизменно приставали к берегу Западной Ирландии — там, куда, согласно "Плаванию", вернулся святой Брендан.

Прибыв в свой монастырь, заключает "Плавание", Брендан был встречен с ликованием и "рассказал обо всем, что запало ему в память во время путешествия, о замечательных великих чудесах, кои соблаговолил явить ему бог". Напомнив своим приверженцам о пророчестве, по которому его ожидала скорая кончина, он привел в порядок свои дела, принял обряд причащения и вскоре же, "возлежав на руках своих учеников, отдал душу богу". Так мирно почил самый знаменитый монах мореплавателя кельтской церкви в Ирландии. Но прекратились ли с его смертью ирландские плавания? И здесь за ответом следует обратиться к "Плаванию". Мы не найдем в нем утверждения, что святой Брендан первым дошел до обетованной земли. Напротив, недвусмысленно говорится, что ему об этой земле поведал другой ирландский монах, святой Барринд, уже посетивший ее вместе с регулярно плававшим туда аббатом Мерноком, жителем западного побережья Ирландии. И когда святой Брендан после семи сезонов все еще не может дойти до обетованной земли, эконом с Овечьего острова выступает в роли лоцмана, указывает путь и говорит, что их ждет на этом пути.

И в самой обетованной земле путники встречают живущего там молодого мужчину, который знает имя святого и говорит с ним на его родном языке. Короче говоря, "Плавание" содержит ту же мысль, какую видим у Диквила, в норманских сагах и других источниках той поры: представление об обетованной земле как о крайнем в ряду разбросанных в Северной Атлантике пунктах, последовательно заселенных группками ирландских монахов, плававших на маленьких мореходных судах. В этом контексте путешествие святого Брендана выглядит не столько исследовательской экспедицией, сколько долгим инспекторским объездом, входе которого видный церковный деятель посещает самые удаленные поселения

набожных соотечественников, доходя до пределов океана и всего известного мира.

Кстати, вот и еще один важный момент. В тексте "Плаванья" подчеркивается, что святой Брендан добрался до обетованной земли не с одного захода, а совершил несколько плаваний по сезонам в ходе семилетнего поиска, прежде чем ему указали путь до конечного пункта. В промежутке между смертью святого и временем, когда родилось "Плавание" в дошедшем до нас виде, было вполне естественно включить в повествование о собственном путешествии Брендана впечатления и приключения других ирландских монахов, выходивших на малых судах в Северную Атлантику, и все приписать ему. Обычно эпос так и складывается — главному герою приписывают то, что сделано менее значительными фигурами, так что за его личным свершением на самом деле стоят подвиги многих. И это вовсе не умаляет достижения самого Брендана, а скорее повышает значение его путешествия, потому что оно было символом и примером для последующих монахов мореплавателей. И сохранилось в веках памятником достижениям других, кто выходил в море из Ирландии. Не будь "Плаванья", что знали бы мы об их подвигах? Воплощенный в "Плавании" коллективный опыт — не просто рассказ об одной лодке, вышедшей на поиски обетованной земли. Это главный из дошедших до наших дней источников, повествующих о нации мореходов, которая направляла судно за судном в Северную Атлантику для исследований и регулярных сообщений.

Но отсюда следует, что ирландские плаванья в Атлантике находятся в тесной связи со всей историей исследования человеком его мира. Первопроходцы обычно остаются неизвестными. Их усилия нигде не зафиксированы, а если о ком и писали, то мало кто читает написанное. Много ли, например, было известно за пределами Скандинавии о норманских плаваниях в Гренландию и Северную Америку? А вот ирландские плаванья, описанные в "Плавании", привлекли большое внимание. Благодаря религиозному оттенку предания оно пятьсот лет

пользовалось признанием читающей публики Европы. Тем самым оно помогало разрушать представление о замкнутости обитаемого мира, поощряло ученых мужей размышлять о великой западной стране, а картографов — изображать острова в западном океане. И что самое интересное: средневековые ученые, читавшие предание и верившие в то, что святой Брендан достиг страны на западе, возможно, были правы. Возможно, ирландцы и впрямь — как теперь выяснено нами — могли доходить на своих кожаных лодках до Гренландии и Северной Америки. В таком случае Европа уже очень рано по-своему начала знакомиться с Новым Светом.

Что же за люди были эти монахи, что смело выходили в Атлантику на маленьких лодках? Надо думать, многие из них не возвращались, погибнув в море. Мы на "Брендане" были связаны с внешним миром по радио, и мы знали, что в случае беды к нам поспешат на помощь суда береговой охраны или рыбаки, ведущие промысел в Северной Атлантике. У ирландских монахов на карре таких возможностей не было. Более десятка человек втискивались в лодку, равную величиной "Брендану", что уже обрекало их на куда большие неудобства. Они были больше подвержены холоду, сырости и — в каком то смысле — чувству изоляции, чем мы на "Брендане". Ясно, что это были незаурядные люди даже по меркам сурового средневековья. Их направляла идейная приверженность, которая главным образом и служила причиной успеха. Эта приверженность во многом обуславливала их пригодность для долгих переходов по северным морям на открытых лодках. Сам образ жизни в средневековом монастыре приучал переносить лишения. Скучная пища, сезонные перебои в снабжении, каменные кельи, воздержание, долгие часы скуки, послушничество, умерщвление плоти, строгая дисциплина — все это служило идеальной подготовкой к долгому плаванию на открытой лодке. И не только физически, но и духовно. Если не рядовых участников плаваний, то во всяком случае их предводителей отличало яркое сочетание любознательности и бесстрашной веры во

всевышнего. Эта вера вела их в море и там поддерживала в борьбе с невзгодами. Плавание само по себе почиталось таким же важным, как достижение намеченной цели оно служило проявлением веры в господа, во власти божьего промысла было явить мореходам дивные зрелища и доставить их невредимыми в конечный пункт. Если встречные ветры и течения погонят лодку назад, — стало быть, и на то произволение всевышнего. Если лодка пойдет на дно и команда погибнет, — участь их вдвойне благословенна, ибо они умрут служа господу.

Служение богу в этих плаваниях не следует понимать в современном смысле. Речь шла не о заморских миссиях для обращения язычников в христианскую веру, напротив — ирландские монахи направлялись в неведомые и необитаемые страны за горизонтом, уповая на то, что бог откроет им особый, дивный край, обетованную землю, как удачно выражались в то время. Сам факт достижения этих чужедальних стран был небесным даром, еще большей наградой считалась возможность поселиться там, уединясь от мирских пороков. Во всей истории освоения человеком планеты трудно назвать более сильный позыв к постижению неизвестного, более важный мотив для исследовательских экспедиций, не считающихся ни с какими трудностями. Вполне достаточный мотив, чтобы заставить людей пересечь Атлантику.

"Брендан" показал также, что качество средневекового снаряжения всецело отвечало масштабу задач, которые ставили перед собой монахи мореплаватели. Нам интересно было убеждаться, что изготовленное по средневековым канонам снаряжение на "Брендане" не уступало современному, а порой и превосходило его в суровейших условиях Северной Атлантики. Дерево, кожа и лен нередко оказывались надежнее металла, пластика и нейлона, и уж во всяком случае с ними легче было работать, легче приспособить к повседневным нуждам. А это было чрезвычайно важно на борту нашего маленького суденышка, поскольку мы могли взять с собой лишь небольшой набор инструмента и весьма ограниченное

количество запасных частей. Современное снаряжение служило лучше до той поры, пока не ломалось, тогда как сделанное по старинке, каким бы неуклюжим и малопродуктивным оно ни было, ухитрялось работать в самых неблагоприятных условиях — а это было важнее всего. Похоже, что историкам невдомек, как хорошо были вооружены для своих плаваний средневековые мореходы, располагавшие бронзовой арматурой, отборными сортами леса, кож и льна, а современные мореплаватели забывают про замечательную гибкость и прочность старинных материалов, столь важную в критических ситуациях, без которых в море не обходится.

<http://file.b111.org> - [Скачать бесплатно программы, игры, фильмы, книги, музыку.](#)

Что до личных удобств и питания, то и тут средневековый моряк вряд ли стал бы многое перенимать у современного. Если исключить современное дождевое платье, то шерстяная одежда прошлого — брюки, рубашка, плащ — была лучше нынешней синтетики. А сушеное мясо и рыба, овсяная крупа, фрукты и орехи — самый подходящий провиант для плавания в открытой лодке в условиях холода и сырости, куда более питательный и вкусный, чем нынешние обезвоженные концентраты. Питьевую воду можно было держать в кожаных флягах, пополняя в крайнем случае запас во время характерных для северных широт обильных осадков, когда можно было собирать дождевую воду в умело разостланные кожи. Да и на островах вдоль "ступенчатого маршрута" хватало источников. Море вокруг щедро поставляло рыбу и морскую птицу для пополнения провианта. Святому Брендану и его монахам посчастливилось обнаружить убитого кита и запастись мясом на три месяца, однако нет сомнения, что они могли рассчитывать на свежую провизию на каждом обитаемом острове, куда заходили, и на "ступенчатом маршруте" у них была, так сказать, целая цепочка баз снабжения.

Одна из причин, почему ирландские средневековые плавания не очень принимались всерьез, заключается в том,

что рассказы повествователей прошлого о дальних странах и фантастических чудищах представляются современным критикам наивными, растянутыми, нелепыми и неправдоподобными. На деле виновата не манера письма средневекового автора, а наше современное восприятие опыта прошлых веков. Куда как легко третировать такие повести как ребяческие и никчемные с высоты нашего современного знания. Однако "Брендан" научил нас смотреть на них иначе. Помог нам понять их, перенеся в условия, аналогичные тогдашним. Встреченное нами в море много раз вызывало у нас восхищение, а то и благоговение. Некоторые эпизоды крепко запомнились, потому что яркое зрелище сочеталось с острым чувством физической опасности. Так было, когда "Брендан" сквозь туман и приливный сулой подходил к голым громадам фарерских скал и надолго останется в памяти длительный поединок с льдинами у Лабрадора, поражающими красотой цветовой гаммы.

И еще воспоминания... Прелесть неспешных северных закатов. Или сырой расплывчатый мир гренландских туманов, где зрение сосредоточивалось на крохотных близких объектах, вроде искристых капель на шерстяном свитере. Или такое чудо, как внезапно первое появление гринд, когда целое стадо вдруг всплыло вокруг кожаной лодки, пыхтя и кувыркаясь, и куда ни погляди — мелькают бока наших морских провожатых. Можно читать про такие вещи, можно мысленно представлять их себе, знакомиться с отличными фотографиями — все равно действительность превосходила все ожидания, заставляя волноваться детей XX века. Так насколько же сильнее должны были восприниматься подобные сцены средневековыми мореплавателями, жаждавшими лицезреть чудеса господни. По сути, даже их цветистая проза не передает всего великолепия виденного что же удивительного в том, что они, возвратившись домой, рассказывали о пережитом с таким восторгом и такими преувеличениями

Правильное понимание средневекового взгляда на жизнь — вот один из самых ценных уроков, преподанных

нам "Бренданом". Когда мы для специалистов по истории мореходства оценивали поведение нашей кожаной лодки в океане, это понимание служило необходимым дополнением к более научным данным, как-то: лабораторные испытания льна и дубленой кожи, ход на веслах и на буксире для проверки теоретических возможностей карры, ежедневные записи о ветрах и волнении, сносе и пройденных милях. И ничуть не меньше весил урок, почерпнутый нами в современности: с того момента, как в Брандон Крике началось наше плавание, до финиша на Ньюфаундленде нам посчастливилось общаться с существующими и в наши дни общинами мореходов по берегам Северной Атлантики.

Когда мы от острова Пекфорд направились к маленькому рыбному порту Масгрейв, нас эскортировали возвращавшиеся с лова местные рыбаки. Подойдя к входу в гавань, мы увидели, что пристань заполнена встречающими. Они прибыли сюда из близлежащих поселков, из разбросанных по берегам залива домиков. И они приветствовали нас, крича и махая руками, с таким же искренним энтузиазмом, с каким встречали "Брендан" на всем его пути.

Когда мы пришвартовывались рядом с рыболовными судами, в числе первых, кто прыгнул к нам на борт, был представитель местной общественности. Как мы смотрим на то, чтобы принять участие в небольшом празднике? Конечно, примем. Весь следующий день жены рыбаков были заняты переработкой добытого их мужьями. В общий котел пошли горы омаров и крабов, пирожки с лакомой начинкой из языков трески.

Сидя вечером за длинным столом, ломаясь от яств, я думал о том, как же нам везло с людьми на всем долгом пути до Нового Света. Их поддержка помогла осуществить задуманное, и сколько добрых воспоминаний оставили у нас заходы на острова в Северной Атлантике

В это время самодеятельный оркестр — три рыбака — стал исполнять местные песни, многие из которых основаны на ирландских народных мотивах, привезенных в прошлом веке на Ньюфаундленд выходцами из Ирландии. Начались

пляски. Слушая вихревые мелодии и любясь непринужденным весельем танцоров, я размышлял о том, что ожидало нас впереди. Джордж вернется домой в Англию, к своей жене Джудит, и будет подыскивать себе новое занятие, совсем не похожее на роль штурмана на "Брендане". Трондур вылетит на Фареры, доведет до конца работу над своими зарисовками и снова займется скульптурой. Артур, все такой же легкий на подъем, собирался совершить путешествие по США и Канаде. Мне предстояло разобраться в материалах плавания и подвести итоги, сидя за своим рабочим столом и в библиотеках, где столько месяцев назад совершалась подготовительная работа.

Было самое время задать себе вопрос, который непременно будут снова и снова задавать мне в будущем: "Зная, какие трудности и невзгоды ждут вас, пошли бы вы снова в такое плавание?" Что до меня лично, я не сомневался. Если плавание обогатит нас знаниями, если поможет лучше понять прошлое и если нам от самого начала до конца будет сопутствовать такой же энтузиазм, такая же поддержка — и везение, — мой ответ: "Да".

Приложения

Приложение 1. "Плавание"

До наших дней дошло столько различных рукописей "Плавания Святого Брендана, Аббата" ("Навигацио Санкти Брендани, Аббатис"), что американцу Карлу Селмеру понадобилось почти 30 лет, чтобы разыскать их. И то он не уверен, что нашел все. Тем не менее, мы должны быть искренне признательны этому ученому за его кропотливый труд по созданию столь необходимого всеобъемлющего издания "Плавания" на латинском языке. Он использовал 18 из примерно 120 рукописей "Плавания" для своего компилятивного варианта, который был опубликован в 1959 году в IV выпуске "Публикаций по истории средних веков" издательством "University of Notre Darnel Press"

До работы Селмера у специалистов, занимающихся изучением "Плавания", по сути дела, не было обобщенного латинского текста рукописи. После выхода его труда появились переводы на английский язык в книге "Жизнь святых" (издательство "Пингвин Букс", 1965) и в "Путешествии святого Брендана", подготовленном профессором Джоном О'Мирюм из дублинского университета (1976). Эти переводы, особенно последний, точно передают своеобразие оригинала, сохраняя все нюансы религиозных, научных и мореходных представлениях того времени. Ниже приводится лишь краткий пересказ "Плавания" сохраняющий "скелет" повествования и передающий основную фактологическую канву этого замечательного, смелого морского предприятия.

Текст

Глава 1. Святой Брендан жил в Клонферте, возглавляя там общину из 3000 монахов, когда его посетил монах по имени Барринж Барринд. Он рассказал Брендану о том, как он посетил святого Мерном, который был его учеником, потом стал отшельником, а теперь он настоятель монастыря на одном из прибрежных островов. Святой Мернок

предложил Барринду совершить путешествие на лодке по земле обетованной. Плывя на запад, они прошли сквозь полосу густого тумана и достигли большой земли, богатой плодами и цветами. Пятнадцать дней бродили они по этой земле, пока не достигли реки, текущей с востока на запад. Здесь их встретил человек, который сказал, чтобы они не шли дальше, а возвращались домой. Человек сказал, что остров этот существует с начала мира и что они на нем пребывают уже год, не испытывая нужды ни в еде, ни в питье. Этот человек проводил путников к их лодке и, когда они сели в нее, исчез. Путешественники направились домой и, вновь пройдя сквозь полосу тумана, прибыли к монастырю святого Мернока. Здесь монахи сказали Барринду, что святой Мернок часто ходит к земле обетованной и подолгу там пребывает.

Глава 2. После того как Барринд возвратился к себе в келью. Брендан собрал четырнадцать монахов своей общины и сказал, что он страстно возжелал посетить землю обетованную. И все сразу же согласились сопровождать его.

Глава 3. После поста святой Брендан и его спутники посетили остров святого Энды (Ининшор, Аранские острова), чтобы получить его благословение, и пробыли там три дня.

Глава 4. Затем Брендан и его монахи поставили шатер у устья небольшой реки под горой, известной под именем Обиталище Брендана. Здесь они построили лодку, обтянув деревянный остов бычьими кожами, дубленными настоем дубовой коры, и промазали все швы жиром, чтобы не пропускали воду. В лодке они установили мачту, натянули паруса, поставили руль, погрузили припасы на сорок дней, запасные кожи и жир для их смазки.

Глава 5. Только они собрались отплыть, как к ним подошли три монаха и попросили взять их с собой. Брендан согласился, но предупредил, что двоих из них ожидает ужасная судьба, да и третий не вернется домой.

Глава 6. Они плыли на запад пятнадцать дней, но в безветрие сбились с курса, и подувший затем ветер прибил лодку к высокому скалистому острову, с утесов которого низвергались потоки воды. С большим трудом отыскивали они

маленькую бухту, подобную расщелине, изошли на берег. Выбежавшая навстречу собака показала им путь к их селению, где они нашли ночлег и провели три дня. За это время они никого не видели, но всегда находили приготовленную для них пищу.

Глава 7.Когда они уже собирались покинуть остров, один из монахов, приставших к Брендану последними, задумал присвоить себе серебряную уздечку, которую он нашел. Брендан стал отчитывать его. В это время маленький дьявол выскочил из груди монаха, и тот упал мертвым.

Глава 8.Как только они вошли в лодку, появился молодой человек с корзиной хлебов и с кувшином воды, передал все это монахам и предупредил, что их путешествие будет долгим.

Глава 9.Следующая земля, к которой они пристали, была островом с множеством больших рек, изобилующих рыбой. Называлась она Овечьим островом, поскольку стада отличных белых овец круглый год бродили по ней, предоставленные самим себе. Здесь путешественники пробыли от великого четверга до великой субботы на страстной неделе. Житель острова принес им пищу и предсказал, что в первый день пасхи они посетят остров, лежащий неподалеку, а затем ступят на берег третьего острова по пути на запад. Он также расположен недалеко и носит название Птичьего рая. Там они пробудут до троицына дня.

<http://mirjurnalov.com> - Скачать журналы бесплатно

Глава 10.Ближайший остров был каменистый и без травы. Подойдя к нему и вытащив веревками лодку на берег, монахи развели огонь, чтобы приготовить себе пищу из мяса, привезенного с Овечьего острова. Но когда вода закипела, остров начал трястись и двигаться, и монахи в страхе, толкая друг друга, бросились в лодку. И увидели они, как "остров" поплыл в море, а огонь все еще горел на нем. И Брендан сказал своим спутникам, что "остров" этот был самой большой рыбой в океане, называемой Ясконий.

Глава 11.Теперь монахи прошли через узкий пролив к Птичьему раю, лежащему к западу от Овечьего острова. Они

протащили свою лодку на полтора километра вверх по узкому ручью до самого его истока. Здесь они увидели громадное дерево, на котором сидело множество белых птиц. Одна из них совсем не боялась людей, она опустилась на лодку и сообщила Брендану, что птицы на острове — это души усопших и что святой Брендан пребудет семь лет в поисках, прежде чем достигнет земли обетованной. Во время вечерней и других молитв птицы пели церковные гимны и псалмы. Путешественники пробыли на Птичьем рае некоторое время, питаясь приношениями, которые доставлял им келарь, или эконоом, тот самый человек, который приносил им пищу и на Овечьем острове. Он принес также свежей воды и предупредил, чтобы они не пили из источника, ибо тогда они заснут.

Глава 12. Три месяца они плыли, видя только море вокруг и небо над головой. Они так устали, что когда вновь увидели землю, то едва смогли выгрести против встречного ветра, чтобы добраться до нее. Найдя удобный для причаливания клочок, они наполнили сосуды водой из двух родников. В одном вода была чистая, в другом — мутная. Здесь их встретил степенный седобородый старец и привел к монастырю, находившемуся в двухстах шагах от места их высадки. Одиннадцать монахов-молчальников, держа в руках кресты и святые реликвии, приветствовали путешественников пением гимнов. Они обняли прибывших, а настоятель омыл им ноги. Затем все сели за трапезу, состоящую из сладких корнеплодов и белого хлеба. Настоятель, нарушив обет молчания, объяснил Брендану, что хлеб этот чудесным образом появляется в монастырских ларях, а лампы в часовнях никогда не выгорают. В монастыре никогда не едят вареной пищи, и монахи, которых всего двадцать четыре, не стареют. После трапезы Брендану показали церковь, где по кругу были расположены двадцать четыре места для сидения и прямоугольные сосуды из хрусталя. И сама церковь была прямоугольная. После службы прибывших монахов расселили по кельям, а Брендана настоятель пригласил присутствовать при чудесном зажжении лампад. Пока они

ожидали чуда, настоятель рассказал Брендану, что живут они на острове свыше восьмидесяти лет, за это время ни разу не слышали человеческого голоса, между собой объясняются только жестами, никто из них никогда не болел и не был отягощен мирскими соблазнами. Внезапно в окно влетела огненная стрела, коснулась лампад и зажгла их, после чего так же внезапно вылетела наружу.

Глава 13.Брендан и его монахи провели рождество в общине святого Эйлбе, а на восьмой день после богоявления вышли в море и шли под парусом и на веслах до великого поста. Запасы пищи и воды кончились, и путешественники сильно бедствовали. Но через три дня они подошли еще к одному острову, где нашли родник с чистой водой, вокруг которого было много растений, а в речке, текущей к морю, плавала рыба. Они собрали съедобные растения и корнеплоды, но от воды из родника некоторые из них погрузились в глубокий сон, кто на три дня, кто на два, а кто на один день. Святой Брендан прочитал над ними молитву и, когда они очнулись, сказал, что всем надо покинуть остров. Взяв с собой лишь немного воды и рыбы, они продолжили путь на лодке, направляясь на север.

Глава 14.Через три дня ветер стих и море было таким гладким, что вода словно загустела. Брендан велел убрать весла и положиться на милость божью. Двадцать дней они дрейфовали бесцельно, пока не подул западный ветер и не погнал лодку на восток.

Глава 15.Ветер отнес их назад к Овечьему острову, где на том же месте, что и год назад, их радостно приветствовал эконоом. Он поставил для них шатер, подготовил все для омовения, раздал новые одежды. После празднования великой субботы и вечерней трапезы он сказал им, чтобы они снова шли к киту для празднования воскресения Христа, а затем направились к Птичьему раю. Пока они будут там, он сам будет доставлять им хлеб и воду. Так они и поступили. Побывали на ките, затем прибыли на Птичий рай и слушали там пение птиц. Эконом сказал Брендану, что семь лет им предстоит совершать одно и то же — великий четверг проводить на Овечьем

острове, пасху встречать на ките, от пасхи до троицына дня находиться на Птичьем рае, а на рождество быть в общине святого Эйлбе. Так оно и вышло, и эконоом приносил им пищу до той поры, пока не настало время покинуть Овечий остров.

Глава 16. После сорокадневного плавания в океане они встретили громадное чудовище. Исторгая ноздрями пар и бороздя воду, оно несло на них с огромной скоростью, словно собираясь сожрать всех, Испуганные монахи зывали к богу, но Брендан успокоил их. Морское чудовище подплывало между тем все ближе, гоня перед собой большие волны, которые дошли до лодки, и монахи впали в отчаяние. Но в это время другой могучий зверь появился с запада. Он проплыл рядом с лодкой, набросился, исторгая пламя, на преследовавшее их громадное чудовище и на глазах монахов разорвал его на три части, а затем уплыл туда, откуда появился.

Однажды путешественники увидели очень большой лесистый остров. Высадившись на него, они наткнулись на остатки туши мертвого животного. Брендан сказал, что это можно есть. Поставив шатер, они отрезали мяса, сколько могли унести. В южной части острова нашли источник с чистой водой и собрали много растений, пригодных для еды. Ночью какие-то животные — они не видели какие — доели все, что осталось от морской твари, и к утру на берегу только белели кости.

Три месяца штормы, сильные ветры, град и дожди не давали возможности монахам покинуть остров. Однажды к берегу прибило мертвую рыбину, и они съели часть ее, и святой Брендан сказал, чтобы они сохранили остальную часть, положив ее в соль, ибо погода улучшится, прибой и волны уgomонятся, так что они смогут продолжить путешествие.

Наконец, погрузив запас воды и пищи и набрав достаточно трав и корнеплодов, монахи спустили лодку на воду, подняли парус и взяли курс на север.

Глава 17. Однажды они подошли к плоскому острову, который едва возвышался над водой. На нем не росли

деревья, но весь он был покрыт пурпурно-белыми плодами. По острову брели три хора: один из мальчиков в белых, другой из юношей в голубых, третий из старцев в пурпурных одеждах. На ходу они распевали гимны. Карра Брендана пристала к острову в десять часов утра, а в полдень, в три часа дня и во время вечерни хоры пели соответствующие псалмы. Когда кончилось пение, светлое облако окутало остров и скрыло хористов. Следующее утро выдалось безоблачным, хоры опять пели гимны, а после литургии двое из хора юношей принесли к лодке корзину, наполненную пурпурно-белыми плодами.

Юноши предложили второму из тех монахов, что пришли к Брендану позже, присоединиться к ним. Брендан выразил свое согласие, и этот монах остался вместе с хором юношей, когда карра снова вышла в море. В три часа путешественники съели один из плодов, принесенных юношами. Все плоды были совершенно одинаковыми, размером с большой мяч, очень сочными и вкусом напоминали мед. Брендан выжал из одного плода сок и напоил монахов. Одного плода хватало человеку на двенадцать дней пропитания.

Глава 18. Спустя несколько дней над лодкой пролетела большая птица, держа в клюве ветвь незнакомого дерева. Птица уронила ветвь, и та упала на колени святого Брендана. На конце ветви была кисть ярко-красного винограда, каждая ягода размером с яблоко. Монахи ели виноград, и его хватило на восемь дней. Затем они провели три дня без пищи. Наконец они увидели остров, покрытый деревьями, на которых росли те же плоды. Воздух был напоен запахом плодов граната. Сорок дней они пробыли на острове, поставили шатер, собирали плоды, а также всякого рода растения и коренья, росшие поблизости от ручьев.

Глава 19. Когда они с запасом плодов плыли наугад, на лодку напал летающий грифон. Но, как только он нацелился на них своими когтями, появилась та самая птица, что принесла им виноград, прогнала грифона и вырвала ему глаза. Грифон поднимался все выше и выше, пока не был убит и упал в море. Затем птица избавительница улетела.

Глава 20. Вскоре после этого путешественники снова прибыли в общину святого Эйлбе и провели в ней рождество. Потом они долго плавали по океану — от великого четверга до троицына дня, заходя, как и прежде, на Овечий остров и Птичий рай.

Глава 21. Однажды во время этих переходов, в день святого Петра, они обнаружили, что вода в океане такая чистая и прозрачная, что на песке видны различные рыбы, словно стадо коров на пастбище. Они лежали кольцами — голова к хвосту. Когда Брендан запел, рыбы поднялись к лодке и плавали вокруг нее, и огромный косяк занял все видимое пространство. Когда месса закончилась, рыбы поспешно уплыли. Восемь дней прошло, прежде чем монахи пересекли полосу моря с прозрачной водой.

Глава 22. В другой раз они увидели в море высокий столп, до которого, казалось, совсем недалеко, однако потребовалось три дня, чтобы приблизиться к нему. Столь высокий, что Брендан не мог видеть вершину его, столп был окружен сетью с крупной ячейей, такой крупной, что лодка проходила сквозь нее. Стенки ячеей были серебристого цвета, но тверже мрамора. Сам столп был из блестящего хрусталя. Убрав мачту с парусом и весла, монахи протолкнули свою лодку сквозь ячею. Нижняя часть ее, как и столпа, уходила далеко в воду. Вода была прозрачна как стекло, и солнечный свет пронизывал ее насквозь.

Святой Брендан измерил ячею. Каждая ее сторона была около двух метров. Затем они проплыли вдоль одной из сторон столпа, который оказался квадратным. Длина его стороны, как измерил святой Брендан, была семьсот метров. В тени столпа они все равно чувствовали солнечное тепло. На четвертый день они увидели в боковой нише столпа хрустальные чашу и тарелку.

Закончив измерения, святой Брендан предложил своим спутникам подкрепиться. Затем монахи, отталкиваясь от стен ячеей, вывели лодку на открытую воду, подняли мачту и парус. Дальше они шли на север восемь дней.

Глава 23. На восьмой день они подошли к неровному каменистому острову без травы и деревьев, с множеством

шлака и кузнечных горнов. Брендан был встревожен, но ветер гнал лодку прямо на остров, и они услышали гул кузнечных мехов и удары молотов по железу и наковальням. Один из обитателей острова вышел из кузницы, увидел лодку и повернул обратно. Брендан велел спутникам грести изо всех сил в помощь парусу, чтобы уйти от этого острова. Не успел он договорить, как островитянин снова вышел из кузницы и метнул в них большой кусок раскаленного шлака. Тот пролетел в двухстах метрах над ними, и там, где он упал в море, оно вскипело, и дым поднялся, как над пылающим горнилом. Когда лодка отошла на милю, на берег выбежали еще несколько островитян и начали кидать в монахов куски шлака. Казалось, весь остров объят огнем. Море кипело, воздух наполнился гулом, и, даже когда остров скрылся из виду, все еще чувствовался сильный смрад. Брендан сказал, что они очутились на краю ада.

<http://jurnal.tr200.net> - Скачать журналы бесплатно

Глава 24. В один из дней они сквозь облака на севере увидели гору, окутанную дымом. Ветер быстро гнал туда лодку, и у самого берега они сели на мель. Перед ними стеной высилась скала, черная, как уголь, и такая высокая, что они не видели ее вершины. Третий из монахов, пришедших к Брендану последними, выпрыгнул из лодки и пошел к основанию скалы, крича, что он не в силах повернуть обратно. Его схватили демоны, и на глазах товарищей он был объят пламенем. Пользуясь благоприятной переменой ветра, они снялись с мели и, оглянувшись, увидели, что гора уже извергает не дым, но пламя, которое вздымалось вверх и опадало, так что вся гора уподобилась погребальному костру.

Глава 25. Плывя на юг, они через семь дней увидели странную картину: на скале сидел человек, перед ним на каком-то железном устройстве висел его плащ. Волны с силой бились о скалы, захлестывая подчас голову человека. Ветер трепал плащ, так что полы его хлестали по лбу и глазам сидящего. Брендан спросил, кто он, и тот ответил, что он Иуда и по святым дням всевышний освобождает его от мук ада в Огненной горе, позволяя сидеть на этой скале.

Вечером над морем появились бесчисленные демоны, они кружили над скалой и кричали Брендану, чтобы он уплывал прочь. Брендан упорствовал, но демоны вынудили лодку уйти. Проводив ее, они повернули обратно и с громким завыванием подхватили Иуду и стремительно поднялись с ним вверх.

Глава 26.Еще через три дня, двигаясь к югу, святой Брендан со спутниками подошли к небольшому круглому острову, примерно в двести метров по окружности. Отвесные голые скалы, похожие на кремень, не позволяли высадиться. В конце концов, они все же присмотрели узкий выступ, на котором едва поместился нос лодки. Сойдя на берег, Брендан взобрался на самую высокую гору острова. Там на восточной стороне он увидел две пещеры, расположенные друг против друга. У входа в одну из них протекал маленький ручей с чистой водой. В этой пещере жил древний отшельник, закутанный в собственные седые волосы и бороду. Он сказал святому Брендану, что когда-то был монахом в монастыре святого Патрика. После смерти святого дух его повелел этому человеку отправиться в море на лодке, и лодка сама доставила его к этому острову. Тридцать лет жил он здесь без укрытия, питаясь рыбой, которую каждый третий день приносила ему выдра, она же приносила и топливо. Затем он обнаружил эти две пещеры и ручей и вот уже шестьдесят лет живет тут, а всего ему сто сорок лет. Отшельник посоветовал Брендану запастись водой из ручья, так как ему предстоит плыть сорок дней без остановки, пока он снова не попадет к Овечьему острову и Птичьему раю. После этого он будет сорок дней плыть до земли обетованной, пробудет там сорок дней, а затем бог благополучно доставит его в Ирландию.

Глава 27.Получив благословение древнего отшельника, Брендан и его монахи поплыли на юг. Долго их носило по волнам туда и сюда. Еды у них не было, и принимали они одну лишь воду, запасенную на острове. Наконец в великую субботу они опять подошли к Овечьему острову. Здесь эконоом встретил их, помог каждому выйти из лодки и накормил. Затем он вместе с ними сел в лодку, и они

направились к киту Ясконию и высадились на нем. Кит перевез их на остров Птичий рай. Эконом велел им наполнить сосуды водой, ибо теперь он будет плыть вместе с ними и указывать путь. Без его помощи, сказал он, они не достигнут земли обетованной.

Глава 28.Святой Брендан, эконом и монахи вновь вернулись на Овечий остров, чтобы взять припасы для сорокадневного путешествия. Затем они плыли сорок дней на восток. Эконом стоял на носу лодки и указывал путь. Через сорок дней вечером лодка вошла в такой густой туман, что они едва могли видеть друг друга. Эконом сказал Брендану, что такой туман вечно окутывает землю, которую Брендан искал семь лет. Через час они увидели яркий свет, и лодка подошла к берегу. Монахи высадились на землю обширного края, где было много деревьев, увешанных спелыми плодами. Они стали кружить по этому краю, а ночь все не наступала. Они ели плоды, и утоляли жажду из источника, и сорок дней продолжали исследовать этот край, не видя его конца. Но затем они вышли к большой реке, и Брендан сказал, что сами они не смогут ее перейти и не ведают, как велик этот край. Тут к ним подошел некий молодой мужчина, обнял их, назвал каждого по имени и сказал Брендану, что бог продлил их поиск, ибо ему было угодно открыть им разные его тайны среди великого океана. Он предложил им застись плодами и драгоценными камнями и возвращаться домой, так как кончина Брендана близка. Объяснив, что река делит остров на две части, он сказал им, что земля эта станет известна преемникам святого Брендана, когда христиане будут подвергаться преследованиям.

Брендан собрал образцы плодов и драгоценных камней, попрощался с экономом и отправился в путь. Пройдя через туман, они подошли к острову Наслаждений, где остановились на три дня у настоятеля монастыря, после чего Брендан вернулся домой, в свою общину.

Глава 29.Община с ликованием встретила Брендана, и он рассказал обо всем, что запало ему в память за время путешествия. В заключение он сказал о пророчестве

молодого человека в обетованной земле, по которому его ожидала скорая кончина. Пророчество сбылось. Вскоре после того как святой Брендан закончил все приготовления и принял обряд причащения, он умер в окружении своих учеников и отдал душу богу. Аминь.

Приложение 2. "Плавание" и "Брендан"

Путешествие Брендана в какой-то степени напоминает детективную историю. Можно представить себе средневековый текст "Плавания" как свод улик, дающих повод заподозрить, что совершено уголовное преступление. Под "преступлением", естественно, подразумевается открытие Северной Америки за несколько веков до общепринятой даты, а в роли подозреваемых выступают монахи-мореплаватели раннехристианской Ирландии. Метод расследования — хорошо известная в детективном жанре реконструкция действий подозреваемых: постройка копии кожаной лодки, чтобы, проследив цепочку улик в Северной Атлантике, проверить физическую возможность этих действий и попытаться раскрыть мотивы и методы подозреваемых.

Лучшие детективы (в книгах, по крайней мере) начинают с того, что пытаются точно определить время совершения преступления, Здесь историк-детектив, изучающий путешествие святого Брендана, должен быть осторожным. Если путешествие (путешествия) было предпринято ирландцами-христианами, как это явствует из христианских мотивов и стиля изложения "Плавания", то самой ранней датой его может служить время после обращения Ирландии в христианство (начало V века) Вряд ли плавание (плавания) могло состояться до времени жизни самого святого Брендана (489–570 или 583 годы). Ну, а наиболее поздний срок путешествия, разумеется, — время создания "Плавания". Но как его определить? Мнения ученых, занимавшихся этими вопросами, сильно расходятся. Самые осторожные считают, что минимум три из дошедших до нас рукописей "Плавания" относятся к X веку. Но ведь это возраст письменных текстов, само же предание, несомненно, куда старше. Есть мнение, что оно создано в IX веке, а профессор одного из дублинских институтов Джеймс

Карней, видный специалист по кельтской истории, внимательно изучавший эту проблему, склонен отодвигать этот срок намного назад. Он утверждает, что "Плавание" в том виде, в каком мы его знаем, было записано на латыни около 800 года, а более примитивная версия, вероятно, существовала при жизни святого Брендана. Он даже нашел указания на то, что самого святого Брендана почитали творцом поэтических произведений.

Ученых-литературоведов можно сравнить с судебными экспертами, призванными помочь историку-детективу. Совершенно ясно, что их разногласия в датировке "Плавания" не играют существенной роли: если даже принять самую позднюю дату, все равно описание земли обетованной в "Плавании" старше любых известных норманских упоминаний о Новом Свете. А потому вопрос, достигали ли ирландцы Северной Америки раньше Лейва Эйрикссона, вполне заслуживает изучения.

Традиционно следующий шаг в действиях детектива — оценка перечня улик как таковых. Для "Плавания" это означает, что необходимо решить, достаточно ли надежен текст, чтобы на его основе проводить всестороннее расследование предполагаемого путешествия святого Брендана. Прежде всего остановимся на согласованности различных рукописей "Плавания" в той части, которая интересует следствие. Примечательно, сколь мало расходятся между собой тексты, если учесть, что до нас дошло около 120 рукописей на латыни, не говоря о других языках. Можно сказать и так: свидетель снова и снова повторяет свои показания и ни разу не сбивается. Тем не менее детектив и здесь должен быть осторожен. Известно, что средневековые рукописи не могут служить надежным источником географических и исторических свидетельств. Обычно в подобных текстах мало подробностей, а если они и есть, то бывают противоречивы и неточны. Ведь такие рукописи, как "Плавание", не создавались в качестве практического руководства по мореходству или адмиралтейской лоции. Поэтому историк-детектив должен отцеживать все, что относится к религии, аллегориям и

мистике, и в то же время быть начеку, чтобы не просмотреть полезные крупницы фактической информации. Это особенно наглядно проявляется в том, какое место занимают в "Плавании" цифровые показатели и компасные румбы. Таких сведений здесь больше, чем в большинстве современных "Плаванию" текстов. Приводятся количество дней, затраченных на прохождение различных участков пути, численный состав экипажа в разное время, даты отплытия и прибытия, даже расстояние, отделяющее островной монастырь от гавани. Но цифры, приводимые в древних рукописях, весьма условны. Они прежде всего искажаются при пересказах и переписывании текстов. К тому же средневековые авторы часто склонялись к числовой символике: цифра 3 содержала намек на троицу 12 — на апостолов, а излюбленное "сорок дней", постоянно встречающееся в "Плавании", означало "очень долго". Вот почему придирчивый следователь обязан искать цифры, лишённые такой символики, да и то полагаться на них только в том случае, если они как-то согласуются с контекстом. Это относится и к компасным румбам в "Плавании". Частое указание курсов, которыми следовали монахи на своей кожаной лодке, можно только приветствовать. Однако и тут переписчику ничего не стоило ошибиться, написать "south" вместо "north" и т. д. И в этом случае главный способ проверки — соответствие румба контексту, да и то не следует спешить с выводом. Так, критики указывают, что, когда святой Брендан отправляется в последний и успешный переход к земле обетованной, в "Плавании" говорится, что он отплывает от одного из атлантических островов курсом на "восточный берег" — то есть на восток. Стало быть, заявляют они, монахи шли через Атлантику не в западном направлении, а совсем наоборот. Но эта критика неправомерна. Представление о том, что земля обетованная далеко на западе, за океаном, проходит через весь текст. Так определено ее местонахождение в первой главе "Плавания", и когда святой Брендан на специально построенной карре выходит на поиски этой земли, он плывет на запад, в

сторону "летнего солнцестояния". А обнаружив землю обетованную и возвращаясь домой, он плывет через море прямо и высаживается на западный берег Ирландии, очевидно подойдя к нему с запада. Вообще, весь контекст и суть повествования говорят о том, что земля обетованная находится на западе, из чего и следует исходить, переводя средневековые обороты на современный язык. В таких случаях могут помочь реконструкции, вроде путешествия на "Брендане". При удачном исходе практического эксперимента детали текста, подобного "Плаванию", приобретают освещение, которого иным путем не получишь. Так, наше плавание в 1976 и 1977 годах не только доказало сам факт, что вполне возможно, следуя суровым северным маршрутом, пересечь Северную Атлантику на кожаной лодке, построенной по средневековому образцу, но и определило критерии для оценки предания о древнем плавании. Полученные нами результаты весьма интересны. Начну с того, что самый дух средневекового повествования всецело подтверждается тем, что испытали мы на "Брендане". Автор "Плавания" несомненно знал — как это знаем мы теперь, — что представляет собой плавание на океанской карре. Он знал, что невозможно идти на веслах против ветра в лодке, сидящей на воде так высоко, что встречный ветер гонит вас к опасному берегу, как бы вы ни старались свернуть в сторону. И, читая в "Плавании", как большая карра пристаёт к берегу или как команда святого Брендана тащит лодку веревками вверх по мелкой речке, мы теперь знаем, что это такое и что эти маневры были вполне выполнимы. Даже такой эффектный эпизод в "Плавании", как встреча с айсбергом — плавающий "столп из хрусталя", — повторился в путешествии на кожаной лодке XX века. Конечно, мы не ожидали, что придется отталкиваться от льдины, пробиваясь на "Брендане" через разреженный пак у Лабрадора. Когда же возникла такая необходимость, невольно вспомнилось описание того, как монахи святого Брендана проталкивали свою лодку сквозь "сеть" из "мрамора", чтобы рассмотреть айсберг вблизи. В этом случае наша реконструкция не только позволила

проверить ранее не исследованную деталь, она выявила момент, который прежде не принимали в расчет. То же можно сказать о запасе кож и жира, взятом с собой святым Бренданом. Мы понимали, что нам придется заново промазывать обшивку "Брендана", что и было сделано в Исландии. А без запасных кож, которые пошли на волноотражатель, у восточной Гренландии нас вполне могло захлестнуть волнами, и мы бы пошли ко дну. Пожалуй, будет верно заключить, что любая практическая деталь средневекового текста, какой бы мелкой она ни казалась, заслуживает внимания. Такой эксперимент, как плавание на "Брендане", может что-то дать и в чисто научном смысле. Мы лучше уяснили некоторые вопросы средневекового мореплавания. С экипажем в 4-5 человек "Брендан" был постоянно недоукомплектован. Надо думать, команда святого Брендана в 14 человек (эта цифра, явно свободная от символики, выглядит вполне реальной) лучше нас могла идти на веслах. Тем не менее из "Плавания" следует (да и мы сами в этом убедились), что большие океанские переходы в северных водах лучше совершать под парусом. Средневековый моряк, особенно монах, возможно, был более дисциплинирован и терпелив, но у него хватало ума, чтобы в бурных водах вдали от суши предпочесть веслам парус. Мы отважимся также предположить, что океанская карра (и, вероятно, другие неуклюжие древние суда) могла проходить в дальнем плавании в среднем 40-60 миль в сутки. Возможно, при идеальных условиях, с крепким попутным ветром, более легкое судно с опытной командой могло в отдельном случае покрыть и 150 миль, но говорить о суточных переходах в 200 миль было бы чересчур. И если судить по нашему опыту, то на маршруте по дуге большого круга путевые расстояния увеличиваются за счет отклонений на 40 процентов. Зато плавание на "Брендане" подтвердило правоту тех, кто утверждает, что новые открытия могли быть следствием того, что сильные ветры сносили древние лодки с намеченного курса. Когда мы в июле 1976 года задумали пройти от Фарерских островов до Исландии, несколько дней дули такие сильные восточные

ветры, что нас отнесло бы к самой Гренландии, если бы мы не легли в дрейф, приняв особые меры, чтобы состоялась намеченная высадка в Исландии, где мы должны были пополнить наши запасы. Что касается географических сведений, содержащихся в "Плавании", то нам удалось вписать в контекст пункты, которые предположительно отождествляются с пунктами, упоминаемыми в средневековом тексте, а именно: Фареры (Овечий остров), Микинес или Вагар там же (Птичий рай), южная Исландия (область огнедышащей горы и острова Кузнецов, метавших шлак). "Столп из хрусталя" отождествляется с айсбергом, великая рыба Ясконий — с любопытными китами. Более новым, пожалуй, явился установленный в плавании факт, что господствующие летом ветры позволяют осуществить в логической последовательности упомянутые заходы в Северной Атлантике. А также, что в каждом случае предания об ирландских посещениях наложили свою печать как на местный фольклор, так и на современные археологические исследования. И разве не показательно полное совпадение моментов современного путешествия с тем, что сообщает древнее предание. Единичное отождествление какого-то из заходов святого Брендана с ныне известным пунктом малоубедительно, когда же перед нами несколько таких отождествлений, вряд ли можно говорить лишь о простом совпадении.

<http://kino.tr200.ru> - [Фильмы, мультфильмы, видеоролики скачать](#)

В то же время мы не ожидали, что наше путешествие позволит определить каждый пункт, упомянутый в "Плавании". Некоторые из них слишком нечетко описаны, чтобы их можно было опознать, другие находились в стороне от нашего пути. Вообще, если "Плавание" (что весьма вероятно) представляет собой сплав нескольких путешествий, совершенных не одним Бренданом, а и другими монахами, естественно допустить, что некоторые пункты помещались за пределами нашего маршрута. Но главные направления, о которых идет речь в "Плавании", —

север и запад, и наше путешествие показало, что эти курсы приводят кожаную лодку в Америку.

Еще один вопрос, возникший после плавания "Брендана", касается норманнов. В сагах есть три указания — хотя и весьма туманных — на ирландские связи с Новым Светом. В "Саге об Эйрике Рыжем" приводится рассказ двух американских "скрелингов" о живущих "напротив их страны" людях, которые носят белые одежды, ходят с палками и флагами в руках и громко кричат. Норманны полагали, что речь идет об ирландцах. Далее в исландском "Ландномабуке" говорится о стране, "которую иные называют Великой Ирландией. Эта страна лежит в океане на западе, недалеко от благодатного Винланда". И будто бы один норманн, которого отнесло туда неблагоприятным ветром, не смог потом уйти и был крещен обитателями этой страны. Наконец, есть свидетельство исландского торговца по имени Гудлейфр Гуннлаугссон: буря погнала его корабль от западных берегов Ирландии через море и прибила к неведомой земле, где он вроде бы распознал ирландские слова в речи туземцев. Здесь тоже детали носят случайный характер и сами по себе мало что значат, однако, взятые вместе, приобретают больший смысл. И, после того как "Брендан" успешно пересек Атлантику, возможно, стоит поразмыслить над тем, что говорят норманны о Северной Америке. Любопытно, что авторы саг безоговорочно восприняли идею о Великой Ирландии на далеком Западе. Как-никак, когда норманны впервые пришли на Гебриды, на Фареры и в Исландию, они обнаружили, что ирландские мореплаватели раньше них побывали в этих местах и основали свои поселения. Если норманны поступали так же, как все исторически известные исследователи-морепроходцы, они, конечно же, стремились побольше узнать об особенностях мореходства в местах, куда они направлялись, и привлекали лоцманов, которые побывали в тамошних водах до них. И даже сам выбор норманнами разведчиков новых земель интересен. В "Саге об Эйрике Рыжем" говорится, что, когда Турфинн Карлсефни достиг западной земли, он высадил на берег двух "скоти", то есть

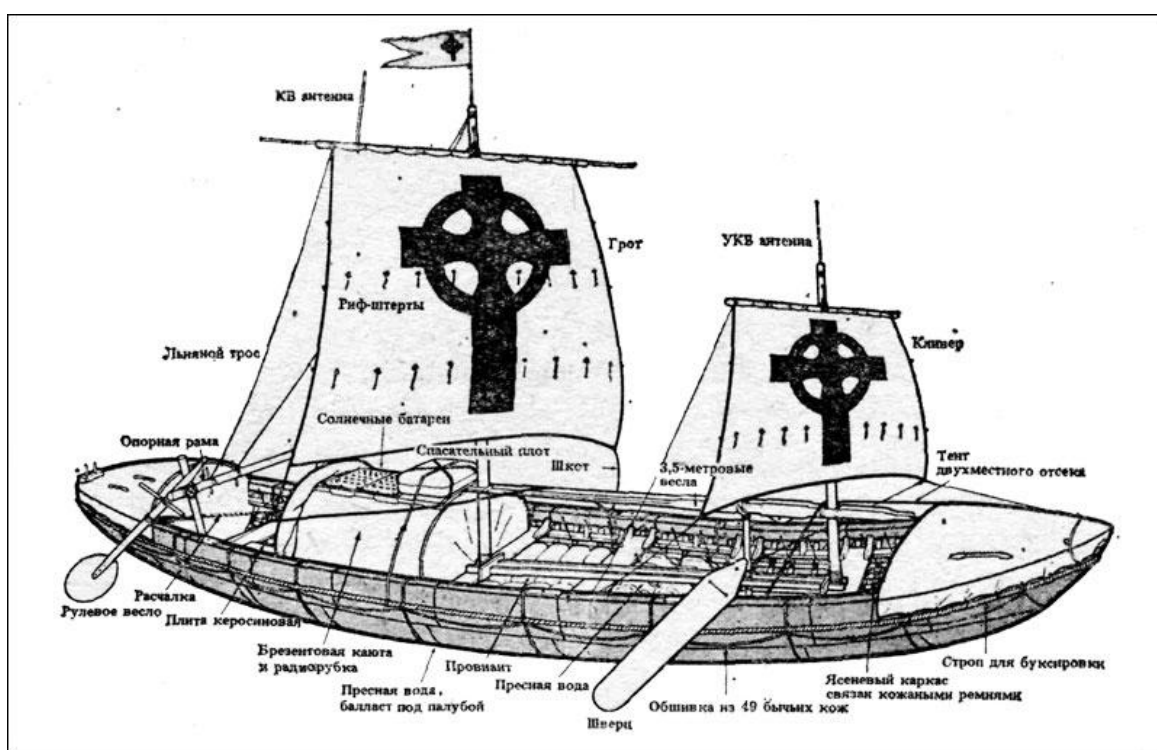
ирландцев, которые быстро бегали и могли как следует разведать новые места. Естественно предположить, что норманны могли брать с собой в такие походы не только разведчиков, но и лоцманов ирландцев.

Впрочем, даже детектив с очень богатой фантазией, пытающийся разгадать загадки плавания, отнес бы все это к области догадок. Куда более заманчивая улика привлекла внимание исследователей на побережье Ньюфаундленда. Здесь над входом в залив Сент-Лунэр, археологи как раз в то время, когда "Брендан" шел через Атлантику, изучали линии, начертанные на валуне, пытаюсь понять их смысл. Видимо, линии эти начертаны человеком, который пользовался острым, возможно металлическим, орудием. Часть линий скрыта под лишайниками, покрывающими почти всю поверхность камня. Но в одном месте похоже, что кто-то в прошлом расчистил крестовидный узор, после чего образовался новый слой лишайников. Среди них есть вид, поддающийся датировке, и возраст даже свежего слоя определен минимум в 150–200 лет, то есть он старше нынешнего населения в данном районе. Лишайники, скрывающие остальные линии, явно еще намного старше, и кое-кто поспешил объявить, что крестовидные узоры — это огам — применявшееся монахами, особенно на камне, древнеирландское письмо. Специалисты по огаму сомневаются в справедливости этих догадок, и, конечно, истолковать таинственные знаки будет трудно, если только вообще их можно расшифровать. Исследование продолжается; в частности, предприняты попытки датировать наиболее сильно заросшие знаки и удостовериться, что линии и впрямь начертаны металлическим орудием.

Правда, помимо ирландцев есть другие кандидаты на авторство знаков: Сент-Лунэр находится неподалеку от предполагаемого поселения норманнов в Ланс-о-Мидоузе, и линии могли быть начертаны кем-то из них. Кроме того, как раз под тем местом, где находится таинственный валун, у входа в залив обнаружены обломки пушечного корабля. Не исключено, что спасшийся с него моряк доплыл до берега и

начертил линии своим ножом. Каким бы ни был ответ, простор для догадок и дальнейших исследований велик, особенно теперь, когда путешествие "Брендана" показало, что в принципе некая группа подозреваемых вполне могла находиться в месте "преступления" в то время, когда оно предположительно было совершено. Словом, дело об открытии Северной Америки европейцами далеко еще не закрыто.

"Брендан". Конструкция

Разрабатывая конструкцию "Брендана", автор опирался на этнографические, литературные и археологические источники. Весьма полезными были этнографические данные, включающие чертеж и детали ирландской карры динглского типа, приводимые Джеймсом Хорнеллом в "Каррах Ирландии" ("Mariner's Mirror", январь, 1938). Данные Хорнелла были сопоставлены с параметрами современных дингльских карр, которые в "четырёхвесельном" варианте достигают длины 6,5 м, и пополнены сведениями, полученными от Джона Гудвина, строителя карр из

Каслгрегори, графство Керри. Что до литературных источников, то сведения об использовании кожаных лодок в Западной Европе в исторические времена встречаются во многих древних текстах. Большинство из них собрано Дж. Маркусом в его "Особенностях древнекельтской навигации" ("Etudes Celtiques", т. 6, 1952). О кожаных лодках упоминают, например, Цезарь, Плиний, Солин. Но наиболее пригодные для строительства "Брендана" данные мы почерпнули из труда Адомиана "Жизнь Колумбы" и, конечно, из самого "Навигацио Санкти Брендана, Аббатис". Изделия раннехристианского периода в Ирландском национальном музее в Дублине показывают, как в Ирландии обрабатывались дерево, кожа и металл, и эта информация определила технику постройки "Брендана". Неоценимую пользу принес нам труд Джона Уотерера "Ирландские ранцы или сумки для книг" (в "Medieval Archeology", т. 12, 1968) с описанием способов обработки кожи. Изображения древних лодок весьма редки, но, к счастью, контуры открытой ирландской лодки можно видеть на вертикальной части уцелевшего до наших дней ирландского каменного креста неподалеку от Бантри, в графстве Корк. Это резное изображение датируется VIII веком и описано Полом Джонсоном в "Antiquity" (т. 38).

Разрабатывая конструкцию, Колин Мьюди стремился сделать корпус возможно более легким, чтобы можно было взять достаточное количество припасов и чтобы в дальних морских переходах под парусами и на веслах, а также при высадке на берег с ней смогла справиться команда из 4-5 человек. Для надежности секции набора делались более прочными, чем на современных каррах меньших размеров. Проект Колина Мьюди предполагал наибольшую длину лодки 12 м, ширину — 2,5 м. Расчетный вес корпуса — 1080 кг, парусного и гребного оснащения — 578 кг. С учетом веса членов экипажа, снаряжения, питьевой воды и воды, впитавшейся в кожу обшивки, водоизмещение "Брендана" при полной загрузке приближалось к 5 т. Площадь грота -13 кв. м, переднего паруса — 6 кв. м. Оба паруса были изготовлены из льна фирмой "Артур Мэлдон и сын"; их

можно было увеличить за счет бонетов у нижней шкаторины, грот — на 90 см, передний парус — на 60 см. Боковые бонеты, как показала практика, оправдывали себя только при попутном ветре. Управление осуществлялось широколопастным веслом на правой раковине. Парные рулевые весла и длинное кормовое весло не оправдали себя при испытании в море. Были также испытаны гребные весла разной длины, и лучше всего показали себя 3,5-метровые. Весла вставлялись в деревянные уключины; для упора служили прикрепленные к веретену треугольные бруски. Лопасты гребных весел были очень узкими, как принято на каррах.

Исследование материалов

Пожалуй, самой увлекательной и благодарной фазой в подготовке к плаванию было исследование свойств средневековых материалов, чтобы выяснить, могут ли они вообще выдержать трансатлантическое плавание. Некоторые испытания были весьма простыми. Например, образцы кожи вешались на раму и помещались в морскую воду, чтобы проверить, будут ли разлагаться или обрастать ракушками. Другие испытания проводились в лабораториях; здесь нам горячую поддержку оказали исследовательская группа Британского кожевенного объединения во главе с доктором Робертом Сайксом, сотрудники кожевенного завода фирмы "Ричардсон" в Дерби и бригада Гарольда Биркина на кожевенном заводе "Джозеф Клейтон и сын" в Честерфилде. При этом надо было остерегаться промашек: хотя кожа — интересный и благодарный материал, необходимо строго соблюдать условия обработки, иначе можно все испортить. При подготовке кож для обшивки "Брендана" кожевникам и ученым надлежало учитывать такие факторы, как поверхностные трещины, плотность волокон, более низкое поверхностное натяжение соленой воды и множество других вещей, включая сохранение первоначальных размеров при намокании.

К всеобщему удовлетворению, мы пришли к выводу, что средневековые материалы, при должной обработке, наилучшим образом подходят для перехода через Атлантику.

1. Кожа для обшивки. В "Плавании" говорится, что монахи святого Брендана покрыли деревянный остов своей лодки "бычьими кожами, дубленными дубовой корой" и взяли с собой такие же кожи в запас, а также для изготовления двух маленьких лодок, вероятно призванных играть вспомогательную роль. Сотрудники доктора Сайкса испытали дубленые таким способом образцы, предоставленные фирмой "Дж. Кроггон и сыновья", и сравнили результаты с данными, полученными при дублении иными способами. Проверялись следующие свойства: степень водопроницаемости, сохранение первоначальных размеров, особенно после погружения в соленую воду, прочность на разрыв. Табл. 1, подготовленная лабораторией БКО, показывает замечательную стабильность кожи, дубленной экстрактом дубовой коры. Итак, испытания показали, что дубленая старинным способом (экстрактом дубовой коры) кожа очень прочна, даже если ее намочить, что она не теряет своей прочности и что пористость такой кожи способствует ее пропитке водоотталкивающим жиром или воском. Фирма "Кроггон" поставила для нашей лодки 57 бычьих кож, ровно обрезанных по периметру. Они были промазаны тресковым жиром, скатаны и подсушены.

Таблица 1

1. Пропитка кожи		
	Пропитанная смазкой кожа, дубленая экстрактом дубовой коры	Такая же кожа, выдержанная 3 дня в соленой воде при помешивании, высушенная и вновь намоченная на 24 часа
Предел прочности на разрыв, (кг/мм ²)	2,5—3,0	2,8—3,2
Растяжение до разрыва	20—25%	35—37%
2. Испытания на водонепроницаемость в динамических условиях		
	Такая же кожа без предварительной обработки	Такая же кожа, выдержанная 3 дня в соленой воде при помешивании и высушенная
Увеличение веса после 24 часов	0,4%	3,3%
Увеличение площади	0,7—1,8	2,1%
Водонепроницаемость после 24 часов (кг/м ² /час)	Не обнаружена	Не обнаружена

2. Пропитка кож. Пропитку 57 кож жиром осуществила фирма "Дж. Клейтон и сыновья" под наблюдением Гарольда Биркина, лаборатория которого испытывала промазанные образцы совместно с БКО. В "Плавании" говорится, что монахи использовали "жир, обрабатывая кожи для обшивки" и "смазывали жиром все швы снаружи", а потому нами испытывались только такие жиры, которые были известны в раннем средневековье: сало, пчелиный воск, рыбий жир, шерстяной воск; мы проверяли их по отдельности и в смеси. От правильного подбора пропитки зависела долговечность кожаной обшивки. Проблема заключалась не только в том, чтобы кожа стала водонепроницаемой, но и в том, чтобы от смазки не пострадало ее качество. Перестаравшись со смазкой — кожа будет чересчур мягкой, недодашь — будет пропускать воду. Многочисленные опыты показали, что лучше всего подходит для пропитки животный воск. Необходимое количество воска было получено с одной прядильной фабрики, а сама пропитка производилась так: кожи погружали на 12 часов в горячий (50°) воск, после чего неделю они лежали кипой, причем каждый слой смазывался дополнительно, чтобы воск лучше впитался. Этот способ обеспечил 30-37-процентное впитывание. Монахи могли достичь такого же результата при большей затрате времени — либо повторно поливая кожи животным воском, либо

втирая его руками. Об успехе совместной работы фирмы "Дж. Клейтон" и БКО в подготовке кож для обшивки "Брендана" можно судить, сравнивая параметры кожи до и после путешествия (см. табл. 2). В целом можно сказать, что структура и свойства кожи в начале и в конце плавания изменились совсем немного.

<http://film.tr200.ru> - Фильмы, мультфильмы, видеоролики скачать

Кожа при поставке на верфь		Кожа после пересечения Атлантики
% впитывания смазки (в основном воска и жира)	34,0	27,0
Впитывание воды за 72 часа содержания в соленой воде при перемешивании (w/w)	+14%	+10,5%
Изменение площади после 24 часов изгибания	Менее 1%	+2,7%
Впитывание воды после 24 часов изгибания	0,4%	+2%
Скорость просачивания воды	После 2000 часов не отмечено, испытание прекращено	То же после 750 часов

3. Ремни. Фирма Ричардсонов из Дерби поставила три с лишним километра кожаных ремней для вязки остова лодки, а также ремни, которые использовались на борту вместо коротких веревок. Для начала в лабораториях были испытаны пять типов ремней.

Мы остановились на ремнях, обработанных раствором квасцов; этот способ был известен во времена Древнего Рима, если не раньше. Отобранные для "Брендана" ремни были предварительно промаслены животным и тресковым жиром.

4. Нитки. 37 км льняных ниток, которыми сшили кожаную обшивку "Брендана", были изготовлены фирмой "Генри Кэмпбелл энд Компани". Эта же фирма с помощью фирмы "Белфаст Роуп Уоркс" поставила улучшенные льняные тросы для такелажа. Специализированная лаборатория испытала образцы льняной нитки фирмы "Кэмпбелл" вместе с кожей, дубленой экстрактом дубовой коры. Из табл. 3 видно, что льняные нитки прекрасно выдержали испытание: они становились прочнее при вымачивании, и прочность еще возрастала, когда их

вымачивали совместно с кожами. К тому же похоже, что содержащееся в кожах дубильное вещество, проникая в нитки, делало их более устойчивыми против гнили.

Испытание льняных ниток		Таблица 3
А. Разрушающая нагрузка (кг/фут)		
Без обработки		6,37
После двухнедельного вымачивания в морской воде		6,30
После двухнедельного вымачивания совместно с дубленой кожей		8,69
Б. Растяжение до разрыва (%)		
Без обработки		3,75
После двухнедельного вымачивания в морской воде		4,30
После двухнедельного вымачивания совместно с дубленой кожей		5,75

Строительство

Рабочие чертежи Колина Мьюди предусматривали такие размеры для деталей набора: планшири из дуба — 1х6 дюймов, шпангоуты из ясеня — 2X5/8 дюйма, стрингеры из ясеня — 2,5X5/8 дюйма. Фок-мачту и грот-мачту, длиной соответственно 3,6 и 5,7 м, первоначально изготовили из цельных стволов молодого ясеня, но испытания показали, что они растрескиваются, тогда их заменили брусьями из ясеня с плотной текстурой; за этой работой лично наблюдал Пэди Гленнон из фирмы "Гленнон Бразерс", которая поставила также весь ясень для планширей, стрингеров и весел. Мачты опирались на дубовые степсы, укрепленные на кильсоне.

На кроссхэвенской верфи Пат Лэйк и Майкл Мэрфи собрали остов лодки, который затем был связан ремнями. Каждый ремень предварительно вытягивали вручную, чтобы уменьшить его первоначальную эластичность, вымачивали и употребляли в дело еще влажным. Связанный остов обильно смазали шерстяным воском для предохранения древесины. Последующая проверка показала, что воск глубоко проник в древесину.

На обшивку пошло 49 кож. Толщина их была примерно 1/4 дюйма, а площадь — 105X120 см.

Дратва для сшивания кож была скручена вручную из 14 прядей и пропитана смесью из шерстяного воска, пчелиного

воска и смолы, так что она плотно закупоривала дырочки отшила. Шорник Джон О'Коннел и седельщик Эдди Хинтон предложили наиболее подходящий метод сшивания кож. По центральной линии корпуса мы применили сдвоенный шов, в остальных местах — двуручный: два человека работали попарно, размещаясь друг против друга с двух сторон сшиваемых кож. Средняя длина стежков была около сантиметра. Параллельно первому шву, примерно в 2 см шел второй; ширина напуска — около 5 см. Учитывая, что на носовую секцию придется особенно большая нагрузка от столкновения и задевания грунта, Джон О'Коннел для прочности сшил кожи в четыре слоя. Удвоили мы толщину обшивки и на корме, чтобы не пострадала при вытаскивании лодки на берег кормой вперед.

На днище поверх кож укрепили полудюймовыми медными заклепками плоский дубовый полоз. (Техника применения заклепок была высокоразвита в раннехристианской Ирландии.) Сама кожаная обшивка не крепилась непосредственно к остову, а плотно облежала его. Края обшивки натянули на верхний планширь и привязали к нижнему ремнями из бычьей кожи.

Испытания

1. Гребля. Через пять недель после прибытия в Масгрейв "Бренди" очутился в условиях, весьма отличных от девственных берегов Ньюфаундленда. На виду небоскребов Бостона, в нижнем течении реки Чарлз, были проведены испытания, чтобы установить, сколько гребцов, пусть даже не имеющих опыта плавания на кожаных лодках, могут успешно идти на ней на веслах в различных условиях. Табл. 4 показывает то, в чем мы уже сами убедились во время плавания: экипаж "Брендана" — 4 человека — был явно недоукомплектован. Зато 10 гребцов могли успешно продвигаться вперед в любых условиях, исключая очень уж неблагоприятные, а при благоприятных условиях 6-8 человек могли идти на веслах против ветра. Следует, однако, подчеркнуть, что эти испытания, опыт нашего

плавания и средневековые тексты показывают, что дальние плавания на ирландских кожаных лодках совершались под парусами. К веслам обычно прибегали только при крайней необходимости, в прибрежной полосе или во время причаливания.

Гребные испытания		Таблица 4
Средние данные по заездам против течения и по течению на реке Чарльз, на 510-метровом отрезке при западном ветре силой 3 балла и при скорости течения 1,3 узла.		
		Миль/час
10 гребцов:		
максимальная скорость с прибрежной загрузкой		5,03
нормальная скорость с прибрежной загрузкой		3,78
нормальная скорость с полной океанской загрузкой		3,80
6 гребцов:		
нормальная скорость с прибрежной загрузкой		3,19
нормальная скорость с полной океанской загрузкой		3,00
4 гребца:		
нормальная скорость с прибрежной загрузкой		3,98 (только по течению, против течения гребти не смогли)
Примечание. Прибрежная загрузка — вес снаряжения, необходимого на дневной переход в пределах видимости земли. Полная океанская загрузка включала вес провианта, воды и прочего снаряжения для 10 человек на три недели плавания в океане.		

2. Плавание под парусами. Отсутствие надлежащих приборов не позволяло точно измерять ход "Брендана" под парусами. Крепить вертушку лага на кожаной обшивке мы не могли, поэтому нам подходил только буксируемый лаг. Мы пользовались лагом "Уокер Нотмастер", причем изготовители предупредили, что их прибор бесполезен при скоростях менее 2 узлов. Тем не менее в ходе плавания были получены следующие данные:

А. Максимальный суточный переход -115 миль. Минимальный, при полном штиле, естественно, ноль, а в самые плохие дни нас сносило назад встречными ветрами. Средний суточный переход под парусами составлял 40 миль; крейсерскую скорость 2-3 узла мы считали удовлетворительной. При полностью загруженной лодке для этого был необходим ветер силой 3-4 балла. При идеальных условиях — попутном ветре 5-6 баллов — скорость могла держаться на уровне 5-7 узлов. Максимальная зафиксированная лагом скорость — 12 узлов; ее мы сравнительно часто достигали при штормовом ветре.

В Микинесском проливе в Фарерском архипелаге ветровая воронка между скалами придавала "Брендану" скорость свыше 12 узлов.

Б. Боковой снос определялся на глаз по углу между кильватерной струей и буксируемым страховочным концом. "Брендан" мог идти под углом 50-60° к встречному ветру, но вместе с 30-градусным сносом на деле выходило 90° при ветре 6 баллов и больше. Из-за сильного волнения, как правило, было опасно идти бейдевинд, лучше шло уходить от ветра. Шверцы, возможно, были анахронизмом, так как мы не знаем, использовались ли они в раннем средневековье. Во всяком случае, мы при ветрах свыше 5-6 баллов не применяли шверцев, так как они забрасывали слишком много воды в лодку, а при слабых ветрах были не так эффективны, как могли быть гребные весла при большем экипаже. Мы испробовали разные позиции для шверцев и определили, что лучше всего они работают в 4,8 м от носа. Добавление второго шверца на корме, около рулевого, только вредило, так как увеличивало снос. Вообще же, шверцы при ходе под парусами уменьшали снос в лучшем случае на 10°, однако не помогали идти круче к ветру. Гребные весла при большей команде принесли бы и тут большой эффект.

В. Устойчивость на курсе и остойчивость. Особо следует отметить устойчивость "Брендана" на курсе даже в суровую погоду. Лодка благополучно переносила длительные периоды сильного волнения и крепких ветров. Обычно при ветре 5-6 баллов мы брали один риф на гроте, когда же сила ветра превышала 6 баллов, грот совсем убирали и уходили от ветра под одним передним парусом, на котором затем тоже брали рифы. Конструктор считал парусность "Брендана" недостаточной, но я сознательно остановился на такой площади для безопасности. При сильном волнении с кормы отдавались петлями два верповальных троса, которые помогали держать лодку кормой к волне. Для усмирения волн мы опускали в воду брезентовый мешок с жиром, однако необходимо было держаться точно по ветру от масляного пятна, а это не всегда удавалось. Несколько

мешков на поперечном бруске облегчили бы эту задачу. Тресковый жир считается эффективнее, чем минеральное масло, а еще лучше — китовый жир, которым мы и пользовались. Отдаваемый с носа плавучий якорь хорошо работал при умеренных волнах, но при сильном волнении мы не рисковали им пользоваться, боясь, что он, тормозя лодку, подставит ее под удары волн и защитные тенты будут разорваны.

Важным фактором успешного путешествия явилась остойчивость "Брендана". Она была обусловлена самой конструкцией, разработанной Колином Мьюди, и балластом в виде 720 литров питьевой воды, более половины которой помещалось под настилом. Главную опасность в море, несомненно, представляло опрокидывание. Намеренно опрокинуть лодку при морских испытаниях оказалось чрезвычайно трудно, даже при полном отсутствии балласта. Когда же ее опрокинули, захватив швартовом за мачту, команда из 5 человек смогла вернуть лодку в нормальное положение, и понадобилось 12 минут, чтобы ведрами вычерпать из нее воду. На случай полного затопления на носу, на корме и под тремя банками были помещены пенопластовые блоки плавучести безопасность

Поскольку путешествие обещало быть опасным, большое внимание было уделено вопросам безопасности экипажа. На борту находился восьмиместный спасательный плот, изготовленный для нас фирмой "Бофорт (Эйрси) Эквипмент", и экипаж "Брендана" прошел краткий курс обучения в военно-морской школе по вопросам безопасности и выживания. Нас научили обращаться со спасательным плотом, сигнальными ракетами, ознакомили с общими правилами выживания на море. В водах, где пролегал путь "Брендана", человек, очутившись за бортом, скорее рисковал погибнуть от переохлаждения, чем утонуть. Поэтому каждый член экипажа пользовался страховочным концом в комплекте со специальным поясом. В штормовую погоду страховочный конец крепился к водонепроницаемым костюмам.

Для ежедневных сообщений о нашем местоположении у нас была рация "SSB Рейтеон 1209G", работающая на фиксированных частотах в диапазонах 2, 4, и 8 мгц. 4,5-метровая штыревая антенна позволяла держать связь в радиусе 150-250 миль, в зависимости от географической широты и загруженности эфира. Аппарат работал безотказно; питание осуществлялось двумя панелями с солнечными элементами, укрепленными на крыше главной "рубки", которыми подзаряжались два автомобильных аккумулятора. Поначалу мы сомневались в эффективности солнечных батарей, но производимой ими энергии хватало на 5 минут ежедневной работы. Большим их преимуществом было то, что они не требовали ухода.

На "Брендане", естественно, не было никаких двигателей — ни для откачки воды, ни для зарядки аккумуляторов. Для связи с проходящими судами и самолетами мы пользовались специальными УКВ-рациями. Успешному осуществлению нашей радиосвязи во многом способствовали терпение и искусство операторов на береговых радиостанциях Валентин, Малин-Хеда, Сторноуэя, Торсхавна, Вестманна, Рейкьявика, Принц-Кристианссунда, Картрайта, Сент-Антони и Сент-Джонса. Особой благодарности заслуживают радисты на борту исландского научно-исследовательского ихтиологического судна "Арни Фридриксон" и экипажи многих трансатлантических авиалиний (особенно исландского аэрофлота), которые ловили наши подчас очень слабые сигналы, когда "Брендан" полз через Атлантику. Фирма "Берндепт Электроникс" любезно предоставила нам плавучий знак "BE 369" на случай, если потребуются поисково-спасательные работы. В 1976 году, когда "Брендан" следовал вблизи суши, прогнозы погоды и радиопеленги получали с помощью аппаратуры "Брукс энд Гейтхаус Хомер/Херон", которая выдержала даже захлестывание волнами в штормовую погоду вблизи Гренландии. Кстати, здесь, а также в случае, когда мы получили пробоину во льдах, нас очень выручили трюмные насосы фирмы "Манстер Симмс".

<http://kino.tr200.net> - Фильмы, мультфильмы, видеоролики скачать

За четыре века до норманнов

9 октября 1964 года в США впервые отмечался День первооткрывателя Америки Лейва Эйрикссона. Тем самым официально было признано, что открытие Америки совершено норманнами около 1000 года, то есть за пятьсот лет до Колумба. Празднование Дня Колумба не отменено, но теперь эта дата считается днем нового открытия Американского континента и начала его освоения европейцами.

Столь существенная поправка времени открытия Нового Света произошла "по вине" норвежского исследователя Хельга Ингстада, обнаружившего на мысе Ланс-о-Мидоуз острова Ньюфаундленд погребенные под толстым слоем дерна руины древнего поселения норманнов. Современные методы археологических исследований показали, что поселение возникло не менее тысячи лет назад. Ингстада на Ньюфаундленд привели старинные исландские сказания. Он был убежден, что в "Саге о Гренландии" и в "Саге об Эйрике Рыжем" рассказывается о реальных, исторически достоверных фактах, о плаваниях норманнов — плаваниях, приведших к открытию Америки, к основанию поселения в той части континента, которую называли "страной Винланд".

Ингстад писал: "Я изучал саги главным образом с точки зрения мореплавания, обращая внимание на маршруты кораблей, ориентиры и сроки плаваний. Я верил, что сведения относительно моря и кораблей скорее всего сохранятся в неискаженном виде именно в преданиях народа-мореплавателя".

Казалось бы, что после морской экспедиции и успешных археологических раскопок Ингстада вопрос об открытии Америки окончательно решен. Дело в том, что существовала не одна версия об открытии доколумбовой Америки мореходами из различных стран Старого Света. В числе претендентов-первооткрывателей финикийцы и египтяне,

критские мореплаватели и римляне, даже обитатели западных берегов Африканского континента. Выдвигались предположения о древнекельтских плаваниях к Новому Свету и плаваниях ирландских монахов в начале средних веков нашей эры. Однако, как ни привлекательны и романтичны эти версии, их авторы бессильны привести сколько-нибудь убедительные доказательства.

Несколько предпочтительнее выглядят в этом смысле ирландские плавания. В ирландском эпосе имеются саги, повествующие об океанских плаваниях, об открытии новых земель. Так, известный ирландский поэт Аид Светлый, живший в X веке, сложил сагу о плавании в Атлантическом океане морехода Майль-Дуйна. Оно началось по воле случая. Порыв ветра унес суденышко от ирландских берегов. Подгоняемые ветром, плыли Майль-Дуйн и его спутники от острова к острову, населенных фантастическими существами, например муравьями величиной с жеребенка. Правда, среди рожденных воображением существ и явлений в саге имеются и детали, связанные с реальными событиями и наблюдениями. Так, обратный путь путешественникам указала морская птица, обычная для ирландских прибрежных вод.

Несомненно, ирландские мореходы, наблюдая за поведением морских птиц, знали, что некоторые из них, промышляя в открытом океане, к вечеру возвращались на сушу.

Любопытно, что в ирландском эпосе имеется более раннее сказание (по-видимому, VIII век), более конкретно отвечающее действительности. Речь идет о латинском тексте "Навигацио Санкти Брендани, Аббатис" ("Плавание Святош Брендана, Аббата"), повествующем о плавании в далекую западную заокеанскую страну.

Некоторые историки и географы полагали, что в тексте говорится о трансатлантическом плавании, возглавляемом Бренданом, к берегам Нового Света в VI веке н. э. Другие специалисты считали эту версию чистой выдумкой. Возможно, вопрос о древних ирландских плаваниях к

Новому Свету так и остался бы не решенным, не займись им ирландский географ и писатель Тим Северин.

Анализируя текст о Брендане, он видел в нем отражение действительности, а конкретные географические описание сближали текст с лодией. Подробно говорилось там и ходе плавания, указывались время и пройденный путь. Тим Северин также выяснил, что аббат Брендан — лицо историческое. Убеждение в реальности событий, происшедших почти полторы тысячи лет назад, рождает дерзкий замысел повторить на точной модели старинной кожаной ирландской лодки плавание Брендана и его спутников. Это было бы первым звеном, без которого трудно в дальнейшем выстроить гипотезу о древнеирландских контактах Старого и Нового Света. Тим Северин разыскал все Сведения, позволившие ему воспроизвести модель судов, существовавших во времена Брендана.

Читатели "Путешествия на "Брендане" увидят, как непросто было решить вопрос о кожаной обшивке лодки. Даже специалисты кожевенного дела сомневались в прочности и долговечности бычьих кож при постоянном соприкосновении с морской водой. В аналогичном положении находился знаменитый норвежский исследователь Тур Хейердал, когда ему говорили, что бревна бальсы пропитаются водой и "Кон-Тики", сложенный из них, пойдет ко дну. Сколько было споров о недолговечности и хрупкости папируса "Ра" и "Ра-II", а также камыша берди "Тигрису". Но Тур Хейердал и Тим Северин были глубоко убеждены, что ненадежные, с точки зрения современного человека, материалы не зря использовались древними кораблями, за плечами которых стоял многовековой опыт плавания на океанских просторах.

Как известно из "Путешествия на "Брендане", кожаная обшивка из бычьих кож, обработанных, как в старину, дубовым экстрактом и смазанная животным воском, не подвела Северина, руководствовавшегося технологическими рецептами, содержащимися в тексте о Брендане.

Также в соответствии с этим текстом был проложен "ступенчатый маршрут" через Атлантический океан в суровых пятидесятих-шестидесятих широтах Северной Атлантики. Такой маршрут, хотя и с остановками на Фарерских островах и в Исландии, представляется маршрутом высшей трудности для хорошо оснащенных современных спортивных яхт с дакроновыми парусами и стальными корпусами, а уж для открытой кожаной лодки с двумя прямыми парусами и подавно. Достаточно сказать, что эта акватория на всей протяженности Атлантического океана считается наиболее подверженной штормам. Во время их у берегов Ирландии зарегистрированы волны высотой 18,5 м, а наибольшая высота волн, измеренная к юго-западу от Исландии, составляет 14 м. Сколько мужества, хладнокровия и находчивости потребовалось проявить Тиму Северину и его товарищам! Сколько критических ситуаций встречалось мореплавателям на пути!

Безусловно, гидрометеорологические условия во времена Брендана были более легкими, чем современные. Научкой установлено, что во времена раннего средневековья, когда совершались ирландские плавания, климат в Северной Атлантике был теплее. Так, температура воздуха в южной Гренландии была на 2-4° выше, чем сейчас, а ледовая обстановка — значительно лучше. Плавучих морских, так называемых паковых, льдов древние ирландские мореходы в летние месяцы практически не встречали на своем пути. Разве что отдельные айсберги, выносимые с севера Лабрадорским течением, попадались на подходе к Ньюфаундленду.

"Ступенчатый маршрут" ирландские мореходы проходили за семь лет. Пережидая непогоду, они отстаивались на островах, отправляясь в дальнейший путь только в хорошую погоду. Совсем другое дело, когда, пренебрегая непогодой, экипаж "Брендана" стремился пройти этот путь как можно быстрее. Как известно, им понадобилось лишь два летних сезона.

Тим Северин ставил своей целью не только доказать мореходность староирландской кожаной лодки, но и уподобиться древним мореходам. В частности, обойтись без современных мореходных инструментов. Вполне возможно, что у древних ирландских мореплавателей были какие-то приспособления для ориентировки в открытом океане. Просто об этом мы ничего сейчас не знаем. Было не совсем понятно, как они ориентировались без магнитного компаса. Однако несколько десятилетий назад датские археологи обнаружили во время раскопок монастыря гренландских норманнов часть солнечного компаса, заменявшего викингам магнитный компас. Не исключено, что у древних ирландских мореплавателей было нечто подобное.

Вместе с тем известно, что, например, древние полинезийские мореплаватели могли ориентироваться в центре Тихого океана по звездному небу, направлению волн и течений. Знали они и о поведении морских животных и птиц. Почему бы не предположить, что ирландские мореходы были также вполне сведущи в астрономии; ведь еще в глубокой древности на Британских островах были построены кельтами обсерватории.

Тим Северин на страницах "Путешествия на "Брендане" рассказывает о расшифровке географических особенностей "ступенчатого маршрута" Брендана, которые особенно убедительно говорят, где именно в Атлантическом океане побывали мореходы. Особенно важно, что в латинском тексте Брендана указывается на густой туман недалеко от обетованной земли — цели путешествия. Действительно, в области над холодным Лабрадорским течением, около Ньюфаундленда, образуются исключительно густые туманы. Разница температуры между подстилающей поверхностью и воздухом нередко составляет 13–15°. Что и говорить, место очень характерное!

Необходимо отметить, что латинский текст "Плавания Святого Брендана, Аббата", сообщая о конкретном плавании, безусловно, отражает неоднократные плавания древних ирландцев в Атлантическом океане. И если возникает вопрос о конкретном ирландском

первооткрывателе Нового Света, историки и географы будут явно в затруднении. И так, экспедиция на точной копии древнеирландской кожаной лодки показала возможность ирландских плаваний в VI веке через океан. И это очень большое достижение. Однако в конечном счете единственным убедительным доказательством того, что плавания и впрямь совершались, — говорит сам Тим Северин, — будет открытие на земле Северной Америки подлинных материальных следов древнеирландского посещения. Это может быть камень с древней надписью или фундамент типичной круглой постройки, точно датированной эпохой замечательных ирландских путешественников.

Тим Северин сознает, что вероятность открытий следов пребывания древних ирландцев под наслоениями более поздних культур весьма невелика. Но так или иначе замечательным мореходом сделан первый шаг на пути доказательств ирландского открытия Америки. Теперь — дело за лопатой археолога. Путешествие на "Брендане" — повествование, весьма близкое по жанру книгам Тура Хейердала, позволяющее проследить, как рождается и воплощается замысел. Читается книга с неослабеваемым вниманием и интересом. Хотелось бы отметить превосходную работу переводчика Л. Жданова, полностью сохранившего особенности стиля автора. Вскоре после завершения экспедиции на "Брендане" Тимом Северином завладел новый замысел, связанный со средневековым арабским мореходством. Арабские морские торговые пути охватывали в VII–XIV веках значительную часть Индийского океана. Уже в VIII веке арабские купцы появились в Китае, на Яве, на восточном берегу Африки, на Мадагаскаре. Несколько позже параллельно со знаменитым сухопутным "шелковым путем", связывающим Ближний и Дальний Восток, арабами был проложен и морской "шелковый путь" от Персидского залива до Южного Китая. Историки полагают, что плавания по этому второму "шелковому пути" нашли отражения в арабских сказках "Тысячи и одной ночи", составной частью которых являются сказки о семи путешествиях Синдбада.

<http://film.tr200.net> - Фильмы, мультфильмы, видеоролики
[скачать](#)

"Путешествия Синдбада", основанные на рассказах арабских моряков и купцов, существовали самостоятельно, а затем вошли в состав "Тысячи и одной ночи". Известный советский ученый академик И. Ю. Крачковский отмечает, что смотреть на "Путешествия Синдбада" только как на волшебную сказку, действие которой развивается вне времени и пространства, теперь нельзя. Разделяя это мнение, Тим Северин проводит географический анализ этой сказки, находит глубокие связи с реальными событиями, происходившими тысячелетие назад. Он прокладывал свой маршрут по следам Синдбада-морехода от берегов Аравии через Индию, Цейлон, Суматру и Малайзию. Завершение маршрута — в Гуанчжоу, в устье реки Сицзян. Изучив древние рукописи, содержащие рисунки и описание арабских судов тысячелетней давности, Тим Северин приступил к постройке парусника "Сохар", названного в честь некогда оживленного древнего арабского порта на берегу Аравийского полуострова, где средневековые купцы нанимали корабельных плотников. В наши дни Сохар входит в состав Омана, султаната на южной оконечности полуострова.

Для того чтобы найти подходящий материал для корпуса и мачт парусника, Северин отправляется в Индию, в юго-западный штат Керала. Там, в глубине джунглей, лесорубы свалили ему несколько стволов и доставили на слонах на побережье. Массивные обтесанные бревна погрузили на судно, направлявшееся в оманский порт Сур. Не забыли захватить и бамбук, из которого арабские судостроители изготавливали корабельные гвозди.

В ноябре 1981 года "Сохар" с парусами, сшитыми на старинный лад, был готов к отплытию. Основу экипажа "Сохара" составляли оманские моряки. На борту арабского парусника было также несколько ученых из европейских стран.

Плавание в "море муссонов", как образно называют северную часть Индийского океана, проходило, если бы не

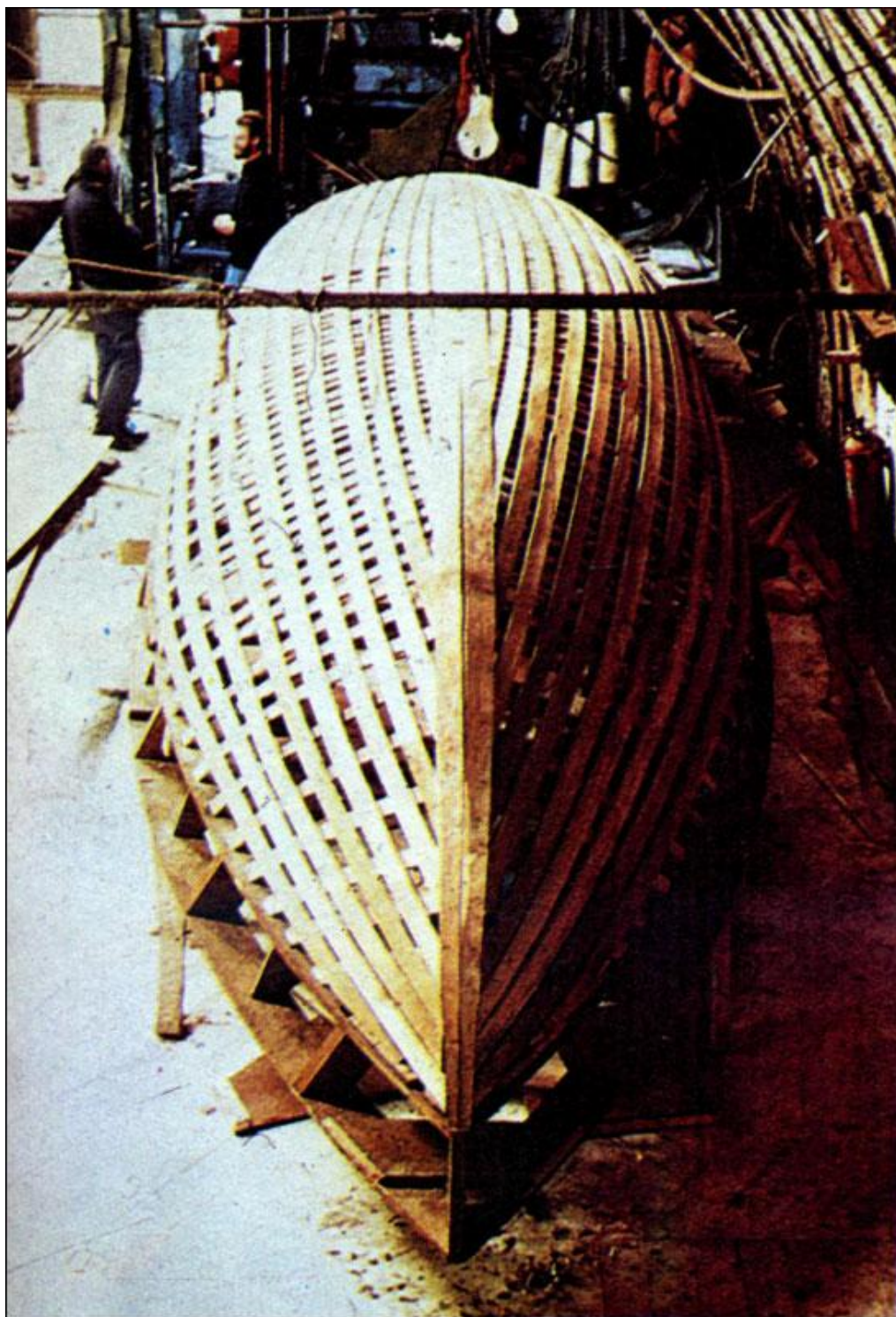
удушливая жара, несравненно благоприятнее, чем в Северной Атлантике.

Случалось "Сохару" выходить на оживленные морские пути с супертанкерами, лайнерами, рудовозами. Приходилось непрерывно нести вахту, чтобы не попасть под киль гигантского судна. В свою очередь, штурманы и рулевые проходящих судов с высоты рулевой рубки с удивлением взирали на треугольные паруса суденышка из "Тысячи и одной ночи".

Намеченный маршрут был изменен лишь однажды, и то незначительно: "Сохар" не стал заходить на собственно Суматру, ограничившись близлежащим Сингапуром. Семь с половиной месяцев проходило плавание "Сохара". Из арабских источников следует, что средневековые арабские купцы проходили путь за три года. Но на то они и купцы: ведь в каждом портовом городе они занимались торговлей.

Рейс был закончен, и Тим Северин, исследователь и географ, посвятивший себя реконструкции древних морских путей различных народов и в разных частях света, снова взялся за перо. В 1982 году вышла его книга о приключениях в полуденных морях, где когда-то плавали синдбады-мореходы.

Иллюстрации

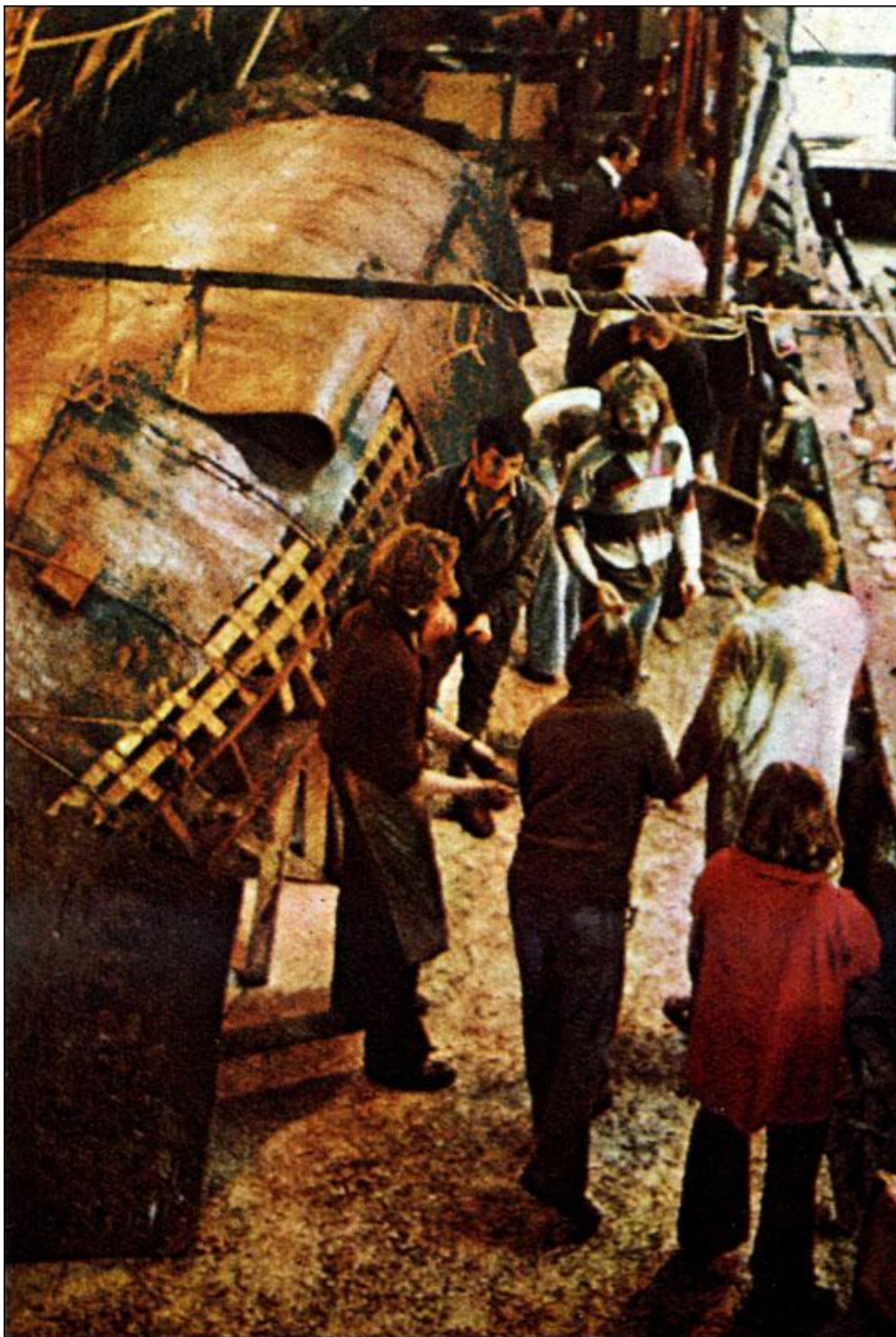
1 - Каркас "Брендана" был сделан из лучшего ирландского ясеня.

2

2-3 - На 1600 связанных вручную креплений ушло более 3 километров кожаных ремней. Кожи такие большие, что в одиночку с ними не управиться.

4 - Студенты технического училища из Лондона помогают нам в работе.

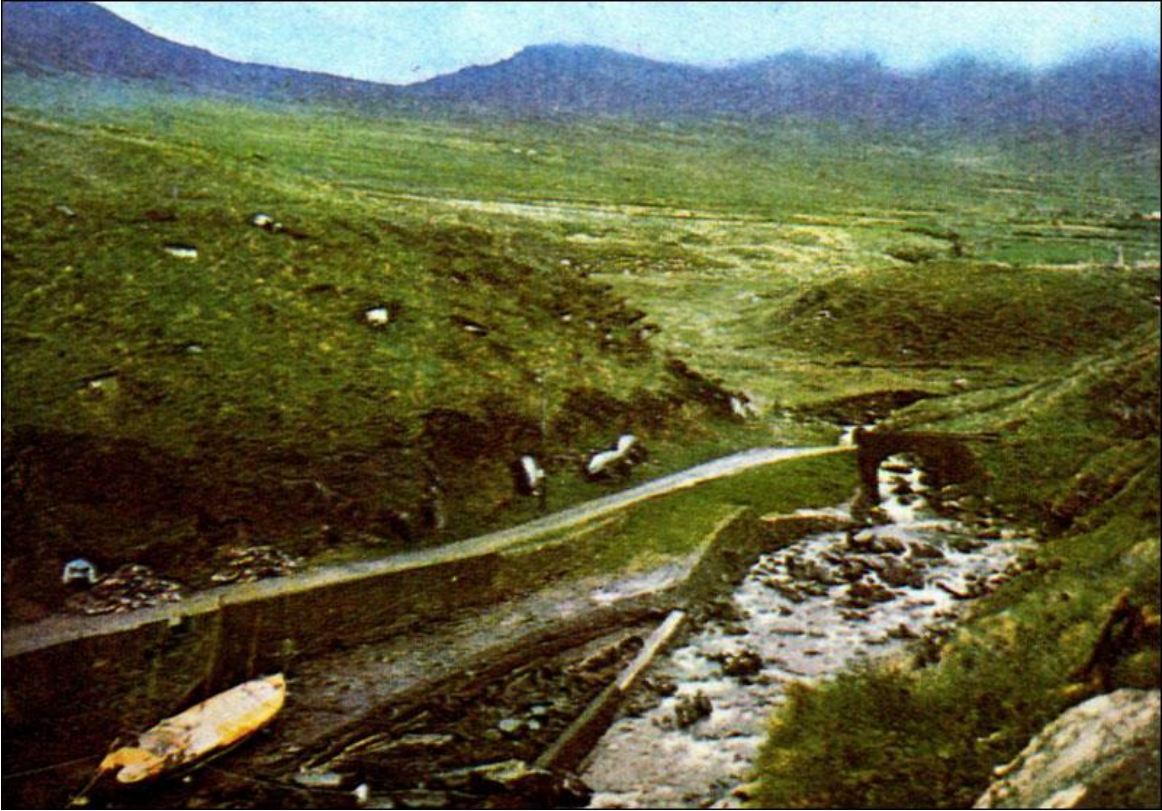
5

5-6 - Для защиты ремней, дерева и кожи приходится смазывать обшивку зловонным шерстяным воском. Джон О`Коннел (слева) наблюдает, как я сшиваю 2 из 49 бычьих кож, пошедших на обшивку.

7 - На верфи Кроссхэвен. Январские ветры треплют флаги и вымпела готового к спуску "Брендана".

8

8-9 - Первые попытки поставить паруса на средневековой лодке. Оказалось, что это непросто.

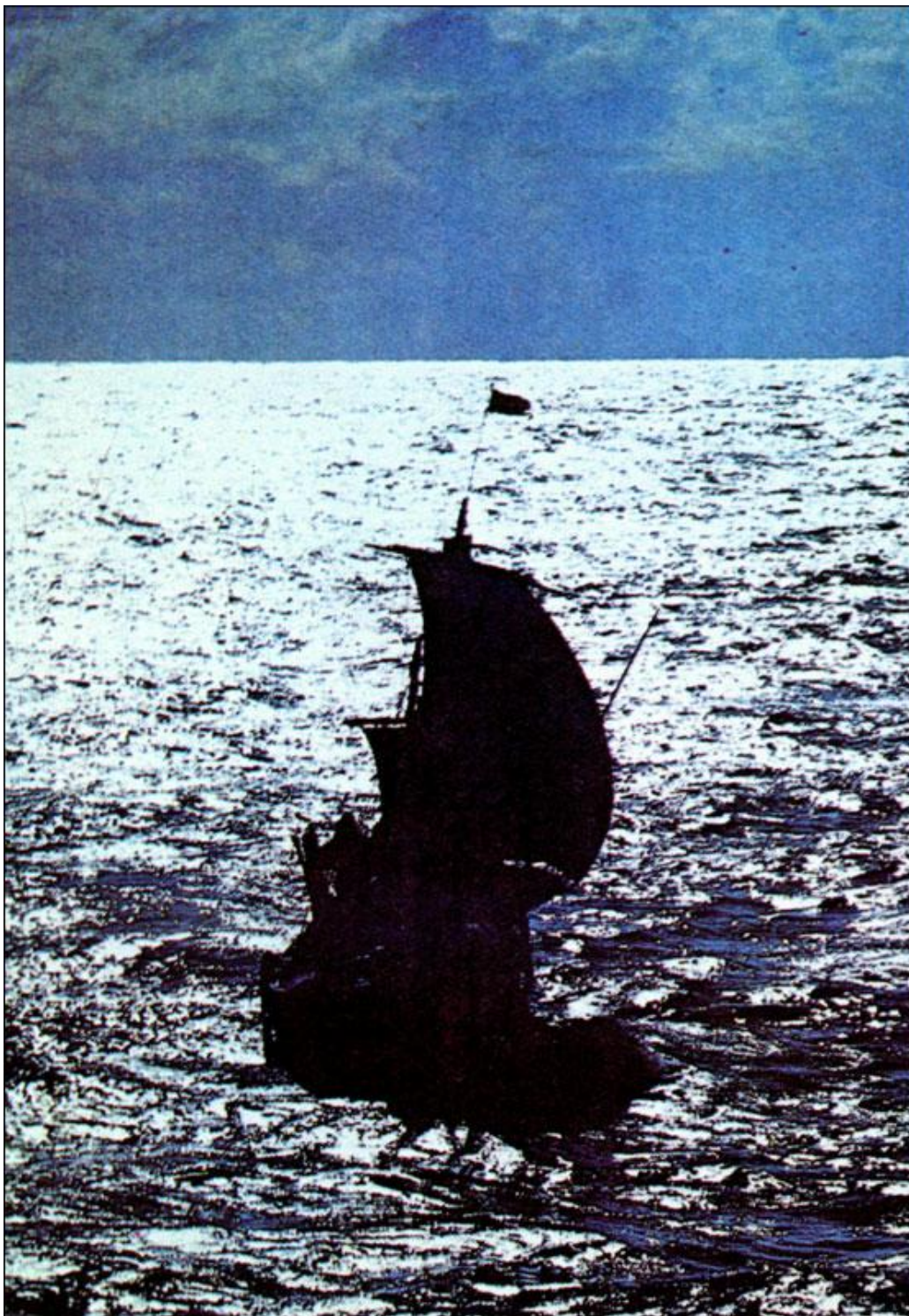
10

10-11 - Жители Керри с сомнением отнеслись к нашей "трансатлантической" затее с "Бренданом". "Навались!" - скомандовал я, и "Брендан" направился к выходу из Брандон-Крика.

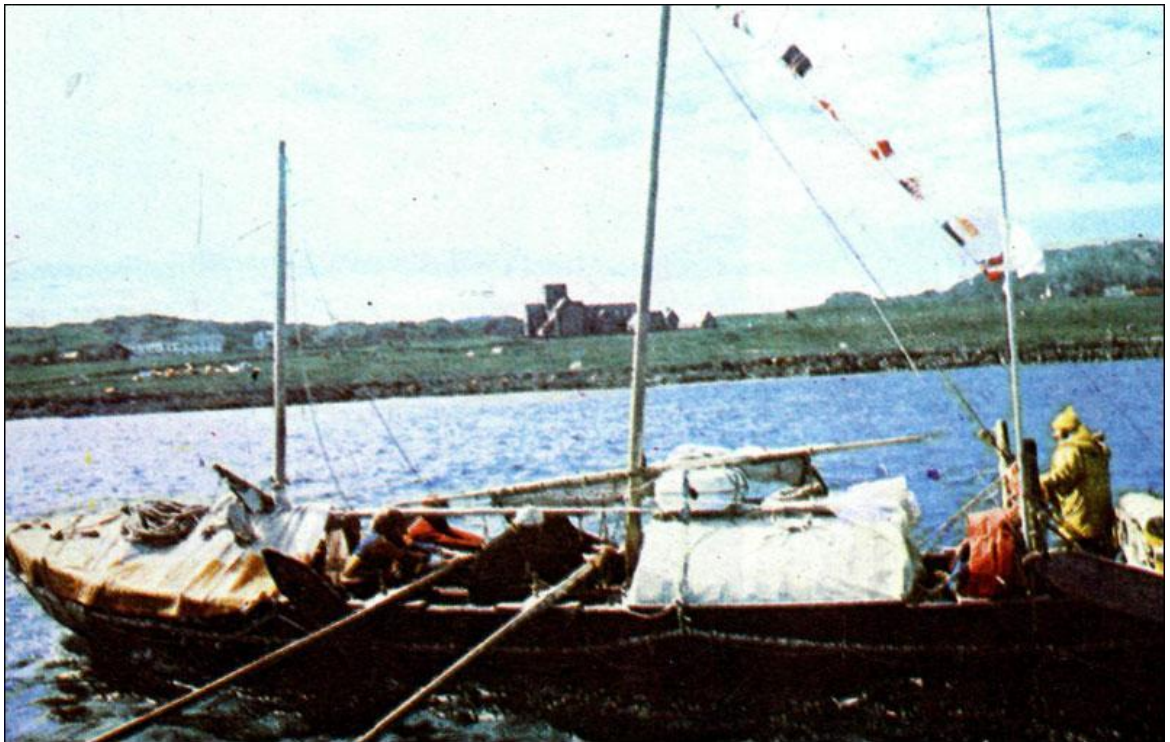
12 - "Брендан" легко переваливает через волну.

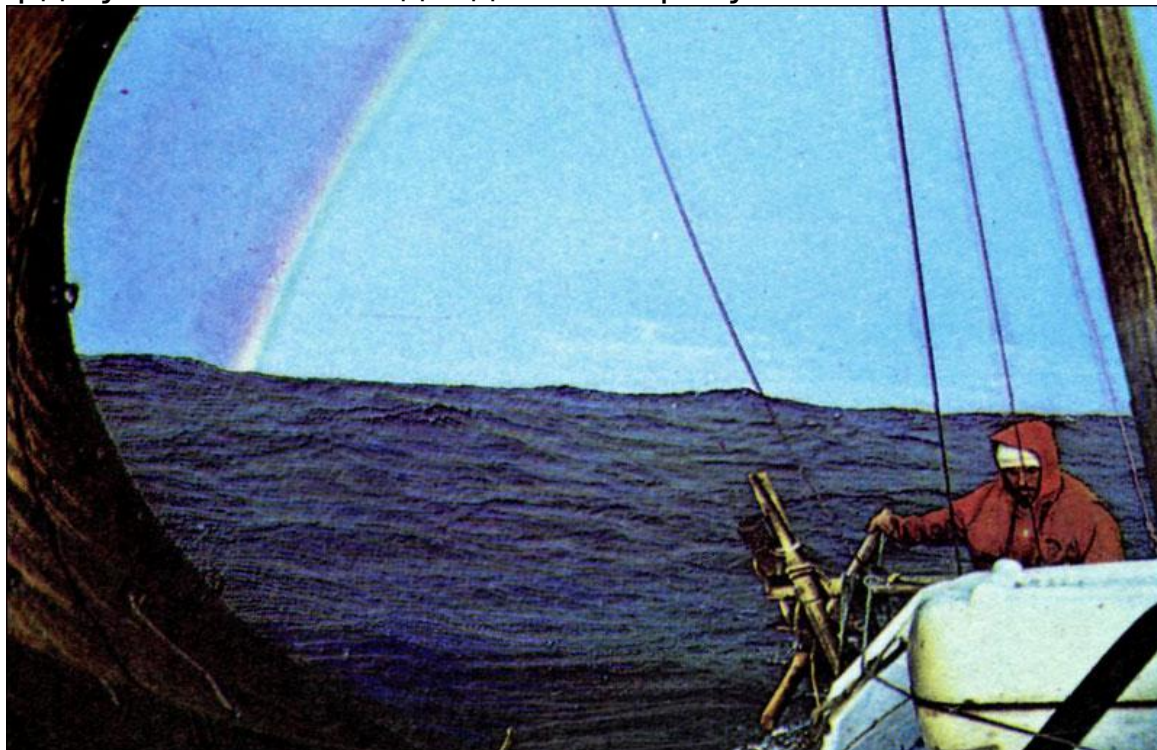
13 - "Брендан" в начале своей 4500-мильной одиссеи в Новый Свет.

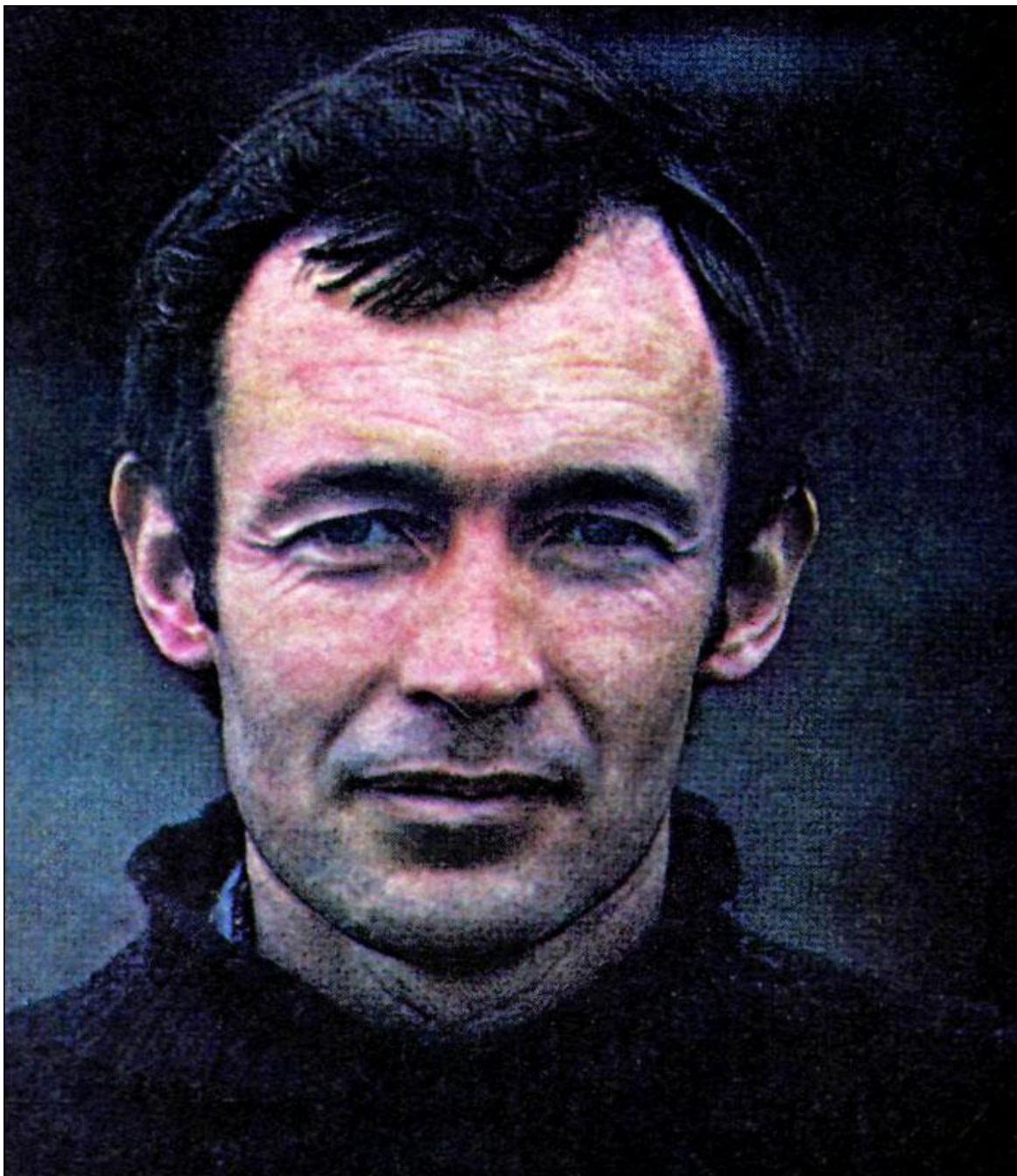
14

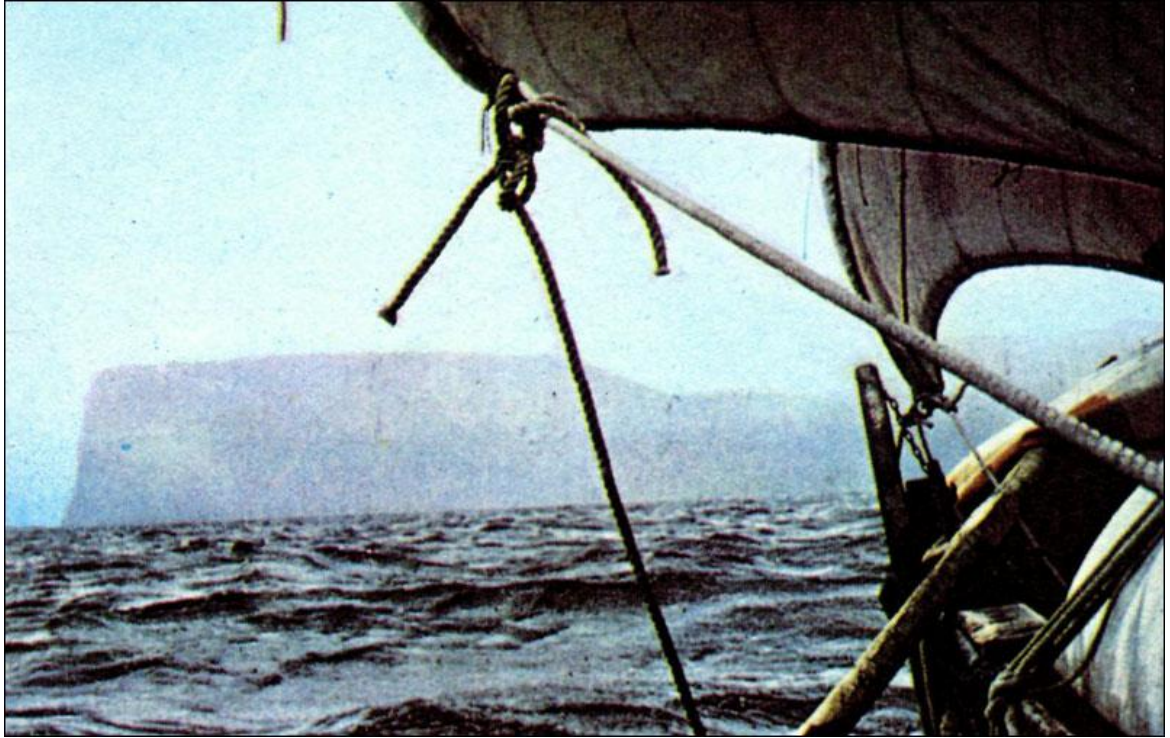
14-15 - Первая встреча с сильным волнением досталась Джорджу. На вёслах подходим к острову Айона.

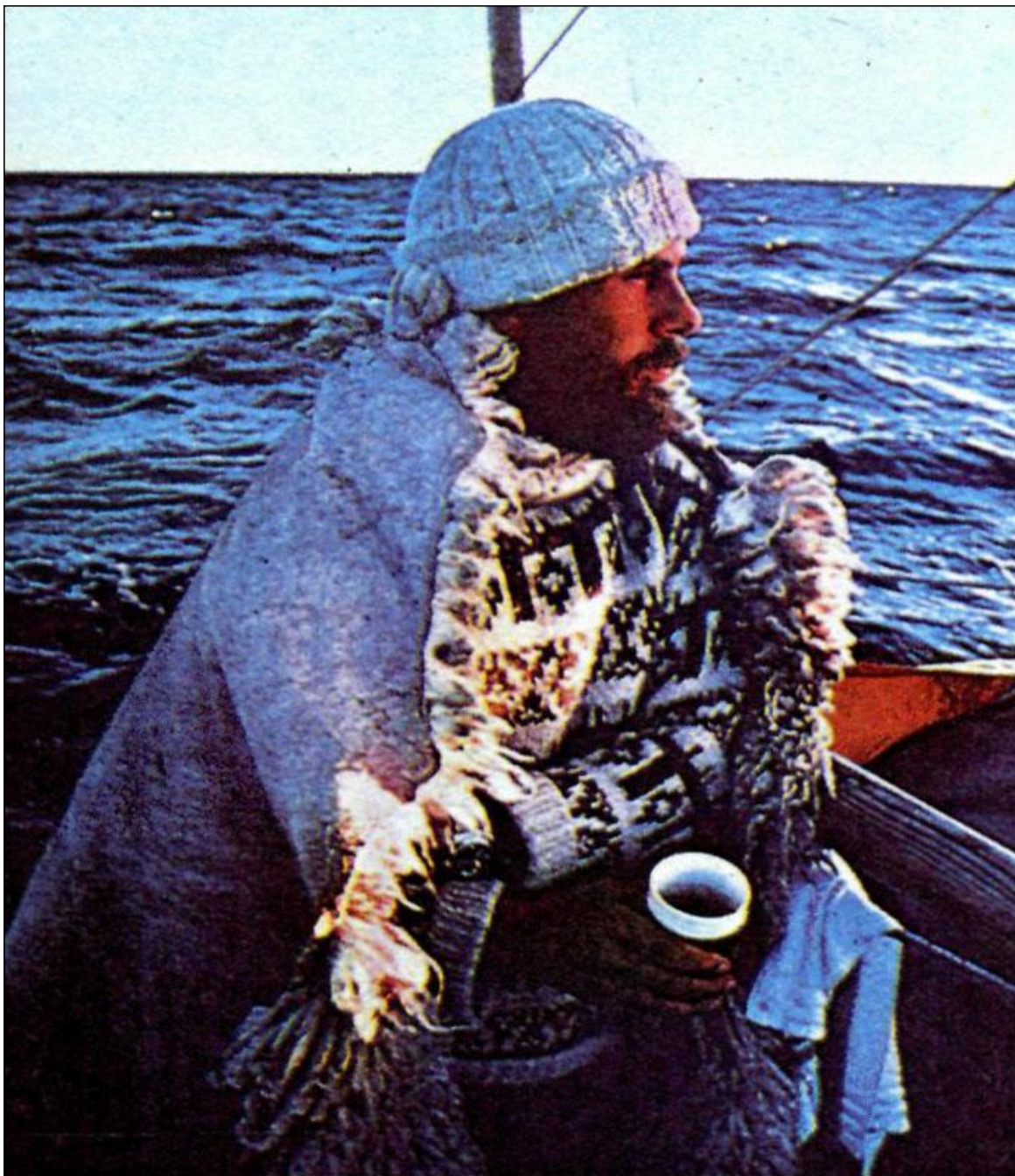
16

16-17 - На пути к Фарерам после жестокого шквала мы увидели радугу. Тим Северин, шкипер.

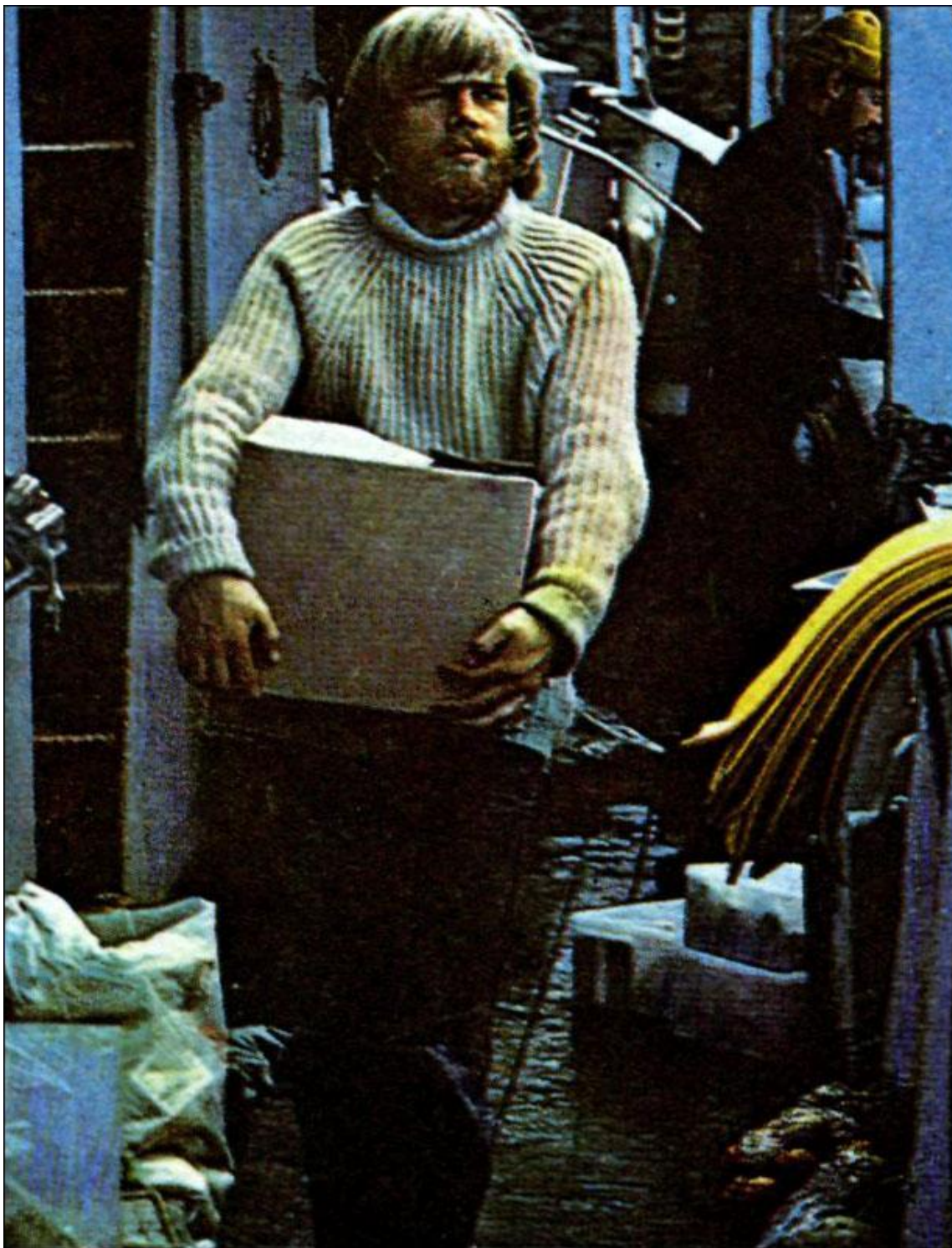
18

18-19 - Из-за низких туч с трудом различили Фарерские скалы. Джордж Молони, один из лучших мастеров парусного спорта.

20

20-21 - "Брендан" укрылся от приливного суоя в заливе Тьёрнувик. Артур Мейгэн, фотограф.

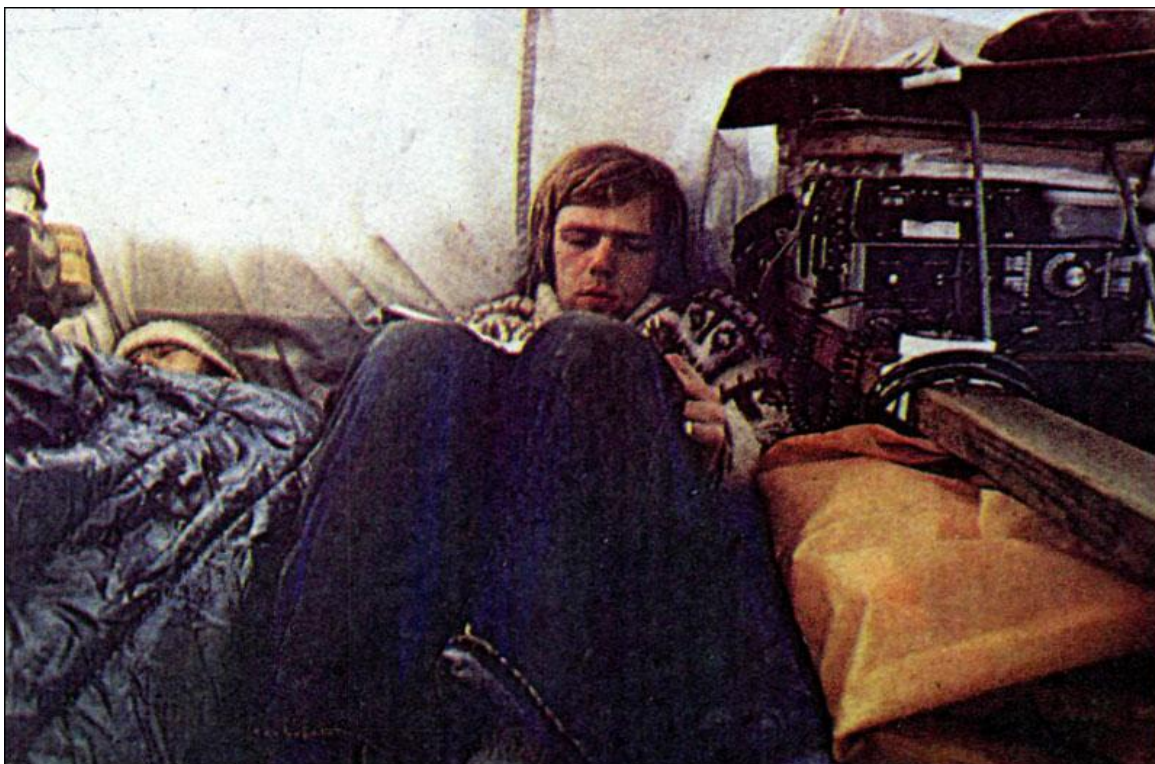
22

22-23 - Судно ошвартовалось возле дома Трондура.
Трондур Патурссон, художник.

24

24-25 - Как всегда неунывающий и босой, Идэн с увлечением занимается рисованием. Минимум комфорта в

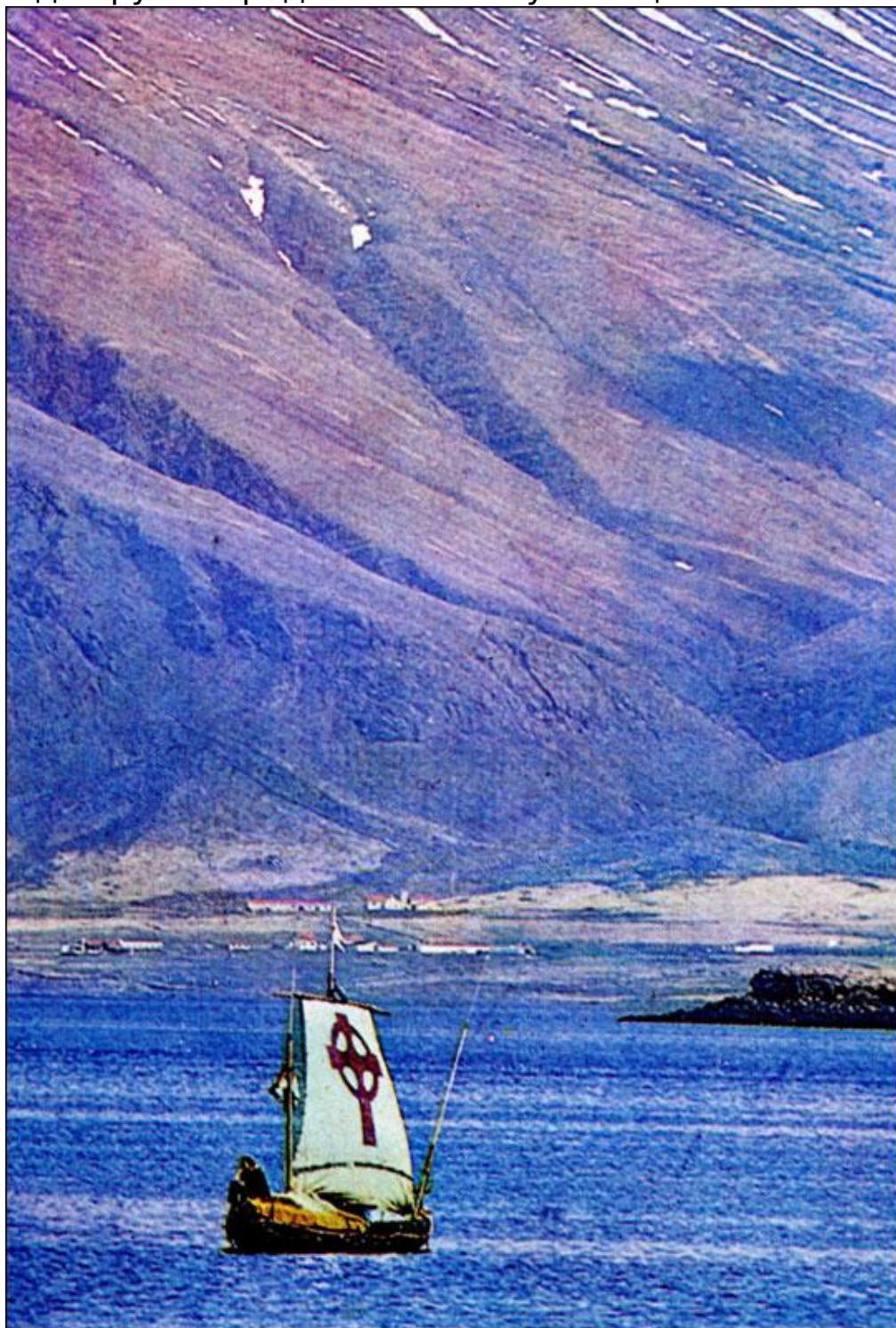
крошечной кабине "Брендана".

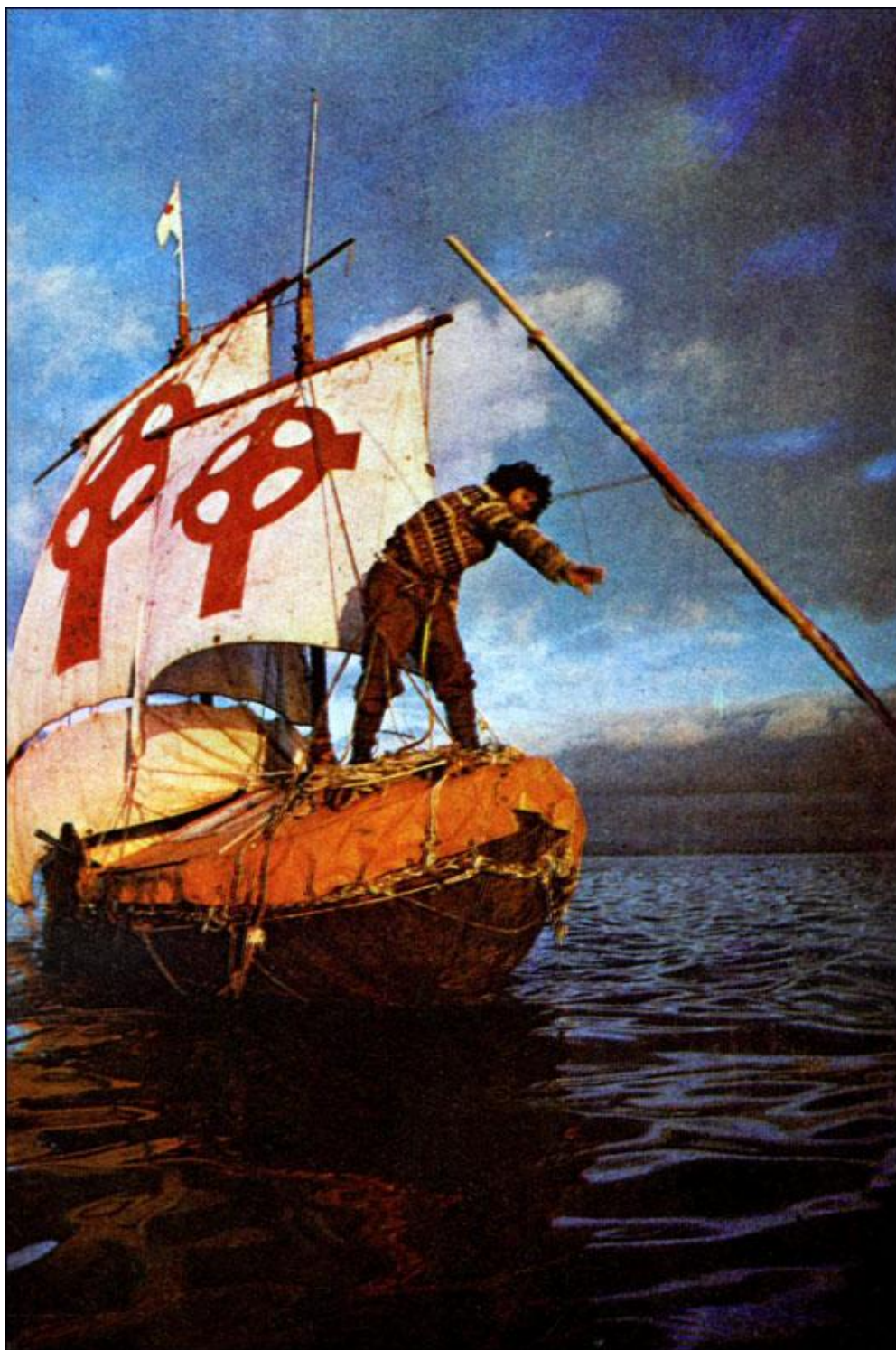
26

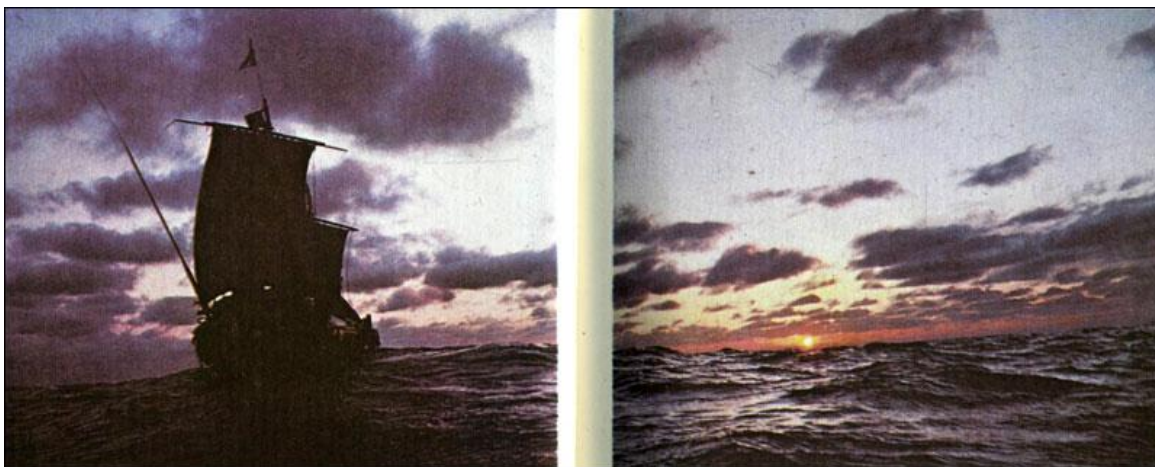
26-27 - Трондур ловит треску на 100-метровой глубине.
Из-под паруса определяем высоту солнца.

28 - "Брендан" прощается с заснеженными горами
Исландии.

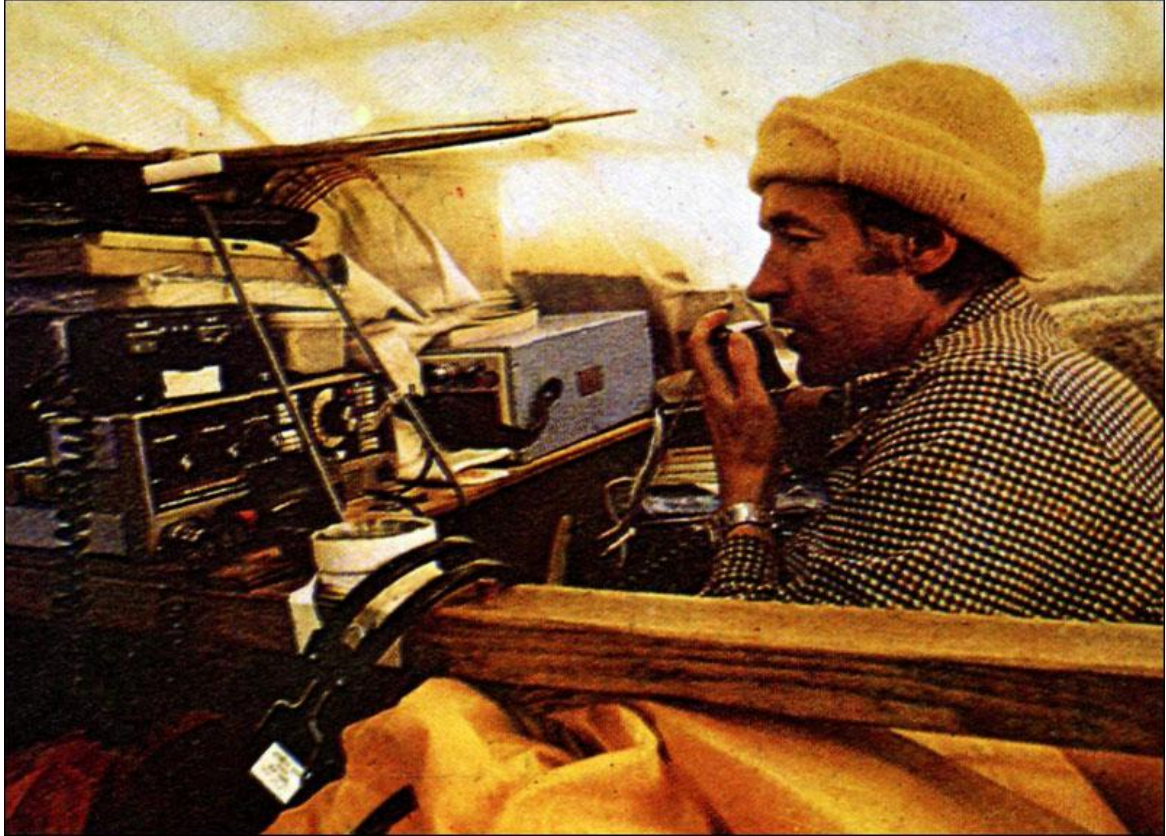
29 - Трондур упражняется в метании гарпуна.

30 - После выхода из Исландии нас долго баловала погода.

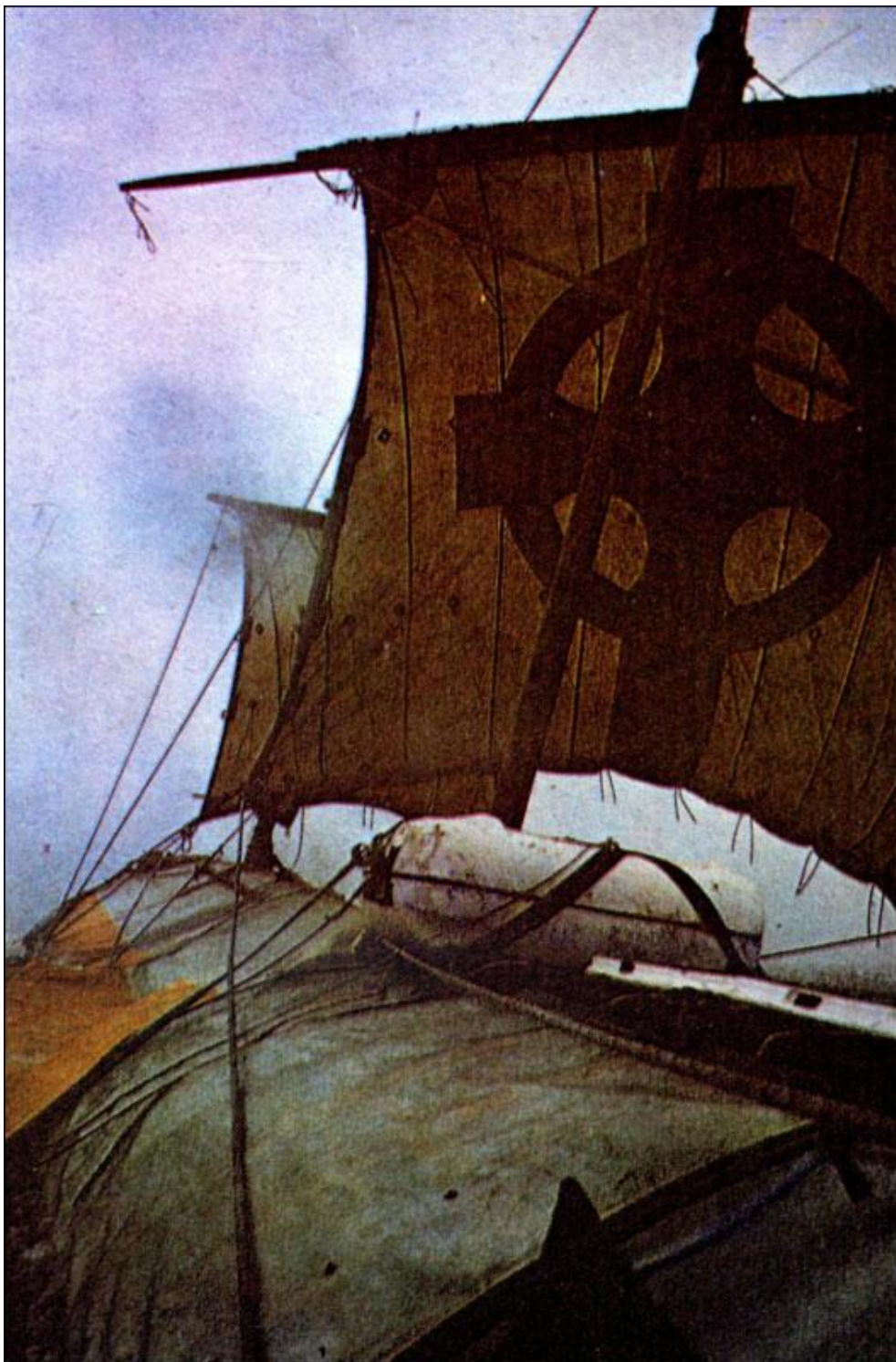
31

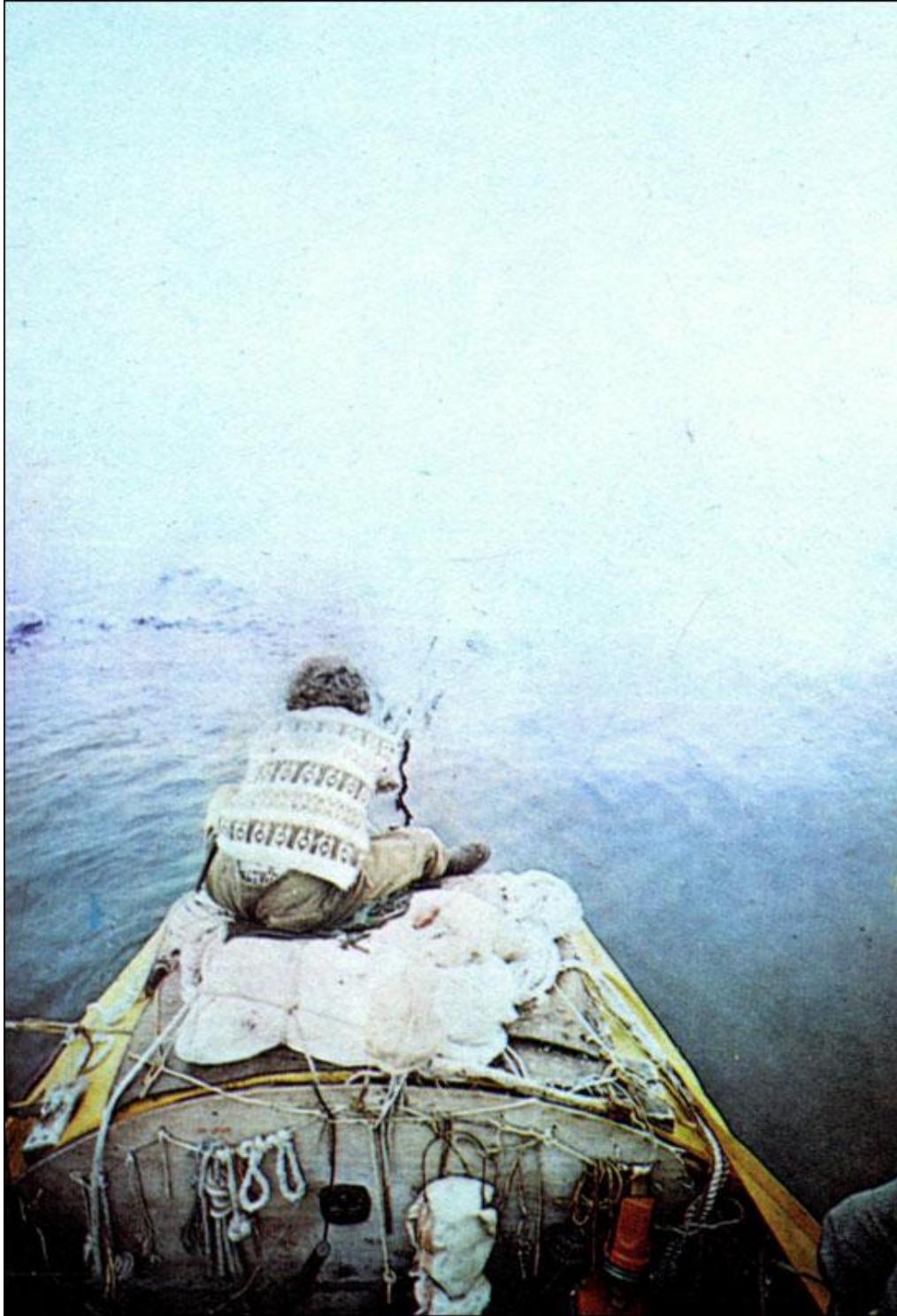
31-32 - В хорошую погоду ночью один из вахтенных мог себе даже позволить чтение при свете фонаря. Очередная сводка о нашем плавании.

33 - Встреча с береговым коньком, совершавшим перелёт из Америки в Гренландию.

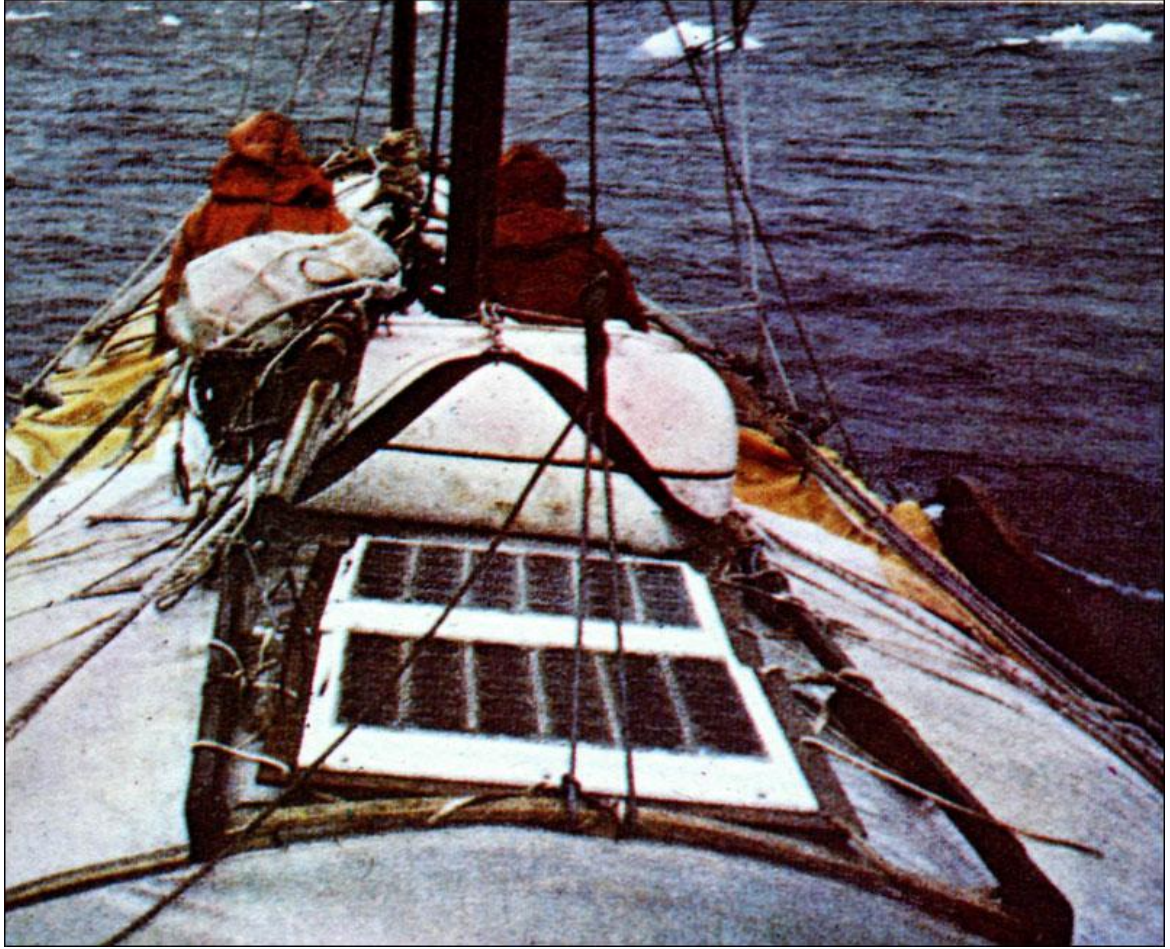
34 - Уходим от юго-западного штормового ветра.

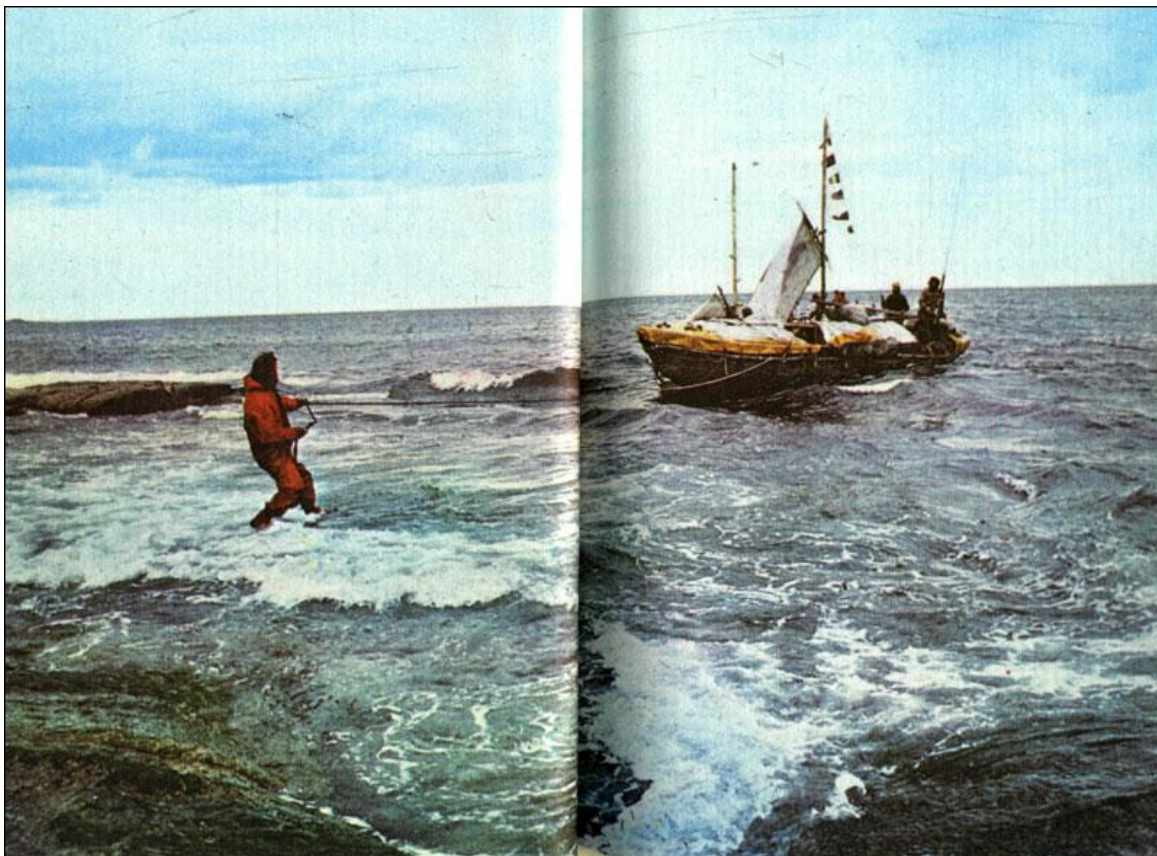
35 - Трондур поймал на обед ещё одного глупыша.

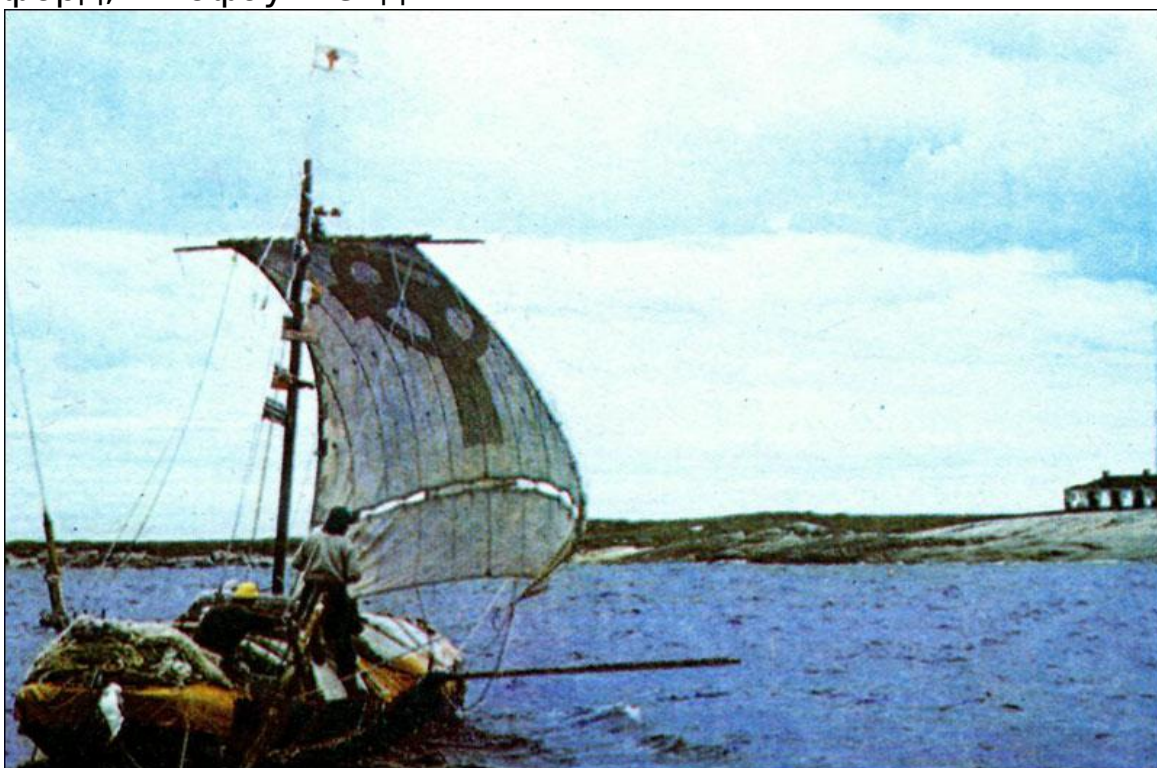
36 - Слева по борту опасный паковый лёд.

37

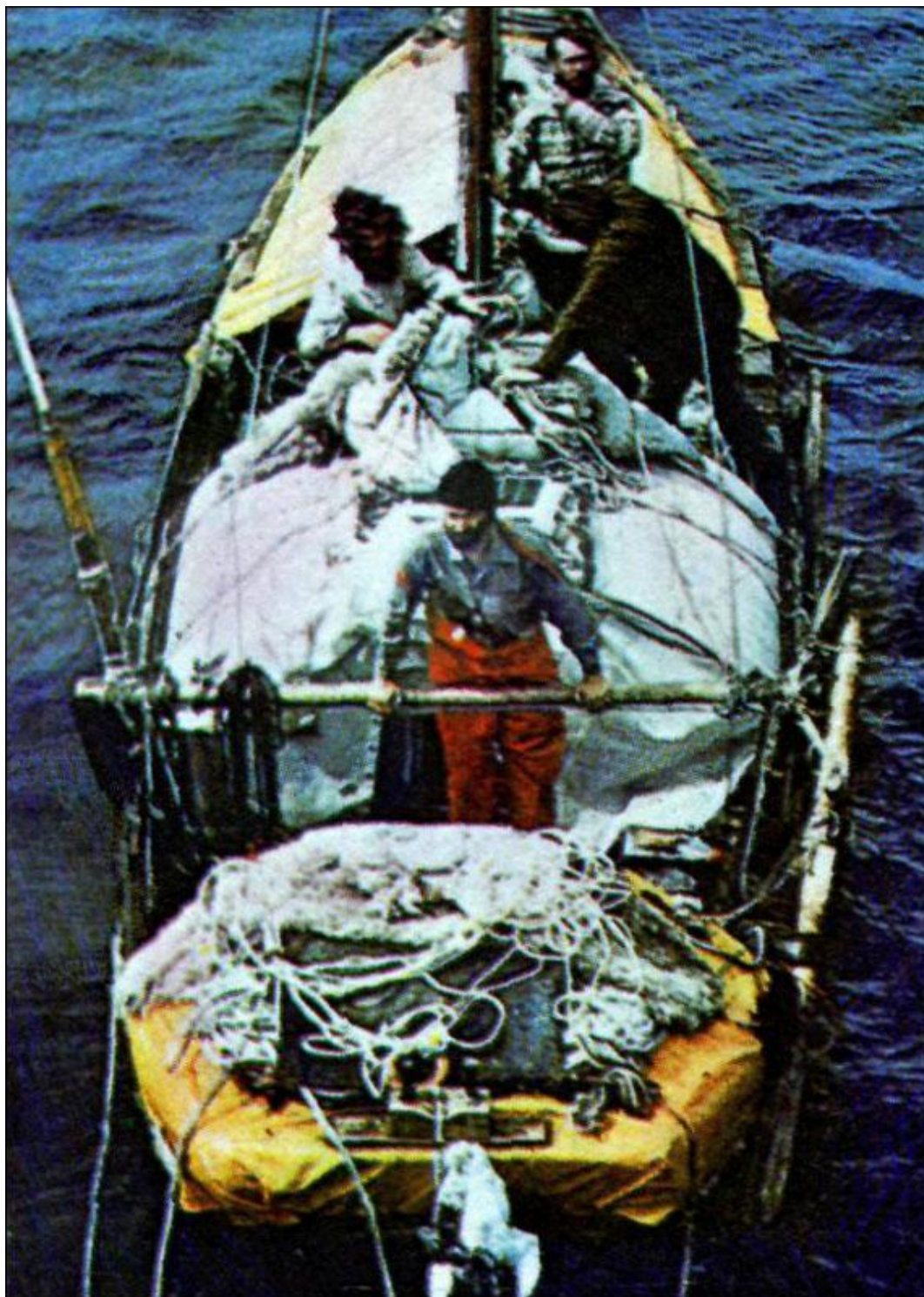
38 - "Брендан" финиширует в Новом Свете, остров Бекфорд, Ньюфаунленд.

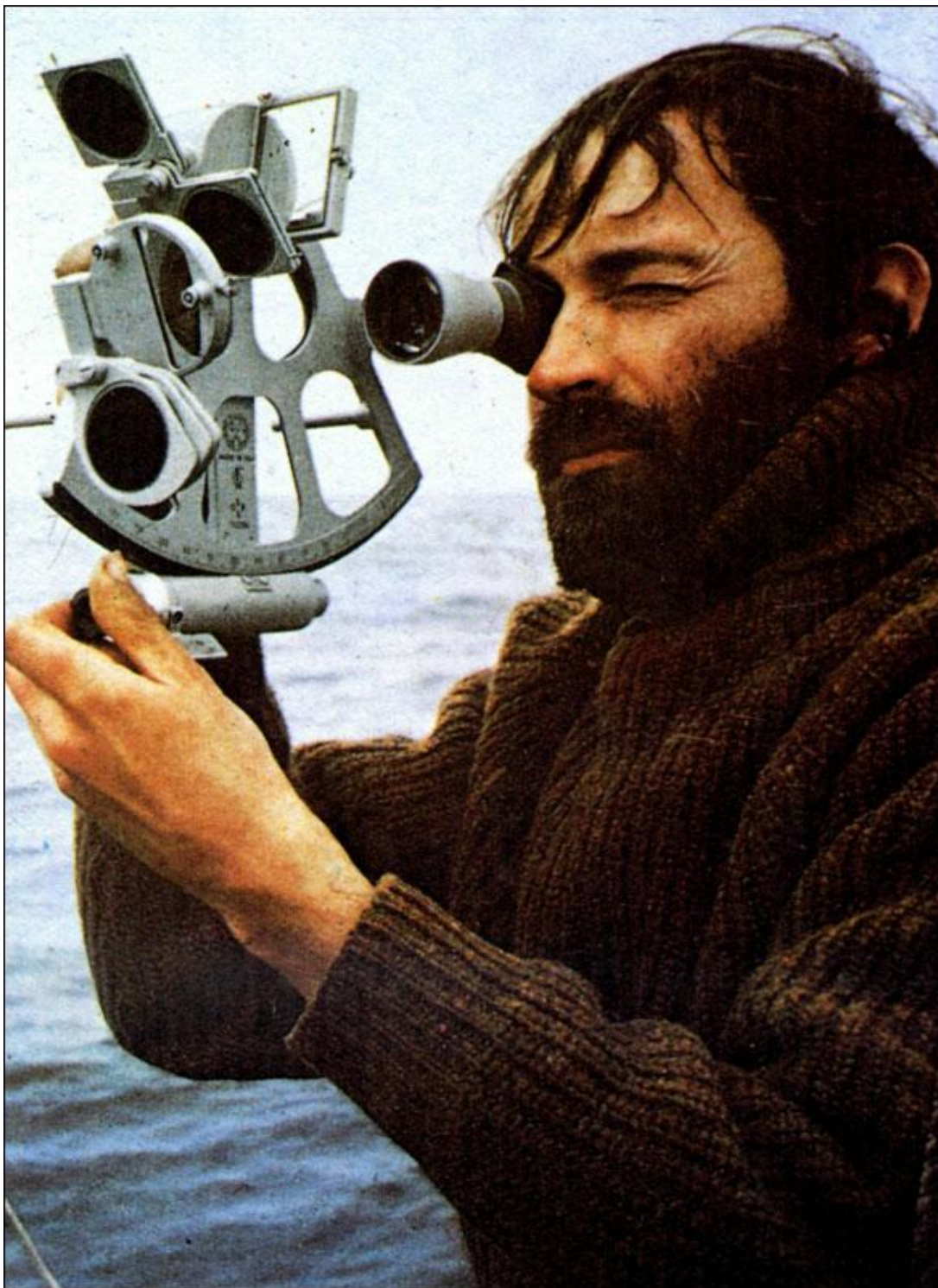

39-40 - Маяк на острове Бекфорд. "Дошли!" Кожаная лодка благополучно пересекла Атлантику".

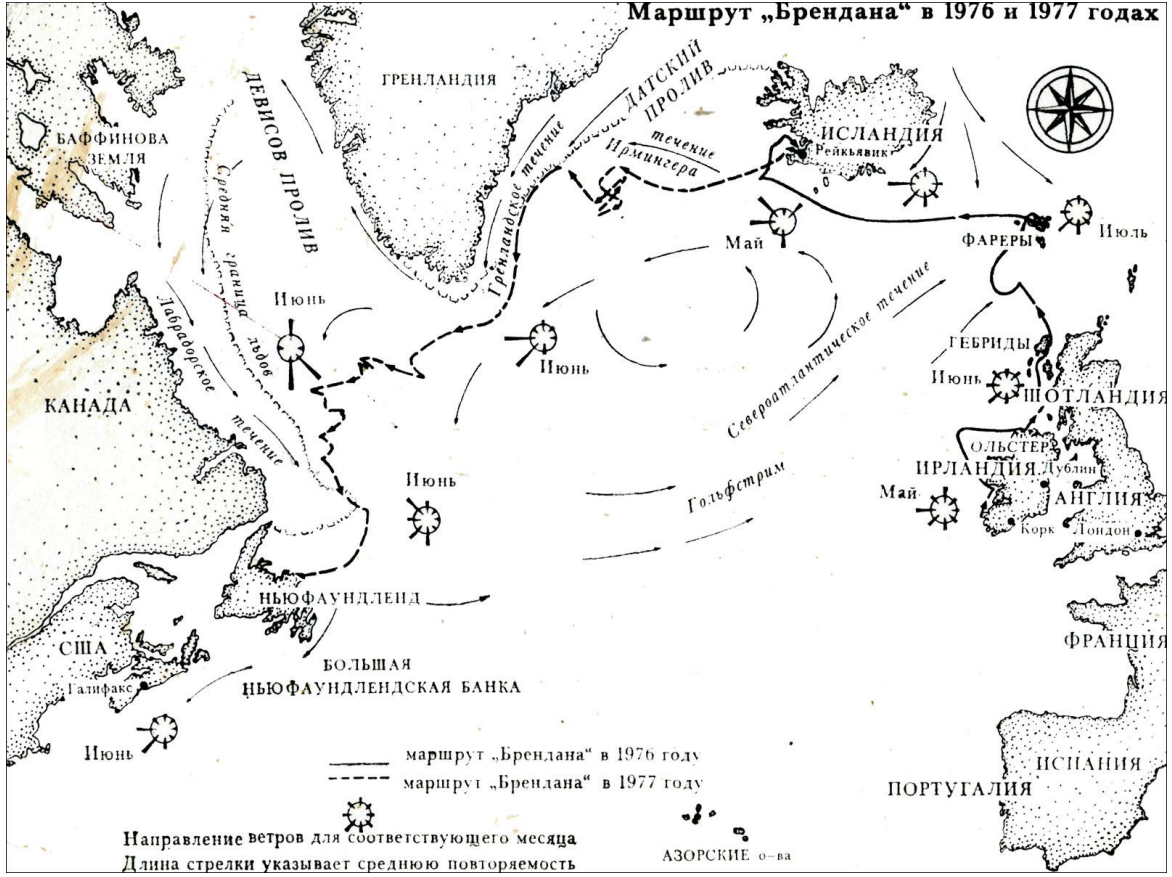

41-42 - Рыбаки Масгрейва приветствуют команду "Брендана". Так выглядел "Брендан" в конце плавания.

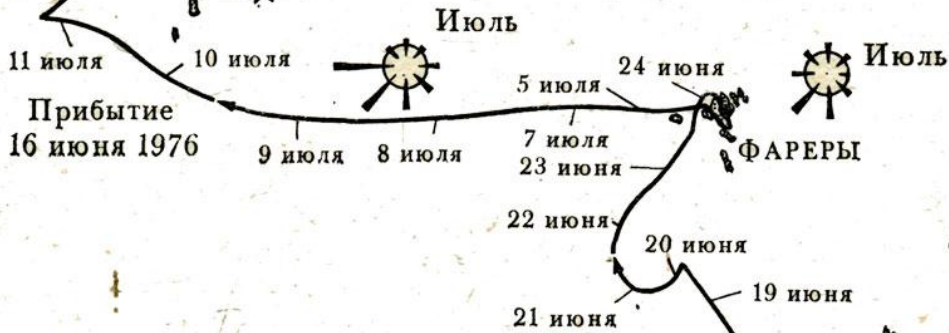

43 - Тим Северин: впереди новые дали.

Маршрут „Брендана“ в 1976 и 1977 годах

Маршрут „Брендана“ в 1976 году

Старт: Брандон-Крик
1976

